2025
Том 16. № 4
2025. Vol. 16. No. 4
DOI: 10.19181/vis.2025.16.4

ISSN 2221-1616 (online)

ВЕСТНИК Института Социологии

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

www.vestnik-isras.ru

Тема номера: **Город в фокусе внимания социологов**

Вестник Института социологии
Vestnik instituta sotziologii
4’2025

Рецензируемый сетевой научный журнал
Издается с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

2025. Том 16. № 4
DOI: 10.19181/vis.2025.16.4

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
Издатель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук

Главный редактор: М. К. Горшков
Заместители главного редактора: П. М. Козырева, О. В. Аксенова
Ответственный секретарь: К. В. Подъячев

Журнал включен в Russian Science Citation Index (RSCI).
Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа.
Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации: https://www.vestnik-isras.ru

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 73108:
Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Год регистрации: 2018 г.

© Вестник Института социологии, 2025
© Vestnik instituta sotziologii, 2025

Состав Редколлегии

Главный редактор

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН,
Директор Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)
E-mail: director@isras.ru

Заместители главного редактора

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, заместитель директора по научной работе Института социологии ФНИСЦ РАН, начальник Управления координации Программы развития ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)
E-mail: pkozyreva@isras.ru

АКСЕНОВА Ольга Владимировна – доктор социологических наук, заместитель директора по научной работе ФНИСЦ РАН, руководитель Центра изучения регионов России Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)
E-mail: illaio@yandex.ru

Ответственный секретарь

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; доцент социологического факультета ГАУГН (Москва, Россия)
E-mail: vestnik@isras.ru

Члены редколлегии

БАДАРАЕВ Дамдин Доржиевич – доктор социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)
E-mail: damdin80@mail.ru

БАТАНИНА Ирина Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета (Тула, Россия)
E-mail: batanina@mail.ru

ДУКА Александр Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором Социологического института – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: a_duka@mail.ru

ЗАБОРОВА Елена Николаевна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия)
E-mail: ezaborova@yandex.ru

КИВИНЕН Маркку – профессор, директор по исследованиям Александри института Университета Хельсинки (Хельсинки, Финляндия)
E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

КУЧЕНКОВА Анна Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра методологии социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)
E-mail: a.v.kuchenkova@gmail.com

МИХАЙЛЕНОК Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)
E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

ПАТЕЛЬ Сажата – профессор социологии, научный сотрудник Индийского института перспективных исследований (Шимла, Индия)
E-mail: patel.sujata09@gmail.com

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель Отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)
E-mail: servpatrushev@gmail.com

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)
E-mail: nikita1951@yahoo.com

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальных технологий Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС (Орел, Россия)
E-mail: nvprokazina@mail.ru

ЦЭЦЭНБИЛЭГ Цэвээний – Ph.D., ассоциативный профессор, главный научный сотрудник Отдела социологии Института философии АН Монголии (Улан-Батор, Монголия)
E-mail: tsetsenbilegts@gmail.com

ЧОЙ Ву Ик – профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Ханкук (Сеул, Республика Корея)
E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Editorial Board

Editor in Chief

Mikhail K. GORSHKOV, Academician, Director of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)
E-mail: director@isras.ru

Deputy Chief Editors

Polina M. KOZYREVA, Doctor of Sociological Sciences, Deputy Director for Research of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)
E-mail: pkozyreva@isras.ru

Olga V. AKSENOVA, Doctor of Sociological Sciences, Deputy Director for Research of FCTAS RAS, Head of the Center for the Study of Russian Regions of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)
E-mail: illaio@yandex.ru

Executive secretary

Kirill V. PODYACHEV, Candidate of Political Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)
E-mail: vestnik@isras.ru

Members of the Editorial Board

Damdin D. BADARAEV, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Senior researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS (Ulan-Ude, Russia)
E-mail: damdin80@mail.ru

Irina A. BATANINA, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanitarian and Social Sciences, Tula State University (Tula, Russia)
E-mail: batanina@mail.ru

Wooik CHOI, Professor, The Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies (Seoul, Republic of Korea)
E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Aleksander V. DUKA, Candidate of Political Sciences, Head of the Department of the Sociological Institute – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)
E-mail: a_duka@mail.ru

Markku KIVINEN, Professor of Sociology, Research Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)
E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

Anna V. KUCHENKOVA, Candidate of Sociological Science, Senior Researcher, Center for Sociological Research Methodology, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)
E-mail: a.v.kuchenkova@gmail.com

Oleg M. MIKHAILENOK, Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy Director for Research of the Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS (Moscow, Russia)
E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Sergei V. PATRUSHEV, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)
E-mail: servpatrushev@gmail.com

Nikita E. POKROVSKY, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Social Sciences, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
E-mail: nikita1951@yahoo.com

Natalya V. PROKAZINA, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration Under the President of the Russian Federation, Altai Branch, Central Russian Institute of Management (Barnaul, Russia)
E-mail: nvprokazina@mail.ru

Sujata PATEL, Professor of Sociology, National Fellow at the Indian Institute of Advanced Studies (Shimla, India)
E-mail: patel.sujata09@gmail.com

Tseveen TSETSENBILEG, Ph.D., Associate Professor, Principal Researcher of the Department of Sociology of the Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)
E-mail: tsetsenbilegts@gmail.com

Elena N. ZABOROVA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)
E-mail: ezaborova@yandex.ru

Содержание

EDN: LGBEBZ

Светлой памяти академика Михаила Константиновича Горшкова (29.12.1950 – 24.11.2025), основателя и главного редактора журнала 10

Тема номера: Город в фокусе внимания социологов 13

Белецкая Т. В., Шевченко И. О. Образ Калининграда в социальных представлениях жителей других регионов России 13

Макарова Г. И. Промышленные города Татарстана, их акторы и перспективы развития в представлениях населения 38

Подойницына И. И., Михайлова А. В. Социально-экономические факторы и общественное восприятие развития опорных населенных пунктов: опыт Республики Саха (Якутия)..... 61

Социальная стратификация и социальная адаптация 86

Козырева П. М., Смирнов А. И. Особенности профилактического поведения занятого населения 86

Слободенюк Е. Д., Белопашенцева П. В. Ближайшая периферия бедности: особенности и динамика..... 105

Количественные показатели социальной ситуации 131

Бутуева З. А., Савельев И. К., Васильева И. Д. Оценка населением качества государственных социальных услуг в Республике Бурятия (на материале полевого исследования)..... 131

Карпова С. В., Мальцев Г. А. Показатели влияния контента социальных сетей на духовно-нравственное и патриотическое воспитание молодежи 150

Региональные исследования 164

Аксенова О. В., Бочарникова А. В. Традиционное природопользование в истории и в современной реконструкции (на примере природопользования саамов Мурманской области) 164

Вопросы методологии 184

Кученкова А. В. Типология ***vs*** классификация: основания для различения в методологии эмпирических социологических исследований 184

Подъячев К. В. О применении визуально-интуитивного метода в социологическом исследовании российских локальных сообществ .. 201

Алабин А. Ю. Материалистический дискурс-анализ как метод исследования политической коммуникации 229

Социология Великой Отечественной войны 254

Бийжанова Э. К. Роль погранвойск СССР в Великой Отечественной войне (акторско-управленческий подход)..... 254

Трибуна молодого ученого 269

Швецова Е. А. Российские миллиардеры в условиях санкционного кризиса: пути адаптации и стратегии поведения 269

Феоктистова О. А. Об изменениях профессиональных практик сотрудников региональных музеев в условиях унифицирующей культурной политики..... 295

Contents

Obituary **10**

Theme of Issue:
The City in the Focus of Sociological Attention **13**

Beletskaya T. V., Shevchenko I. O. The Image of Kaliningrad in the Social Perceptions of Residents of Other Regions of Russia 13
Makarova G. I. Industrial Cities of Tatarstan, Their Actors, and Development Prospects as Perceived by the Population 38
Podoinitsyna I. I., Mikhaylova A. V. Socioeconomic Factors and Public Perceptions of the Development of Key Settlements: The Experience of the Republic of Sakha (Yakutia) 61

Social Stratification and Social Adaptation **86**

Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Preventive Behaviour of the Employed Population 86
Slobodenyuk E. D., Belopashentseva P. V. The Near Periphery of Poverty: Characteristics and Dynamics 105

Quantitative Indicators of the Social Situation **131**

Butueva Z. A., Savelyev I. K., Vasilyeva I. D. Population Assessment of the Quality of State Social Services in the Republic of Buryatia (Based on Field Research) 131
Karpova S. V., Maltsev G. A. Indicators of the Impact of Social Media Content on the Spiritual, Moral, and Patriotic Education of Young People 150

Regional Studies **164**

Aksenova O. V., Bocharnikova A. V. Traditional Natural Resource Use in History and Modern Reconstruction (Based on the Example of Natural Resource Use by the Sami People of the Murmansk Region) 164

Methodological Issues 184

Kuchenkova A. V. Typology vs. Classification: Grounds for Distinction in the Methodology of Empirical Sociological Research..... 184

Podyachev K. V. On the Application of the Visual-Intuitive Method in Sociological Research of Russian Local Communities..... 201

Alabin A. Yu. Materialistic Discourse Analysis as a Method for Studying Political Communication 229

Sociology of the Great Patriotic War 254

Biyzhanova E. K. The Role and Participation of the USSR Border Troops During the Great Patriotic War (Actor-Management Approach) 254

Young Scientist's Tribune 269

Shvetsova E. A. Russian Billionaires in the Context of the Sanctions Crisis: Adaptation Paths and Behavioural Strategies ... 269

Feoktistova O. A. On Changes in the Professional Practices of Regional Museum Staff in the Context of a Unifying Cultural Policy ... 295

EDN: STMUPK

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ АКАДЕМИКА МИХАИЛА КОНСТАНТИНОВИЧА ГОРШКОВА (29.12.1950 – 24.11.2025), основателя и главного редактора журнала

Ушел из жизни основатель и главный редактор нашего журнала, крупнейший отечественный социолог и выдающийся организатор науки академик Михаил Константинович Горшков.

И в России, и по всему миру социально-гуманитарное научно-экспертное сообщество знает его как яркого представителя российской социологии, выдающегося организатора науки, автора ряда фундаментальных исследований, ставших эталоном научного качества, глубины погружения в проблематику, методологической строгости для поколений социологов. Осуществленные им и молодыми коллегами под его руководством работы много дали для развития современных социальных наук, способствовали расширению горизонтов социально-гуманитарного знания и выявлению новых явлений и процессов, требующих глубокого изучения.

С середины 1980-х гг., в трудные времена для страны и особенно науки, Михаил Константинович проявил себя как организатор творческого взаимодействия больших исследовательских коллективов. С полным правом можно сказать, что в начальный период дестабилизации обществен-

ной жизни государства и после развала СССР именно он спас от распада большой коллектив обществоведов. Умело взаимодействуя с государственными институтами и должностными лицами, он сумел изыскать средства не только для поддержки отдельных ученых, но и для проведения социологических исследований.

На протяжении 20 лет Михаил Константинович Горшков возглавлял ведущее академическое учреждение страны в области социальных наук: основанный еще в 1968 г. Институт социологии РАН. Под его руководством было осуществлено крупнейшее научно-организационное мероприятие последних лет: объединение ряда академических учреждений в Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, являющийся сегодня единственным в стране центром фундаментальной социологической науки. В условиях тотальной коммерциализации, к сожалению, проникающей повсюду в современном мире, благодаря титаническим усилиям Михаила Константиновича, его твердой воле и принципиальности, удалось сохранить своего рода «академический ковчег», где все годы реформ сохранялась возможность для развития подлинной науки, не привязанной к сиюминутным экономическим и политическим сюжетам. Та интеллектуальная атмосфера, которую он сумел сформировать, давала возможности для эффективного идейного обмена, творческого развития; перед молодыми исследователями открывала большие перспективы профессионального роста.

Грандиозен объем того, что было сделано Михаилом Константиновичем: более трехсот научных и учебно-методических работ, среди которых десятки монографий и сборников, неоднократно переизданных учебников, множество статей по наиболее актуальным проблемам современности. В фундаментальных трудах «Российское общество как оно есть», «Российское общество и вызовы времени» были подведены итоги многолетних исследований, представлена широкая панорама и масштабных изменений, произошедших с нашей страной за 30 лет, и фундаментальных оснований нашего общества, веками остающихся незыблемой основой, константой бытия России как государства-цивилизации. Подготовленное М. К. Горшковым совместно с Ф. Э. Шереги учебное пособие «Прикладная социология: методология и методы» стало настольной книгой для студентов – как социологической специальности, так и изучающих социологию в качестве дополнительной дисциплины. Те, кто первыми взял его в руки, уже почти 10 лет работают, реализуя на практике приобретенные знания, новые поколения студентов продолжают учиться по нему.

С именем академика Горшкова неразрывно связано и формирование авторитетной научной школы, воспитавшей целую плеяду социологов – и теоретиков, и практиков.

Но Михаил Константинович был не только исследователем и организатором. Он был и одним из значимых в современной России просветителей и общественных деятелей. Академик Горшков всегда твердо держался понимания социологии не как «знания ради знания», но инструмента саморефлексии общества. Он всегда стремился к тому, чтобы социология «воз-

вращала» народу обретенное знание и тем помогала ему познавать самого себя. Чтобы эта «публичная функция социологии» раскрывалась как можно более полно, он прилагал немалые усилия и требовал того же от коллег.

Много лет он сотрудничал с ТАСС, «Российской газетой» и другими авторитетными СМИ. В последние годы результаты наиболее значимых, масштабных исследований, проводившихся под его руководством, Михаил Константинович лично представлял на площадке ТАСС в легендарном здании у Никитских ворот.

Академик Горшков много сделал для того, чтобы российская социология была целостным пространством знания, не дробилась бы на замкнутые школы. Чтобы социологи из регионов страны имели возможность выступать на академической площадке, доносить результаты своих изысканий до широкой научной общественности, он основал наш журнал – Вестник Института социологии, а также журнал «Социологическая наука и социальная практика». Будучи главным редактором, он всегда заботился о беспристрастности рецензирования и научной строгости публикуемых материалов и при этом с большим уважением относился к мнениям работников редакций, всегда внимательно выслушивал разные точки зрения и соглашался с наиболее аргументированной.

Этот, уходящий, год – юбилейный и для академика Горшкова, и для нашего журнала: 29 декабря Михаилу Константиновичу должно было исполниться 75, и в декабре же – 15 лет выходу первого номера «Вестника». Этот выпуск должен был стать юбилейным, а стал мемориальным.

Какой будет российская социология без Михаила Константиновича? Справится ли она с вызовами, которые ставит перед ней наша бурная эпоха? Сможет ли в ситуации глобальных потрясений быть действительно эффективным инструментом общественной саморефлексии, к чему призывал академик Горшков? Эти вопросы не дают оснований для самоуспокоенности. Но мы верим, что коллектив ФНИСЦ РАН и все российское социологическое сообщество смогут сохранить и приумножить наследие, которое оставил Михаил Константинович.

Высококлассные специалисты, подготовленные под его руководством, продолжают работать во многих отраслях народного хозяйства во всех регионах России, а также странах ближнего и дальнего зарубежья. Подготовленные им и коллегами под его руководством научные труды останутся актуальными еще долгие годы и будут задавать планку научного качества для будущих исследователей.

Вечная память!

Коллектив редакции

ТЕМА НОМЕРА

ГОРОД В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ СОЦИОЛОГОВ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.1
EDN: LLSAVL

Образ Калининграда в социальных представлениях жителей других регионов России

Ссылка для цитирования: *Белецкая Т. В., Шевченко И. О.* Образ Калининграда в социальных представлениях жителей других регионов России // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 4. С. 13–37. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.1; EDN: LLSAVL.
For citation: Beletskaya *T. V.*, Shevchenko I. O. The Image of Kaliningrad in the Social Perceptions of Residents of Other Regions of Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 4. P. 13–37. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.1; EDN: LLSAVL.

SPIN-код: 3608-5996

Белецкая Татьяна Витальевна[1]

[1]Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

beletskaya.t@gmail.com

SPIN-код: 7292-0530

Шевченко Ирина Олеговна[1]

[1]Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

sheviren@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется образ Калининграда в представлениях посещавших его жителей других регионов России. Аргументируется, что именно впечатления, оценки и мнения о городе репрезентируют его символический капитал. На основе применения метода интервью в совокупности с методом ментального картирования выявляются особенности социальных представлений о Калининграде, главные символические объекты его исторического и культурного ландшафта и отношение к ним. Специфика Калининграда также определяется через представления респондентов о его сходстве и различиях с другими городами. Установлено, что во внешних оценках наблюдается дисбаланс в восприятии архитектурных и культурных объектов различных эпох: немецкого, советского и современного периода истории города. Более всего он выражается в положительном отношении к объектам немецкого прошлого и негативном – к объектам советского наследия. Обосновывается, что подобный контраст оценок связан с тем, что сама прагматика путешествия актуализирует запрос на

уникальность, которая в случае Калининграда ярче всего выражена в наличии в его символическом пространстве следов немецкого прошлого. Помимо этого, в том числе под влиянием транслируемого в медиа образа Калининграда, от него ожидают подтверждения статуса «европейского» города с соответствующими стандартами жизни и отдыха. Тем не менее, при непосредственном посещении раскрывается его российская реальность с присущими ей достоинствами и недостатками. Ввиду этого одной из главных проблем символизации в случае Калининграда является обретение баланса между запросом на инаковость, соответствующую статусу туристической дестинации, и тождественностью российской культуре. Во внешнем образе нашли явное выражение туристические, природные, рекреационные атрибуты калининградского символического пространства, но практически не были отражены такие смыслы как его военное, индустриальное, социальное значение. Их продвижение может стать противовесом коммерческому вектору символизации и будет способствовать более глубокому пониманию исторической и социально-культурной специфики Калининградской области и ее населения.

Ключевые слова: образ места, город, социальные представления, символический капитал, городское пространство, ментальные карты, Калининград

Введение

Управление современным городом сложно себе представить без того, что принято называть формированием имиджа и разработкой бренда. Поскольку восприятие городов различными социальными акторами оказывает влияние на значимые социальные процессы, городские власти и сообщества заинтересованы в конструировании положительного образа места, который будет способствовать привлечению туристов и инвестиций. Полезную информацию как для решения внутренних социальных проблем, так и для выработки программ городского развития дают представления местных жителей о своем городе. Но не менее важным является и изучение внешнего восприятия города. Во взгляде со стороны могут раскрываться неочевидные особенности городской среды и их оценки, а также более развернутые сравнения с другими городами.

Ввиду этого, цель данной статьи заключается в том, чтобы выявить основные характерные черты внешнего образа Калининграда, а также особенности символического восприятия его историко-культурного ландшафта со стороны жителей других российских регионов.

Для Калининграда исследование его внешнего символического восприятия представляется значимым ввиду особенного эксклавного географического положения Калининградской области, беспрецедентного в сравнении с другими российскими регионами исторического бэкграунда («трофейная» территория – часть немецкой провинции Восточная Пруссия, вошедшая в состав СССР после Великой Отечественной войны), а также обусловленного этими факторами переплетения различных культурных слоев в его городском ландшафте. Кроме того, в последние годы Калининградская область уверено и активно развивается как туристическая дестинация: «Калининград из “форпоста” заметно эволюционирует и по линии развития

как привлекательного курорта, нового российского геобренда, который предстоит сформировать в ближайшие несколько лет» [1, с. 16]. Но тем не менее, туристический статус для него все еще является достаточно новым. В этом свете отслеживание динамики внешних представлений и оценок, соотнесение их с целями и ценностями местного сообщества будет способствовать выявлению противоречий, заполнению пустот в символическом восприятии города, обмену опытом между различными социальными общностями и налаживанию межгруппового диалога, а, соответственно, и более эффективной проработке имиджевых и брендинговых стратегий.

Образ города как экспликация символического капитала места

Понятие и изучение образа места сегодня набирает популярность в свете растущего междисциплинарного интереса к исследованию социального контекста в различных формах и практиках символизации пространства. В этой связи складывается несколько парадоксальная ситуация: хотя исследования города всегда занимали важное место в социологической науке, исследования представлений о городе ускользают из сферы внимания социологии в предметные области смежных дисциплин. Так, например, обсуждая назревший вопрос о «переформатировании» социологии города, Х. Беркинг и М. Лев замечают, что с необходимостью учета социальной рецепции уже столкнулись в весьма дистанцированных от социологии литературоведении и искусствоведении: «текст уже не представляется понятным без знания о различных практиках и эмоциях читателей, о приписываемых ими значениях и смыслах», а «сущность» произведения искусства выводится «в том числе и из его восприятия зрителем» [2, с. 12]. В настоящий момент внимание социальному восприятию места (в частности, города) уделяется в истории (коммеморативные практики, «места памяти»), культурологии, социолингвистике, социогеографии и т. д. Понятие образа составляет ядро маркетинговых коммуникаций, связей с общественностью, при этом значительный вес в них занимают исследования имиджа и бренда территорий.

Но именно социология, по нашему мнению, может и должна стать «точкой сборки» столь разноплановых исследований символизации мест и территорий. Проблема взаимоотношения и взаимосвязи социального и физического пространства в контексте социальных представлений не раз подвергалась глубокому осмыслению в социологических исследованиях и является смыслообразующей для фундаментальных социологических теорий. Одной из них является теория двойного структурирования социальной реальности П. Бурдье [14, с. 296] и связанная с ней концепция символического капитала, который является своеобразной надстройкой над экономическим, социальным и культурным, выражаясь в социальных представлениях о них, актуальных оценках и т. п. [3, с. 57]. Как отмечает А. Арруда: «Представления о городе являются социальными представлениями, поскольку они коллективно разделяются и на основе консенсуса отражают значимость, которую социальные, культурные и исторические характеристики города придают географическому пространству» [12, с. 135–136].

В этой перспективе выводы о символическом капитале, т. е. символическом значении тех или иных городов, безусловно, должны опираться на исследования их образа, т. е. восприятия людьми. При этом, как отмечает Н. Г. Федотова, структура самого символического капитала складывается из двух основных элементов: узнавание территории («идентификационный потенциал») и позитивная оценка территории («потенциал престижности и доверия») [8, с. 149]. Эмпирическое исследование этих элементов является сложной задачей из-за их субъективности, динамичности, расплывчивости, чувствительности к самому способу сбора данных. Ввиду этого для их выявления нами была выбрана качественная методика, в которой мы стремились максимально снизить влияние интервьюера на респондентов и создать условия для спонтанного и искреннего раскрытия мнений и оценки городской среды Калининграда.

Методология исследования

Для выявления образа Калининграда в представлениях жителей других городов России нами был выбран метод интервью с применением проективной методики – ментальной карты. В начале интервью респондентам предлагалось выполнить небольшое творческое задание: нарисовать город Калининград. На это отводилось 10 минут, после чего следовала опросная часть. Подробное описание опыта применения ментального картирования в городских исследованиях представлено в работе «Образ города» американского градостроителя К. Линча. В анализе образа города К. Линч выделял три основных компонента: опознаваемость объекта; его пространственную или формальную соотнесенность с наблюдателем и другими объектами; практическое или эмоциональное значение для наблюдателя [5, с. 20]. В такой форме ментальная карта (рисунок города, его основных достопримечательностей, объектов городской инфраструктуры, культурных памятников и т. д.) может рассматриваться как средство выражения социальных представлений о городе. Стоит заметить, что использование метода ментальных карт на практике требует наличия у респондентов, во-первых, навыков рисования, а, во-вторых, готовности их продемонстрировать. Чтобы снизить это ограничение перед интервью участником разъяснялось, что их художественные навыки не будут оцениваться, а также было разрешено изображать объекты схематично, подписывать и т. п.

Рисунок города в настоящем исследовании был призван выявить «опознаваемость» объектов городского ландшафта, т. е. раскрыть «идентификационный потенциал» Калининграда [8, с. 149], определить основные символы, с которыми он ассоциируется в первую очередь. Именно вокруг него выстраивалась и вся последующая фабула интервью.

Помимо этого, рисование города служило стимулом к воспоминаниям, т. е. частично заменяло функции вводных вопросов, помогало респондентам подготовиться к тематике интервью и впоследствии дать более развернутые ответы. Также формат рисования снижал влияние постановки вопросов и самого интервьюера на ответы респондентов, задавал условия для более

объективного раскрытия образа города. И, наконец, рисование в некоторых случаях снижало вербальную неловкость, связанную с трудностями в воспроизведении точных названий достопримечательностей и топонимов.

Основная часть интервью представляла собой структурированный опрос, включающий в себя следующие блоки: 1) описание выполненного рисунка; 2) распределение объектов городской среды в соответствии с представлениями респондентов о том, к каким историческим периодам они относятся; 3) впечатления и оценки городского пространства Калининграда, его сравнение с другими городами. Опросная часть была направлена на выявление «потенциала престижности и доверия» [8, с. 149], т. е. символического значения объектов городского ландшафта. Полученные ответы кодировались и анализировались в программе «ATLAS.ti».

Всего было проведено 25 интервью (ж=13; м=12; возраст: от 25 до 51 года) с жителями других городов России. Отбор респондентов производился через социальные сети с соблюдением следующих критериев:

1. Средний возраст (22–60 лет). Для придания данным гомогенности было решено исключить юношеский и старший возраст, поскольку соответствующие им практики путешествий и символического восприятия имеют свою специфику и требуют отдельного рассмотрения.

2. Посещение г. Калининграда в 2022–2024 гг., включающее в себя туристические цели. В итоговой выборке 12 человек посещали Калининград однократно, 13 человек – два и более раз. Продолжительность посещения составила от трех дней до нескольких месяцев, в среднем – около недели. Среди целей посещений помимо туристического интереса респонденты также отмечали рабочие командировки и встречи с друзьями и родственниками.

3. Место жительства. По месту жительства большую часть выборки составили респонденты из Москвы (14 человек), поскольку именно из столицы в Калининградскую область приезжает наибольшее число туристов[1]. Для сравнения символического восприятия Калининграда с различных географических позиций к участию в интервью также были привлечены жители Санкт-Петербурга, Пензы, Ростова-на-Дону, Сочи, Ярославля, Владивостока, Алтайского края.

4. Наличие технической возможности пройти интервью онлайн (в формате видеоконференции).

5. Готовность выполнить творческое задание (рисунок Калининграда).

Стоит отметить, что указанные критерии оказали влияние на характеристики выборки. Необходимость выполнения творческого задания, на наш взгляд, повлекла смещение выборки по профессиональному составу респондентов. Хотя в интервью приняли участие представители различных сфер занятости, род деятельности многих из них включал в себя интеллектуальную и/или творческую компоненту.

[1] Данные Калининградстата, география внутреннего туризма граждан России в Калининградскую область. URL: https://39.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/04%20География%20туризма%20РФ(1)_948259.pdf (дата обращения: 06.05.2025).

С учетом перечисленных ограничений можно сделать вывод, что полученные в ходе исследования данные наиболее релевантны для россиян ранней взрослости, относящихся к среднему классу и занятых преимущественно умственным, квалифицированным трудом. Смещение выборки в сторону этих социальных характеристик представляется допустимым, поскольку целью интервью было получение качественных данных о символическом пространстве Калининграда, выявление его сильных и проблемных мест. Поэтому для исследования были особенно ценны активные творческие респонденты, готовые дать развернутые и критические ответы на вопросы.

Основные символы и символические места Калининграда на ментальных картах

Анализ ментальных карт показал, что, несмотря на кажущуюся многочисленность изображенных объектов, символическое восприятие Калининграда извне в основном концентрируется вокруг нескольких ключевых достопримечательностей (табл. 1.).

Таблица 1 (Table 1)

Объекты городского ландшафта Калининграда на ментальных картах жителей других регионов России
Kaliningrad's urban landscape objects on mental maps of residents of other regions of Russia

Тип объектов городского ландшафта	Объекты городского ландшафта Калининграда	n
Архитектурные достопримечательности	Кафедральный собор	18
	Рыбная деревня	14
	Остров Канта	6
	Дом Советов	5
	Музей Мирового океана	4
	Стадион «Ростех Арена» («Калининград»)	2
	Руины Королевского замка, Музей янтаря, Королевские ворота Фридландские ворота, пр. Победы, «Амалиенау», пл. Победы, Дом техники (ТЦ «Эпицентр»), Медовый мост, форты, здания БФУ им. И. Канта на ул. Чернышевского, 56а и на ул. Невского, 14, реконструированные «хрущевки» на Ленинском проспекте	1
Общая специфика городской архитектуры	Немецкие дома	6
	Мосты	5
	Дома	3
	Советские дома, улицы, спальные районы, брусчатка	1

Окончание таблицы 1

Тип объектов городского ландшафта	Объекты городского ландшафта Калининграда	n
Природные объекты	Река Преголя	7
	Зеленые насаждения	7
	Балтийское море	5
	Вода	4
	Куршская коса	3
	Янтарь	3
	Верхнее озеро	2
	Нижнее озеро, «Танцующий лес», канал, чайки	1
Культурные объекты	Могила И. Канта	6
	Музей Мирового океана	4
	Музей янтаря, зоопарк, памятники И. Канту, Ф. Шиллеру, А. Маринеско, НИС «Космонавт Виктор Пацаев», подводная лодка Б-413	1
Рекреационные объекты	Стадион «Ростех Арена» («Калининград»)	2
	Парки, кафе, рестораны, ТЦ «Европа», ТЦ «Виктория», катера	1
Транспортная инфраструктура	Дороги	3
	Аэропорт, Южный и Северный вокзалы, брусчатка	1

Представленная на рисунках палитра объектов была классифицирована следующим образом:

1. ***Архитектурные достопримечательности.*** Среди них наиболее запоминающимися оказались остров Канта, находящийся на нем Кафедральный собор и прилегающий к нему архитектурный комплекс «Рыбная деревня». Учитывая их территориальную близость, можно сделать вывод, что в представлениях гостей города достаточно определен ***образ «центрального места» Калининграда*** (см. рис. 1):

«*Остров с Собором и Рыбной деревней – символ Калининграда*» (м., 31, Москва).

Действительно, сегодня Кафедральный собор и «Рыбная деревня» в совокупности являются наиболее популярным местом Калининграда, что подтверждают и данные туристических порталов[1]. Казалось бы, здесь можно говорить о наличии «зоны согласия» в определении символического центра. Но процессы символизации в Калининграде всегда обрамлены политическим контекстом:

[1] См. например: данные туристического портала «Tripadvisor», согласно которым Кафедральный собор и Рыбная деревня (наряду с Музеем Мирового океана, относящейся к нему же подводной лодкой Б-413 и Музеем янтаря) входят в пятерку достопримечательностей Калининграда с наибольшим количество отзывов. URL: https://www.tripadvisor.ru/Attractions-g298500-Activities-a_allAttractions.true-Kaliningrad_Kaliningrad_Oblast_Northwestern_District.html (дата обращения: 10.07.2025).

историческая принадлежность Собора *немецкой культуре* не дает возможности признать его главным символом *российского* города. Комплекс «Рыбная деревня» хоть и был возведен сравнительно недавно, но представляет собой новодел, стилизованный опять же под немецкую «восточно-прусскую» архитектуру.

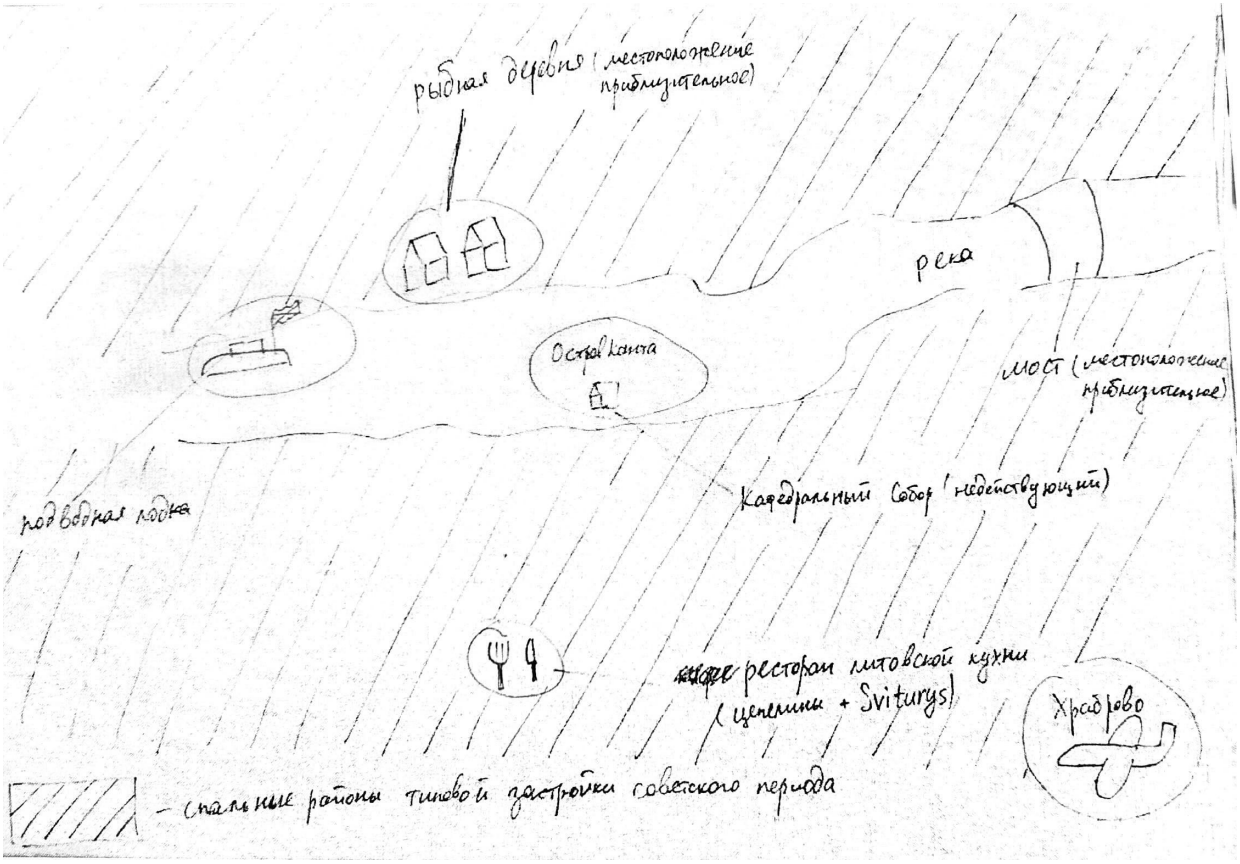

Рис. 1. Пример характерного представления о Калининграде: центр – Остров Канта и «Рыбная деревня», остальное пространство города аморфно, а советская застройка, в силу ее типичности для респондента, вообще представлена «штриховкой»

Figure 1. An example of a typical representation of Kaliningrad: the city center is Kant Island and the "Fishing Village", the rest of the city is amorphous, and Soviet buildings, due to their typicality for the respondent, are represented by "hatching"

Конкуренцию острову Канта как главному символическому месту города могла бы составить Центральная площадь. На ней сохранился фундамент Королевского замка, строительство которого положило историческое начало Кенигсбергу. На ней же находился Дом Советов – амбициозный проект советской архитектуры, призванный символически заместить снесенный в конце 1960-х гг. немецкий замок. Тем не менее, по ряду причин, обусловленных реалиями Перестройки и распада Советского Союза, здание так и не было введено в эксплуатацию, став самым знаменитым калининградским «долгостроем». На протяжении долгого времени в политических и общественных дискуссиях о его судьбе было сломано немало копий [4]. Итогом стал демонтаж здания, завершившийся в августе 2024 г. Фундамент

Королевского замка в настоящий момент законсервирован и не доступен для осмотра. Поэтому нет ничего удивительного в том, что объектов Центральной площади практически не было на ментальных картах. При этом если Дом Советов все же нашел свое отображение в представлениях ряда респондентов, заставших его до сноса, то Королевский замок был упомянут лишь единожды.

Еще одна альтернатива – площадь Победы. Именно она сегодня играет роль главной площади для местного населения: на ней проходит военный парад в День Победы, проводятся праздничные мероприятия, устанавливается главная городская елка и т. п. Баланс немецким архитектурным объектам здесь составляют Триумфальная колонна Победы, православный Собор Христа Спасителя, Храм святых Петра и Февронии. Безусловно, площадь Победы является точкой притяжения и туристического интереса, но все же уступает острову Канта. Это вполне логично, так как туристы ориентированы на осмотр более древней архитектуры, уникальных объектов, отличных от привычного окружения. Также полный зелени остров Канта и набережная «Рыбной деревни» более привлекательны для прогулок, чем площадь Победы с ее активным автомобильным трафиком.

Таким образом, в настоящий момент в калининградском дискурсе отсутствует выраженный консенсус в отношении ключевого архитектурного символа города. Поэтому остается актуальной и проблема определения историко-культурного «центра», с которым должно быть связано и российское настоящее Калининграда.

Завершив прогулку по острову Канта, с проблемой дисперсности калининградского пространства сталкиваются и гости города:

«Нет точного ощущения центра города. Все немецкие объекты разбросаны по городу, нет малого исторического центра» (ж., 30, Москва).

2. ***Общая специфика городской архитектуры.*** Среди специфичных элементов городской архитектуры Калининграда респонденты выделяли наличие ***немецких домов, мосты, брусчатку***. В своих рисунках они зачастую не конкретизировали отдельные здания, стремясь передать общее впечатление, флер, запомнившиеся архитектурные нюансы. Одна из респонденток представила собирательный образ Калининграда в виде *«здания готического вида из кирпича с часами»*. Другой на главное место вывел дома с черепичными крышами, так как *«нигде такого не встречал, такой немецко-австрийский стиль»*. Еще одна захотела отразить *«упорядоченность и строгость, которую несет в себе немецкая архитектура»*.

Немецкие оборонительные объекты, в том числе фортификации у ряда респондентов подкрепляют образ Калининграда как ***города-крепости***:

«Город расположен как крепость, центр – кирха с Кантом» (м., 34, Пенза).

Еще одна распространенная ассоциация – ***мосты***. Один из опрошенных даже вспомнил известную загадку о семи кенигсбергских мостах, связанную с созданием Л. Эйлером теории графов.

Также респонденты отмечали, что для Калининграда характерна малоэтажная застройка. Примечательной показалась и подъездная нумерация домов.

Выраженной пространственной характеристикой Калининграда стала компактность городской среды:

«В Петербурге нужно больше времени, чтобы куда-то доехать, поэтому Калининград в этом плане компактнее, удобнее» (м., 28, Санкт-Петербург).

«Калининград – один из самых уютных городов по сравнению с Москвой, Питером, Владивостоком, Сочи, Крымом» (ж., 31, Владивосток).

Многие опрошенные посчитали, что Калининграду присуща «европейская стилистика», под которой они подразумевали как сохранившиеся немецкие достопримечательности, так и современные объекты, а также некий общий «европейский дух»:

«*От Москвы архитектурно отличается, есть налет такой европейскости, хороший город для отдыха, для прогулок*» (ж., 51, Москва).

«В Москве больше храмов, сорок сороков, купеческая культура. А "немецкий дух" – в Калининграде» (ж, 31, Москва).

Главная же специфика Калининграда в представлении большинства опрошенных выражена в контрасте немецкой, советской и современной архитектуры:

«*В Питере, например, отдельно культурные объекты, отдельно – пятиэтажки, а в Калининграде – все перемешано*» (м., 34, Пенза).

Хотя подобная «смешанность» и вызвала недоумение у ряда опрошенных, в основном оно было связано с неудовлетворительным состоянием архитектурных объектов. Историческая «мозаичность» архитектуры, без сомнения, представляет уникальную черту городского облика Калининграда:

«У города есть своя изюминка – сочетание советского и немецкого пространства, я такого нигде не видела» (ж., 31, Владивосток).

«Не похож и на другие города, в которых бывал, отличается от Нижнего Новгорода, Самары. У Калининграда есть свое лицо» (м., 32, Пенза).

3. ***Культурные объекты: музеи, памятники, скульптуры.*** Среди культурных объектов чаще всего на рисунках отмечали могилу И. Канта и Музей Мирового океана. Далее в ходе интервью респонденты в основном положительно отзывались также о Музее янтаря, Калининградском музее изобразительных искусств, зоопарке.

Музей Мирового океана и Музей янтаря являются уникальными в своем роде музеями России, и, можно сказать, стали уже частью бренда Калининграда. Сложно переоценить их символическое значение. Музей янтаря через лейтмотив добычи и обработки «золотого камня» связывает различные эпохи истории края. Музей Мирового океана транслирует столь важные смыслы как промысловое, научно-исследовательское, военное

значение области в контексте общероссийской истории. Эти смыслы, в целом, нашли слабое отражение в ответах респондентов и в основном воспроизводились ими именно в описаниях впечатлений от посещения указанных музеев.

При этом респондентами не был упомянут Калининградский областной историко-художественный музей – один из важнейших культурных объектов города, уделяющий особое внимание теме Великой Отечественной войны. Среди его экспозиций – впечатляющая трехмерная панорама «Кенигсберг-45. Последний штурм». В его состав входит музей «Бункер», где укрывался и после сдался советским войскам последний комендант Кенигсберга Отто Ляш. Но, стоит отметить, что часть респондентов все же упоминала одно из его отделений – военно-исторический мемориальный комплекс «Форт №5». Это, на наш взгляд, демонстрирует синергию символического переплетения эпох – в привлекающих интерес иногородних посетителей стенах немецких фортификациях доводятся до них факты о трудностях штурма Кенигсберга, о героизме советских воинов, – о тех, благодаря кому эта земля стала частью России.

Здесь можно сделать вывод, что внешний образ Калининграда как музейного города отчасти сформирован – прежде всего, благодаря флагманским музеям, отвечающим современным стандартам и уникальным для России. Но, тем не менее, в представлениях о его культурной сфере все еще остаются пробелы: калининградские музеи классического формата в основном остались «за кадром» впечатлений. Практически не нашли выражения в ответах респондентов образы Калининграда как художественного, театрального, музыкального города.

Для продвижения искусства сегодня в Калининграде прикладываются серьезные усилия. В 2018 году Калининградский музей изобразительных искусств был перенесен в историческое здание бывшей биржи Кенигсберга, что безусловно поспособствовало его развитию (на сайте музея этот переезд называют «судьбоносным»[1]). И совсем недавно, 12 июня 2025 г., в городе открылся филиал Государственной Третьяковской галереи.

Хотя в Калининграде достаточно насыщенная театральная жизнь, так получилось, что наших респондентов она практически не затронула. Не оказалось на ментальных картах и здания Калининградского драматического театра. Возможно, это было обусловлено тем, что при восстановлении бывшего Луизен-театра обновленное здание приобрело архитектурные черты, характерные для многих других театров советского времени, и «не считывается» гостями города как уникальное и примечательное. Как отмечает искусствовед И. Чечот: «Это здание своей колоннадой вносит очень сильный русский и советский акцент здесь, где сохранилось так много старого»[2].

[1] История музея // Сайт «Калининградского музея изобразительных искусств». URL: https://www.kaliningradartmuseum.ru/about/history/ (дата обращения: 20.06.2025).

[2] Калининградские театры: история метаморфоз // Страна Калининград. 2019. 30 сентября. URL: https://strana39.ru/news/2019-09-30/343826-kaliningradskie-teatry-istoriya-metamorfoz (дата обращения: 25.06.2025).

Среди музыкальных символов города наши респонденты выделили *«звук органа»*. Отдельные музыкальные события, мероприятия, хоть и проводятся регулярно и собирают большие аудитории («Бахослужение», «Калининград Сити Джаз» и др.), упомянуты не были. Так что, Калининграду есть куда развиваться в этом направлении.

4. ***Природные объекты.*** Те или иные природные элементы встречались практически на всех рисунках. Достаточно выраженно было представление о Калининграде как о городе на реке. Так, один из респондентов отметил, что *«реку Преголю нарисовал, так как река очень важна для города»*. Другой даже подчеркнул, что город *«преголецентричный»*. Примечательно, что оба они из Санкт-Петербурга – города, образ которого тоже неразрывно связан с рекой. Но, конечно, реки и озера были отмечены и жителями других городов.

Многие респонденты изображали на рисунках элементы растительности, поскольку Калининград запомнился им как зеленый город, *«город-парк»* (см. рис. 2):

«Я всегда помню, что Собор утопал в зелени <...> Деревья вдоль дорог на загородных трассах – тоже особенность Калининграда. Вообще, город сам зеленый» (ж., 31, Москва).

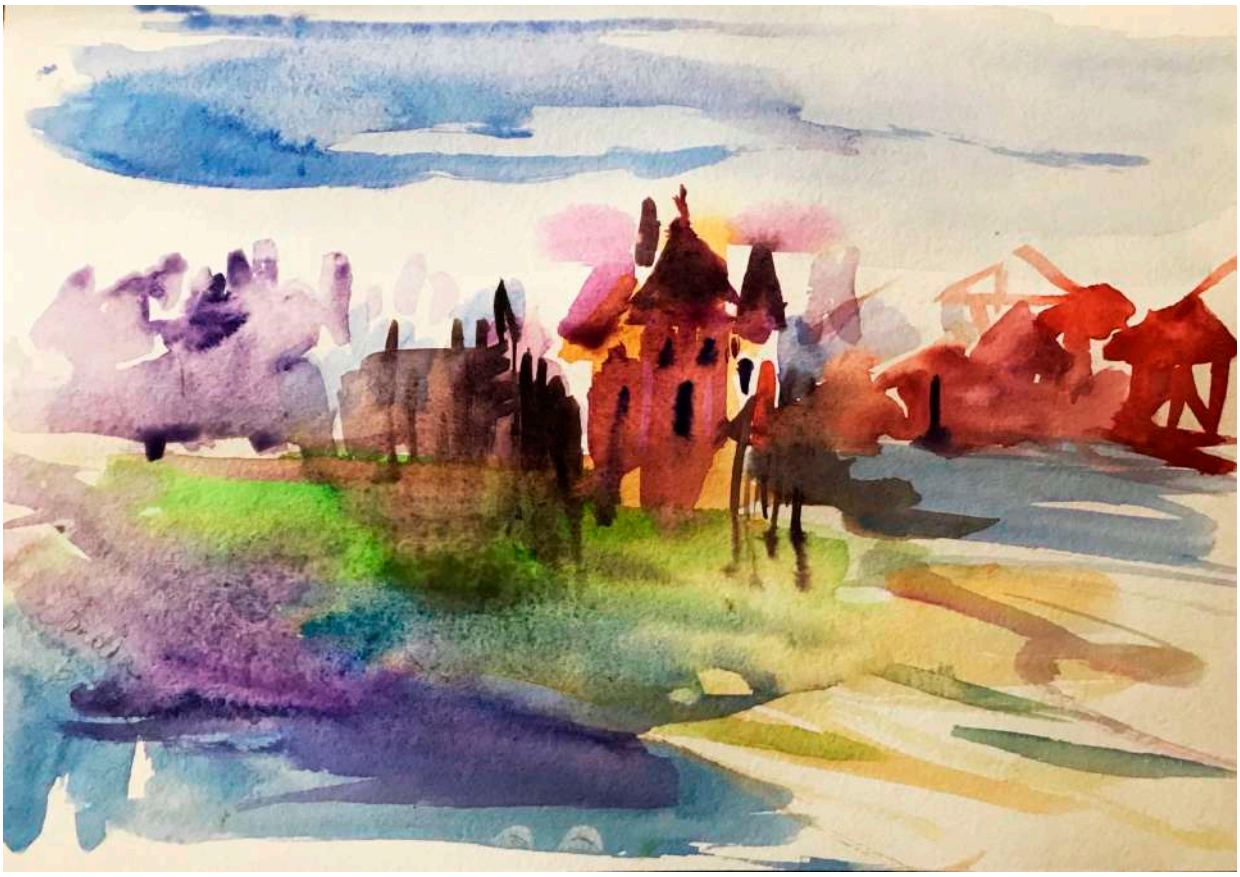

Рис. 2. Респондентка изобразила Калининград в цвете: «Была осенью, когда очень красиво было. Вот и образ такой: кирпичные здания, деревья, вода – все вперемешку» (ж., 33, Москва)

Figure 2. The respondent depicted Kaliningrad in color: "It was autumn, when it was very beautiful. So the image is like this: brick buildings, trees, water – all mixed up" (f., 33, Moscow)

Образ Калининграда у многих респондентов оказался географически расширен и включал в себя другие места области: Балтийское море, Куршскую косу, курортные города (Зеленоградск, Светлогорск). В целом, достаточно выражено было представление о Калининграде как о морском городе, городе на Балтике.

«Корабль нарисовала, потому что впечатления о Калининграде включают впечатления о Калининградской области, о Куршской косе, море» (ж., 33, Москва).

«И, главное, увидел море, я до этого море только один раз видел» (м., 29, Алтайский край).

В целом, респонденты очень положительно оценили ***природные богатства*** Калининграда даже в сравнении с другими курортными городами:

«Немного похож на Сочи, наверное, природой, морем, только в Сочи контраст больше природный, так как горы есть. Мне Светлогорск показался похожим на Красную поляну. Я с Сочи и другие города сравнивала, и даже заграницу, мне важно, чтобы красивый город был, красивая природа, это есть у Калининграда» (ж., 31, Сочи).

5. ***Рекреационные объекты.*** К этому блоку мы отнесли парки, развлекательные и спортивные объекты, кафе и рестораны. Несмотря на ограниченную представленность на рисунках в ходе интервью было выявлено, что они занимают важное место во впечатлениях о Калининграде:

«Еще в городе много хороших заведений, захотела кафе нарисовать, так как мы с друзьями посещали во время поездки, приятные воспоминания» (ж., 31, Владивосток).

Стоит отметить, что в ответах присутствовала некоторая противоречивость: например, неоднозначно оценивалась сфера услуг, культурная жизнь. Объяснение этому можно найти в том, что респонденты представляли разные города и разный социальный опыт. К плюсам Калининграда были отнесены уровень сервиса, гастрономия, а также качественные экскурсии. Тем не менее, некоторые выделяли такие недостатки, как малочисленность и загруженность ресторанов и отелей, высокие цены, а также сложности в туристической навигации. Как заметила одна из респонденток:

«Калининград – город для своих, пока местный человек не покажет, куда пойти, что поесть, то ты и не знаешь» (ж., 31, Москва).

6. ***Транспортная инфраструктура.*** Хотя большинство респондентов вспоминали прежде всего конкретные места и объекты, некоторые отмечали и важность функциональных связяй между ними – транспортных артерий:

«Вокзалы, улицы, реки, по сути, проектируют город» (м., 29, Санкт-Петербург).

При этом, именно транспортные коммуникации подверглись наибольшей критике: недовольство было вызвано состоянием общественного транспорта, высоким уровнем автомобилизации, большими пробками на дорогах, сложностью вызова такси, низким уровнем культуры парковки.

На этом основании можно сделать вывод, что у опрошенных преобладают ассоциации с Калининградом как с туристическим городом с наличием исторической немецкой архитектуры и красивой природой. Тем не менее, анализ интервью позволил выявить и ряд насущных проблем в восприятии города: ограниченность главных символических объектов, состояние отдельных зданий, сложности транспортной коммуникации, недостаток культурной жизни и отдельные претензии к уровню сервиса.

Также при анализе было учтено, что образ на ментальных картах не только позволяет выявить основные узнаваемые места, но и определить, что было проигнорировано в представлениях о городе [15, с. 112]. На рисунках респондентов не нашли отражения такие характерные смыслы, связываемые с Калининградской областью, как ее статус военного форпоста, военное историческое прошлое и подвиги героев Великой Отечественной войны. Также практически никак не были представлены ***индустриальный, экономический, административный капиталы***. Подобную ситуацию подтверждают и другие социологические исследования внешнего образа Калининграда [11, с. 48].

Это подсвечивает еще одну проблему – Калининград рассматривается преимущественно как город для отдыха, а не для работы. Хотя на респондентов Калининград произвел в целом впечатление развивающегося современного города, в сравнении с крупными городами сам ритм калининградской жизни показался им спокойным, и даже медлительным. Респонденты в основном высказывались о возможности переезда в Калининградскую область лишь в отдаленной перспективе («на пенсии», «в старости»), либо при уверенности в трудоустройстве.

«Но есть ограничения по работе по сравнению с Москвой <…>. Возможно, совсем не переехала бы, но хотела бы домик здесь на лето» (ж., 28, Москва).

«О переезде не думала, но, в целом, хотела бы тут жить. Только работа останавливает, не уверена, что тут смогу найти. Буду еще приезжать отдыхать точно» (ж., 31, Пенза).

Значимое влияние на оценки респондентов оказал диссонанс между европейским имиджевым позиционированием города и типичной российской культурой и бытом. Многие из них отметили, что Калининград еще «не дотягивает» до европейских стандартов:

«В образе многих моих знакомых Калининград – европейский город. Но я особенного чего-то европейского не увидел, Санкт-Петербург не менее, а, может, даже и более европейский. В мышлении, в жизни людей – это российский город» (м., 29, Санкт-Петербург).

«Калининград, скорее, провинциальный город» (ж., 28, Москва).

Подобная ситуация характерна и для других российских городов. Так, например, сходный «контраст между претенциозностью и легкой провинциальностью» наблюдается во внешнем восприятии Выборга, с которым сравнивали Калининград и некоторые наши респонденты [6, с. 143].

Но главной одновременно как сильной, так и проблемной символической чертой Калининграда является переплетение в нем немецких, советских и современных объектов и смыслов. Как во временной, так и в пространственной перспективе Калининград воспринимается дискретным, прерывистым. Одной из важнейших задач его символического развития остается достижение гармонии между символами немецкого прошлого и российского настоящего.

Городской ландшафт Калининграда в исторической перспективе: переплетение трех эпох

В ходе интервью мы попросили респондентов соотнести запомнившиеся им объекты городского ландшафта с основными периодами истории города: немецким, советским и современным (табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Объекты городского ландшафта Калининграда, отнесенные респондентами к немецкому, советскому и современному периоду истории

Kaliningrad's urban landscape objects attributed by respondents to the German, Soviet, and modern periods of history

Исторический период	Объекты городского ландшафта Калининграда	n
Немецкий период	Кафедральный собор	21
	Могила И. Канта	6
	Ворота	5
	Немецкая жилая застройка	5
	Амалиенау	4
	Форты	4
	Остров Канта	3
	Рыбная деревня	3
	Брусчатка	2
	Музей янтаря	2
	Мосты	2
	Немецкая архитектура	2
	Природа	2
	Королевские ворота, Фридландские ворота, Бранденбургские ворота, памятник И. Канту, памятник Ф. Шиллеру, руины Королевского замка, здание Кенигсбергской биржи, Дом техники (ТЦ «Эпицентр»), здание БФУ им. И. Канта на ул. Чернышевского, 56а, зоопарк, скульптура «Борющиеся зубры», немецкие районы, Хуфен, вокзалы, порт, РК «Резиденция королей», озера, немецкая кухня, немецкое пиво, название «Кенигсберг»	1

Окончание таблицы 2

Исторический период	Объекты городского ландшафта Калининграда	n
Советский период	Советская типовая застройка	19
	Дом Советов	10
	Суда	4
	Памятник 1200 гвардейцам	2
	Музей Мирового океана, Музей янтаря, Триумфальная колонна Победы, Центральный парк культуры и отдыха, эстакадный мост, стадион «Балтика», памятник М. И. Калинину, аэропорт «Калининград» (Храброво), въездной знак «Калининград», советская мозаика, советская топонимика, промышленность, руины Королевского замка	1
Современный период	Современная архитектура	20
	Рыбная деревня	10
	Стадион «Калининград»	8
	Музей Мирового океана	5
	Отели	4
	Торговые центры	4
	Собор Христа Спасителя	3
	Аэропорт	3
	Рестораны, кафе, бары	3
	Мосты	2
	Зоопарк	2
	Туристическая инфраструктура, современные памятники, уличное оформление, брусчатка, здание БФУ им. И. Канта на ул. Невского, 14, «реновированные хрущевки» на Ленинском проспекте, Верхнее озеро, пиво	1

Немецкий период

В историческом ландшафте Калининграда чаще всего респонденты идентифицировали объекты немецкого прошлого. Самым запомнившимся среди них стал Кафедральный собор. При этом большинство респондентов затруднялось в определении его наименования: встречались варианты *«католический и лютеранский костел»*, *«башня с часами»* или просто *«собор»*. Ряд опрошенных соотносили его с личностью философа И. Канта, похороненного с внешней стороны северо-восточного угла, – *«Собор Канта»*, *«кирха с Кантом»*, *«Собор с могилой Канта»*.

Часть респондентов обобщенно выделяли жилую застройку: немецкие дома, особняки, улочки и т. п. Среди довоенных районов прямо или косвенно упоминались Амалиенау, Хуфен, «остров Канта» или просто

«старое место». Примечательно, что трое респондентов к немецкому периоду отнесли Рыбную деревню, которая является лишь современной вольной стилизацией под немецкую архитектуру.

Объекты крепостной и оборонительной архитектуры были представлены фортами, а также городскими воротами.

Среди культурных объектов ***чаще всего называлась*** могила И. Канта, также были упомянуты Музей янтаря, памятники И. Канту и Ф. Шиллеру, скульптура «Борющиеся зубры», зоопарк.

Объекты транспортной и промышленной инфраструктуры практически не были представлены, упоминались лишь «порт» и «немецкие вокзалы».

Следы немецкой истории был замечены респондентами даже в природных объектах: «аллеи с деревьями», «мох на крышах», а также «озера» (прим. Верхнее и Нижнее озеро). Остальные блоки остались однокомпонентными: к уличному оформлению был отнесен ответ «брусчатка», к гастрономии – «немецкое пиво».

Ряд архитектурных объектов, по мнению опрошенных, требует ремонта и реставрации:

«Не понравилось, что немецкие постройки просто стоят заброшенные. Или вообще пытаются их снести и построить торговые центры» (м., 25, Москва).

Тем не менее, само наличие объектов немецкой архитектуры респонденты сочли наиболее привлекательной чертой историко-культурного ландшафта Калининграда:

«Понравилась немецкая часть города – имею в виду, собирательная: Кафедральный собор, сохранившиеся дома, ворота и т. п.» (ж., 32, Москва).

Советский период

К объектам, отражающим советский период в городском облике Калининграда, большинство респондентов отнесли типовую застройку: «хрущевки», «панельки», девятиэтажки и т. п. При этом единственное здание, которое было конкретизировано, – Дом Советов. Хотя, как будет показано далее, отношение к нему было весьма неоднозначным, тем не менее, именно с ним респонденты более всего ассоциировали советское прошлое города. Несмотря на наличие в Калининграде других зданий, которые являются примечательными образцами советской архитектуры, респонденты их не идентифицировали:

«Дом Советов специально рисовать не стал, хотя мне кажется, что он даже больше ассоциируется с Калининградом, чем Кафедральный собор» (м., 29, Санкт-Петербург).

Среди памятников и скульптурных композиций респонденты назвали Памятник 1200 гвардейцам, памятник М. И. Калинину и Триумфальную колонну Победы.

Еще одним узлом концентрации советских смыслов в образе Калининграда стал Музей Мирового океана. Хотя непосредственно сам музей к советскому периоду отнес лишь один респондент, тем не менее, еще шестеро выделили как символы советского эпохи морские суда, входящие в его композицию: НИС «Витязь», НИС «Космонавт Виктор Пацаев», подводную лодку Б-413.

В целом, объекты советского периода нашли самое слабое отражение в представлениях респондентов. Более того, именно о ***советской застройке*** они отзывались наиболее негативно (см. рис. 3):

«Обшарпанные, безумно обшарпанные, страшнющие здания прямо в туристическом центре. Это была, прям, боль» (ж., 25, Москва).

Рис. 3. Респондент выразил на рисунке свое отрицательное отношение к советской застройке: «Не понравилась советская застройка, остаются еще страшные очень здания, целые улицы» (м., 32, Пенза)

Figure 3. The respondent expressed his negative attitude towards Soviet buildings in the drawing: "I did not like Soviet buildings, there are still very scary buildings, whole streets" (m., 32, Penza)

В целом, такой результат неудивителен ввиду общекультурного отношения к советской застройке как к «типовой», «безликой», «серой» и т. п. Как отметил один из респондентов:

«Человек, который едет в Калининград хочет лицезреть не что-то советское, а что-то местное, или необычное» (м., 29, Санкт-Петербург).

Как показывают исследования, и в других городах России воспринимают советскую архитектуру менее эстетичной по сравнению с другими историческими периодами [7, с. 73]. Тем не менее, отношение к советской архитектуре Калининграда показалось особенно эмоциональным и негативным. Это может быть объяснено рядом ***причин***:

1. Большинство респондентов в своих негативных оценках ссылались на ***состояние советских домов***. Т.е. их отрицательное отношение было связано с тем, что советские здания требовали ремонта и т. п. Так, например, одна из опрошенных особо подчеркнула, что ей не понравились *«не все советские здания, а именно те, что в жутком состоянии»* (ж, 31, Владивосток).

2. На восприятие советской застройки у ряда респондентов также повлияло наличие ***контраста в облике Калининграда*** между архитектурными стилями различных эпох.

«Советские постройки (прим. не понравились), не хватает гармонии, слишком большой контраст между зданиями» (ж., 31, Сочи).

3. Негативное впечатление было усилено различием между ***ожидаемым обликом города***, сложившимся еще до его посещения на основе транслируемого в различных медиаисточниках образа Калининграда как города с немецкой архитектурой, и ***непосредственно увиденным***. Это вызвало у некоторых респондентов когнитивный диссонанс и сопутствующее ему чувство разочарования:

«Не ожидала, что Калининград настолько советский. Это неплохо, но ожидала больше Европы увидеть, было легкое разочарование – в Интернете все фотографии такие красивые были, а в самом городе этого не хватило» (ж., 31, Владивосток).

«Образ не совсем совпал, я читала, смотрела новости, представляла, что Калининград больше похож на такую «Янтарную деревню». Больше понравился Зеленоградск» (ж., 25, Москва).

«Хотелось бы больше довоенных зданий увидеть. У города интересная история, он был в составе Восточной Пруссии, хотелось бы посмотреть на довоенный Калининград» (м., 28, Ярославль).

4. И, наконец, отрицательное отношение к советской архитектуре Калининграда может быть также обосновано самой ***прагматикой туристической поездки***. Респонденты, совершая путешествие, очевидно были настроены увидеть что-то новое, уникальное, отличное от их привычного места жительства. Поэтому «типичная» советская застройка, характерная и для их родных городов, им была не очень интересна.

«Я удивилась, что Калининград – обычный город. Думала, что он будет больше, необычнее, будет отличаться от других российских городов» (ж., 31, Сочи).

Много отрицательных оценок собрал и уже упомянутый ранее Дом Советов: «некрасивый дом», «советская страшная постройка», «странное голубое кубическое здание» и т. п. При этом часть респондентов склонялась к сносу здания как к решению проблемы:

«Ужасное здание недостроенное – бельмо на глазу. Слышала, что его собираются сносить, думаю, это правильно. Оно небезопасно, некрасиво» (ж, 51, Москва).

Другие респонденты хоть и выражали негативную оценку, но, скорее, связывали ее с самим состоянием советского долгостроя, отмечали необходимость в уходе, реконструкции и т. п.

«Один дом советский довлеет визуально над городом, жуткий, весь заброшен, там еще полуподпольные экскурсии проводят, слышала. Такие дома требуют ухода» (ж., 31, Владивосток).

Но встречались также и положительные оценки:

«Дом Советов – мог бы быть прекрасным туристическим объектом, такой памятник советской архитектуры, можно было бы какой-то музей сделать» (м., 31, Москва).

Как уже было отмечено выше, на данный момент судьба Дома Советов решилась – он полностью демонтирован. Как отметили Ю. В. Костяшов и А. В. Саенко: «Сегодня, как и почти восемьдесят лет назад в послевоенном Калининграде, вновь актуальным становится вопрос: каким быть центру Калининграда? После завершения сноса Дома Советов, который многие считали примечательным произведением советской архитектуры, центральная часть города, составляющая несколько десятков гектаров, представляет собой пустующую площадку» [4, с. 98]. От себя дополним, что такая же пустующая площадка теперь образовалась и во внешних представлениях о сохранившихся символах советской эпохи. В образах Калининграда у наших респондентов Дом Советов буквально затмил все остальные памятники советской архитектуры. Возможно, теперь его отсутствие позволит им раскрыться, но для этого, конечно, необходима заинтересованность и усилия в их продвижении со стороны элит и общественности.

Тем не менее, в символическом пространстве Дом Советов и связанные с ним смыслы продолжают свое существования – в фотографиях, открытках, воспоминаниях, сувенирах, статьях и т. п. Представляется весьма вероятным и «возвращение» Дома Советов в физическое пространство в виде архитектурной миниатюры, городской скульптуры, музейной экспозиции, дополненной реальности и т. п.

Таким образом, для Калининграда в настоящий момент остается крайне актуальным обретение символа, положительно раскрывающего его советское прошлое.

Современный период

Современную архитектуру ***Калининграда респонденты в целом оценили положительно.*** Среди объектов постсоветского периода развития Калининграда большинство выделило современную архитектуру, к которой они отнесли новостройки, многоэтажки, застройку спальных районов. Некоторые особо отмечали отреставрированные дома, отремонтированные в «ганзейском» стиле «хрущевки» на Ленинском проспекте, дома в «немецком стиле» с черепичными крышами, современные дома с «европейским оттенком». Среди отдельных объектов чаще всего упоминался комплекс «Рыбная деревня». Среди культурных объектов –

Музей Мирового океана, Собор Христа Спасителя на площади Победы. Еще одним запомнившимся символом современного Калининграда был стадион «Ростех Арена», построенный к Чемпионату мира по футболу в 2018 г.

Также респонденты выделяли объекты, связанные с туристической сферой услуг: отели и гостиницы, торговые центры, кафе, бары, рестораны. Современным некоторые посчитали и калининградский аэропорт (хотя он был построен в советское время, опрошенные говорили, что имеют в виду его «обновленный», «модернизированный» вид).

Примечательно, что некоторые опрошенные отметили разницу между символическим значением Кафедрального собора и Рыбной деревни:

«Кафедральный собор – история города. Рыбная деревня – новострой с претензией на историческую застройку, но тоже запоминающийся туристический объект» (м., 28, Санкт-Петербург).

Такое достаточно четкое разделение и восприятие Рыбной деревни как стилизации, туристического центра больше характерно для самих калининградцев. Но если в калининградском общественном дискурсе отношение к ней весьма сдержанное, то в ответах гостей города превалировала положительная оценка, даже если респонденты и считывают ее как новодел:

«Рыбная деревня запомнилась, в западном стиле сделано, я читала, что это новые здания» (ж., 26, Москва).

«Рыбная деревня, понятно, что это новострой, фальшивка, но запомнилась» (м., 31, Москва).

Стоит отметить, что, как было указано выше, хотя в целом респонденты оценивают реставрации и архитектурную стилизацию под «восточно-прусский стиль» скорее положительно, тем не менее, некоторые выражают и тревогу:

«Также вызывают опасения современные подходы к реставрации (прим. о хрущевках на Ленинском проспекте). Мне не хотелось бы, чтобы из-за политических процессов Калининград потерял свой уникальных облик» (ж., 32, Москва).

Действительно, сегодня и в Калининграде, и в других городах Калининградской области набирает обороты практика создания ***псевдоисторических*** пространств и объектов. Подобная тенденция к имитации немецкой архитектуры, по мнению В. В. Филатова, связана с тем, что «<...> сегодня культурно-историческое наследие рассматривается и властью, и значительной частью населения Калининградской области преимущественно с позиций экономического утилитаризма, в первую очередь в отношении его туристической привлекательности» [9, с. 25]. Ввиду этого коммерческий вектор в символизации пространства Калининграда требует противовеса: туристический сектор необходимо развивать постепенно при обязательном учете интересов местного населения, с соблюдением необходимых требований к сохранению культурно-исторических объектов, поддержанием просветительского курса и обязательными программами социального регулирования и поддержки.

Выводы

Анализ проведенных интервью подтверждает, что основными притягательными чертами как Калининграда, так и Калининградской области являются историко-культурные и природные особенности. Наибольший интерес вызывает немецкая архитектура, а также отдельные инокультурные вкрапления в городской среде. Но при этом стоит подчеркнуть, что подобный интерес к немецкому прошлому со стороны туристов и приезжих носит достаточно поверхностный и, скорее, эстетический характер. Особенности собственно немецкой истории и культуры практически не нашли отражение в образе Калининграда у опрошенных. Можно сказать, что в основном туристы ищут в Калининграде нечто отличное от их привычного места жительства – смену «картинки», выход из обыденности, – что, в принципе, является основным стимулом большинства современных путешествий. «Немецкий дух», которые некоторые респонденты приписывают Калининграду, скорее, воспринимается ими как часть некоего достаточно абстрактного «европейского духа», выраженного в специфичной архитектурной стилистике, в которой угадываются черты различных городов Европы, в качестве жизни, уровне сервиса и т. п.

Менее всего в исторической перспективе городского ландшафта Калининграда были оценены символы советской эпохи. Несмотря на то, что в целом подобное отношение характерно и для других российских городов, в случае Калининграда настораживает количество и эмоциональность негативных оценок. С советским прошлым связано становление Калининградской области, трудности переселенчества, военная история, подвиги героев Великой Отечественной войны. Результаты опроса показывают, что эти важные для местного населения смыслы практически не находят отражения в восприятии города извне. Ввиду этого, кажутся целесообразными усилия по их конструированию и продвижению на внешнюю аудиторию.

В настоящий момент Калининград активно развивается как туристическая дестинация, что влияет и на характер происходящих в городе изменений, многие из которых отвечают на внешний запрос и направлены на поддержание туристического интереса. В связи с этим вовне продвигается образ Калининграда как «пост-Кенигсберга», что характеризуется нарастающими объемами символического производства под «восточно-прусский стиль» [10, с. 123]. Хотя многие респонденты благоприятно реагируют на современные новации и городские преображения Калининграда, мировой опыт свидетельствует, что необдуманное переформатирование городского пространства исключительно под туристический запрос влечет за собой весьма негативные социальные последствия [13, с. 6]. В ситуации динамичных преобразований историко-культурного ландшафта для Калининграда представляется крайне важным сохранить «свое лицо»: свою уникальность, заключающуюся именно в сочетании символических объектов разных эпох.

Библиографический список

1. Берендеев М. В. Цифровой геобрендинг в современном PR-проектировании точек притяжения в российских регионах в условиях современной геополитики // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023. № 4(50). С. 13–22. DOI: 10.47475/2070-0695-2023-50-4-13-22; EDN: XGNYSM.

2. Беркинг Х., Лев М. Введение // Собственная логика городов: Новые подходы в урбанистике / Под отв. ред. Х. Беркинга, М. Лев. М.: НЛО, 2017. С. 7–17.

3. Бурдье П. Социология политики / Пер. с фр. Е. Д. Вознесенская и др., общ. ред. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.

4. Костяшов Ю. В., Саенко А. В. Дискуссия о развитии центра Калининграда в период перестройки. История города // Academia. Архитектура и строительство. 2024. № 4. С 1–101. DOI: 10.22337/2077-9038-2024-4-91-101; EDN: ACLHVJ.

5. Линч К. Образ города / Пер. с англ. В. Л. Глазычева; ред. А. В. Иконников. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.

6. Рябова Л. К., Валегина К. О. Восприятие города: Выборг как кросскультурное пространство // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2015. № 24. С. 142–152. EDN: WWGZAT.

7. Садуов Р. Т. Отношение к визуальным элементам культурно-языкового ландшафта города // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 70(7). С. 70–73. DOI: 10.18411/lj-02-2021-262; EDN: GSJVIP.

8. Федотова Н. Г. Символический капитал места: понятие, особенности накопления, методики исследования // Вестник ТГУ. Культурология и искусствоведение. 2018. № 29. С. 141–155. DOI: 10.17223/22220836/29/13; EDN: WAKRAT.

9. Филатов В. В. Проблемы оценки культурно-исторического основания цивилизационного потенциала Калининградской области // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15. № 1–3. С. 19–28. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-3-19-28; EDN: LCMDSC.

10. Шевченко И. О., Белецкая Т. В. Символический капитал места как констелляция социальных смыслов (на примере Калининградской области) // Социологические исследования. 2024. № 10. С. 116–128. DOI: 10.31857/S0132162524100108; EDN: XXRREA.

11. Щекотуров А. В. Имидж Калининградской области в нарративах мигрантов // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 43–54. DOI: 10.31857/S013216250016979-9; EDN: SCERIR.

12. Arruda A. Image, social imaginary and social representations // The Cambridge handbook of social representations / Ed. by G. Sammut et al. Cambridge University Press, 2015. P. 128–142. DOI: 10.1017/CBO9781107323650.012.

13. Ba C. et al. The Power of New Urban Tourism: An Introduction // The Power of New Urban Tourism / Ed. by C. Ba, S. Frank et al. New York: Routledge, 2021. P. 1–20. DOI: 10.4324/9781003093923.

14. Bourdieu P., Wacquant L. Symbolic capital and social classes // Journal of classical sociology. 2013. Vol. 13. No. 2. P. 292–302. DOI: 10.1177/1468795X12468736.

15. Osóch B., Czaplińska A. City image based on mental maps – the case study of Szczecin (Poland) // Miscellanea Geographica. Regional Studies on Development. 2019. Vol. 23. No. 2. P. 111–119. DOI: 10.2478/mgrsd-2019-0016.

Получено редакцией: 18.04.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белецкая Татьяна Витальевна, старший преподаватель образовательно-научного кластера (ОНК) «Институт образования и гуманитарных наук»

Шевченко Ирина Олеговна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.1

The Image of Kaliningrad in the Social Perceptions of Residents of Other Regions of Russia

Tatiana V. Beletskaya

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia
beletskaya.t@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9446-971X

Irina O. Shevchenko

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia
sheviren@yandex.ru
ORCID: 0009-0003-0915-4129

For citation: Beletskaya *T. V.*, Shevchenko I. O. The Image of Kaliningrad in the Social Perceptions of Residents of Other Regions of Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 4. P. 13–37. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.1; EDN: LLSAVL.

Abstract. This article analyses the image of Kaliningrad as perceived by residents of other regions of Russia who have visited it. It is argued that impressions, assessments, and opinions of the city represent its symbolic capital. Using interviews in conjunction with mind mapping, we identify the characteristics of social perceptions of Kaliningrad, the main symbolic objects of its historical and cultural landscape, and attitudes toward them. The specificity of Kaliningrad is also determined through respondents' perceptions of its similarities and differences with other cities. It is established that external assessments reveal an imbalance in the perception of architectural and cultural sites from different eras: the German, Soviet, and modern periods of the city's history. This imbalance is most clearly expressed in positive attitudes toward sites from the German past and negative attitudes toward sites of the Soviet heritage. It is argued that this contrast in assessments stems from the fact that the very pragmatics of travel actualises the demand for uniqueness, which in the case of Kaliningrad is most clearly expressed in the presence of traces of its German past in its symbolic space. Furthermore, partly due to the influence of Kaliningrad's media image, it is expected to confirm its status as a "European" city with corresponding standards of living and recreation. However, a direct visit reveals its Russian reality, with its inherent advantages and disadvantages. Therefore, one of the main challenges of symbolisation in the case of Kaliningrad is finding a balance between the demand for otherness, consistent with its status as a tourist destination, and identity with Russian culture. The external image clearly expresses the tourist, natural, and recreational attributes of Kaliningrad's symbolic space, but its military, industrial, and social significance are practically absent. Their promotion can serve as a counterbalance to the commercial vector of symbolisation and will contribute to a deeper understanding of the historical and socio-cultural specifics of the Kaliningrad region and its population.

Keywords: place image, city, social representations, symbolic capital, urban space, mental maps, Kaliningrad

References

1. Berendeev M. V. Digital geobrending in modern PR-design of points of attraction in Russian regions in the context of modern geopolitics. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija*, 2020: 4(50): 13–22 (in Russ.). DOI: 10.47475/2070-0695-2023-50-4-13-22; EDN: XGNYSM.

2. Berking H., Löw M. Introduction. In Own Logic of Cities: New Approaches in Urbanism. Ed. by H. Berking, M. Löw. Moscow, NLO, 2017: 7–17 (in Russ.).

3. Bourdieu P. Sociology of Politics. Transl. from Fr. E. D. Voznesenskaya et al. Ed. by N. A. Shmatko. Moscow, Socio-Logos, 1993: 336 (in Russ.).

4. Kostyashov *Y.* V., Saenko A. V. Discussion on the Development of the Center of Kaliningrad during the Period of Perestroika. History of the City. Academia. Arhitektura i stroitelstvo, 2024: 4: 91–101 (in Russ.). DOI: 10.22337/2077-9038-2024-4-91-101; EDN: ACLHVJ.

5. Lynch K. The image of the city. Transl. from Eng. by V. L. Glazychev. Ed. by A. V. Ikonnikov. Moscow, Stroyizdat, 1982: 328 (in Russ.).

6. Riabova *L. K.,* Valegina *K. O. The perception of the city: Vyborg as a cross-cultural space. Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2015: 24: 142–152 (in Russ.). EDN: WWGZAT.

7. Saduov R. T. Attitude to the visual elements of the cultural and linguistic landscape of the city. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya*, 2021: 70(7): 70–73 (in Russ.). DOI: 10.18411/lj-02-2021-262; EDN: GSJVIP.

8. Fedotova N. G. Symbolic capital of the place: notion, peculiarities of accumulation, research methods. *Vestnik TGU. Kulturologiya i iskusstvovedenie*, 2018: 29: 141–155 (in Russ.). DOI: 10.17223/22220836/29/13; EDN: WAKRAT.

9. Filatov V. V. The problems of assessing the cultural and historical basis of the civilization potential of the Kaliningrad region. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem*, 2023: 1–3(15): 19–28 (in Russ.). DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-3-19-28; EDN: LCMDSC.

10. Shevchenko I. O., Beletskaya T. V. Symbolic capital of a place as a constellation of social meanings (the case of the Kaliningrad region). *Sotsiologicheskie issledovaniya,* 2024: 10: 116–128 (in Russ.). DOI: 10.31857/S0132162524100108; EDN: XXRREA.

11. Shchekoturov A. V. Kaliningrad oblast› image in migrants› narratives. *Sotsiologicheskie issledovaniya,* 2022: 6: 43–54 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250016979-9; EDN: SCERIR.

12. Arruda A. Image, social imaginary and social representations. *The Cambridge handbook of social representations*. Ed. by G. Sammut et al. Cambridge University Press, 2015: 128–142. DOI: 10.1017/CBO9781107323650.012.

13. Ba C. et al. The Power of New Urban Tourism: An Introduction. In The Power of New Urban Tourism. Ed. by C. Ba, S. Frank et al. New York, Routledge, 2021: 1–20. DOI: 10.4324/9781003093923.

14. Bourdieu P., Wacquant L. Symbolic capital and social classes. *Journal of classical sociology*, 2013: 2(13): 292–302. DOI: 10.1177/1468795X12468736.

15. Osóch B., Czaplińska A. City image based on mental maps – the case study of Szczecin (Poland). *Miscellanea Geographica. Regional Studies on Development*, 2019: 2(23): 111–119. DOI: 10.2478/mgrsd-2019-0016.

The article was submitted on: April 18, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana V. Beletskaya, Senior Lecturer at the educational and scientific cluster (ONK) «Institute of Education and Humanities»

Irina O. Shevchenko, Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher

ТЕМА НОМЕРА

ГОРОД В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ СОЦИОЛОГОВ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.2
EDN: MPCUYQ

Промышленные города Татарстана, их акторы и перспективы развития в представлениях населения

Ссылка для цитирования: *Макарова Г. И.* Промышленные города Татарстана, их акторы и перспективы развития в представлениях населения // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 4. С. 38–60. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.2; EDN: MPCUYQ.
For citation: Makarova G. I. Industrial Cities of Tatarstan, Their Actors, and Development Prospects as Perceived by the Population. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 4. P. 38–60. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.2; EDN: MPCUYQ.

SPIN-код: 3327-3629

Макарова Гузель Ильясовна[1]

[1]Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Россия

makarova_guzel@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется изменение восприятия жителями промышленных городов Татарстана своего города, ведущих акторов городского развития и самого населения, а также динамика их миграционных настроений в контексте происходящих в стране и в мире перемен. Данная статья основана на анализе данных, полученных в результате массового трендового опроса населения в четырех промышленных городах региона: Набережных Челнах, Нижнекамске, Альметьевске и Зеленодольске, по некоторым аспектам привлекались также данные по Казани. В условиях крайней турбулентности современного общества самоидентификация с проживающими в том же поселении, как показали исследования, возрастала, наряду с ростом гражданской (российской), региональной и этноконфессиональной. В отношении к городу выявлены разнонаправленные тенденции с преобладанием положительных, с авторской точки зрения. На них сказывается множество факторов, начиная с развития и стратегий участия в городских процессах ведущих предприятий (определяемых направлениями государственной экономической политики, отраслевой принадлежностью производства и приоритетами их руководства), взаимодействия множества акторов и информационного освещения их деятельности, и заканчивая региональными программами совершенствования инфраструктуры и городской среды. Позитивным трендом, согласно оценкам горожан, становится рост в промышленных поселениях региона возможности выбора работы, профессии и нахождения хорошо оплачиваемой работы. В некоторых из них появляется больше возможностей получить качественное образование, развивается сфера культуры, досуга. Другие отличаются относительно низкими ценами на жилье и благоприятной экологической обстановкой. Ведущими акторами городского раз-

вития выступают, по мнению большинства респондентов, администрация города и органы местного самоуправления, градообразующие и другие крупные предприятия, а также региональные власти. Результаты опросов показали при этом ослабление миграционных настроений жителей в изученных промышленных городах Татарстана, хотя они остаются пока достаточно высокими. Среди возможных направлений миграции сегодня в приоритете Москва и Санкт-Петербург, а также другие города региона (предпочтительно – его столица, Казань).

Ключевые слова: социология, промышленный город, отношение к городу, идентификация с жителями города, акторы городского развития, миграционные настроения, трендовый социологический опрос, Республика Татарстан

Введение

Российские промышленные города в последние десятилетия прошли через серьезные сложности, которые не могли не повлиять на их дальнейшее развитие. В 1990-е гг., когда страна стремилась включиться в глобальные социально-экономические процессы и международное разделение труда, соответствовать современным западным трендам, промышленность и сформированные вокруг предприятий города выпали из фокуса внимания и властей, и медиа. Оставшись без поддержки государства, заводы сокращали производство, соответственно сокращая и количество работников, либо вовсе закрывались. Это приводило в выстраивающихся вокруг производства поселениях к негативным социальным последствиям – безработице (в т. ч. скрытой), росту девиантного поведения [6], социального недовольства населения и в результате – к усилению миграционных установок. Реальное разрушение промышленного потенциала сопровождалось дискурсом деиндустриализации, джентрификации [8; 9; 2] развития культурной экономики. Тем не менее, даже в этих условиях ряду регионов удалось сохранить промышленность, среди которых и Республика Татарстан.

Названный субъект РФ характеризуется наличием в нем важных опорных точек нефтедобывающей, нефтехимической, автомобилестроительной и машиностроительной отраслей. Их успешное функционирование поддерживается сегодня инвестиционной политикой республики, стимулированием инновационной активности предприятий[1], связи науки, образования и производства. Это призвано помочь, в том числе, сохранению человеческого капитала в промышленных поселениях региона. Их устойчивому развитию способствуют экологические инициативы градообразующих

[1] В частности, объем инвестиций в основной капитал промышленности в расчете на душу населения составил в 2022 г. в Татарстане 0,069 млн руб./чел., а доля инновационно активных предприятий – 32%, что ощутимо выше чем во многих других промышленно развитых регионах страны (См.: Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 13.12.2024).

компаний, реализуемые ими в последние годы программы корпоративной социальной ответственности. И все же эти действия не решают, всех имеющиеся в таких городах, проблем.

В данном контексте актуальным представляется рассмотрение следующих вопросов: каким видится промышленный город и его ведущие акторы самим его жителям? Как они относятся к нему и чувствуют ли единство с местным (локальным) сообществом, собираются ли остаться в нем/уехать из него? Результаты трендового социологического исследования[1] 2021 и 2024 гг., проводившегося с участием автора[2], позволили проследить тенденции изменения этого видения и оценок. Цель статьи: выявить динамику представлений о городе, об основных участниках его развития, а также миграционных намерений проживающих в промышленных городах Татарстана.

Научная разработанность проблематики

Работы зарубежных авторов, посвященные промышленным городам (industrial cities), выстраиваются в конце 1990-х – 2000-е гг. преимущественно вокруг проблематики деиндустриализации и постпромышленных трансформаций. В них говорится о росте в них третичного сектора, сферы торговли и услуг [14]. Исследователи рассуждали о развитии в таких поселениях творческих (креативных) индустрий, их ревитализации и джентрификации, не отрицая противоречивость происходящих процессов и способов их осуществления [20]. В то же время ряд статей был посвящен вопросам экологии и устойчивого развития бывших индустриальных центров [15]. Выделялись и отдельные глобальные кейсы, в которых представлен сравнительный анализ деиндустриализации в различных регионах и странах мира (Европы, США, Азии), в т. ч. порождающих феномен так называемых «сжимающихся» городов [19].

Наряду со ставшими привычными работами, в которых оценка указанных явлений дается преимущественно в комплементарном ключе, в последние годы стали появляться исследования, отличающиеся более разносторонним освещением темы. В частности, в ряде из них анализируются социальные последствия деиндустриализации промышленных городов, такие как: маргинализация их жителей, рост преступности [17], ущемление прав на социальное обеспечение [11], утеря основ локальной идентичности и рост отчуждения [13]. Некоторые авторы пишут о противоречиях и преждевременности осуществления деиндустриализации в странах, не завершивших индустриализации [12]. А отдельные ученые ставят под сомнение сам данный концепт, ратуя за изучение реальных, происхо-

[1] Трендовое исследование – это один из видов повторного социологического исследования, осуществляемого через определенные временные промежутки на схожих выборках в пределах одной генеральной совокупности [5, с. 55–56].

[2] Опросы проводились в рамках Государственной программы «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2023–2030 годы», рук. Г. Ф. Габдрахманова.

дящих в городах процессов и отмечая, что индустриализация в них так или иначе продолжается [16]. Наконец, мы обнаруживаем статьи, посвященные проблематике реиндустриализации и ее позитивным аспектам [18]. К примеру, Д. Боол, Я. Козина и Дж. Тиран, проводя оценку социально-экономических показателей малых и средних городов Центральной и Восточной Европы, приходят к выводу, что их сохраняющееся промышленно ориентированное развитие вовсе не обязательно сопровождается оттоком населения и худшими условиями жизни. Проблемы таких поселений нередко связаны, по мнению авторов, как раз с неудачными попытками проведения в них постиндустриальных реформ [10, с. 24].

В отечественной науке промышленные города традиционно выступали и выступают значимым объектом исследования. Так, в советский период исследователи обращались, прежде всего, к изучению новых городов, возникавших вблизи источников природных ресурсов. Причем уже тогда артикулировались не только их достижения, но и имеющие место и сегодня противоречия: ограниченность возможностей в выборе профессии их жителями, недостаточная развитость сферы культуры, досуга, услуг (Г. Ф. Куцев), активные миграционные процессы (Ж. А. Зайончковская, Л. Л. Рыбаковский). В постсоветский период промышленные поселения, в особенности моногорода, стали объектом жесткой критики со стороны ряда ученых, подчеркивавших незавершенность в них урбанизации, несформированность культурной среды (Ю. Л. Пивоваров, Л. Б. Коган), отмечавших, что процессы их формирования шли «сверху», без учета потребностей местных жителей (А. С. Сенявский), их участия в определении специфики и образа города (М. Г. Меерович). В то же время именно в 1990 – начале 2000-х гг. в них в наибольшей степени обострились социально-экономические проблемы.

Сегодня, когда перед Россией стоит задача новой индустриализации с целью обеспечения экономической и политической безопасности страны, промышленные города вновь стали объектом особого внимания управленцев и исследователей. При этом, в условиях роста значимости инновационной экономики, использования новых, современных технологий, начинает артикулироваться важность сохранения и развития в таких поселениях человеческого капитала. Отсюда актуализация проблематики устойчивого развития и поддержания экологии промышленно ориентированных территорий [7]. Кроме того, акцентируется важность решения в них социальных вопросов. В частности, А. В. Аникиева и У. С. Швиндт [1], рассматривая пространственные перемещения жителей уральских моногородов, выявляют слабую развитость в них инфраструктуры, системы общественного транспорта и небезопасность среды.

Причины миграции населения из промышленных городов Арктики анализируют А. Д. Волков и А. В. Симакова [4], подчеркивая значение «средовых» особенностей территории. В то же время в качестве главного фактора сохранения их человеческого потенциала авторами отмечается успешность функционирования ведущих предприятий, реализация ими экологических программ, мер по поддержанию социальной безопасности среды. Вопрос социального обеспечения жителей моногородов и его соот-

ветствия вкладу такого рода поселений в экономику региона и страны поднимают О. В. Артемова, Н. М. Логачева и А. О. Ужегов. Они подчеркивают важность задействования для их развития уникального производственного потенциала и локальной идентичности поселений [3]. При этом в другой своей статье О. В. Артемова, Н. М. Логачева, а также А. Н. Савченко пишут о роли гармонизации физического пространства города в плане влияния на нормализацию социальных отношений, о важности учета интереса и потребностей жителей на примере городских поселений Челябинской области [2].

Несмотря на множество работ, посвященных промышленным городам, своего целостного рассмотрения проблематика отношения к ним населения, оценки их жителями стратегий городских акторов и перспектив развития в контексте стремительно меняющейся социальной реальности, до сих пор не получила.

Эмпирическая база исследования

Данная статья основана на анализе данных, полученных в результате массового трендового опроса населения от 18 лет, проведенного в городах Республики Татарстан в 2021 и 2024 гг. Анкета содержала авторский блок вопросов, касающихся темы города, участников его развития и миграционных установок горожан. В 2021 г. он проводился по телефону, в 2024 г. – часть анкет добиралась с помощью планшетов (в связи со сложностями телефонного обзвона респондентов). В исследованиях использовалась многоступенчатая стратифицированная выборка (по возрасту, полу, национальности).

Работа строится на результатах, полученных по четырем промышленным поселениям республики.

Набережные Челны – крупнейший город (532 074 чел. на начало 2021 г.[1] и 544 383 чел. – на начало 2024 г.[2]; n = 400 – и в 2021, и в 2024 гг.), важный промышленный центр региона, расположенный в 205 км от Казани. Статус города был получен в 1930 г., однако основной рост населения пришелся на 1970–1980-е гг. в связи со строительством «КАМАЗа» (сегодня – одно из ключевых предприятий российского машиностроения). Его население формировалось за счет приезжих специалистов: инженеров, строителей и рабочих, прибывших на комсомольскую стройку. В последние годы экономика города диверсифицируется:

[1] Численность городов на начало 2021 г. представлена по: Численность населения муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан на начало 2021г. и в среднем за 2020 г. (человек) // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. URL: https://16.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Lyo2Fps2/chslmo_21.doc?ysclid=md39qhc76d134807882 (дата обращения: 18.07.2025).

[2] Численность городов на начало 2024 г. представлена по: Численность населения муниципальных образований Республики Татарстан» на начало 2024 года (Статистический бюллетень) // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. URL: https://16.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%9C%D0%9E%D1%87%D0%B8%D1%81%D0%BB2024.docx?ysclid=m6f4wpghzv590552750 (дата обращения: 28.06.2025).

развивается малый и средний бизнес, создана территория опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР). Среди вузов можно выделить Набережно-челнинский педагогический университет (НГПУ) и Передовую инженерную школу (с 2022 г.).

Нижнекамск – большой (по классификации Г. М. Лаппо) город (240 152 чел. на начало 2021 г. и 240379 чел. – на начало 2024 г.; n = 400) – важнейший нефтехимический центр России, основанный в 1966 г. и расположенный в 170 км от Казани. Градообразующим предприятием выступил «Нижнекамскнефтехим» – ныне крупнейший в Европе нефтехимический комбинат, входящий в «Сибур». В последние годы здесь также успешно развивается ряд других предприятий, среди которых выделяется «Танеко», включающее комплекс нефтеперерабатывающих заводов. Профессиональная структура города исторически связана с химиками-технологами, в последние десятилетия к ним добавились специалисты по нефтепереработке. Население формировалось за счет мигрантов со всего СССР, но в большей мере – жителей окрестных сельских районов. Главное образовательное учреждение – Нижнекамский химико-технологический институт (НХТИ).

Альметьевск (158 019 чел. на начало 2021 г. и 163 747 чел. – на начало 2024 г.; n = 300) – нефтяная столица Татарстана, получившая статус города в 1953 г., находящаяся в 224 км от Казани. Его развитие связано с компанией «Татнефть», вокруг которой выстроена местная экономика, включая сервисные предприятия («Таграс», «СМП Нефтегаз» и др.). Исторически город возник на месте татарского села. Сегодня его профессиональный состав связан преимущественно с нефтяной отраслью. На базе Альметьевского нефтяного института (АГНИ) здесь создана Высшая школа нефти.

Зеленодольск (100 009 чел. на начало 2021 г. и 98 888 чел. – на начало 2024 г.; n = 300) – город в 39 км от Казани, основанный в 1932 г. на месте рабочего поселка. Его основные предприятия – «Зеленодольский завод им. А. М. Горького» и POZIS («Завод имени Серго») – ориентированы, в т. ч., на оборонный сектор. В годы Великой Отечественной войны сюда эвакуировали оборудование и специалистов в области судостроения из Ленинграда, что укрепило промышленный профиль города. В настоящий период в нем наблюдается дефицит высшего образования из-за закрытия филиалов вузов; основное профессиональное обучение сосредоточено в учреждениях среднего звена.

Для сравнения в статье используются также отдельные данные по столице региона – г. Казани, полученные в ходе того же исследования.

Идентификация с жителями города и отношение к проживанию в нем: тенденции развития

Важными для понимания значимости для жителей промышленных городов Татарстана идентификаций с городом и его жителями стали ответы респондентов на вопрос, касающийся определения круга

«своих»[1]. Следует подчеркнуть, что, согласно полученным данным, привычное лидирующее положение таких групповых принадлежностей, как поколенческая и профессиональная, было оттеснено за последние годы на второй план теми, что связаны с гражданскими, территориальными и культурными общностями. При этом указанные групповые идентификации оставались на том же уровне (отметили, что отождествляют себя с представителями своего поколения 52,5–59,5% респондентов по разным городам в 2021 г. и 53–60% в 2024 г., с людьми той же профессии 50,2–60,5% в 2021 г. и 52,8–54% в 2024 г.), в то время как отождествление себя с обозначенными выше общностями заметно возросло. Сегодня готовы применить выражение «Это мы» по отношению: к россиянам 61–73,3% респондентов в различных городах (в 2021 г. – 43,5–54,8%); к жителям Республики Татарстан – 75,3–79,5% (в 2021 г. – 48,3–57,8% участников исследования); к тем, кто проживает в том же городе – 74–78% (в 2021 г. – 40,5–48,7%). В свою очередь близость к представителям той же национальности в 2024 г. отметили 74,7–81,7% опрошенных по разным городам (в 2021 г. – 51,5–57,5%), к относящим себя к той же религии – 69,5–73,3% (в 2021 г. – 38,5–49,8%)[2].

Тем самым, в современных социально-политических обстоятельствах мы наблюдаем существенный рост потребности людей в безопасности и соответственно в отнесении себя не столько к тем или иным статистическим категориям (поколение, профессия), сколько к социокультурным общностям. Причем очевидна так называемая «матрешечная» идентичность, когда люди определяют связь, в первую очередь, со своим близким окружением (город, регион) и уже через него – с более масштабным сообществом (страна). Для понимания важности идентичности с теми, кто проживает в том же городе, и ее динамики приведем данные по каждому изучаемому поселению за 2021 и 2024 гг. (табл.1).

Согласно таблице 1 и приведенным выше данным, доля идентифицирующих себя с горожанами «в значительной степени» за изучаемый период существенно возросла (на 28–33%), и это больше, чем наблюдаемый рост по всем другим идентичностям. В результате она достигла 3/4 опрошенных и более по всем городам и заняла одно из ведущих мест в ряду социальных идентичностей (вместе с самоотождествлением себя с людьми той же национальности и с проживающими в том же регионе).

[1] При этом нами был применен модифицированный вариант вопроса Даниловой-Ядова, разработанный в исследованиях под руководством Л. М. Дробижевой: «С одними людьми мы легко находим общий язык, понимаем их. Другие, хотя и живут рядом, всегда остаются чужими. Если говорить о вас, то о ком вы могли бы сказать: «Это – мы»? В какой степени вы ощущаете близость с...?».

[2] Несколько возросла также значимость идентификации себя с людьми того же материального достатка, а также политических взглядов. При этом незначительным оставалось ощущение единства со всеми людьми планеты.

Таблица 1 (Table 1)

Значимость идентичности с жителями города, 2021, 2024 гг., %
Распределение ответов на вопрос:
«В какой степени вы ощущаете близость с теми, кто живет в вашем городе?»
The importance of identity with city residents, 2021, 2024, %
The distribution of answers to the question:
"To what extent do you feel close to those who live in your city?"

Варианты ответов	Набережные Челны		Нижнекамск		Альметьевск		Зеленодольск	
	2021	2024	2021	2024	2021	2024	2021	2024
В значительной степени	48,7	76,5	40,5	74,0	45,2	78,0	40,9	74,0
В некоторой степени	39,3	20,5	40,0	22,3	43,2	19,7	44,2	17,7
Не ощущаю близости	9,8	2,5	15,8	2,3	8,0	2,3	10,9	3,3
Затрудняюсь ответить	2,2	0,5	3,7	1,4	3,6	-	4,0	5,0

На этом фоне важно рассмотреть, каким является отношение жителей промышленных поселений Татарстана к своему городу и как оно менялось со временем. Подкрепляется ли высокая значимость локальной идентичности удовлетворенностью жизнью в нем или это просто защитная реакция на происходящие в мире события? В таблице 2 представим ответы на соответствующий вопрос, данные респондентами в 2021 и 2024 гг.

Таблица 2 (Table 2)

Отношение к проживанию в городе, 2021, 2024 гг., %
Распределение ответов на вопрос:
«Нравится ли вам жить в том городе, в котором вы проживаете?»
Attitude to living in the city, 2021, 2024, %
Distribution of responses to the question: "Do you like living in the city in which you live?"

Варианты ответов	Набережные Челны		Нижнекамск		Альметьевск		Зеленодольск	
	2021	2024	2021	2024	2021	2024	2021	2024
Да	68,0	83,5	63,2	68,8	63,5	59,7	75,6	68,3
Скорее да	20,0	9,8	20,3	22,0	26,2	26,7	13,5	17,7
Скорее нет	8,0	3,5	8,7	3,8	4,0	6,3	6,3	5,0
Нет	3,5	3,0	7,0	4,3	5,0	5,0	4,0	8,3
Затрудняюсь ответить	0,5	0,2	0,8	1,1	1,3	2,3	0,6	0,7

Опрос продемонстрировал преобладание позитивных оценок респондентами своей жизни в городе: от 63,2 до 75,6% в 2021 г. и от 59,7 до 83,5% в 2024 г. по разным населенным пунктам ответили однозначно «да» на вопрос «Нравится ли вам жить в том городе, в котором вы проживаете?». В то же время сама динамика показателей разнится по поселениям. Так в Набережных Челнах достаточно высокие показатели 2021 г. продолжали активно расти (на 15,5% к 2024 г.); в Нижнекамске они тоже увеличились, но не существенно (на 5,6%). В Альметьевске же оценки оставались практически на том же уровне (с незначительным снижением – на 3,8%),

а в Зеленодольске цифры, бывшие самыми высокими среди промышленных городов в 2021 г., снизились на 7,3%, сравнявшись к 2024 г. со средним по изучаемым городам значением.

Чем могут быть обусловлены обозначенные изменения? В Челнах ведущее предприятие продолжало в изучаемый период набирать обороты, постепенно увеличивая объемы производства[1]. Причем оно стало активно вкладываться в реализацию социальных и экологических программ, направленных на поддержку работников «Камаза», совершенствование экологии поселения и городской среды. В последнее время здесь также активно развивается малый и средний бизнес, сфера культуры и досуга. В Нижнекамске произошедшая смена «хозяина» градообразующего производства («Нижнекамскнефтехим» вошел в состав «Сибура») вызвала поначалу опасения населения и активно обсуждалась в городе. В то же время уже в 2024 г., в ходе проводимых автором статьи фокус-групп[2], молодые респонденты оценивали связанные с этим фактом перспективы в целом позитивно. Кроме того, сегодня улучшается инфраструктура города, в частности, в конце 2024 г. был введен в эксплуатацию новый мост через Каму (на обходе Нижнекамска и Набережных Челнов)[3].

В Альметьевске положение ведущей компании в основном стабильно[4]. В то же время региональные тренды поменялись, и вместо однозначной ставки на нефтедобычу акцент, в т. ч. и в информационной повестке, стал делаться на нефтехимии, перерабатывающих отраслях в целом (само руководство «Татанефти» выступает при этом инициатором программ диверсификации экономики города – развития глубокой нефтепереработки и биотехнологий). В Зеленодольске, с одной стороны, мы видим устойчивое развитие градообразующих производств[5]. С другой – работая по госзаказу, они не могут существенно вкладываться в развитие города. Зарплаты в них также остаются невысокими, соответственно велика доля трудоспособного населения, ежедневно выезжающего на зара-

---

[1] См: Объем производства «КАМАЗа» по всем продуктам за 2024 год вырос на 3% // Вести Камаза. 2025. 30 июня. URL: https: //vestikamaza.ru/posts/obem_proizvodstva_kamaza_po_vsem_produktam_za_2024_god_vyros_na_3/ (дата обращения: 17.07.2025).

[2] 12 фокусированных групповых обсуждений были проведены в тех же городах РТ с молодыми людьми, работающими на производстве, в непроизводственной сфере, а также с учащимися школ, ссузов, вузов.

[3] Путин открыл движение по обходу Нижнекамска и Набережных Челнов // Татаринформ. 2024. 22 декабря. URL: https://www.tatar-inform.ru/news/putin-otkryl-dvizenie-po-obxodu-niznekamska-i-nabereznyx-celnov-5968424?ysclid=md8exq8s35484232505 (дата обращения: 08.07.2025).

[4] Татнефть: ради щедрых дивидендов и стабильности. Аналитический обзор // T-Investments. 2025. 1 марта. URL: https://www.tbank.ru/invest/social/profile/T-Investments/57dc643b-a2b9-4669-af22-179e844d1cea/?ysclid=md8g644mgc423261785&author=profile (дата обращения: 17.07.2025).

[5] Итоги года корабелов 2024: АО «Зеленодольский завод имени А. М. Горького» (входит в СК «Ак Барс») // Korabel.ru. 2024. 31 декабря. URL: https://www.korabel.ru/news/comments/itogi_goda_korabelov_2024_ao_zelenodolskiy_zavod_imeni_a_m_gorkogo_vhodit_v_sk_ak_bars.html?ysclid=md8gzq1kpt332137314 (дата обращения: 17.07.2025).

ботки в Казань[1]. В свою очередь, на удовлетворенности зеленодольцев жизнью в городе могло также негативно сказаться закрытие филиалов казанских вузов. И все же, даже снизившись, ее оценка остается в городе-спутнике Казани достаточно высокой.

Более глубоко ситуацию в городах (а также в сравнении со столицей республики) и тенденции ее развития помог представить анализ ответов на следующий вопрос, касавшийся факторов их привлекательности. Во всех изучаемых поселениях, как и в исследовании 2021 г., на первом месте оказался вариант «Я здесь родился и вырос, здесь живут мои родственники, друзья». Причем в отдельных из них (Набережные Челны, Нижнекамск, а также Казань) он стал важным даже для бóльшей доли опрошенных. И это еще раз свидетельствует о росте значимости самоидентификации с местом и ближайшим окружением.

Таблица 3 (Table 3)

Причины, по которым нравится жить в городе, 2021, 2024 гг., %
Распределение ответов на вопрос:
*«Если вам нравится жить в вашем городе, то почему?»**
Reasons why I like living in the city, 2021, 2024 %
Distribution of answers to the question:
*"If you like living in your city, then why?"**

Варианты ответов	Набережные Челны		Нижнекамск		Альметьевск		Зеленодольск		Казань	
	2021	2024	2021	2024	2021	2024	2021	2024	2021	2024
Здесь имеются большие возможности в выборе работы, профессии	12,5	28,7	12,3	29,2	5,6	25,1	1,1	3,1	14,2	29,1
Есть хорошо оплачиваемая работа	12,5	18,0	24,6	25,9	15,6	27,4	4,4	5,4	12,9	16,0
Есть возможность для получения качественного образования для меня и моих детей	9,7	13,4	6,0	7,4	8,1	25,1	4,4	4,7	26,3	17,8
Здесь низкая стоимость жилья	2,8	3,8	2,7	3,6	1,5	3,5	2,2	11,2	1,6	3,4
Я здесь родился и вырос, здесь живут мои родственники, друзья	50,3	57,9	46,7	62,8	56,3	56	52,6	51,6	48,5	55,0
Здесь хорошая экологическая ситуация, красивая природа	17,6	30,6	8,1	9,1	8,5	13,5	50,4	42,2	11,3	22,0

[1] Не решило проблему и строительство рядом с Зеленодольском логистических хабов.

Окончание таблицы 3

Варианты ответов	Набережные Челны		Нижнекамск		Альметьевск		Зеленодольск		Казань	
	2021	2024	2021	2024	2021	2024	2021	2024	2021	2024
Здесь есть музеи, театры, выставочные залы	6,0	11,5	4,5	5,8	5,9	24,7	3,0	4,7	21,2	25,9
Здесь есть где провести время, заняться спортом, развлечься	11,1	17,2	16,5	10,5	18,9	19,3	11,5	3,9	18,8	12,3
Здесь налажена система здравоохранения	7,4	6,4	4,2	3,0	4,1	4,6	1,9	1,6	8,3	9,7
Здесь хорошо работает общественный транспорт, есть связь с другими городами и районами Татарстана, России и зарубежья	13,1	10,5	3,0	3,9	7,0	1,5	9,6	10,5	16,6	10,7
Здесь безопасно, низкий уровень преступности	8,5	9,1	10,2	7,2	18,1	10,8	7,0	10,9	5,9	7,6
Здесь спокойно, и нет суеты	26,7	20,4	29	25,6	33	27,8	38,9	36,0	9,1	10,2
Здесь есть возможности для участия в жизни города	2,3	1,9	4,8	1,7	5,6	2,7	3,0	0,4	5,4	1,6
Здесь имеется доступный интернет и хорошая мобильная связь	7,4	4,3	6,3	1,9	4,4	5,0	3,3	2,3	6,2	1,8
Здесь есть возможности жить среди представителей моей национальности и общаться на моем родном языке	7,1	8,6	9,3	8,3	8,1	7,3	6,3	4,7	11,3	6,3
Другое	15,1	5,6	12,0	6,1	12,2	3,9	8,9	9,7	10,2	12,3
Затрудняюсь ответить	1,7	-	1,5	-	0,7	-	0,7	-	0,3	-

Примечание. *Предлагалось отметить не более трех вариантов.

В Набережных Челнах изменения также коснулись следующих аспектов. В наибольшей степени (на 16,3%) возросла доля выделивших вариант «Здесь имеются большие возможности в выборе работы, профессии» (в этом крупнейшем городе республики она оказалась близкой к ее столице).

Увеличился и процент тех, кто отметил, что в Челнах «есть хорошо оплачиваемая работа» (на 5,5%). Данные перемены особенно важны, поскольку наличие работы как источника дохода и самореализации продолжает выступать ведущим фактором при выборе места жительства активной частью населения (это подтвердили и результаты фокус-групп). Одновременно возросло (на 13,1%) и выделение респондентами в качестве причины привлекательности города варианта «Здесь хорошая экологическая ситуация, красивая природа». И это, по-видимому, обусловлено, в т. ч., последними экологическими программами «Камаза», а также ведущих предприятий, находящегося недалеко Нижнекамска. В результате отмеченных изменений на второе место (после варианта «Я здесь родился и вырос») среди причин привлекательности города в Набережных Челнах вышли хорошая экологическая ситуация (30,6%) и возможность выбора места работы (28,7%), на третье – спокойствие, отсутствие суеты (20,4%), хорошо оплачиваемая работа (18%) и наличие условий для проведения досуга, занятий спортом (17,2%). Все эти тенденции соответствуют тем, что были указаны нами выше.

В Нижнекамске обнаружены следующие тенденции. Тех, кто выделил возможности в выборе работы, профессии, как и в Челнах, стало больше на 16,9% по сравнению с 2021 г., а наличие хорошо оплачиваемой работы отметила по-прежнему четверть респондентов. Эти высокие показатели обусловлены тем, что именно в этом городе имеется наибольшая в регионе концентрация промышленных предприятий, связанных с нефтехимией и нефтепереработкой, и зарплаты там относительно высокие. Еще для четверти опрошенных значимым остался ответ «здесь спокойно и нет суеты». В итоге, вслед за вариантом, связанным с самим фактом рождения в городе и проживанием в нем родственников, друзей (62,8%), в Нижнекамске идут теперь ответы, касающиеся наличия разнообразных (29,2%), а также высокооплачиваемых рабочих мест (25,9%), и связанный с сохраняющимся спокойствием и неспешностью жизни в городе вариант (25,6%).

В Альметьевске тоже виден рост доли отметивших возможности в выборе работы, профессии (на 19,5%); причем по частоте выбравших данный ответ, этот относительно небольшой город приблизился к Челнам и Нижнекамску. Существенно увеличился (на 11,8%) и количество указавших, что здесь «есть хорошо оплачиваемая работа». Кроме того, мы имеем в данном поселении, во-первых, рост (на 17%) числа выделивших вариант «Есть возможность для получения качественного образования для меня и моих детей» (что несомненно связано с открытием в Альметьевске в начале 2024 г. Высшей школы нефти), в результате чего доля их (25,1%) оказалась даже выше, чем в Казани[1]; и, во-вторых, увеличение (на 18,8%) назвавших связанный с культурой ответ (и это, по всей вероятности, обусловлено инициативами «Татнефти» по реализации креативных проектов). Таким образом, мы имеем в данном городе следующую иерархию факторов привлекательности. На втором месте после

[1] В Казани, столице Татарстана, доля респондентов, отметивших данный вариант, сократилась (на 8,5%), видимо, в связи с ростом критических оценок современных процессов в высшем образовании.

«Я здесь родился и вырос...» идут на равных: «здесь спокойно и нет суеты» (27,8%) и наличие хорошо оплачиваемой работы (27,4%). За ними (очень близко) следуют: возможности в выборе работы, профессии (25,1%), в получении образования (25,1%) и развитость культурной жизни (24,7%).

В Зеленодольске на сегодняшний день не отмечено позитивной динамики в оценке респондентами возможностей выбора работы, профессии, а также наличия хорошо оплачиваемой работы (всего 3,1 и 5,4% респондентов соответственно отметили в 2024 г. данные варианты ответов). Главным преимуществом Зеленодольска относительно других рассматриваемых нами поселений, по мнению большинства респондентов, продолжает оставаться хорошая экологическая ситуация, красивая природа (хотя и здесь обнаруживаем некоторое снижение – с 50,4 до 42,2%), а также тихая, спокойная жизнь в нем (36%). Они заняли соответственно вторую и третью позиции после ответа «Я здесь родился и вырос...». В то же время нельзя не отметить, что именно в Зеленодольске в 2024 г. оказалась наибольшей доля респондентов, выделивших вариант, касающийся дешевизны жилья (число назвавших его стало выше на 9%, достигнув 11,2%). И это, наряду с географической близостью к столице региона, продолжает оставаться важным фактором, удерживающим жителей в городе. Доля отметивших, что в нем есть возможности заняться спортом, развлечься при этом снизилась (на 7,6%), то есть данную сферу (как и область образования) все больше «закрывает» сегодня для зеленодольцев Казань.

Наконец, среди причин, по которым им не нравится жить в городе в Набережных Челнах, назывались, прежде всего, высокая стоимость жилья (26,1% от ответивших на данный вопрос) и низкие зарплаты (22,5%). В Нижнекамске – плохая экологическая ситуация (39%) и дороговизна квартир (24,2%). В Альметьевске среди тех, кому не нравится жить в городе, оказалось больше тех, кого не устраивают экологические условия и сфера здравоохранения (41,7%). В Зеленодольске – низкие заработки (31%) и отсутствие возможности выбрать работу, профессию (18,3%).

Акторы промышленных городов региона в представлениях их жителей

Для понимания того, как население понимает перспективы развития города, ключевое значение имеет вопрос о его акторах. Поскольку формулировки ряда ответов на него были в 2024 г. видоизменены (укрупнены либо напротив разделены)[1], представим полученные в двух исследованиях

[1] Так в анкете 2024 г. мы объединили варианты «руководство Вашего города» и «представители органов местного самоуправления», поскольку первое является частью второго. Кроме того, мы посчитали целесообразным предложить помимо ответа «ведущие (градообразующие) предприятия» также «другие крупные предприятия города» (так как они набирают обороты и начинают играть важную роль в жизни поселений). В то же время в таблице 5 мы представили также их укрупнение, имея в виду, что сами жители городов часто не видят разницы между теми и другими. Соответственно и в ходе опроса 2021 г. многие, вероятно, понимали под ведущими (градообразующими) компаниями все крупные предприятия города.

данные в отдельных таблицах (табл. 4 и 5). При этом помимо результатов по предлагавшимся респондентам вариантам также дадим укрупнение ряда из них (помечено цветом).

Таблица 4 (Table 4)

Оценка вклада акторов в развитие города*, 2021 г., %

Assessment of actors' contribution to the development of the city, 2021, %*

Варианты ответов	Набережные Челны	Нижнекамск	Альметьевск	Зеленодольск
Руководство Татарстана	36,7	20	20,9	35,6
Руководство Вашего города	39,3	33,5	34,6	31,4
Представители органов местного самоуправления	8,3	8,5	5,0	8,9
Руководство Вашего города и представители местного самоуправления (*укрупнение*)[1]	**45,3**	**39,8**	**38,2**	**38,6**
Ведущие предприятия города (градообразующие предприятия)	21,5	53,2	65,1	26,7
Представители малого и среднего бизнеса (владельцы магазинов, кафе и т. п.)	9,8	5,0	3,3	3,6
Работники культуры и образования	6,5	2,8	1,0	4,0
Создатели парков, скверов, набережных и т. д.	7,2	7,0	1,0	5,9
Городские активисты, руководители общественных организаций	4,0	3,0	2,3	3,6
Кто еще?	5,0	3,5	5,0	3,0
Затрудняюсь ответить	13,5	9	4,7	18,2

Примечание. *Предлагалось отметить не более двух вариантов.

Таблица 5 (Table 5)

Оценка вклада акторов в развитие города*, 2024 г.,%

Assessment of actors' contribution to the development of the city, 2024, %*

Варианты ответов	Набережные Челны	Нижнекамск	Альметьевск	Зеленодольск
Руководство Татарстана	33,7	41,0	34,3	40,4
Руководство города, представители местного самоуправления	60,8	42,5	57,0	34,7
Ведущие (градообразующие) предприятия	25,9	38,5	36,3	14,5

[1] Так как в 2024 г. мы объединили приведенные выше варианты ответов, представляем здесь также их укрупнение (исключая тех, кто отметил оба варианта).

Окончание таблицы 5

Варианты ответов	Набережные Челны	Нижнекамск	Альметьевск	Зеленодольск
Другие крупные предприятия города	14,1	13,3	16,3	11,1
Ведущие предприятия и другие крупные предприятия города (укрупнение)[1]	**37,8**	**48,5**	**51**,0	**23,7**
Представители малого и среднего бизнеса (торговые организации, общепит, организации сферы услуг и т. п.)	12,8	8,5	9,0	5,4
Работники культуры и образования	9,5	10,3	10,3	9,1
Создатели общественных пространств (парков, скверов, набережных и т. д.)	8,8	5,5	9,3	7,7
Журналисты, блогеры, создатели интернет-каналов и администраторы групп в социальных сетях	0,5	1,3	1,7	4,0
Городские активисты, лидеры общественных организаций	2,3	3,5	0,7	1,3
Кто еще?	3,5	4,5	3,7	3,7
Никто не вносит	0,5	2	1,3	5,4
Затрудняюсь ответить	5,0	3,0	2,0	15,8

Примечание. *Предлагалось отметить не более двух вариантов.

В Набережных Челнах ведущую роль в развитии города, по мнению респондентов, играли и играют в последнее время местные власти. Причем признание их роли растет. Так, если в 2021 г. на это указали в совокупности 45,3% респондентов, в 2024 г. – уже на 15,5% больше. Вторую позицию заняли в данном рейтинге в 2024 г. ведущее и другие крупные предприятия (в совокупности их выделили 40% участников исследования). При этом, даже если учитывать лишь тех, кто указал только градообразующую компанию, мы видим тенденцию к новому росту ее значимости в качестве актора развития города. И на третьем месте оказалось руководство региона, которое назвала, как и в 2021 г., треть респондентов. Десятая часть опрошенных также выделила в роли участника городских процессов представителей малого и среднего бизнеса, а чуть меньшая доля назвала работников культуры, образования и создателей общественных пространств.

[1] Поскольку в 2024 г. был добавлен вариант «другие крупные предприятия города», который мог «забрать» на себя часть выделивших в предыдущем опросе «ведущие (градообразующие) предприятия», представим ответы в двух видах – в том, в каком они задавались, и в укрупненном.

Ведущим актором развития города Нижнекамска, по мнению его жителей, были и остаются градообразующие и другие крупные предприятия, хотя и с тенденцией к некоторому ослаблению их роли. Так в 2021 г. вариант «Ведущие предприятия города (градообразующие предприятия)» отметили более половины респондентов (53,2%). В 2024 г. ведущие и другие крупные предприятия города выделили в совокупности менее половины опрошенных (48,5%). На втором месте в обоих исследованиях оказалась администрация города и органы местного самоуправления, которые указали 39,8% участников опроса в 2021 г. и 42,5% – в 2024 г. «Догоняют» их по значимости власти Татарстана: доля отметивших их в таком качестве увеличилась вдвое – с 20 до 40%. Можно предположить, что это связано с изменением стратегий ведущей компании – «Нижнекамскнефтехима» – предпочитающей теперь финансировать конкретные проекты, а не решение городских проблем в целом. Соответственно, бóльшие надежды проживающими в городе стали возлагаться на региональные власти.

В Альметьевске, как и в Набережных Челнах, наблюдается ощутимый рост (на 18,8%) значимости в глазах населения представителей муниципальной власти. И это, по-видимому, обусловлено теми проектами, которые реализовывались в городе в последние годы, а также их информационной поддержкой. Они, в частности, были ориентированы на увеличение численности населения, строительство комфортного жилья, диверсификацию экономики – развитие помимо нефтяной отрасли тех, что направлены на реализацию потребностей жителей, в частности, на их обеспечение сельхозпродукцией («Овощная долина», «Ягодная долина»), а также на осуществление (совместно с градообразующей компанией) ряда социокультурных проектов. Значение ведущего и других крупных предприятий города теперь признает чуть более половины горожан (в 2021 г. – 65,1%), что по-прежнему больше, чем во всех других изучаемых поселениях. И это подтверждает справедливость позиционирования его руководством себя как «патриотов своей малой родины». Оценка значения властей Татарстана в качестве актора развития города также несколько возросла (на 13,4%), достигнув трети опрошенных. И по десятой доле респондентов, как и в Челнах, выделили в такой роли предпринимателей, работников культуры, а также тех, кто занимается благоустройством городских пространств.

Зеленодольск отличается от других изучаемых промышленных городов республики тем, что здесь в качестве ведущего актора городского развития были названы, прежде всего, власти региона: их указали две пятых опрошенных, что чуть выше (на 4,8%) показателей 2021 г. Такие результаты, видимо, связаны с тем, что город некоторое время был дотационным. Хотя в последние годы он имеет сбалансированный бюджет, ряд социальных проектов продолжает финансироваться республикой. Администрацию Зеленодольска и представителей местного самоуправления выделили в роли ключевых городских акторов в 2024 г. 34,7% опрошенных (в 2021 г. – в совокупности 38,6%). Руководство ведущих компаний, а также других крупных предприятий города обозначили в обоих опросах четверть участников исследования (26,7% в 2021 г. и в совокупности 23,7% в 2024 г.). Соответственно, в данном городе оценки не сильно изменились за последние три года.

Динамика миграционных настроений населения промышленных городов Республики Татарстан

Опираясь на анализ обозначенных изменений в отношении проживающих в промышленных городах Татарстана к своему городу, его жителям и ведущим участникам городских процессов, рассмотрим далее динамику их миграционных установок. Именно в них находит свое выражение видение и оценка горожанами его перспектив. Причем опросы 2021 и 2024 гг. предоставили уникальную возможность не только проследить тенденции развития устремлений горожан на то, чтобы остаться в городе либо покинуть его, но и обозначить смену предполагаемых направлений миграции.

Таблица 6 (Table 6)

Миграционные установки жителей промышленных городов РТ, 2021 г., 2024 гг., %

Распределение ответов на вопрос:
«Если бы у вас была возможность, хотели бы вы сменить место жительства?»
Migration attitudes of residents of industrial cities of the Republic of Tatarstan, 2021, 2024, %
Distribution of responses to the question:
"If you had the opportunity, would you like to change your place of residence?"

Варианты ответов	Набережные Челны		Нижнекамск		Альметьевск		Зеленодольск	
	2021	2024	2021	2024	2021	2024	2021	2024
Да, хотел (хотела) бы переехать в другой город/село Татарстана	10,2	3,5	16,8	10,8	11,3	12,7	5,6	15,0
Да, хотел (хотела) бы переехать в Москву, Санкт-Петербург	5,0	8,8	10,7	9,8	6,6	10,0	4,6	8,7
Да, хотел (хотела) бы переехать в другой регион России (кроме Москвы и Санкт-Петербурга)	10,7	7,3	9,2	6,0	13	4,7	7,6	5,7
Хотел (хотела) бы уехать заграницу	17,2	5,5	14,2	4,0	15,9	3,3	10,2	3,7
Не хочу менять место жительства	55,2	71,8	47	67,8	50,5	64,3	68,6	65,3
Затрудняюсь ответить	1,7	3,1	2,1	1,6	2,7	5,0	3,4	1,6

Мы видим, что в 2021 г. отметили, что не хотят менять место жительства, лишь чуть более половины опрошенных в Набережных Челнах, половина в Нижнекамске и Альметьевске, и только в Зеленодольске процент таковых был ощутимо выше (более трех пятых) и, по сути совпадал с долей выделивших данный вариант ответа в Казани (67%). К 2024 г. ситуация существенно изменилась во всех городах, кроме Зеленодольска, а в Набережных Челнах таких стало больше на 16,6%, в Нижнекамске – на

20,8%, в Альметьевске – на 13,8%, а в Зеленодольске осталось практически столько же[1] (что в целом соответствует приведенным выше данным, свидетельствующим о росте удовлетворенности жизнью в большинстве изучаемых промышленных городов РТ). Соответственно, доля готовых уехать в случае наличия для этого благоприятных обстоятельств, сократилась. И если в 2021 г. таких было от 28 до 50,9% респондентов по разным городам, то в 2024 г. – от 25,1 до 33,1%. Тем самым, в плане миграционных мотиваций тенденции в целом позитивные, хотя процент настроенных на отъезд остается все же высоким.

Анализ направлений миграции показал, что существенно сократилась, прежде всего, доля готовых уехать за границу (на 11,7% в Челнах, 10,2% в Нижнекамске, 12,6% в Альметьевске и на 6,5% в Зеленодольске). И это вполне ожидаемо в нынешних социально-политических обстоятельствах (хотя нужно признать, что часть желавших уехать уже уехала). Главными центрами притяжения стали теперь Москва и Санкт-Петербург, а также столица республики (вариант «хотел/хотела бы переехать в другой город/село Татарстана»), особенно для зеленодольцев.

Сравнение ответов респондентов на следующий вопрос, касавшийся установок на то, чтобы их дети остались жить и работать городе, продемонстрировало в целом схожие тенденции.

Таблица 7 (Table 7)

Установки на проживание детей в том же городе, 2021, 2024 гг., %
Распределение ответов на вопрос:
«Хотите ли вы, чтобы ваши дети жили и работали в вашем городе?»
Installations for children to live in the same city, 2021, 2024., %
Distribution of answers to the question
“Do you want your children to live and work in your city?”

Варианты ответов	Набережные Челны		Нижнекамск		Альметьевск		Зеленодольск	
	2021	2024	2021	2024	2021	2024	2021	2024
Да	31,0	43,3	20,5	35,5	20,9	30,7	23,4	34,0
Скорее да	23,5	22,0	16,5	25,8	22,3	20,0	25,7	14,0
Скорее нет	21,0	10,0	25,3	17,3	21,9	14,0	19,5	14,7
Нет	18,5	11,3	34,5	14,3	27,6	16,3	23,8	21,7
Затрудняюсь ответить	6,0	13,4	3,2	7,1	7,3	19,0	7,6	15,6

Здесь также наблюдается тренд на увеличение в большинстве поселений доли тех, кто видит будущее своих детей в том же городе. В Набережных Челнах она возросла (ответы «да» и «скорее да») на 10,8%, в Нижнекамске на 24,3%, в Альметьевске на 7,5%, и только в Зеленодольске осталась на том же уровне (хотя процент тех, кто не желал бы, чтобы дети оставались в нем, снизился с 43,3 до 36,4%, то есть на 6,9%).

[1] В результате, данные по нему сравнялись с Альметьевском и Нижнекамском и стали ниже, чем в Наб. Челнах.

Все это свидетельствует об обнадеживающих в целом тенденциях в плане сохранения человеческого потенциала промышленных городов региона. Можно предположить, что они были обусловлены, прежде всего, ростом в изучаемый период экономики страны в целом, а также новым поворотом государственной экономической политики к поддержке промышленности. В свою очередь это может быть связано с успехами Татарстана в развитии данной сферы, а также с осуществлением в нем ряда социальных проектов по формированию комфортной городской среды.

Выводы

Результаты трендового социологического исследования помогли определить ключевые тенденции изменений в последние годы в отношении жителей к городу, другим жителям и основным акторам городского развития, а также динамику миграционных установок проживающих в промышленных поселениях Татарстана. Ответы показали существенный рост значимости для респондентов локальной идентичности (на 28–33%) как составной части многоуровневой национально-гражданской идентификации. То есть, самоотождествление себя с городом и горожанами, достигнув 3/4 ответов и выше по разным городам, выступает сегодня базой для выстраивания региональной и российской гражданской идентичности.

В то же время при анализе отношения респондентов к городу были обнаружены разнонаправленные тенденции. И если в Набережных Челнах очевиден тренд на увеличение степени удовлетворенности населением своей жизнью в городе, в Нижнекамске – некоторый ее рост, в Альметьевске восприятие города практически не изменилось, а в Зеленодольске еще недавно высокий и приближающийся к столице республики уровень несколько снизился. Здесь сказывается совокупность многих факторов, начиная от общего социально-политического и социально-экономического контекста (влияющего на приоритеты государственной экономической, и в частности промышленной, политики), состояния градообразующего предприятия, стремления его руководства и финансовых возможностей участвовать в жизни города, географического положения поселения, и заканчивая реальным соотношением сил и позиций акторов на городской арене, информационной составляющей их стратегий.

Важно, что среди позиций, по которым горожанам нравится жить в городе, сегодня возрастает значимость таких как: расширение возможностей выбора работы, профессии (Нижнекамск, Набережные Челны, Альметьевск) и появление хорошо оплачиваемой работы (Альметьевск, Нижнекамск, а также Челны). В отдельных поселениях, по оценкам участников исследования, растут перспективы для получения качественного образования и развиваются культурные проекты (Альметьевск, Набережные Челны). В некоторых из них привлекает, прежде всего, хорошая экологическая ситуация и недорогое жилье (Зеленодольск).

Ключевыми акторами городского развития в промышленных поселениях Татарстана выступают, по мнению респондентов: администрация города, промышленные предприятия, а также власти региона. При этом имеют место тенденции роста признания значимости местных властей (их назвали в 2024 г. от 34,7 до 60,8% опрошенных по разным городам) при сохранении роли градообразующих производств и других крупных предприятий городов (которые выделили от 25,6 до 52,6% респондентов). Спецификой региона является такое представление о роли его руководства (которое указали от 33,7 до 41% участников исследования). До десятой доли и выше респондентов также признали вклад в развитие промышленных городов Татарстана представителей малого и среднего бизнеса, работников образования и культуры, создателей общественных пространств.

Относительно миграционных установок очевиден тренд на их снижение во всех поселениях, кроме Зеленодольска (в котором они и так были относительно невысокими). И все же от четверти до трети их жителей готовы сменить место проживания в случае, если у них будет такая возможность. Среди направлений миграции отъезд за границу сегодня практически сошел на нет и на первый план вышли Москва, Санкт-Петербург, а также другие города региона (главным образом его столица).

Библиографический список

1. Аникиева А. В., Швиндт У. С. Пространственные перемещения жителей уральских моногородов: социальные практики и особенности городского пространства // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 4. С. 167–189. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.684; EDN: BOTCUK.

2. Артемова О. В., Логачева Н. М., Савченко А. Н. Гармонизация пространства промышленного города: социальные ориентиры // Экономика региона. 2021. Т. 17. № 2. С. 538–551. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-2-13; EDN: KDCMEI.

3. Артемова О. В., Логачева Н. М., Ужегов А. О. Моногорода в составе индустриальных регионов УРФО и особенности их локальной идентичности // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 11(493). С. 35–46. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-493-11-35-46; EDN: ITYECO.

4. Волков А. Д., Симакова А. В. Арктический моногород: восприятие населением своего будущего в перспективах его развития // Регионология. 2022. № 30(4). С. 851–881. DOI: 10.15507/2413-1407.121.030.202204.851-881; EDN: EXWOGQ.

5. Девятко И. Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. 208 с.

6. Ишкинеева Ф. Ф. Социально-стратификационные процессы в постмонопромышленном городе в условиях трансформационного общества (на примере города Набережные Челны Республики Татарстан). Автореферат дис. ... к.социол.н. Казань, 2000. 19 с.

7. Никоноров С. М., Кривичев А. И. и др. Методика оценки и ранжирования социально-экономического развития моногородов на основе многофакторного анализа фрактальных показателей // Регионология. 2024. № 32(2). С. 326–344. DOI: 10.15507/24131407.127.032.202402.326-344; EDN: WXDVCX.

8. Шалина Д. С., Степанова Н. Р. Реновация, редевелопмент, ревитализация и джентрификация городского пространства // Фундаментальные исследования. 2019. № 12(2). С. 285–289. EDN: TKKRZT.

9. Юровская Д. А. Влияние ревитализации городских пространств на джентрификацию упадочных районов города (на примере Волгограда) // Инновационные научные исследования. 2021. № 9-1(11). С. 19–24. DOI: 10.5281/zenodo.5529288; EDN: VDLLIT.

10. Bole D., Kozina J., Tiran J. The socioeconomic performance of small and mediumsized industrial towns: Slovenian perspectives // Moravian Geographical Reports. 2020. No. 1(28). P. 16–28. DOI: 10.2478/mgr-2020-0002.

11. Bonfiglioli C. Class, Gender, and Industrial Structures of Feeling After Socialism: Post-Industrial Lives in the Post-Yugoslav Space. In: The Routledge International Handbook of Deindustrialization Studies. Routledge, 2025. P. 218–231. DOI: 10.4324/9781003308324.

12. Destek M. A., Hossain M. R., Khan Z. Premature deindustrialization and environmental degradation // Gondwana Research. 2024. Vol. 127. P. 199–210. DOI: 10.1016/j.gr.2023.06.006.

13. Emery J. After coal: affective-temporal processes of belonging and alienation in the deindustrializing Notthinghamshire Coalfield, UK // Frontiers in Sociology. 2020. No. 5. P. 1–16. DOI: 10.3389/fsoc.2020.00038.

14. Goicoechea M. E., Mejica M. S. A. Tertiary spaces. Urban restructuring trends in the deindustrialization context? // Cadernos Metrópole. 2024. Vol. 27. P. e6266001. DOI: 10.1590/2236-9996.2025-6266001-en.

15. Heydarov A. Sustainable Development Goals: The Case of Industrial Ecology // Advances in Science and Technology. 2024. Vol. 148. P. 3–12. DOI: 10.4028/p-kBSJ0c.

16. Luger J., Schwarze T. Leaving post-industrial urban studies behind? // Dialogues in Urban Research. 2024. Vol. 2. No. 2. P. 188–209. DOI: 10.1177/27541258241230058.

17. Niftiyev I. The Impact of Plant Closures or Deindustrialization on Local Labor Relations in Small and Mono-industrial United States Cities // Proceedings: TNKU FEAS II. Tekirdağ, Türkiye: Tekirdağ Namık Kemal University Faculty of Economics and Administrative Sciences, 2024. P. 19–40.

18. Rosenbaum M. S. The limits of a service-dominated economy: the case for reindustrialization // Journal of Services Marketing. 2025. Vol. 39. No. 4. P. 282–283. DOI: 10.1108/JSM-04-2025-0249.

19. Wolff M., Wiechmann T. Urban growth and decline: Europe's shrinking cities in a comparative perspective 1990-2010 // European Urban and Regional Studies. 2017. Vol. 25(3). P. 122–139. DOI: 10.1177/0969776417694680.

20. Yang C., Qian Z. “Art district without artists”: urban redevelopment through industrial heritage renovation and the gentrification of industrial neighborhoods in China // Urban Geography. 2024. Vol. 45. No. 6. P. 1006–1028. DOI: 10.1080/02723638.2023.2246846.

Получено редакцией: 30.07.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Макарова Гузель Ильясовна, доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.2

Industrial Cities of Tatarstan, Their Actors, and Development Prospects as Perceived by the Population

Guzel I. Makarova

Marjani Institute of History of TAS, Kazan, Russia

makarova_guzel@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3912-0961

For citation: Makarova G. I. Industrial Cities of Tatarstan, Their Actors, and Development Prospects as Perceived by the Population. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 4. P. 38–60. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.2; EDN: MPCUYQ.

Abstract. This article analyses the changing perceptions of residents of Tatarstan’s industrial cities about their city, the leading actors in urban development, and the population itself, as well as the dynamics of their migration sentiments in the context of changes occurring in the country and globally. This article is based on an analysis of data obtained from a mass trend survey of the population in four industrial cities of the region: Naberezhnye Chelny, Nizhnekamsk, Almetyevsk, and Zelenodolsk. Data from Kazan was also included for some aspects. In the context of the extreme turbulence of modern society, research has shown that self-identification with residents of the same settlement has increased, along with civic (Russian), regional, and ethno-confessional identities. Conflicting trends in attitudes toward the city were identified, with, in the author’s view, a predominance of positive ones. They are influenced by a multitude of factors, ranging from the development and strategies of leading enterprises’ participation in urban processes (determined by the directions of state economic policy, the industry affiliation of production, and the priorities of their management), the interaction of multiple actors and the media coverage of their activities, to regional programmes for improving infrastructure and the urban environment. According to city residents, a positive trend is the growing opportunity to choose a job, a profession, and find well-paying employment in the region’s industrial settlements. Some settlements are offering greater opportunities for high-quality education, and cultural and leisure activities are developing. Others are distinguished by relatively low housing prices and a favourable environmental situation. According to the majority of respondents, the leading actors in urban development are the city administration and local governments, city-forming and other large enterprises, and regional authorities. Survey results also showed a weakening of migration sentiment among residents in the industrial cities of Tatarstan studied, although it remains quite high. Among possible migration destinations, Moscow and St. Petersburg are currently the priority, as are other cities in the region (preferably its capital, Kazan).

Keywords: sociology, industrial city, attitude to the city, identification with the inhabitants of the city, actors of urban development, migration sentiments, trend sociological survey, Republic of Tatarstan

References

1. Anikieva A. V., Shvindt U. S. The mobility of Ural region company town residents: social practices and peculiarities of city spaces. *Vestnik instituta sotziologii*, 2020: 11: 4: 167–189 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.684; EDN: BOTCUK.

2. Artemova O. V., Logacheva N. M., Savchenko A. N. Harmonisation of Space in an Industrial City: Social Guidelines. *Ekonomika regiona*, 2021: 17: 2: 538–551 (in Russ.). DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-2-13; EDN: KDCMEI.

3. Artemova O. V., Logacheva N. M., Uzhegov A. O. Single-Industry Towns Within the Industrial Regions of the Urals Federal District and the Features of Their Local Identity. *Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2024: 11: 493: 35–46 (in Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-493-11-35-46; EDN: ITYECO.

4. Volkov A. D., Simakova A. V. Arctic Single-Industry City: The Population's Perception of Their Future in the Prospects for its Development. *Regionologiya*, 2022: 30: 4: 851–881 (in Russ.). DOI: 10.15507/2413-1407.121.030.202204.851-881; EDN: EXWOGQ.

5. Devyatko I. F. Metody sociologicheskogo issledovaniya [Methods of sociological research]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. Un-ta, 1998: 208 (in Russ.).

6. Ishkineeva F. F. Social'no-stratifikacionnye processy v postmonopromyshlennom gorode v usloviyah transformacionnogo obshchestva (na primere goroda Naberezhnye CHelny Respubliki Tatarstan). Avtoreferat dis. ... k. sotsiol. n. [Socio-stratification processes in a post-industrial city in a transformational society (on the example of the city of Naberezhnye Chelny in the Republic of Tatarstan)]. Kazan, 2000: 19. Accessed 28.07.2025. URL: https://cheloveknauka.com/v/37587/a?#?page=1 (in Russ.).

7. Nikonorov S. M., Krivichev A. I. et al. Methodology for Assessing and Ranking of the Socio-Economic Development of Single-Industry Towns Based on Multifactor Analysis of Fractal Indicators. *Regionologiya*, 2024: 32: 2: 326–344 (in Russ.). DOI: 10.15507/24131407.127.032.202402.326-344; EDN: WXDVCX.

8. Shalina D. S., Stepanova N. R. Renovation, redevelopment, revitalization and gentrification of urban space. *Fundamental'nye issledovaniya*. 2019: 12: 2: 285–289 (in Russ.). EDN: TKKRZT.

9. Yurovskaya D. A. The impact of the urban revitalization on the gentrification of decadent areas of the city (on the example of Volgograd). *Innovacionnye nauchnye issledovaniya*, 2021: 9-1(11): 19–24. (in Russ.). DOI: 10.5281/zenodo.5529288; EDN: VDLLIT.

10. Bole D., Kozina J., Tiran J. The socioeconomic performance of small and mediumsized industrial towns: Slovenian perspectives. *Moravian Geographical Reports*, 2020: 1(28): 16–28. DOI: 10.2478/mgr-2020-0002.

11. Bonfiglioli C. Class, Gender, and Industrial Structures of Feeling After Socialism: Post-Industrial Lives in the Post-Yugoslav Space. In: *The Routledge International Handbook of Deindustrialization Studies*. Routledge, 2025: 218–231. DOI: 10.4324/9781003308324.

12. Destek M. A., Hossain M. R., Khan Z. Premature deindustrialization and environmental degradation. *Gondwana Research*, 2024: 127: 199–210. DOI: 10.1016/j.gr.2023.06.006.

13. Emery J. After coal: affective-temporal processes of belonging and alienation in the deindustrializing Notthinghamshire Coalfield, UK. *Frontiers in Sociology*, 2020: 5: 1–16. DOI: 10.3389/fsoc.2020.00038.

14. Goicoechea M. E., Mejica M. S. A. Tertiary spaces. Urban restructuring trends in the deindustrialization context? *Cadernos Metrópole*, 2024: 27: e6266001. DOI: 10.1590/2236-9996.2025-6266001-en.

15. Heydarov A. Sustainable Development Goals: The Case of Industrial Ecology. *Advances in Science and Technology*, 2024: 148: 3–12. DOI: 10.4028/p-kBSJ0c.

16. Luger J., Schwarze T. Leaving post-industrial urban studies behind? *Dialogues in Urban Research*, 2024: 2: 2: 188–209. DOI: 10.1177/27541258241230058.

17. Niftiyev I. The Impact of Plant Closures or Deindustrialization on Local Labor Relations in Small and Mono-industrial United States Cities. *Proceedings: TNKU FEAS II*. Tekirdağ, Türkiye: Tekirdağ Namık Kemal University Faculty of Economics and Administrative Sciences, 2024: 19–40.

18. Rosenbaum M. S. The limits of a service-dominated economy: the case for reindustrialization. *Journal of Services Marketing*, 2025: 39(4): 282–283. DOI: 10.1108/JSM-04-2025-0249.

19. Wolff M., Wiechmann T. Urban growth and decline: Europe's shrinking cities in a comparative perspective 1990-2010. *European Urban and Regional Studies*, 2017: 25(3): 122–139. DOI: 10.1177/0969776417694680.

20. Yang C., Qian Z. "Art district without artists": urban redevelopment through industrial heritage renovation and the gentrification of industrial neighborhoods in China. *Urban Geography*, 2024: 45(6): 1006–1028. DOI: 10.1080/02723638.2023.2246846.

The article was submitted on: July 30, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Guzel I. Makarova, Doctor of Sociological Science, Associate Professor, Chief Researcher

ТЕМА НОМЕРА

ГОРОД В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ СОЦИОЛОГОВ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.3
EDN: QTBWIQ

Социально-экономические факторы и общественное восприятие развития опорных населенных пунктов: опыт Республики Саха (Якутия)

Ссылка для цитирования: *Подойницына И. И., Михайлова А. В.* Социально-экономические факторы и общественное восприятие развития опорных населенных пунктов: опыт Республики Саха (Якутия) // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 4. С. 61–85. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.3;EDN: QTBWIQ.
For citation: Podoinitsyna I. I., Mikhaylova A. V. Socioeconomic Factors and Public Perceptions of the Development of Key Settlements: The Experience of the Republic of Sakha (Yakutia). *Vestnik institute sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 4. P. 61–85. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.3;EDN: QTBWIQ.

SPIN-код: 2794-4479

Подойницына Ирина Ивановна[1]

[1]Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Якутского научного центра СО РАН, Якутск, Россия

irena_ivan@mail.ru

SPIN-код: 6879-9289

Михайлова Анна Викторовна[1]

[1]Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия

av.mikhailova@s-vfu.ru

Аннотация. В данной статье анализируется стратегия развития территорий посредством создания опорных населенных пунктов. Авторы показывают, что их создание будет способствовать перераспределению социально-экономической активности населения на региональном уровне, выступит средством преодоления пространственного дисбаланса. Цель данного исследования – выявить, как эксперты и жители локальных сообществ оценивают перспективы формирования опорных населенных пунктов в Республике Саха (Якутия). В теоретической части статьи рассматриваются методологические подходы к формированию пространственной структуры: сплошное территориальное освоение; устойчивая система расселения, основанная на региональных зонах опережающего экономического роста; экспедиционная система расселения; опорное расселение с образованием опорных насе-

ленных пунктов. Анализ литературы по проблеме показывает: исследователи в основном полагают, что успешное развитие этих пунктов возможно только при комплексном подходе, учитывающем особенности регионов России. Так, если рассматривать создание опорных населенных пунктов на территории Дальнего Востока, то следует учесть подход, предусматривающий формирование устойчивой системы расселения, основанной на региональных зонах опережающего экономического роста, с комфортной для человека жизненной средой. Авторы статьи используют экономический и социологический анализ для определения специфики таких пунктов. На примере двух населенных пунктов Республики Саха (Якутии) (города Алдан и села Бердигестях) показано, что экономические показатели опорных населенных пунктов зависят от географического положения, природно-ресурсного потенциала и социально-экономических условий.

В исследовании авторами использованы экспертное интервьюирование и анкетирование с целью выявления отношения экспертов и обычных жителей региона к формированию опорных населенных пунктов в Республике Саха (Якутия). В процессе обработки и интерпретации результатов исследования были использованы методы: выявления семантических ядер в текстах интервью экспертов, подсчета рейтинга экспертов, а также кластеризация семантических ядер и их визуализация. Экспертами были даны аргументированные оценки развития строительной сферы, малого и среднего бизнеса, транспортной инфраструктуры, социальной сферы в своих населенных пунктах. В результате проведенного анализа авторы делают вывод о необходимости поиска баланса между показателями, обеспечивающими устойчивое развитие территории, что будет способствовать сокращению межрегиональных неравенств. Для этого же социологическое сопровождение должно стать неотъемлемой частью подготовки различных проектов по формированию опорных населенных пунктов в регионах России.

Ключевые слова: опорные населенные пункты, анализ экономической структуры, экспертное интервьюирование, семантическое ядро, рейтинг эксперта,кластеризация семантических ядер, малый город, сельская местность Республики Саха (Якутия)

Введение

Для Крайнего Севера Российской Федерации исторически был характерен очагово-дисперсный тип расселения, обусловленный средоточием поселений рядом с крупными месторождениями полезных ископаемых, вахтовый метод организации труда. Как пишет Д. В. Иванов, в современном мире превалируют потоковые структуры неравенства, когда мегаполисы, столицы имеют гораздо более широкий доступ к различным ресурсам, нежели жители провинциальных городов [7]. В особенно трудном положении находятся малые города и села, расположенные на большом удалении от центра региона – чаще всего им не хватает ни финансовых, ни кадровых ресурсов для дальнейшего развития. В концепции «ускоренного локационного сжатия» говорится о концентрации экономической активности в центрах роста на фоне изменения человеческого, экономического и инфраструктурного потенциала средних и малых городов. Создание опорных населенных пунктов (ОНП) отчасти решит проблему простран-

ственного, территориального дисбаланса – людские и финансовые ресурсы «перетекут» в малые города, сельскую местность, что позволит отработать новые сценарии развития территорий.

Цель данного исследования – выявить, как эксперты и жители локальных сообществ оценивают перспективы формирования ОНП в Республике Саха (Якутия), и определить экономические и социальные факторы, влияющие на готовность локальных сообществ воспринимать такие изменения.

Обзор литературы по проблеме

В условиях неравномерного развития регионов России, реализации государственных программ пространственного развития, а также решения проблем сокращения населения в малых городах и сельских поселениях, становится необходимым поиск новых методологических подходов к формированию сбалансированной территориальной структуры.

В этих условиях развитие ОНП представляется стратегически важным решением, позволяющим оптимизировать расходы и сосредоточить ресурсы на ключевых территориях. Особенно актуально это для северных (арктических) регионов, где сплошное территориальное освоение невозможно по объективным причинам природного характера. Уникальная природа Республики Саха (Якутия), а также крайне суровые климатические условия существенно ограничивают возможности масштабного ее заселения и развития инфраструктуры. В связи с этим очаговый тип освоения, основанный на крупных месторождениях стратегически важных полезных ископаемых, остается наиболее реализуемым в современных условиях подходом. Этот подход позволяет сосредоточить усилия на создании устойчивой системы опорных пунктов, обеспечивающих комплексное развитие региона.

Для северных территорий важным контекстом пространственного развития выступают также социокультурные и исторические факторы, включая особенности традиционного природопользования и формы расселения коренных народов, которые на протяжении длительного времени формировались в условиях изолированности и экстремальной природной среды [4].

По мнению В. И. Кондратьевой [9], характерные для российского Крайнего Севера особенности пространства –очагово-дисперсный тип расселения, неразвитость дорожно-транспортной инфраструктуры и высокие издержки жизнеобеспечения –обуславливают необходимость концентрации ресурсов на развитии опорного расселенческого и инфраструктурного каркасов.

Исследователи [1; 5; 8] отмечают, что в настоящее время существует потребность в разработке механизмов государственной поддержки и привлечения частных инвестиций для создания рабочих мест, развития транспортной и социальной инфраструктуры в ОНП.

На сегодняшний день региональный опыт [2; 3; 10; 15] показывает, что успешное развитие ОНП возможно только при комплексном подходе, учитывающем особенности регионов России. Так, Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 (ред. от 27.02.2023) «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» предусматривает формирование устойчивой системы расселения, основанной на региональных зонах опережающего экономического роста, с комфортной средой обитания человека. Также в стратегии акцентируется внимание на сохранении и поддержке традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Российской Федерации.

Идея опорных населенных пунктов, опирающаяся на концепцию демографической гравитации [8], в современной научной литературе трактуется как механизм концентрации экономической активности и перераспределения ресурсов в условиях пространственной неоднородности. В логике данного подхода ОНП выступают экономическими узлами, аккумулирующими занятость, инвестиции и инфраструктуру, что позволяет снижать издержки пространственного развития и поддерживать связанность территорий. Так, А. В. Севостьянова, Т. В. Близнюкова и их коллеги [19] рассматривают ОНП как центры промышленности и культуры, узлы вахтовых маршрутов и точки инноваций, откуда экономические и технологические эффекты распространяются на малонаселенные территории.

Существенным экономическим и социальным фактором формирования ОНП для северных регионов является трансформация моделей расселения и занятости. Переход от парадигмы «освоения и обживания» к модели, ориентированной на «политику пребывания» некоренного населения в условиях Крайнего Севера, усиливает значение вахтового метода организации труда. В этой связи ОНП выполняет функцию инфраструктурных баз временного проживания и занятости, обеспечивая воспроизводство рабочей силы, транспортную доступность и предоставление базовых социальных услуг, что напрямую влияет на устойчивость экономической деятельности.

В 2021 г. правительство РФ предложило концепцию опорных населенных пунктов как инструмент противодействия пространственному сжатию и мелкодисперсной системе расселения, характерной для большинства российских регионов. В нормативно-правовых актах Российской Федерации показатель экономического развития ОНП определен, как «улучшение качества среды для жизни в опорных населенных пунктах на 30 процентов к 2030 году и на 60 процентов к 2036 году» (Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»). Утвержден Распоряжением Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» перечень ОНП в РФ. Стратегия подчеркивает стремление государства сформировать четкий план территориального развития, направленный на сокращение регионального неравенства и повышения качества жизни граждан.

Итак, опорными считаются те поселения, которые обладают «относительно развитой инфраструктурой», устойчивой экономической активностью и стратегически важным расположением, позволяющим выполнять ключевые функции в пространственном развитии территории. И мы придерживаемся именно этой позиции. Она не только объясняет текущие процессы, но и предлагает ясный ориентир на будущее – развитие территории Севера, где точки опоры становятся точками роста.

Анализ литературы свидетельствует о том, что опорные населенные пункты целесообразно рассматривать как результат взаимодействия экономических и социологических факторов: структуры занятости, инфраструктурной обеспеченности и общественного восприятия качества жизни. Именно эта логика положена в основу настоящего исследования, в рамках которого социологическое изучение оценок экспертов и жителей позволяет комплексно оценить перспективы формирования ОНП.

Методология и методы исследования

В исследовании нами применены методы анализа экономической структуры двух населенных пунктов РС(Я) (г. Алдан и с. Бердигестях) на основе открытых данных, а также сравнительный анализ критериев отбора ОНП.

Социологическое исследование было проведено авторами в целях выяснения отношения информированной части населения (экспертов) и рядовых жителей населенных пунктов к перспективам формирования ОНП. Системное изучение социальных явлений с использованием совокупности специальных методик для выявления закономерностей можно рассматривать как необходимый элемент подготовки той или иной социальной программы, позволяющий проанализировать предложения «снизу». Сошлемся на мнение Г. В. Осипова, который выдвинул такие тезисы: «решать проблемы сейчас можно только на основе социальной науки»; практическая роль социологии не должна отходить на задний план, в обществе нельзя действовать методом проб и ошибок – перед принятием политического решения необходимо изучить общественное мнение, приняв во внимание, что закон имеет «обратную силу» [6, с. 144]. В данном случае он подчеркивает, что перед началом внедрения той или иной инновации, социальной программы необходимо изучить отношение населения к этим инновациям и внедрениям, а потом уже принимать ответственные решения.

Для сбора социологических эмпирических данных применялись опрос жителей и интервьюирование экспертов. Для составления вопросов гайда применялись такие государственные программы как: Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 (ред. от 27.02.2023) «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года»; Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

Было опрошено 30 экспертов и 102 респондента в малом городе Алдане и в селе Горного улуса РС(Я) Бердигестях. Исследование было проведено в сентябре 2024 г. Выбор данных населенных пунктов был обусловлен тем, что их предполагали включить в список опорных населенных пунктов по РС(Я).

Подбор экспертов для научно-исследовательского интервью осуществлялся по следующим критериям: стаж эксперта, накопленный опыт в той или иной сфере деятельности, занимаемая должность; наличие ведомственных наград; одним из главных показателей компетентности эксперта выступало умение прогнозировать развитие событий в своем населенном пункте.

В процессе обработки результатов экспертного интервью использовался метод выделения в тексте семантических ядер. Сформировав семантическое ядро из часто повторяемых участниками интервьюирования суждений, мы отделяем главное от второстепенного, взвешенное мнение – от случайного, прибегаем к методу нюансирования ответов. Обобщения позволяют сформировать представления о четкой позиции экспертов по поводу определенных явлений.

Для каждого из экспертов были рассчитаны рейтинги (индексы авторитетности) по авторской методике шкалирования по трем критериям – стаж, награды, прогнозирование. Стаж от 1 до 10 лет оценивался в 5 баллов; от 11 до 20 лет – 10 и т. д.; верхняя планка (свыше 40 лет) – 25 баллов. Шкала «награды» также интервальная и состоит из 4-х позиций: локальные награды – 5 баллов и далее по возрастающей. Также нюансирована была шкала по «Прогнозированию» – тот, кто оценивал свои способности на 10 баллов, признавался самым перспективным экспертом. Используемая шкала рейтинга экспертов носит аналитический характер и применяется для сопоставления степени информированности респондентов. Авторами также был использован метод кластеризации семантических ядер и визуализация метода (см. рис. 1 и 2). Под кластеризацией семантических ядер понимается группировка повторяющихся смысловых элементов экспертных высказываний.

Анализ результатов полевого исследования

Для анализа экономических критериев опорных населенных пунктов были выбраны две территории, демонстрирующие уровень социально-экономического развития: город Алдан и село Бердигестях, расположенные в РС(Я). Эти локации представляют собой типичные для Якутии примеры локальностей, позволяющие рассмотреть общий контекст регионального развития РС(Я).

Город Алдан – промышленный центр, который связан с добычей золота и других полезных ископаемых, характеризуется развитой транспортной и энергетической инфраструктурой. Численность населения Алдана (на 01.01.2025 г.) составляла 20 841 чел., в т. ч.детей до 7 лет – 2081 чел., подростков от 8 до 18 лет –2462 чел., молодежи от 19 до 30 лет – 2498 чел., взрослых от 31 до 60 лет – 8964 чел., пожилых от 60 лет – 4543 чел., долгожителей старше 80 лет – 292 чел. Официально занятого населения в Алдане

12 421 чел.(59,6%), а официально оформленных и состоящих на учете безработных было 1209 чел.[1]. По уровню рождаемости Алдан в целом характеризуется низкими показателями, суммарный коэффициент фертильности ниже среднероссийского показателя и составляет менее 2,1 ребенка на женщину[2]. Ситуация в поселении характеризуется хроническими процессами естественной убыли, с показателями не обеспечивающими простого воспроизводства населения, старением населения и утратой демографического потенциала. Наблюдается за последние годы миграционная убыль.

Основным доходом населения муниципального образования «Город Алдан» является заработная плата: 59,2%– 2024 г. На 1 ноября 2025 г.зарплата в Алдане составляла 117 860 руб. Это средняя зарплата уже за вычетом всех налогов и сборов, т. е. «на руки». Медианная заработная плата отражает уровень доходов, характерный для половины занятых, и ниже средней. Так, медианная зарплата в Алдане составляет 74 250 руб. Распределение зарплат выглядит следующим образом: до 82 500 руб. – получают 64,7% населения, от 82 500до 294 650 руб. – 32,24%, свыше 294 650руб. – 3,06% населения Алдана[3].

В то же время существенным источником доходов населения являются социальные выплаты: 18,4% –в среднем по 2024 г. В городе Алдан 7 общеобразовательных учреждений, в которых обучается более 2500 школьников, 9 детских садов с численностью более 1000 чел., спортивная школа, школа искусств. В городе есть клубы, музей, библиотеки. На территории поселения услуги здравоохранения оказывает ГБУ РС(Я) «Алданская центральная районная больница» с поликлиникой.

Село Бердигестях – населенный пункт с ограниченными экономическими возможностями: сельское хозяйство и обслуживание местного населения. На 01.01.2025 г. численность населения села Бердигестях составляла 6715 чел., в т. ч. детей до 7 лет – 670 чел., подростков от 8 до 18 лет –794 чел., молодежи от 19 до 30 лет – 804 чел., взрослых от 31 до 60 лет – 2889 чел., пожилых от 60 лет – 1464 чел., долгожителей старше 80 лет – 94 чел. Официально занятого населения в с. Бердигестях 4002 чел. (59,6%), пенсионеров 1947 чел., а официально состоящихна учетебезработных 389 чел. (5,8%). На 1 ноября 2025 г.зарплата в с. Бердигестях составляла 91 250 руб, также является средней «на руки». Медианная зарплата в с. Бердигестях составляет 57 490 руб. Распределение зарплат выглядит следующим образом: до 63 870 руб. – получают 64,7% населения, от 63 870 до 228 120 руб. – 32,24%, свыше 228 120 руб. – 3,06%[4].

---

[1] Социально-экономическая характеристика города Алдан. URL: https://aldan.awdb.ru/ (дата обращения: 01.11.2025).

[2] Основные итоги социально-экономического развития МР Алданский район: отчеты на официальном ресурсе администрации. URL: https://www.aldanray.ru/ (дата обращения: 30.09.2025).

[3] Социально-экономическая характеристика города Алдан. URL: https://aldan.awdb.ru/ (дата обращения: 01.11.2025).

[4] Социально-экономические характеристики села Бердигестях. URL: https://awdb.ru/zarplata/resp-saha-yakutiya/n/gornyy/berdigestyah/ (дата обращения: 01.11.2025).

За последние десять лет наблюдается снижение как общей численности населения, так и трудоспособного. В селе есть общеобразовательная школа, интернат, детская школа искусств, дошкольные и дополнительного образования учреждения. В данный период медицинское обслуживание сельского населения осуществляет ГБУ РС(Я) – межулусный центр «Горная центральная районная больница» со стационаром. На первый взгляд инфраструктурные проблемы в селе решены, а потому для понимания продолжающегося оттока населения необходимо изучение общественного мнения на предмет работы учреждений здравоохранения, школ, транспорта и др., оценка состояния инфраструктурных объектов. Возможно, потребуются дополнительные исследования.

Для определения приоритетов экономического развития ОНП обычно рассматриваются два подхода. Первый заключается в установлении четких критериев, позволяющих объективно отбирать проекты, которые должны получить первоочередную поддержку. Для первого пути важно, что критерии отбора должны отражать ключевые (критические) факторы успеха [22].

Второй подход предполагает утверждение «обязательных проектов» – тех, что были предварительно согласованы со всеми заинтересованными сторонами и потому рассматриваются к реализации. Этот подход строится на общественном запросе и предполагает активное участие хозяйствующих субъектов. Иначе говоря, проект получает статус обязательного, когда его поддерживают и готовы софинансировать ключевые предприятия территории.

Оба подхода сталкиваются с общей проблемой: количество инициатив значительно превышает реальные возможности их выполнения. Поэтому для дальнейшего анализа важно обратиться к структуре двух населенных пунктов в РС(Я) (см. таб. 1.).

Анализ таблицы 1 демонстрирует значительные различия в экономической базе двух населенных пунктов – г. Алдана и с. Бердигестях, что напрямую влияет на применимость каждого из двух подходов к формированию приоритетов развития ОНП.

Первый путь предполагает отбор проектов на основе заранее установленных критериев, отражающих ключевые факторы развития территории. В г. Алдан присутствует крупное градообразующее предприятие АО «Золото Селигдара» с выручкой 56 млрд руб., что обеспечивает устойчивую экономическую базу, местный бюджет также существенно выше – 1,78 млрд руб., что свидетельствует о достаточной самостоятельности и потенциале для софинансирования проектов. Высокие среднедушевые доходы населения показывают устойчивую социально-экономическую среду. Алдан обладает ресурсами и возможностями для использования первого пути, где проекты могут отбираться по строгим критериям эффективности и влияния на развитие. В то же время в с. Бердигестях выручка крупнейшего предприятия АО «Горный автодор» составляет всего 1,3 млрд руб., что в 43 раза меньше Алдана. Местный бюджет крайне ограничен – 122,7 млн руб., среднедушевые доходы населения втрое ниже, чем в городе Алдан. Для Бердигестяха

критериальный путь также возможен, но он будет выявлять структурные ограничения, показывая, что многие приоритетные проекты не могут быть реализованы из-за нехватки финансовых, кадровых и материальных ресурсов. Следовательно, первый путь позволяет объективно оценить потенциал двух ОНП, фиксируя глубокий дисбаланс в их экономических возможностях.

Второй путь предполагает, что приоритетные проекты формируются на основе общественного запроса и поддержки со стороны ключевых хозяйствующих субъектов. Реализация данного подхода возможна в Алдане: наличие мощного предприятия («Золото Селигдара») делает его реальным участником «обязательных проектов», а местный бюджет может поддержать проекты, прошедшие общественное согласование. В с. Бердигестях основное предприятие («Горный автодор») имеет ограниченную финансовую базу и не способно изменить социально-экономический ландшафт территории, местный бюджет не позволяет поддерживать общественные инициативы, а относительные невысокие доходы населения ограничивают спрос и общественные ресурсы. Поэтому второй путь здесь практически неприменим, поскольку отсутствует экономический субъект, который мог бы стать локомотивом «обязательного» проекта.

Таблица 1 (Table 1)

Структура экономик ОНП
Structure of economies SNP

№	Субъекты	г. Алдан	с. Бердигестях
1	Бюджет предприятия (лидер по выручке) ОКВЭД	АО «Золото Селигдара» 07.29.41 Добыча руд и песков драгоценных металлов (золота, серебра и металлов платиновой группы)	АО «Горный автодор» 42.11 Строительство автомобильных дорог и автомагистралей
	Выручка, 2023:	56,0 млрд руб.	1,3 млрд руб.
2	Местный бюджет ОКВЭД: 84.11.3 Деятельность органов местного самоуправления по управлению вопросами общего характера	Администрация ГП «Город Алдан» МР «Алданский район» РС(Я)	Администрация МР «Горный улус» РС(Я)
	Собственные доходы, 2024 г.	1782 млн руб.	122 718 тыс. руб.
3	Семейный бюджет: -среднедушевые денежные доходы, 2024 г.	120 333,8 руб.	38 802,6 руб.

Источник: составлено авторами из открытых источников.

Анализ структуры экономики двух ОНП показывает: Алдан способен использовать оба подхода, но особенно эффективно – критериальный, поскольку его сильная экономическая база позволяет выбирать действи-

тельно стратегические проекты развития территории и локальных сообществ. Бердигестях может опираться только на первый путь, но и его результаты будут ограничены экономическими возможностями территории. Второй путь – «обязательного проекта» – в условиях села практически невозможен из-за отсутствия крупных предприятий и слабой финансовой базы.

Таким образом, структурные различия в экономике двух ОНП предопределяют различную применимость управленческих подходов, что необходимо учитывать при формировании пространственной стратегии развития территории и локальных сообществ.

В Алдане в число экспертов (n = 21) вошли: глава города Алдан и его заместители; директора школ, библиотек, культурных центров; руководители и заместители руководителей промышленных предприятий; руководители бизнеса. Наивысший балл эксперта по авторской методике в Алдане составил 54.

На вопрос «Как идет строительство в вашем населенном пункте?» были получены в основном позитивные ответы. Из ответов были выделены ключевые слова, которые укладываются в континуум семантического ядра «успешное развитие строительной сферы»: «ведется активно, стабильно» (11 повторений-упоминаний); «есть программы строительства, идет бурный процесс»(4 повторения); «строительство идет, особенно объектов компаний «Железные дороги Якутии», «Амуро-Якутская магистраль»(5 повторений); «город красивый, изменения видимые» (4 повторения); «строительство многоквартирных домов и индивидуальных жилых комплексов»; «необходима интервенция госкомпаний на рынок жилья»(2 повторения) и др.

Второе семантическое ядро «слабое развитие строительства»: «рынок аренды перегрет: не готовы продавать/покупать, хотят арендовать» (3 упоминания); «высокие цены на жилье, особенно на первичное» (11 упоминаний); «молодежь без поддержки не может купить квартиры» (5 упоминаний); «рынок первичного жилья фактически недоступен»; «отсутствует муниципальное жилье для молодых специалистов» и др.

В целом, как видим, вопрос о ведении строительства в г. Алдане вызвал большую заинтересованность у экспертов. Сошлемся на мнение мэра г. Алдана, который подчеркнул, что активно строить в Алдане начали с 2012 г., а до этого почти 26 лет строительная отрасль находилась в стагнации. Позитивных оценок ведения строительства в административном центре Алданского района достаточно много: если сложить все упоминания, вместе с синонимами, то получим цифру – 30. Негативных упоминаний 21, и чаще всего озвучиваются высокие цены на первичное жилье как главный недостаток строительной сферы.

Предложений по совершенствованию строительной сферы экспертами было высказано немало. Самые перспективные, часто повторяемые суждения: нужны не только кварталы компаний «Железные дороги Якутии» и «Амуро-Якутская магистраль», а проекты комплексной застройки города с учетом особенностей поселения; необходимо обратить внимание на проекты современной архитектуры и современный дизайн зданий; надо решить задачу обеспечения жильем молодых специалистов.

Приведем мнение самого рейтингового эксперта г. Алдана (54 балла), согласно авторского шкалирования, о котором говорилось в разделе Методология и методы исследования: «*В Алдане идет активное строительство, нужно вводить арендное жилье. Цены на вторичное жилье очень высоки. Нужен свободный фонд для молодых специалистов*».

Вопрос второй: «Как вы оцениваете развитие бизнеса в вашем населенном пункте?». Из ответов экспертов по г. Алдану были выделены такие ключевые слова, которые можно поместить в семантическое ядро «успешное развитие бизнеса»: «бизнес-инкубаторы»; «льготы для субъектов малого бизнеса»; «льготная аренда»; «вовлеченность власти в решение проблем малого бизнеса»; «центры поддержки предпринимательства»; «увеличение числа стартапов и малых предприятий»; «обучение и финансовая поддержка начинающих предпринимателей», «получение грантов», «снижение тарифов на услуги». Это были примеры успешного развития бизнеса в Алданском районе.

Развитыми и перспективными направлениями бизнеса алданские эксперты назвали сельское хозяйство; сервисный бизнес; туризм; шиномонтаж; креативные индустрии; досуг детей и подростков; дополнительное образование детей; производство; коммерциализация клубов мастериц.

Но были среди экспертов и такие, кто придерживался противоположных суждений. Так, 1/3 алданских экспертов заявили: от жителей не исходит инициатив по развитию того или иного вида бизнеса, большинство жителей города не слышало об открытии бизнес-инкубаторов. *«Есть программы, но реальных дел не видим»*, – говорили эксперты. О том, что в Алдане развивается бизнес, заявляли в основном представители администрации города и сами предприниматели, а о том, что «реальных дел не видим» говорили эксперты, представляющие сферы культуры и образования.

Все мантическое ядро «слабое развитие бизнеса»попадают следующие ключевые суждения: «нет инициативы»; «нет поддержки»; «не слышали про бизнес-инкубатор»; «не выполняется Указ Президента РФ от 07.05.2018 г.»; «слабая вовлеченность молодежи в занятия бизнесом».

В ответе на данный вопрос наиболее популярное и часто используемое ключевое слово –«поддержка бизнеса», оно упомянуто экспертами 26 раз. Большинство экспертов проявили умеренный оптимизм. Однако мы видим, что семантическое ядро «успешное развитие бизнеса» наполнено 9 подтверждающими ключевыми выражениями, которые, к тому же, повторяются несколько раз. В то время как семантическое ядро «слабое развитие бизнеса» наполнено только 5 выражениями. На втором месте по числу упоминаний в тексте ключевые слова – «бизнес-инкубатор», «льготы», «гранты» (по 5–6 раз упоминаний).

И, завершая данный блок вопросов, обратимся к мнению эксперта с самым высоким рейтингом (54 балла)*: «Развитие малого бизнеса идет, нужна поддержка новых отраслей. Я согласна, что направления креативной отрасли для молодых специалистов очень важно, но нужно обучать и поддерживать молодежь. Нужны Ассоциации и Сообщества профессио-*

налов для развития. Я за креативный кластер у нас в городе. Также сервисная экономика очень важна. Особенно для поддержки транспортной сферы, надо сельское хозяйство развивать».

Вопрос третий: «Что вы можете сказать о развитии транспортной инфраструктуры в вашем населенном пункте?». В семантическое ядро «успешное развитие транспортной инфраструктуры» в г. Алдане можно включить следующие словосочетания: «дороги строятся, состояние хорошее» (5 словосочетаний); «через Алдан доставляется много грузов» (6 высказываний); «есть автобусы, такси Drivee, отдельные ватсап-группы Аэроэкспресс» (2 высказывания); «в настоящее время транспортная инфраструктура Алдана включает в себя автомобильные дороги, железнодорожные пути и общественный транспорт, которые обеспечивают связь с другими регионами» (5 высказываний); «железная дорога способствует улучшению логистики»; «есть хорошая федеральная трасса» (3 высказывания) и др.

В семантическое ядро «слабое развитие транспортной инфраструктуры» помещаем такие словосочетания: «внутри поселений редкое сообщение» (3 словосочетания); «нерентабельны внутренние перевозки» (2 высказывания); «проблемы с освещением остановок и дорог в целом» (4 высказывания); «проблема водителей – канавы, которые не закрыты»; «не продуманы знаки дорожного движения»; «количество ДТП растет» (13 высказываний); «в темные зимние вечера ездить по Алдану затруднительно» (2 высказывания); «состояние транспортной инфраструктуры удовлетворительное» (5 высказываний); «автобусы не оборудованы для лиц с ОВЗ»; «состояние дорог ниже удовлетворительного уровня» (2 высказывания); «требуется ремонт на многих участках дорог»; «нет пешеходных переходов» (3 высказывания); «нет велосипедных дорожек» (3 высказывания); «нет тротуаров и пространства для прогулок граждан» (3 высказывания); «машинам мешают водостоки» (2 подтверждающих высказывания).

Отметим, что данный вопрос вызвал активный интерес у экспертов, бурные обсуждения и множество высказываний как позитивного характера (23 аргументированных высказывания, с синонимами), так и высказываний-констатаций негативного содержания (47 упоминаний). При этом видно, что главная проблема алданцев – большое количество ДТП. От экспертов из разных отраслей, принявших активное участие в интервью, поступило большое количество предложений по улучшению ситуации с транспортом, начиная от глобальных, рассчитанных на среднесрочную и долгосрочную перспективу – сделать из Алдана транспортный хаб (связав его с Нижним Бестяхом[1]) по распространению товаров и продуктов питания; ввести критерии безопасного и комфортного города с точки зрения автотранспорта; модернизировать транспорт с учетом растущих потребностей населения, и заканчивая предельно утилитарными, конкретными предложениями по оформлению пешеходных переходов и др. (всего 23 предложения).

[1] Нижний Бестях – железнодорожная станция, конечный пункт линии БАМ – Лена, расположена вблизи г. Якутск, на противоположном правом берегу р. Лена. Предполагалось провести железную дорогу непосредственно в Якутск, но для этого нужно построить мост через р. Лена, что оказалось крайне трудной задачей в силу геологических и климатических особенностей района.

Эксперт с самым высоким рейтингом заявил, что через Алдан перевозится множество грузов и потому целесообразно создать в нем логистический центр и построить склады, а также необходимо принимать меры по сокращению количества ДТП, вводить умные камеры, освещать и анализировать ДТП официально.

Результаты исследования можно представить в визуализированной форме (рис.1).

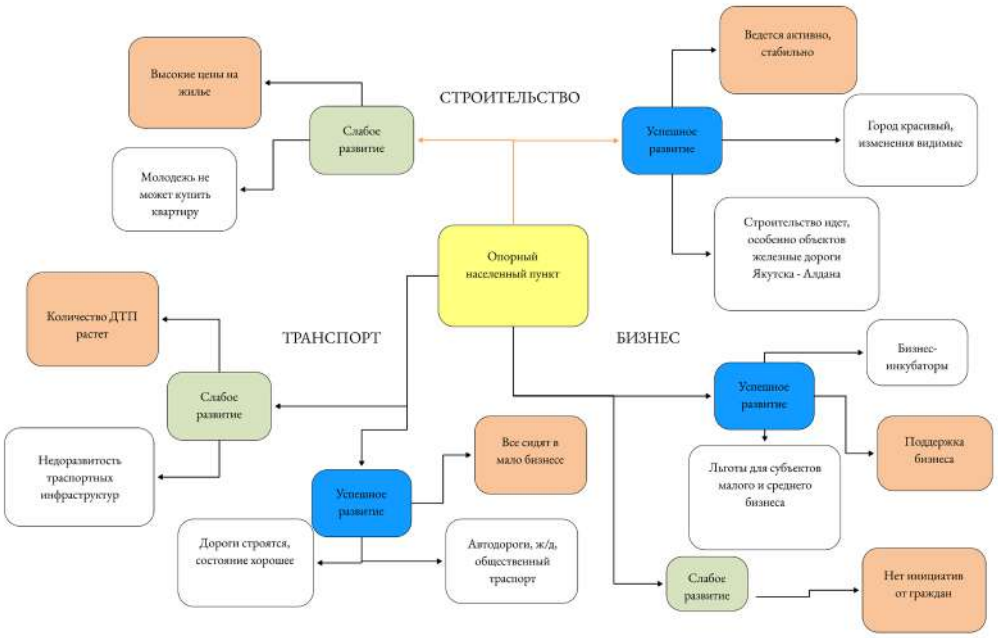

Рис. 1. Кластеризация семантических ядер по г. Алдан

Figure 1. Clustering Semantic nuclei by g. Aldan

Обратим внимание на то, что в каждом из шести кластеров выделяется центральное, «самое нагруженное» мнение– на схеме этот квадрат окрашен в красный цвет. Однако кластеры «успешное развитие» по отраслям строительства, бизнеса, транспорта не являются зеркальным отражением кластеров «слабое развитие». Так, главным признаком успешного развития строительной сферы является тот факт, что строительство ведется активно и стабильно, а недостатком – не медленные темпы строительства, а высокие цены на жилье. Красные квадраты – сформированные позиции экспертов, позитивные и негативные векторы развития отраслей.

В селе Бердигестях в число девяти экспертов вошли: директора музеев, Центров досуга, библиотек; руководители и сотрудники частных фирм; учителя. Наивысший балл эксперта по авторской методике составил 53.

Первый вопрос касался строительства. В континуум семантического ядра «успешное развитие строительной сферы» попали следующие ключевые фразы из ответов экспертов: «строительство идет хорошими темпами, выше среднего» (6 упоминаний); «первичное жилье доступно для граждан»; «строятся в основном частные дома»; «реализуется масштабный проект квартальной застройки по программе переселения из аварийного жилья»; «много финансовых средств вкладывается в строитель-

ство и инфраструктуры»; «усилия муниципальной власти»; «программа «Микрополис» – идеальная модель села Магарас»; «нужна экспансия государственных строительных фирм в отрасль».

В континуум семантического ядра «слабое развитие строительства» вписываются такие высказывания: «частники буквально давят на строительную сферу, работают по своим законам» (3 упоминания-подтверждения); «жилье для молодых специалистов возможно только за счет частного строительства»; «отсутствие участков под строительство в Магарасе»; «развивать фонд арендного жилья в Бердигестяхе и Магарасе не выгодно, так как в улусе нет большого потока трудовых мигрантов».

Приведем высказывание самого рейтингового эксперта в этом разделе (53 балла): «*В селе Бердигестях Горного улуса Республики Саха (Якутия) реализуется масштабный проект квартальной застройки по программе переселения граждан из аварийного жилищного фонда. Данные мероприятия выполняются в рамках национального проекта «Жилье и городская среда». Идет строительство квартала из 7 многоквартирных домов. ... завершается мастер-план нашего села. У нас реализован дизайн-код территории. Есть программы для молодых семей. Обеспечивается Программа доступного и качественного жилья для различных категорий населения, особенно для многодетных семей*».

В селе Бердигестях Горного улуса РС(Я) на второй вопрос «Как вы оцениваете развитие бизнеса в вашем населенном пункте?» были получены следующие ответы: «*бизнес в Горном улусе и в Дикимдя развивается мощно*»; «*энергия бизнесменов превращается в большие дела*»; «*в Магарасе все «сидят» в малом бизнесе. Наверное, больше нет в РС(Я) такого места как Магарас, где молодежь так хочет пробовать себя в бизнесе*».

В семантическое ядро «успешное развитие бизнеса» вошли такие ключевые высказывания: развивается мощно; все сидят в малом бизнесе; молодежь идет в бизнес; гранты на развитие бизнеса; бизнес на селе помолодел; «большие дела».

Развитыми и перспективными направлениями бизнеса бердигестяхские эксперты назвали производство сувенирной продукции; общепит (в частности, молодежные кафе); туризм – авторские туристические маршруты на реку Синюю, Столбы, сплав по рекам и др.; деревообработку; лесоводство; прачечные и химчистки; модную индустрию. Прогнозируется успешное развитие на селе креативных индустрий в виде гончарных мастерских, мини-зоопарков; к креативным индустриям можно также отнести IT-центр, Центр дополнительного образования (с робототехникой), мастерские кутюрье, где изготавливается национальная одежда в стиле этномодерн.

Семантическое ядро «слабое развитие бизнеса» оказалось почти не заполненным, оно представлено единственным высказыванием: «на селе бизнес не развивается из-за большого количества проблем».

Обратим также внимание на высказывание самого рейтингового эксперта (53 балла): «*Есть бизнес-инкубаторы, работает МФЦ, фонд поддержки предпринимательства РС(Я), развивается производство,*

продают продукцию фермеров в городе Якутске. Нужна поддержка в развитии местных предприятий, включая малый и средний бизнес, а также привлечение инвестиций в промышленные и сельскохозяйственные проекты».

На вопрос «Что вы можете сказать о развитии транспортной инфраструктуры в вашем населенном пункте?» были получены следующие ответы в Горном улусе РС(Я). В семантическое ядро «успешное развитие транспортной инфраструктуры»вошли следующие словосочетания и фразы: «имеется федеральная трасса Вилюй»; «из столицы республики до административного центра улуса дорога отличная»(4 высказывания); «с осени 2024 г. между деревнями ходят автобусы»; «легко добраться до аэропорта в Якутске и железнодорожного вокзала в Нижнем Бестяхе»; «благодаря хорошим дорогам и придорожные кафе работают прибыльно»; «такси работают хорошо»; «в селах есть: частный автотранспорт, автобус, снегоходы, трактора, аэропланы, которые перевозят аптечные принадлежности»; «степень безопасности на дорогах средняя».

Рассмотрим семантическое ядро «слабое развитие транспортной сферы»: «общее состояние дорог удовлетворительное»; «внутри села дороги надо сделать лучше» (2 высказывания); «дороги от административного центра до деревень требуют ремонта» (2 высказывания).

Самый рейтинговый эксперт отметил, что в селах Горного улуса необходимо улучшение транспортной инфраструктуры, введение логистических услуг, это облегчит доступ к рынкам сбыта. Усовершенствование дорог позволит улучшить условия для ведения сельского хозяйства.

На основе проведенного качественного исследования была разработана визуализация под названием «Кластеризация семантических ядер по селам Горного улуса» (рис. 2.).

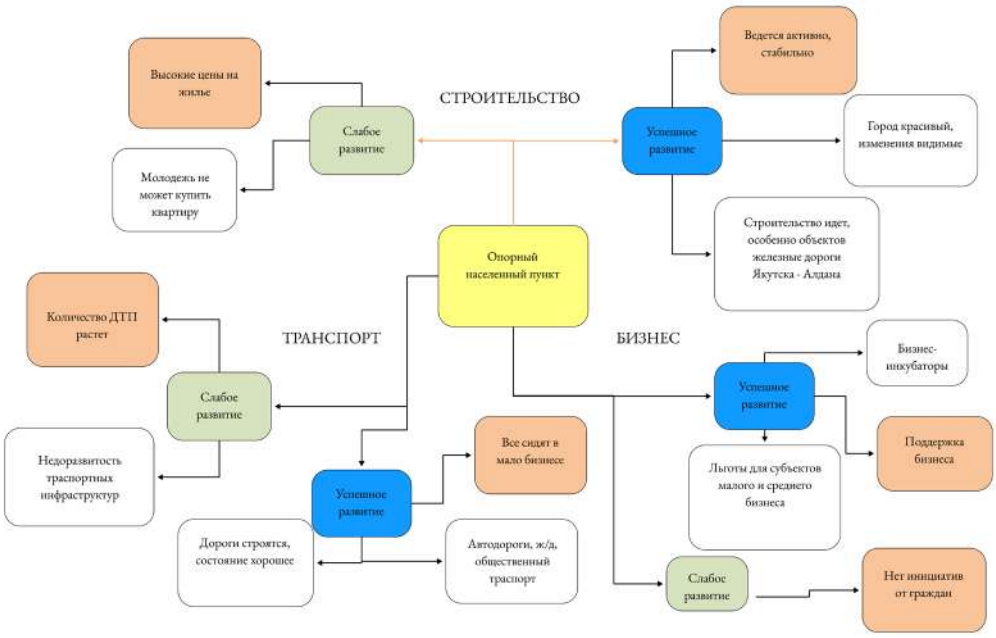

Рис. 2. Кластеризация семантических ядер по Горному улусу

Figure 2. Clustering Semantic Nuclei in Gornyi Ulus

Из рисунка 2 видно, что главных вывода по строительству в Горном улусе два: первое –ведется хорошими темпами и второе – частники оказывают мощное деструктивное давление на строительную сферу. Эксперты отмечают, что приоритетным направлением работы муниципалитетов в Горном улусе должна стать экспансия государственных строительных фирм на их территории.

Что касается бизнеса, выделим также два противоречивых вывода. С одной стороны, все или многие «сидят» в малом бизнесе, что, безусловно, является достижением. С другой стороны, малое и среднее предпринимательство имеет много проблем, которые также были выявлены в экспертном интервью (слабо развивается фермерство; мало инвестиций в развитие сельскохозяйственных проектов; трудно выиграть гранты на поддержку и др.).

Согласно рисунку 2, по поводу дорог в улусе все более прозрачно и понятно: и федеральные, и региональные трассы, связывающие Якутск и Бердигестях, находятся в отличном состоянии, а вот добраться до отдаленных деревень от административного центра улуса крайне сложно, их жители находятся в ущемленном состоянии. Следовательно, важным направлением работы в автодорожной сфере должно стать строительство местных, локальных автодорог – на них должны выделяться соответствующие ресурсы.

Серия экспертных интервью была дополнена опросом жителей потенциальных ОНП в г. Алдане и в селах Горного улуса. Основной задачей было сравнить ответы экспертов и рядовых граждан и выявить возможные дополнительные проблемы.

В опросе в Алдане приняли участие 42 респондента, 20 из них мужчины, 22 – женщины. Профессиональный статус опрошенных: работники сферы культуры, сферы образования, рабочие, студенты СПО, работники сферы обслуживания, пенсионеры. Пропорционально представлены респонденты всех возрастных групп. На вопрос «Что вы думаете по поводу строительства жилья в вашем населенном пункте?» 28 опрошенных ответили, что оно ведется интенсивными темпами. На полях анкеты респонденты написали, что особенно активный строитель – «Железные дороги Якутии». 24 анкетируемых отметили, что хорошо работает программа сокращения непригодного жилого фонда, ветхого деревянного жилья. 30 алданцев заявили, что довольны своими квартирами. Еще 8 чел. добавили, что скорее довольны, чем нет. Следовательно, 38 жителей, принявших участие в опросе, довольны своим жильем – это один из главных результатов исследования. Высокий уровень удовлетворенности жильем объясняется тем, что в этот показатель включены и полностью довольные и скорее довольные респонденты, а также тем, что на фоне расселения ветхого фонда (активный процесс в Алдане) люди воспринимают свои жилищные условия как заметно улучшившиеся.

11 чел. подчеркнули, что бизнес в Алдане развивается интенсивно, о посредственном развитии бизнеса, «ни шатко ни валко» заявили еще 15 алданцев. 20 с энтузиазмом отмечают, что в Алдане нужно постоянно развивать новые виды бизнеса, пропаганда бизнеса среди школьников

и молодежи крайне необходима. На вопрос «Какой вид бизнеса наиболее популярен сегодня в вашем населенном пункте?» подавляющее большинство выделили торговлю (14 упоминаний); продажу ягод, грибов; общепит (3-4 упоминания). В ответе на данный вопрос рядовые граждане существенным образом отстают от экспертов, у первых нет достаточной информации, чтобы видеть перспективы развития предпринимательства в Алданском районе.

Одна треть ответивших заявляет, что дороги в их населенном пункте «удовлетворительные». Но все же большее количество, фактически каждый второй, называют алданские трассы хорошими. Как видим, в вопросе развития дорожно-транспортной сфере Алдана рядовые граждане были более лояльны, нежели эксперты.

В Бердигестяхе в исследовании приняли участие 60 человек, из них мужчин – 29, женщин – 31. Профессиональный статус опрошенных: муниципальные служащие, специалисты сфер образования, медицины, сферы услуг, ЖКХ, пенсионеры, безработные. Основная масса опрошенных – от 30 до 60 лет.

На вопрос «Что вы думаете по поводу строительства жилья в вашем населенном пункте?» 48 респондентов отметили, что оно идет интенсивными темпами; 43 чел. подчеркнули, что в их поселении сокращение непригодного жилья и ветхого жилищного фонда проводится регулярно. На конкретный вопрос «Довольны ли вы своей квартирой?» 52 респондента ответили, что довольны своим жильем.

На вопрос «Какие виды малого бизнеса наиболее популярны в вашем населенном пункте?» ровно половина респондентов-бердигестяхцев воздержались от ответа, другая половина выделила услуги (12 чел.), туризм (7 чел.) и торговлю (7 чел.). 39 ответивших считают, что в Бердигестяхе и прилегающих селах бизнес развивается интенсивно. На вопрос «Необходимы ли изменения в сфере бизнеса?» 54 респондента заявили, что необходимо развивать систему льгот и денежной помощи начинающим предпринимателям. Респонденты предложили расширить перечень финансовой поддержки: пересмотреть условия и критерии для льготных микрозаймов и субсидий на открытие своего дела, в том числе на компенсацию части процентной ставки по кредитам, предоставлять муниципальные помещения в аренду на льготных условиях, а также оказывать помощь через бизнес-инкубатор и центр «Мой бизнес» в виде консультаций по составлению бизнес-планов и сопровождения на первых этапах открытия бизнеса. Вариант «развивать новые виды бизнеса» выделили один-два человека.

Респонденты отметили «удовлетворительное» качество дорог в улусе (33 чел.), еще 18 чел. назвали дороги «плохими» и «очень плохими». Отвечающие подчеркивали, что существуют проблемы с занятостью населения в селах, уровень занятости нельзя трактовать как высокий (так считает 44 респондента). По этому пункту мнение экспертов и рядовых граждан совпадает: с занятостью населения, материальным вознаграждением за труд в селах фиксируется немало проблем.

Опрос рядовых граждан в сельской местности Горного улуса продемонстрировал их неосведомленность в вопросах развития бизнеса и завышено позитивные оценки по поводу строительства в улусе. Эксперты были намного более критичны, информированы, аргументированы в ответах. От рядовых граждан также не поступило предложений по улучшению ситуации в улусе.

И эксперты, и жители уделили внимание развитию социальной сферы – здравоохранения, образования, социокультурных объектов и др. Прежде всего, внимание было сосредоточено на развитии общественных пространств в населенных пунктах. Так, алданские эксперты отметили, что в сентябре 2024 г. в их городе был открыт новый экопарк Орто-Сатал. На всех этапах благоустройства данного объекта принимали участие местные жители.Парк возвели на средства Всероссийского конкурса лучших проектов по созданию комфортной городской среды.

«В будущем, согласно мастер-плану, Алдан должен стать одним из комфортных городов республики и драйвером развития экономики Южной Якутии», –отметила главный архитектор города Алдан. 17 экспертов сошлись во мнении, что в их малом городе создаются все условия для развития общественных пространств. Эксперты констатировали, что в Алдане активно развиваются спортивные объекты, такие как лыжная база, физкультурно-оздоровительный комплекс (ФОК), хоккейная площадка, бассейн и др. Горнолыжный комплекс в Алдане является местом подготовки Олимпийского резерва лыжников для всей России. ФОК и другие спортивные объекты не только обеспечивают современную инфраструктуру для тренировок и соревнований, они способствуют развитию спортивной культуры населения. 15 рядовых алданцев, принявших участие в опросе, заявили, что качество жизни в их городе можно назвать «высоким». И 11 из ответивших таким образом считает, что высокое качество жизни в их населенном пункте достигается за счет занятий спортом и следования принципам ЗОЖ.

Основными компонентами социальных инфраструктур являются сфера образования, здравоохранения, культуры. Эксперты активно рассуждали по темам развития этих сфер в своих населенных пунктах. Так, подавляющее число экспертов и в Алдане, и в Бердигестяхе отметили наличие в их населенных пунктах качественного дошкольного, общего среднего и дополнительного образования, подчеркивалось наличие кружков по техническому и эстетическому направлению. Эксперты сделали вывод, что в их населенных пунктах именно сфера образования развита на самом высоком уровне по сравнению с остальными. В Бердигестяхе хорошо работают гимназия, средняя общеобразовательная школа, спортивная, хореографическая, музыкальная школы; общеобразовательная и агропромышленная школа в Магарас. Заслуженной славой пользуется Политехнический техникум в г. Алдан, старейшее учебное заведение в республике с 90-летними традициями.

Социокультурное пространство в Алдане, Бердигестяхе и в близлежащих селах развивается достаточно динамично. Во всех населенных пунктах есть культурные объекты: хорошо оборудованные библиотеки – детская

модельная и районная библиотека им. П. Д. Аввакумова в Бердигестяхе и районная библиотека им. Н. Некрасова в Алдане – являются гордостью и Алданского, и Горного улусов, их активно посещают местные жители, причем, и дети, и молодежь. Что касается других объектов культуры, здесь не все однозначно. Центр досуга в Бердигестяхе давно требует реконструкции, он построен еще в 1970-х г. Вместе с тем, даже не слишком современный Центр досуга любят посещать местные жители. Далеко не в каждом селе Якутии имеется такой замечательный музей-галерея, как в селе Дикимдя. В Бердигестяхе имеется Дом Олонхо[1], краеведческий музей, дом-лаборатория Августины Филипповой, развивающая и распространяющая эстетику якутского (сахаларского) народного костюма, проводится много культурных мероприятий.

Наиболее проблемной зоной и в Алдане, и в Бердигестяхе экспертами фактически единодушно признана *сфера здравоохранения*. Один из главных пунктов национальных проектов – «наличие квалифицированных специалистов общего и узкого профиля» не работает в больницах Алданского, и особенно – Горного улуса. Все опрашиваемые в Горном улусе жаловались на отсутствие специалистов узкого профиля (офтальмологов, хирургов, стоматологов и др.). Эксперты не считают медицину доступной в плане профилактики заболеваний. 30 опрошенных алданцев и 43 бердигестяхца оценили доступность и качество медицинских услуг в своем населенном пункте как «удовлетворительные».

Проведенный анализ позволил установить, что мнения экспертов и жителей по поводу ведения строительства в г. Алдане фактически совпадают, общий настрой у тех и других –позитивный.

Ответы экспертов на вопросы о развитии малого и среднего бизнеса в их районе республики были наиболее оптимистичны, причем, и в Алдане, и в Бердигестяхе. Это позволяет предположить, что данные поселения как опорные населенные пункты в будущем будут иметь хорошие перспективы для развития бизнеса, обеспечения жителей рабочими местами в частном секторе.

Вызывает тревогу, что рядовые граждане слабо информированы о возможностях развития бизнеса в их населенных пунктах, о деятельности бизнес-инкубаторов, инициативы «снизу» не поступают, их представление о бизнесе поверхностны, однобоки.

Наибольшее количество негативных оценок и комментариев вызвал вопрос о развитии транспортной инфраструктуры в населенных пунктах. С одной стороны, эксперты г. Алдан подчеркивают, что через Алдан доставляется много грузов. С другой, отмечалось большое количество ДТП. Эксперты видят большие перспективы в дальнейшем развитии транспорта в их малом городе: планируется, в частности, сделать из Алдана транспортный хаб по распространению товаров и продуктов питания, связав его с Нижним Бестяхом.

[1] Олонхо – древний якутский героический эпос, признан ЮНЕСКО памятником устного и нематериального наследия человечества.

Эксперты из Горного улуса высказали в основном положительные оценки о федеральной трассе Вилюй, дороге из столицы республики до административного центра улуса, подчеркивали, что с осени 2024 г. между деревнями стали ходить автобусы. Жители Горного улуса совершенно не чувствуют своей оторванности от цивилизации и транспортной ущемленности.

И эксперты, и жители придают большое значение развитию социальной инфраструктуры и сходятся во мнении, что создание комфортной среды для проживания как в городе, так и на селе повысит уровень приверженности населения к проживанию в данном населенном пункте. Тема здравоохранения в изучаемых районах оказалась самой «больной» для опрашиваемых, проблемной,фактически депрессивной.

Заключение

Полученные результаты показывают, что эффективность формирования опорных населенных пунктов определяется не только экономическими параметрами, но и степенью согласованности экспертных представлений и мнения жителей о направленности развития территории.

Для успешного развития ОНП в РС(Я), таких как г. Алдан и с. Бердигестях, необходимо усилить государственное участие в строительстве жилья и инфраструктур, особенно в сельской местности, где частный сектор не способен самостоятельно обеспечить качественные изменения, а главное для решения вопросов социальной сферы.

Формирование перечня опорных населенных пунктов требует комплексного подхода, включающего социологический анализ для выявления общественных потребностей и экономический анализ для оценки потенциала территорий, что позволит обеспечить устойчивое развитие региона с учетом территориальной неоднородности, специфики развития и приоритетов населения.

Формирование перечня ОНП необходимо осуществлять с учетом региональной специфики и общественного восприятия изменений. Экономические показатели обоих населенных пунктов отражают различную структуру занятости, инфраструктурные возможности и демографическую динамику, что обуславливает неодинаковый потенциал их развития. Алдан демонстрирует более устойчивые экономические позиции, но сталкивается с естественной убылью населения, миграционным оттоком и наплывом вахтовиков, которые воздействуют на рынок аренды квартир, рост цен на жилье и создают определенную напряженность на рынке труда. Бердигестях обладает ограниченной экономической базой, однако характеризуется устойчивыми социокультурными практиками и высокой значимостью социальных институтов для местного населения.

Иллюстративным примером влияния социально-экономических условий на общественное восприятие формирования ОНП в Республике Саха (Якутия) выступает контраст между Алданом, где развитая инфраструктура вызывает у жителей уверенность в перспективах преобразова-

ний, и в селе Бердигестях, где ограниченные экономические возможности сочетаются с высокой значимостью социальных институтов и устойчивыми локальными практиками.

Анализ полученных данных показал, что успешное формирование ОНП в Якутии возможно только при условии учета локальных социальных факторов:

– высокой значимости инфраструктурного развития как маркера качества жизни;

– разрыва между экспертным пониманием перспектив предпринимательства и низкой осведомленностью о них широких групп населения;

– устойчивого доверия к местным властям и муниципалитетам в вопросах строительства;

– одновременно – выраженной неудовлетворенности населения состоянием здравоохранения;

– сохраняющейся депопуляции населения, которая отчасти зависит от степени неудовлетворенности уровнем медицины, но надо искать и другие социальные причины.

Результаты исследования подтверждают, что успешная реализация политики формирования ОНП требует баланса между экономическими критериями и социально обусловленными ожиданиями жителей. В северных условиях Якутии такой подход позволит учитывать территориальную неоднородность, специфику расселения и социально обусловленные ожидания жителей.

В итоге становится очевидно, что ОНП – это не абстрактная концепция, а живая социально-экономическая конструкция, формирующая будущее северных сообществ. Наше исследование показывает: только учитывая голос жителей и реальный потенциал территорий, можно превратить эти точки в полноценные центры развития и притяжения северного (арктического) пространства.

Библиографический список

1. Антонюк В. С., Сигатова Н. А., Вансович Э. Р. Стратегия пространственного развития России: адаптационный подход и приоритизация задач // Вестник ЧелГУ. 2024. № 12(494). С. 19–28. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-19-28; EDN: NFHRTY.

2. Бакланов П. Я., Мошков А. В. и др. Большое дальневосточное транспортно-экономическое кольцо: структура и функции в пространственном развитии региона // Вестник Московского ун-та. Сер. 5. География. 2023. № 2. С. 73–88. DOI: 10.55959/MSU0579-9414.5.78.2.7; EDN: OSVRZP.

3. Беляева Н. Б., Тучков В. А. Социальная инфраструктура Арктических городов северной Европы и Российской Федерации // Технико-технологические проблемы сервиса. 2022. №3(61). С. 110–118. EDN: GOBGJU.

4. Бравина Р. И., Архипов Н. Д. Межэтнические контакты на северо-западе Якутии по материалам «воздушных» захоронений XVIII-XIX вв. // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. № 2(47). С. 49–65. DOI: 10.21285/2415-8739-2023-2-49-65; EDN: EEOACS.

5. Воронина О. С. Основные направления в процессе изучения принципов расселения и локализации малых и средних населенных пунктов на территории Среднего Приобья // Урбанистика. 2022. № 1. С. 66–78. DOI: 10.7256/2310-8673.2022.1.37657; EDN: UKMJDX.

6. Докторов Б. З., Осипов Г. В. Решать проблемы сейчас можно только на основе социальной науки // Социологический журнал. 2014. № 2. С. 144–167. EDN: SJUOCV.

7. Иванов Д. В. Новые конфигурации неравенства и потоковые структуры глэм-капитализма //Социологические исследования. 2016. № 6. С. 13–23. EDN: WBBIAH.

8. Козлова О. А., Ситковский А. М. Методический подход к анализу социально-демографических факторов формирования опорного каркаса расселения // Вопросы управления. 2023. № 4(83). С. 33–52. DOI: 10.22394/2304-3369-2023-4-33-52; EDN: WNENYT.

9. Кондратьева В. И. Северо-Якутская опорная зона Арктической зоны России в стратегии пространственного развития Российской Федерации // Арктика. XXI век. Гуманитарные науки. 2017. № 1(11). С. 4–12. EDN: ZASZKV.

10. Краснопольский Б. Х. Северо-арктические территории Дальнего Востока: влияние инфраструктурных факторов на процессы трансформации пространственного развития региона // Экономика региона. 2024. № 2. С. 24–42. DOI: 10.14530/reg.2024.4.24; EDN: LYNLJJ.

11. Кузнецова О. П., Юмаев Е. А. Опорный город как ключевое звено системы расселения Российской Федерации // Известия УрГЭ. 2010. № 3(29). С. 113–118.

12. Маркварт Э., Киселева Н. Н., Соснин Д. П. Система опорных населенных пунктов как механизм управления пространственным развитием: теоретические и практические аспекты // Власть. 2022. № 2. С. 95–111. DOI: 10.31171/vlast.v30i2.8939; EDN: UNFDYM.

13. Никулкина И. В., Гордячкова О. В., Романова Е. В. Кластерный анализ арктических поселений Якутии с позиции концепции резильентности // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 12. С. 72–81. DOI: 10.24158/pep.2023.12.9; EDN: CDJIFB.

14. Олейник Н. М. Вызовы и направления устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации // Вестник СибИБИТ. 2024. № 3. С. 108–112. DOI: 10.24412/2225-8264-2024-3-804; EDN: ZBTYBC.

15. Садковская О. Е. Пространственное взаимодействие населенных пунктов в Ростовской области // Architecture and Modern Information Technologies. 2024. № 3(68). С. 298–312. DOI: 10.24412/1998-4839-2024-3-298-312; EDN: CDSTSQ.

16. Садковская О. Е. Центры межмуниципального обслуживания Ростовской области // Architecture and Modern Information Technologies. 2023. № 1(62). С. 183–196. DOI: 10.24412/1998-4839-2023-1-183-196; EDN: OACMQD.

17. Сарварова Р. Р., Путинцев А. Л. Устойчивое развитие арктической зоны Российской Федерации в современных реалиях // Architecture and Modern Information Technologies. 2024. № 4(69). С. 256–265. DOI: 10.24412/1998-4839-2024-4-256-265; EDN: MPAIIA.

18. Свешников В. К. Градостроительные проблемы Севера. Л.: Наука, 1971. С. 5–19.

19. Севостьянов А. В., Близнюкова Т. В. и др. Реновация сельского расселения Российской Федерации // Московский экономический журнал. 2022. № 12. С. 312–329. DOI: 10.55186/2413046X_2022_7_12_758; EDN: MPWJZC.

20. Фаузер В. В., Смирнов А. В. и др. Методика определения опорных поселений российской Арктики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 25–43. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.2; EDN: PWUDIP.

21. Черновская Л. И., Ерохин Г. П. Преодоление пространственного дисбаланса современной системы расселения Российской Федерации (потенциал Новосибирска) // Творчество и современность. 2019. № 3-4(11). С. 87–99. EDN: TLDCIX.

22. Шабунова А. А., Кожевников С. А. Социально-экономическое пространство СЗФО: проблемы и приоритеты обеспечения связности // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. № 6. С. 49–68. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-250-6-49-68; EDN: BFIKKB.

Получено редакцией: 29.03.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Подойницына Ирина Ивановна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник

Михайлова Анна Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и управления персоналом

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.3

Socioeconomic Factors and Public Perceptions of the Development of Key Settlements: The Experience of the Republic of Sakha (Yakutia)

Irina I. Podoinitsyna

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the Yakut Scientific Centre SB RAS, Yakutsk, Russia

irena_ivan@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2664-9276

Anna V. Mikhaylova
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia
av.mikhailova@s-vfu.ru
ORCID: 0000-0002-3110-7017

For citation: Podoinitsyna I. I., Mikhaylova A. V. Socioeconomic Factors and Public Perceptions of the Development of Key Settlements: The Experience of the Republic of Sakha (Yakutia). *Vestnik institute sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 4. P. 61–85. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.3;EDN: QTBWIQ.

Abstract. The article examines a strategy for territorial development through the creation of key settlements. The authors demonstrate that their creation will facilitate the redistribution of socioeconomic activity at the regional level and serve as a means of overcoming spatial imbalances. The purpose of this study is to identify how experts and residents of local communities assess the prospects for the formation of key settlements in the Republic of Sakha (Yakutia). The theoretical section of the article examines methodological approaches to the formation of a spatial structure: continuous territorial development; a sustainable settlement system based on regional zones of advanced economic growth; an expeditionary settlement system; and key settlement with the formation of key settlements. An analysis of the literature on this topic reveals that researchers generally believe that the successful development of these settlements is possible only with an integrated approach that takes into account the specific characteristics of Russia's regions. Thus, when considering the creation of key population centres in the Far East, it is necessary to consider the development of a sustainable settlement system based on regional zones of advanced economic growth, with a comfortable living environment. The authors of the article use economic and sociological analysis to determine the specific characteristics of such centres. Using the example of two communities in the Republic of Sakha (Yakutia) (the town of Aldan and the village of Berdigestyakh), they demonstrate that the economic performance of key population centres depends on their geographic location, natural resource potential, and socioeconomic conditions.

The authors used expert interviews and questionnaires to identify the attitudes of experts and ordinary residents of the region toward the formation of core communities in the Republic of Sakha (Yakutia). In processing and interpreting the study results, the following methods were employed: identifying semantic cores in expert interview texts, calculating expert ratings, and clustering and visualising these semantic cores. The experts provided reasoned assessments of the development of the construction industry, small and medium-sized businesses, transport infrastructure, and social services in their communities. Based on their analysis, the authors conclude that it is necessary to find a balance between indicators that ensure sustainable development of the region, that will contribute to reducing interregional inequalities. To this end, sociological support should become an integral part of the preparation of various projects for the formation of core communities in Russian regions.

Keywords: reference settlements, analysis of economic structure, expert interviewing, semantic core, expert rating, clustering of semantic cores, small city, rural area of the Republic of Sakha (Yakutia)

References

1. Antonyuk V. S., Sigatova N. A., Vansovich E. R. Strategy of Spatial Development of Russia: Adaptation Approach and Prioritization of Tasks. *Vestnik ChelGU,* 2024: 12(494): 19–28 (in Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-494-12-19-28; EDN: NFHRTY.

2. Baklanov P. YA., Moshkov A. V. et al. The Great Far Eastern Transport and Economic Ring: Structure and Functions in the Spatial Development of the Region. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 5. Geografiya*, 2023: 2: 73–88 (in Russ.). DOI: 10.55959/MSU0579-9414.5.78.2.7; EDN: OSVRZP.

3. Belyaeva N. B., Tuchkov V. A. Social infrastructure of the Arctic cities of Northern Europe and the Russian Federation. *Tekhniko-tekhnologicheskie problemy servisa,* 2022: 3(61): 110–118 (in Russ.). EDN: GOBGJU.

4. Bravina R. I., Arhipov N. D. Interethnic contacts in the northwest of Yakutia based on materials from "air" burials of the 18th-19th centuries. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologij*, 2023: 2(47): 49–65 (in Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2023-2-49-65; EDN: EEOACS.

5. Voronina O. S. Main directions in the process of studying the principles of settlement and localization of small and medium-sized settlements on the territory of the Middle Ob region. *Urbanistik*. 2022: 1: 66–78 (in Russ.). DOI: 10.7256/2310-8673.2022.1.37657; EDN: UKMJDX.

6. Doktorov B. Z., Osipov G. V. Reshat' problem seichas mozhno tol'ko na osnove sotsial'noi nauki [Problems can now be solved only on the basis of social science]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2014: 2: 144–167. EDN: SJUOCV.

7. Ivanov D. V. Novyekonfiguratsiineravenstvaipotokovyestrukturyglem-kapitalizma [New configurations of inequality and flow structures of glam capitalism]. *Sotsiologicheskie issledovaniya,* 2016: 6: 13–23 (in Russ.). EDN: WNENYT.

8. Kozlova O. A., Sitkovskii A. M. Methodological approach to the analysis of socio-demographic factors in the formation of the supporting framework of settlement. *Voprosy upravleniya*, 2023: 4(83): 33–52 (in Russ.). DOI: 10.22394/2304-3369-2023-4-33-52; EDN: WNENYT.

9. Kondrat'eva V. I. North Yakutianbasic area of the Arctic zone of Russia in the strategy of spatial development of the Russian Federation. *Arktika. XXI vek. Gumanitarnye nauki*, 2017: 1(11): 4–12 (in Russ.). EDN: ZASZKV.

10. Krasnopol'skii B. KH. North Arctic territories of the Far East: the influence of infrastructure factors on the processes of transformation of the spatial development of the region. *Ekonomika regiona*, 2024: 2: 4–42 (in Russ.). DOI: 10.14530/reg.2024.4.24; EDN: LYNLJJ.

11. Kuznetsova O. P., Yumaev E. A. Opornyi gorod kak klyuchevoe zveno sistemy rasseleniya Rossiiskoi Federatsii [Pivot city as a key link in the settlement system of the Russian Federation]. *Izvestiya UrGEU*, 2010: 3(29): 113–118 (in Russ.).

12. Markvart E., Kiseleva N. N., Sosnin D. P. The system of supporting settlements as a mechanism for managing spatial development: theoretical and practical aspects. *Vlast,* 2022: 2: 95–111 (in Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v30i2.8939; EDN: UNFDYM.

13. Nikulkina I. V., Gordyachkova O. V., Romanova E. V. Cluster analysis of Arctic settlements of Yakutia from the standpoint of the concept of resilience. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo,* 2023: 12: 72–81 (in Russ.). DOI: 10.24158/pep.2023.12.9; EDN: CDJIFB.

14. Oleinik N. M. Challenges and directions of sustainable development of the Arctic zone of the Russian Federation. *Vestnik SibIBIT,* 2024: 3: 108–112 (in Russ.). DOI: 10.24412/2225-8264-2024-3-804; EDN: ZBTYBC.

15. Sadkovskaya O. E. Spatial interaction of settlements in the Rostov region. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2024: 3(68): 298–312 (in Russ.). DOI: 10.24412/1998-4839-2024-3-298-312; EDN: CDSTSQ.

16. Sadkovskaya O. E. Intermunicipal service centers of the Rostov region. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2023: 1(62): 183–196 (in Russ.). DOI: 10.24412/1998-4839-2023-1-183-196; EDN: OACMQD.

17. Sarvarova R. R., Putintsev A. L. Sustainable development of the Arctic zone of the Russian Federation in modern realities. *Architecture and Modern Information Technologies,* 2024: 4(69): 256–265 (in Russ.). DOI: 10.24412/1998-4839-2024-4-256-265; EDN: MPAIIA.

18. Sveshnikov V. K. Gradostroitel'nye problemy Severa [Urban development problems of the North]. Leningrad, Nauka, 1971: 5–19 (in Russ.).

19. Sevostyanov A. V., Bliznyukova T. V. et al. Renovation of rural settlement in the Russian Federation. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal,* 2022: 12: 312–329 (in Russ.). DOI: 10.55186/2413046X_2022_7_12_758; EDN: MPWJZC.

20. Fauzer V. V. , Smirnov A. V. et al. Methodology for determining the pivotal settlements of the Russian Arctic. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz,*2019: 12: 5: 25–43 (in Russ.). DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.2; EDN: PWUDIP.

21. Chernovskaya L. I., Erohin G. P. Overcoming the spatial imbalance of the modern settlement system of the Russian Federation (Potential of Novosibirsk). *Tvorchestvo I sovremennost',* 2019: 3-4(11): 87–99 (in Russ.). EDN: TLDCIX.

22. Shabunova A. A., Kozhevnikov S. A. Socio-economic space of the Northwestern Federal District: problems and priorities of ensuring connectivity. *Nauchnye Trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii,* 2024: 6: 49–68 (in Russ.). DOI: 10.38197/2072-2060-2024-250-6-49-68; EDN: BFIKKB.

The article was submitted on: March 29, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina I. Podoinitsyna, Doctor of Social Sciences, Professor, Chief Researcher

Anna V. Mikhaylova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology and personnel management

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.8
EDN: GAPWVY.

Особенности профилактического поведения занятого населения[1]

Ссылка для цитирования: *Козырева П. М., Смирнов А. И.* Особенности профилактического поведения занятого населения // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 4. С. 86–104. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.8; EDN: GAPWVY.
For citation: Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Preventive Behaviour of the Employed Population. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 4. P. 86–104. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.8; EDN: GAPWVY.

SPIN-код: 7548-7264

Козырева Полина Михайловна[1,2]

[1]Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
[2]НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

pkozyreva@isras.ru

SPIN-код: 2137-2735

Смирнов Александр Ильич[1]

[1]Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

smir_al@bk.ru

Аннотация. Целью исследования явился анализ динамики и особенностей вовлеченности занятого населения в наиболее распространенные практики по профилактике заболеваний. Анализ опирается на данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Исследование выявило заметный рост профилактической активности занятого населения, проявляющийся, с одной стороны, в повышении уровня участия работников в профилактических медицинских осмотрах и диспансеризации, с другой –в сокращении распространенности среди занятых наиболее массовых вредных привычек –табакокурения и потребления алкоголя. В то же время вызывает беспокойство сдержанное и осторожное участие работников в профилактических прививках и низкий уровень информированности занятых в вопросах профилактики про-

[1] В статье использованы результаты проектов, выполненных в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

фессиональных заболеваний, сохранения и укрепления здоровья. Невысоким оказался охват занятого населения экстренной вакцинацией от коронавирусной инфекции в период стремительного распространения этой чрезвычайно опасной эпидемии. Работающие женщины гораздо активнее, чем их коллеги мужчины участвуют во всех профилактических практиках, за исключением занятий физическими упражнениями и/или спортом. Более заинтересованно участвуют в большинстве профилактических мероприятий работники, продолжающие трудиться после достижения пенсионного возраста. Выявлена существенная дифференциация работающих по уровню профилактической активности в зависимости от структуры занятости. Показано, что работники, занятые на государственных предприятиях, отличаются более высоким уровнем участия в профилактических мероприятиях по сравнению с работниками, занятыми на предприятиях частного сектора. Повышенным уровнем участия в профилактических мероприятиях медицинского характера отличаются работники, занятые на производствах с вредными и опасными условиями труда, тогда как наиболее осознанную заботу о сохранении своего здоровья проявляют работники, трудовая деятельность которых связана с оказанием персональных услуг другим людям. В группу наибольшего риска входят граждане, занятые в неформальном секторе, а также работающие в разъездах без постоянного рабочего места, которые не обеспечены в полной мере социальной защитой и ограничены в возможностях реализации права на охрану здоровья.

Ключевые слова: здоровье, забота о здоровье, здоровый образ жизни (ЗОЖ), занятое население, профилактика заболеваний, самосохранительное поведение

Введение

Важнейшим элементом трудового потенциала и значимой характеристикой качества жизни человека является здоровье. Поэтому не случайно сохранение и укрепление здоровья работников рассматривается как одно из необходимых условий для обеспечения эффективной работы и устойчивого развития предприятий и организаций. В нынешних условиях, когда перед страной стоят исключительно сложные демографические и социально-экономические вызовы, среди которых огромную обеспокоенность вызывает возросший дефицит кадров, в немалой степени обусловленный высоким уровнем заболеваемости и смертности среди граждан трудоспособного возраста, проблема сохранения и укрепления здоровья занятого населения приобретает особую остроту.

Одним из направлений снижения остроты этой проблемы является повышение эффективности профилактики заболеваний занятого населения, которая включает наряду с другими мероприятиями формирование более ответственного отношения работников к своему здоровью, расширение их осознанного и добросовестного участия в осуществлении профилактических медицинских мероприятий, повышение уровня вовлеченности в инициативные практики профилактического поведения. Большинство работодателей, понимая важность и необходимость заботы о здоровье работников, стремятся внедрять на предприятиях корпоративные программы укрепления и профилактики здоровья, по мере возможности осуществлять мероприятия по профилактике профессиональных и других заболеваний, но решающая

роль здесь, безусловно, принадлежит самому работнику, его осознанному и ответственному отношению к профилактическому поведению. В нынешних усложняющихся условиях все более востребованным становится умение человека не только добиваться профессиональных успехов, выстраивать трудовую карьеру, но и постоянно заботиться о своем здоровье.

Профилактика заболеваний представляет собой наиболее действенный способ защиты от болезней посредством реализации всесторонне обоснованного комплекса мер, направленных на предупреждение и раннее выявление нарушений здоровья, а также предотвращение или замедление прогрессирования заболеваний. Очень часто профилактика, связанная с предупреждением, а не лечением уже возникших и развившихся заболеваний, рассматривается как один из основных элементов самосохранительного поведения, ориентированного на здоровье и предупреждение развития заболеваний [8; 13; 23], или «меньшего по объему» здоровьесберегающего поведения [28, с. 68–85], а также как «часть» ответственного, добросовестного поведения граждан в отношении своего здоровья [11, с. 340]. В то же время самосохранительное поведение трактуется как важнейший компонент ЗОЖ[1], «обеспечивающий эффективность выполняемой деятельности и способствующий сохранению определенного уровня здоровья индивида на протяжении всей его жизни, а также благоприятно влияющий на ее продолжительность» [14, с. 160].

Все это в полной мере относится к работающему населению, активная деятельность которого, направленная на профилактику нарушений здоровья, предстает в исследованиях как неотъемлемая черта самосохранительного или здоровьесберегающего поведения, ЗОЖ [10, с. 326; 3]. Среди мер, нацеленных на сохранение и укрепление здоровья работающего населения, помимо существующей системы охраны труда и управления производственными рисками, медико-профилактического обслуживания трудящихся, непреложным является также повышение профилактической активности работников посредством вовлечения их в самостоятельные практики профилактического поведения [9, с. 28–29].

В ходе специализированных исследований было установлено, что больше других заботятся о своем здоровье, проявляют повышенную заинтересованность в ЗОЖ специалисты с высшим образованием [16], работники, занятые преимущественно умственной деятельностью [15], горожане, особенно проживающие в мегаполисах и других крупных городах [2]. Исследования убедительно демонстрируют связь охвата занятого населения профилактическими мероприятиями с социально-экономическим состоянием территорий, на которых расположены предприятия. Также выявлены: зависимость эффективности профилактических мероприятий как от внешних причин (эпидемиологическая обстановка, грамотность населения в области здоровья), так и от внутренних (организационные, штатные, образовательные, мотивационные и др.) [19], влияние условий и содержания профессиональной деятельности на здоровье и образ жизни работающего населения [4; 10, с. 308–330].

[1] Здоровый образ жизни.

Профилактическая активность, направленная на снижение риска развития отклонений в состоянии здоровья работников, предотвращение или замедление прогрессирования заболеваний, уменьшение их негативных последствий, выступает важнейшим условием эффективного противодействия неблагоприятным факторам производственной среды и трудового процесса. В связи с этим в научной литературе все активнее поднимается вопрос о необходимости формирования и развития у работников культуры ЗОЖ, отражающей не только приобретенный опыт, но и готовность осваивать новые компетенции в сфере сохранения и укрепления здоровья. Речь идет о развитии, которое сопряжено с проектированием индивидуальных траекторий работников, освоением ими новых компетенций в сфере здоровьесбережения [22, с. 67].

Исследования показывают, что подавляющее большинство работников, как и всех граждан, осознают важность соблюдения принципов ЗОЖ, ответственного профилактического поведения для сохранения и укрепления здоровья, но в реальной жизни многие из них по тем или иным причинам этим принципам не следуют. В большей степени это относится к рабочим, неквалифицированным специалистам, которые меньше других занятых заботятся о своем здоровье, менее ответственно следуют принципам ЗОЖ [7]. Подобное поведение чаще всего объясняется как обстоятельствами объективного характера, обусловленными трудностями жизни, так и низким культурным и образовательным уровнем [21].

Невысокий уровень самосохранительного, здоровьесберегающего поведения, создающий дополнительные риски для здоровья работников, вызывает необходимость постоянного и глубокого анализа всего комплекса условий и факторов, определяющих уровень вовлеченности занятого населения в различные практики профилактического поведения, поиска путей и определения конкретных мер, стимулирующих активность трудящихся в сфере сохранения и укрепления здоровья.

Методика исследования

Исследование, результаты которого представлены в данной статье, преследовало цель уточнить современный уровень профилактической активности и выявить особенности вовлеченности занятого населения на добровольной и обязательной основе в наиболее значимые практики профилактического поведения. Проведенный анализ основан на многолетних данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)», который проводится с 1994 г. Опросы проводились один раз в год методом личного интервью по месту жительства. Респондентами выступали граждане из числа занятого населения в возрасте 18 лет и старше[1].

[1] Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS–HSE) проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (сайты обследования RLMS–HSE: URL: http://www.hse.ru/rlms и URL: http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms).

В качестве индикаторов профилактической активности занятых использовались следующие переменные с двумя значениями («Да», «Нет»): 1) прохождение профилактического медицинского осмотра в течение последних 3-х месяцев; 2) прохождение диспансеризации или подобного комплексного обследования в течение последних 12 месяцев; 3) регулярное проведение прививок от гриппа; 4) вакцинация от коронавируса когда-либо; 5) прием каких-либо витаминов, минеральных веществ, биологических активных добавок (БАД) за последние 30 дней месяцев; 6) отказ от курения; 7) отказ от употребления алкоголя; 8) занятие физической культурой и/или спортом в течение последних 12 месяцев; 9) интерес к информации о ЗОЖ.

Результаты исследования и обсуждение

Исследование выявило достаточно разноречивую картину вовлеченности занятого населения в практики профилактического поведения. Прежде всего обращает на себя внимание повышение уровня вовлеченности трудящихся в такие необходимые медицинские мероприятия, как профилактические медицинские осмотры и диспансеризация. Важную роль в развитии этих позитивных тенденций сыграло возобновление массовых профилактических медицинских осмотров и диспансеризации населения, которые направлены на профилактику и раннее выявление хронических неинфекционных заболеваний, являющихся основной причиной инвалидности и преждевременной смертности населения, а также факторов риска их развития[1]. Но при этом, как показывают исследования, остается немало сложных и нерешенных проблем, препятствующих реализации прав граждан на доступные и качественные медицинские осмотры и диспансеризацию [19], что снижает уровень охвата работников профилактическими медицинскими мероприятиями. Нередко эти и другие меры профилактики носят преимущественно декларативный характер, а их реализация часто не обеспечена необходимыми ресурсами.

Как видно из рисунка 1, в 2023 г. доля респондентов, которые в течение 3-х месяцев, предшествующих опросу, проходили профосмотр, выросла до 29%. Но еще более значительным оказался рост удельного веса работающих, которые в течение последних 12 месяцев проходили диспансеризацию или подобное комплексное исследование. С 2021 г. (ранее эти данные в ходе опросов мониторинга не фиксировались) по 2023 г. доля таких респондентов выросла в полтора раза –с 23,4 до 36%.

Вместе с тем, невысоким оказался уровень участия занятых в профилактических прививках. В 2023 г. указали, что с той или иной степенью регулярности прививались от гриппа 26,3% опрошенных. Из них 69% респондентов прививались каждый год, а остальные –примерно раз в два

[1] Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 27 апреля 2021 г. № 404н «Об утверждении Порядка проведения профилактического медицинского осмотра и диспансеризации определенных групп взрослого населения (с изменениями и дополнениями)». URL: https://base.garant.ru/401414440/ (дата обращения: 25.03 2025).

года (21%) или реже. Более активно участвовали респонденты в вакцинации от коронавирусной инфекции во время пандемии COVID-19. В течение 2020–2023 гг. хотя бы один раз вакцинировались от коронавируса 54,6% опрошенных работников. Но только 50,2% из них вакцинировались добровольно, тогда как для 43,3% это было вынужденным решением, вызванным требованиями на работе, вводимыми ограничениями для непривитых и т. п., а для остальных имело значение и то, и другое. При этом 57% респондентов проходили когда-нибудь тестирование на наличие коронавирусной инфекции или антител к коронавирусу, в том числе 34,8% – несколько раз, а остальные –однократно.

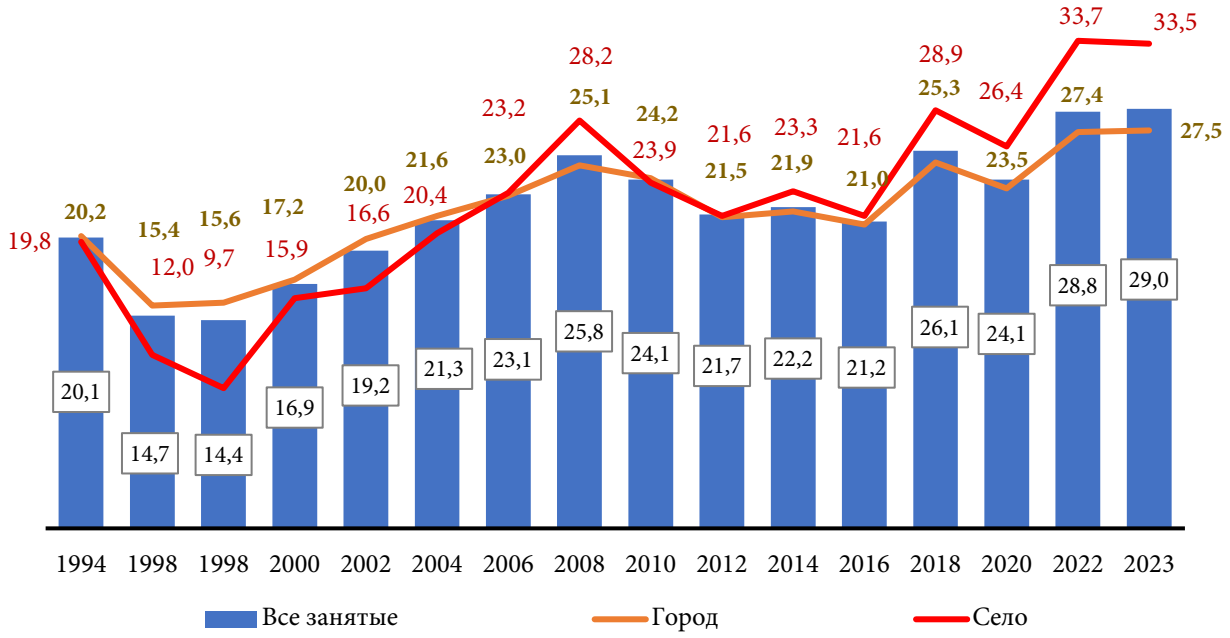

Рис. 1. Динамика участия респондентов в профилактических медицинских осмотрах (в последние три месяца), 1994–2023 гг., %

Figure 1. Dynamics of respondents' participation in preventive medical examinations (in the last three months), 1994–2023, %

Низким остается уровень вовлеченности работающих в занятия физическими упражнениями. В 2023 г. указали, что занимались физической культурой и/или спортом в последние 12 месяцев только 25,8% респондентов. И около 21% респондентов, по их собственному признанию, в последние 30 дней принимали витамины, минеральные вещества, БАД.

Для работающих людей важной детерминантой здоровья и условием, способствующим поддержанию и повышению их трудоспособности, является грамотность в вопросах ЗОЖ, включая вопросы вакцинации [1, с. 79]. Согласно данным мониторинга, в той или иной степени интересуются такой информацией 56,9% работающих россиян, но всего лишь 6,2% ищут эту информацию специально. Остальные знакомятся с ней, только когда она попадается случайно. Невысокий уровень информированности населения

о преимуществах ЗОЖ, как показывают исследования, становится одним из серьезных факторов, препятствующим его более широкому распространению [4; 18].

К позитивным тенденциям следует отнести увеличение среди занятых доли тех, кто не курят и/или не употребляют спиртные напитки. За 1994–2023 гг. доля респондентов, которые не курили на момент опроса, увеличилась с 62,6 до 69,2%. Еще более значительным оказалось увеличение доли респондентов, которые во время опросов заявили, что никогда не употребляют алкогольные напитки, включая пиво. За 2006–2023 гг. удельный вес таких респондентов вырос почти вдвое –с 15,2 до 29,8%. При этом доля опрошенных работников, которые не употребляют алкоголь и не курят, увеличилась среди мужчин с 4,9 до 18,6%, тогда как среди женщин –с 15,9 до 30,4% (рис. 2). Одновременно сократилась доля респондентов, составляющих группу наибольшего риска, т. е. тех, кто не только употребляет алкоголь, но и курит: среди мужчин –с 58,1 до 37,5%; среди женщин –с 17,8 до 14,6%.

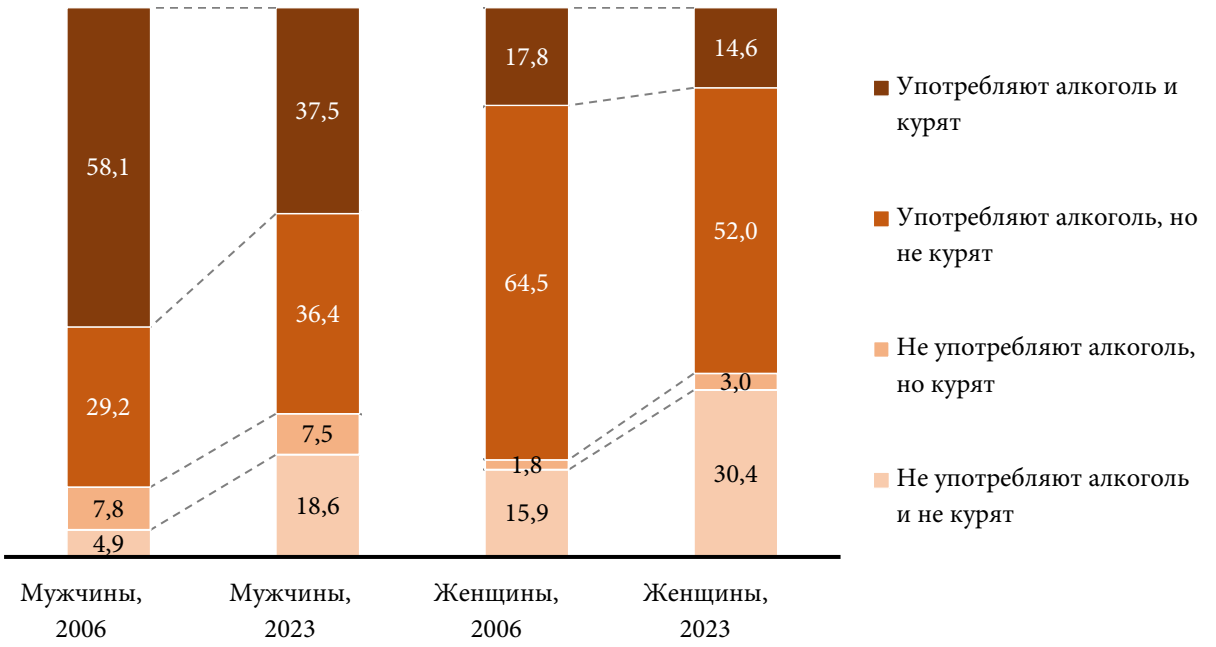

Рис. 2. Распространенность употребления алкоголя и курения среди работающих мужчин и женщин, 2006–2023 гг., %

Figure 2. Prevalence of alcohol consumption and smoking among employed men and women, 2006–2023, %

Представляет интерес анализ данных по поселенческому срезу. Оказалось, что в последние годы работающие селяне ведут себя намного активнее работающих горожан в отношении всех профилактических медицинских мероприятий, которые проводятся на регулярной основе. Как видно из рисунка 1, за 2016–2023 гг. доля респондентов, которые в последние 3 месяца проходили профилактический медицинский осмотр, выросла среди работающих горожан на 6,4 п. п. –с 21,1 до 27,5%, тогда как среди работающих селян на 11,9 п. п. –с 21,6 до 33,5%. Рост удельного веса респондентов, которые в течение последних 12 месяцев

проходили диспансеризацию или подобное комплексное исследование, за 2021–2023 гг. составил среди работающих горожан 11,4 п. п. (с 23,3 до 34,7%), в то время как среди работающих селян 17,4 п. п. (с 23,6 до 41%). По данным за 2023 г., среди опрошенных селян было заметно больше и тех, кто регулярно проходил вакцинацию против гриппа (37,2 против 23,3%). Причем эти преимущества формировались практически полностью за счет женщин. Так, в 2023 г. среди работающих женщин, проживающих в сельской местности, доля тех, кто проходил профилактический медицинский осмотр, достигла 40%, диспансеризацию –48,3%, регулярно вакцинировались против гриппа 45,1%.

Позитивную роль в росте профилактической активности селян сыграло осуществление в рамках Национального проекта «Здравоохранение» комплекса мероприятий по повышению доступности первичной медико-санитарной помощи для сельского населения, в т. ч. за счет организации и проведения профилактических медицинских осмотров и диспансеризации в фельдшерско-акушерских пунктах и фельдшерских здравпунктах. Кроме того, исследования показывают, что несмотря на трудности жизни в сельской местности, работодатели весьма лояльно относятся к участию работников своих предприятий и организаций в профилактических медицинских мероприятиях, предоставляя сотрудникам возможность проходить их в рабочее время. В то же время сами селяне не только проявляют высокую заинтересованность участия в подобных мероприятиях, но и охотно дают рекомендации принимать в них участие своим родственникам, знакомым и коллегам [12].

В отличие от сельских тружеников, работающие горожане активнее участвуют в тех самостоятельных (инициативных) профилактических практиках, которые больше характерны для городского образа жизни: употребление витаминов, минеральных веществ, БАД (22,9 против 14% среди селян), занятия физкультурой и спортом (28,7 против 15,2%) и проявление интереса к информации о ЗОЖ (60,2 против 52%). Самый высокий уровень вовлеченности в эти практики фиксируется в региональных центрах, т. е. в самых крупных городах. Например, среди работающих женщин, проживающих в столицах субъектов РФ, доля интересующихся информацией о ЗОЖ, достигает 73,3%, а принимающих витамины, минеральные вещества, БАД –34%.

В целом, работающие женщины намного активнее работающих мужчин участвуют во всех практиках профилактического поведения, за исключением занятий физической культурой и спортом (рис. 3).

Ожидаемо, среди различных возрастных групп работающих граждан наиболее высоким уровнем профилактической активности отличаются люди старшего возраста. По данным за 2023 г., среди респондентов – работающих пенсионеров 49% в течение последних 12 месяцев проходили диспансеризацию или другое подобное медицинское обследование; 38,5% –в течение последних 3-х месяцев проходили профилактический медицинский осмотр; 34,8% –с той или иной степенью регулярности делали прививку от гриппа; 67,4% –вакцинировались от коронавируса в какое-

либо время распространения эпидемии. Кроме того, около 65% респондентов, относящихся к этой категории работающих людей, интересовались информацией о ЗОЖ, а 29,3% принимали за последний месяц витамины, минеральные вещества, БАД.

Рис. 3. Вовлеченность мужчин и женщин из числа работающих в практики профилактического поведения, 2023 г., %

Figure 3. Engagement of men and women in preventive behavior practices, 2023, %

Наше исследование выявило существенные различия в уровне профилактической активности занятого населения в зависимости от структуры занятости. Из таблицы 1 видно, что работники, относящиеся к сфере так называемой «неорганизованной» занятости, включающей как занятость по найму вне предприятий (у физических лиц), так и различные формы самозанятости, заметно уступают по уровню участия в профилактических мероприятиях лицам, работающим на предприятиях и в организациях. Это относится буквально ко всем анализируемым практикам профилактического поведения, исключая отказ от употребления алкоголя.

Что касается работников, занятых на предприятиях и в организациях, то здесь наблюдаются не менее существенные различия в зависимости от занятости по формам собственности. Как показывают данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, работники, занятые на предприятиях частного сектора, намного отстают по уровню участия во всех без исключения профилактических практиках от работников государственных предприятий. Бросается в глаза особенно большая разница между этими категориями работников в отноше-

нии участия в профилактических медицинских мероприятиях –вакцинации от коронавирусной инфекции (48 против 70,1%), прохождения диспансеризации (30 против 47,8%), профилактических медицинских осмотров (24,9 против 39,3%) и регулярных прививок от гриппа (20,6 и 37,1%).

Таблица 1 (Table 1)

Профилактическая активность респондентов, занятых на предприятиях разных видов и типов, 2023 г., %

Preventive activity of respondents employed in enterprises of different types and kinds, 2023, %

Практики профилактического поведения	Работают на предприятии, в организации	В том числе:		В том числе:		Работают не на предприятии, не в организации
		На государственном	На частном	Оформлены официально	Не оформлены официально	
В течение последних 3-х месяцев проходили профилактический осмотр	30,2	39,3	24,9	30,9	20,1	13,5
В последние 12 месяцев проходили диспансеризацию	37,2	47,8	30,0	38,4	20,3	21,6
Регулярно делают прививку от гриппа	27,1	37,1	20,6	28,2	12,2	16,0
Вакцинировались от коронавируса	56,6	70,1	48,0	58,6	29,8	32,1
За последние 30 дней принимали витамины, БАД	22,1	24,5	20,3	22,1	21,7	14,3
Не курят	70,2	76,5	65,6	71,6	51,3	62,5
Не употребляют алкоголь	29,3	33,0	25,3	29,8	21,4	39,9
Занимаются физкультурой, спортом	26,4	28,0	25,9	26,8	20,4	20,1
Интересуются информацией о ЗОЖ	58,4	62,9	54,8	59,2	47,1	46,6

Подобные различия объясняются главным образом более ответственным выполнением требований к организации медицинского обеспечения, профилактики заболеваний и укрепления здоровья работников на государственных предприятиях. Данные, представленные на рис. 4, подталкивают к выводу, что такие различия сформировались в 1990-х гг., а в дальнейшем приобрели устойчивый характер. При этом более благоприятная ситуация складывается на государственных предприятиях, реализующих программы укрепления здоровья, которые пользуются правительственной поддержкой [5]. Граждане, работающие на предприятиях государственного сектора, в особенности те, кто трудятся на вредных и опасных производствах, располагают более широкими возможностями, чем работники других предприятий, пользоваться кроме медицинской помощи общего характера, услугами служб охраны здоровья, которые призваны оценивать и снижать уровень подверженности профессиональным рискам, занимаются проведением медицинских и других профилактических мероприятий.

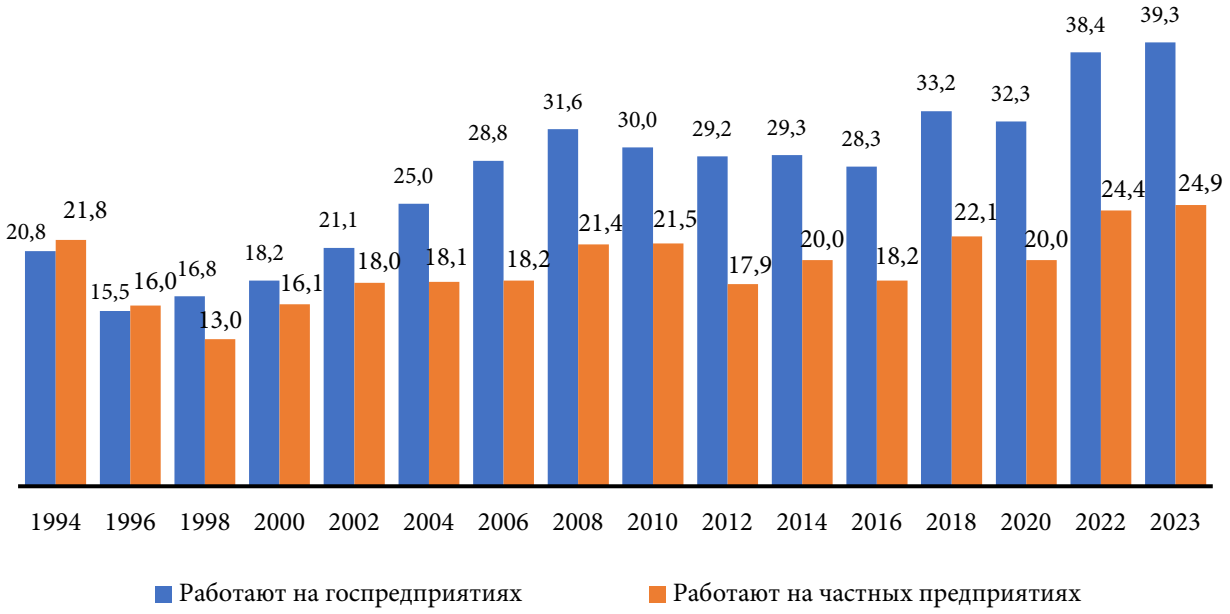

Рис. 4. Динамика участия работников государственных и частных предприятий в профилактических медицинских осмотрах (в последние три месяца), 1994–2023 гг., %

Figure 4. Dynamics of participation of employees of public and private enterprises in preventive medical examinations (in the last three months), 1994–2023, %

Существенно ухудшает положение наемных работников прекаризация –динамичный процесс, который приобрел сегодня огромную экономическую, общественную и политическую значимость. Прекариат, объединяющий работников, которые трудятся постоянно без полноценного трудового контракта, значительно ограничен в своих трудовых правах и у него нет гарантий на случай непредвиденных обстоятельств [17, с. 111–112]. Такие работники полностью или частично лишены доступа к социально-правовым гарантиям, не обеспечены социальной защитой, позволяющей обращаться за медицинской помощью, проходить диспансеризацию и профилактические медицинские осмотры. На рабочих местах, где заняты эти работники, полностью отсутствует надзор со стороны регулирующих органов за соблюдением норм в области гигиены труда и безопасности.

Из данных, приведенных в таблице 1, видно, что среди респондентов, работающих без официального оформления трудовых отношений, гораздо меньше тех, кто в рассматриваемые сроки вакцинировались от коронавируса, регулярно делали прививку от гриппа, проходили диспансеризацию и профилактический медицинский осмотр.

Анализ данных мониторинга еще раз подтвердил выводы других исследований о том, что повышенное внимание к сохранению своего здоровья проявляют работники с высшим образованием, специалисты высокого уровня квалификации, сотрудники, занятые преимущественно умственным трудом, в отличие от менее квалифицированного персонала [15; 16]. Наиболее низким уровнем профилактической активности отличаются работники, труд которых требует в основном физических усилий, т. е. рабочие разного уровня квалификации. Причем самый низкий уровень вовле-

ченности в практики профилактического поведения оказался у квалифицированных рабочих, занятых ручным трудом. Так, в 2023 г. только 23% работников, принадлежащих к этой профессиональной группе, проходили в течение последних 3-х месяцев профилактический медицинский осмотр, 25,1% проходили в течение последних 12 месяцев диспансеризацию, 34,9% в той или иной мере интересовались информацией о ЗОЖ. Всего лишь 18,1% этих респондентов указали, что регулярно прививаются от гриппа, а 11,6% отметили, что за последний год принимали какие-либо витамины, минеральные вещества, БАД. Мало среди них оказалось и тех, кто не курит (48,1%) и не употребляет алкоголь (24,1%).

Вместе тем, в ходе анализа данных РМЭЗ НИУ ВШЭ была выявлена еще одна солидная группа респондентов, которые проявляют повышенную заботу о своем здоровье –специалисты, трудовая деятельность которых связана с оказанием персональных услуг другим людям или уходом за ними. Среди таких респондентов, при выполнении своих обязанностей очень часто и много общающихся с разными людьми, существенно больше, чем среди других категорий работников, лиц, которые регулярно прививаются от гриппа (40%), в течение последних 3-х месяцев проходили профилактический медицинский осмотр (37%) и в прошедшем году в той или иной мере интересовались информацией о ЗОЖ (75%).

Особую категорию граждан, нуждающихся в регулярных медицинских осмотрах и других профилактических мероприятиях, составляют работники, занятые на предприятиях с вредными условиями труда, которые являются причиной (специфических и неспецифических) нарушений состояния здоровья работников. Специфические нарушения проявляются в виде профессиональных заболеваний, имеющих серьезные медицинские, социальные и экономические последствия, связанные с длительным высокозатратным лечением, продолжительной временной нетрудоспособностью пострадавших, высоким уровнем инвалидности и др. [6, с. 65].

Вредные или опасные производственные факторы и работы являются основанием для проведения обязательных предварительных и периодических медицинских осмотров, основными целями которых являются мониторинг состояния здоровья работников, ранняя диагностика профессиональных заболеваний и оценка профпригодности. В 2023 г. из числа респондентов, которые работают на вредных или опасных производствах, дающих им право на досрочное назначение трудовой пенсии, дополнительные выплаты или льготы, 45,2% указали, что в течение последних 3-х месяцев проходили профосмотр (рис. 5), что было более чем на треть больше, чем в 2004 г. (34,1%). Среди остальных респондентов доля их составила только 27,1%, т. е. в 1,7 раза меньше.

Намного больше среди респондентов, занятых на вредных или опасных производствах, было также тех, кто в последние 12 месяцев проходил диспансеризацию, один или несколько раз вакцинировался от коронавируса, регулярно делал прививки от гриппа и занимался физкультурой, спортом. Но в отношении участия в остальных формах профилактической активности никаких более или менее существенных различий между этими категориями работников не было выявлено.

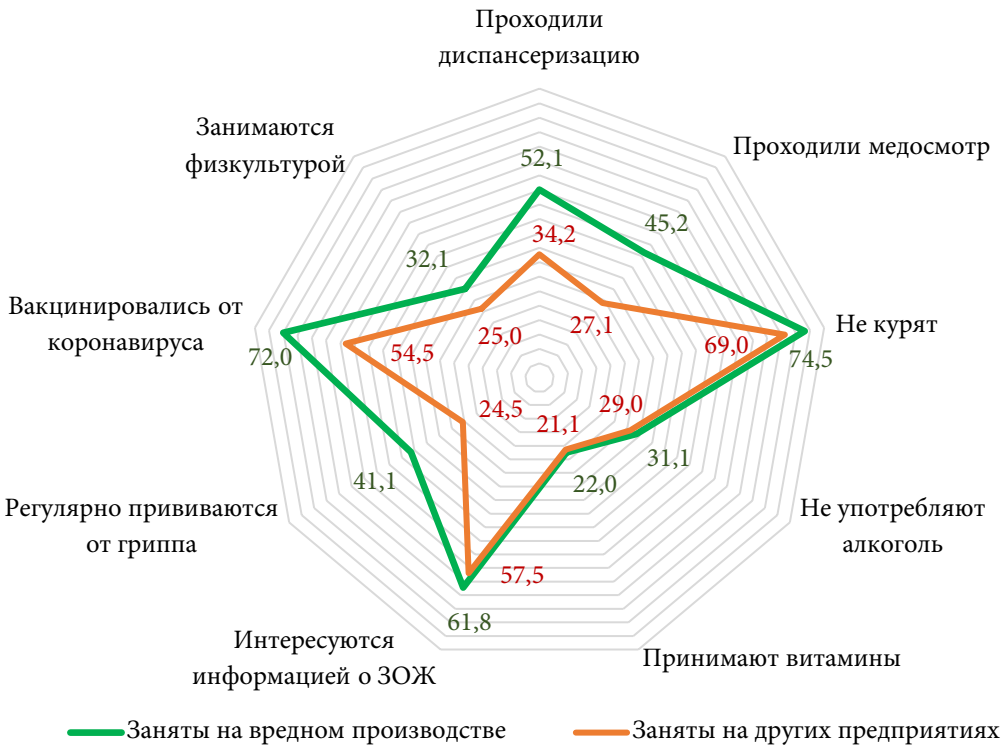

Рис. 5. Участие в различных формах профилактической активности респондентов, занятых на вредных и других производствах, 2023 г., %

Figure 5. Participation in various forms of preventive activities of respondents employed in hazardous and other industries, 2023, %

Профилактическая активность работников зависит также от других особенностей трудовой деятельности, которые отличают ее от обычной работы (рис. 6). Речь идет прежде всего о работе, которая осуществляется в нетипичных местах и обстоятельствах, в том числе о работе без постоянного рабочего места –разъездной и подвижной работе, работе в пути, работе в полевых условиях и экспедиционного характера, работе вахтовым методом, надомной, дистанционной и сезонной работе и т. п. В связи с этим в ходе анализа данных мониторинга была выделена группа респондентов, которые трудятся на выезде с проживанием, вахтовым методом, а также без постоянного рабочего места, в разъездах и перемещениях.

Анализ показал, что среди таких респондентов заметно меньше, чем среди тех, кто работает на постоянном рабочем месте, работников, которые проходили в последнее время диспансеризацию и медицинский профилактический осмотр. Многие из них были лишены возможности хотя бы один раз вакцинироваться от коронавируса и регулярно прививаться от гриппа. Но особенно сильно бросаются в глаза большие различия в показателях уровня интереса к информации о ЗОЖ и отказа от курения.

Важно заметить, что у тех, кто работает на выезде с проживанием, вахтовым методом в отличие от работающих без постоянного рабочего места в разъездах, больше возможностей пройти профилактический медицинский осмотр (30,6 и 22,3% соответственно), регулярно прививаться от гриппа (22,3 и 17,9%), но намного меньше возможностей заниматься физическими упражнениями, спортом (11,5 и 27%).

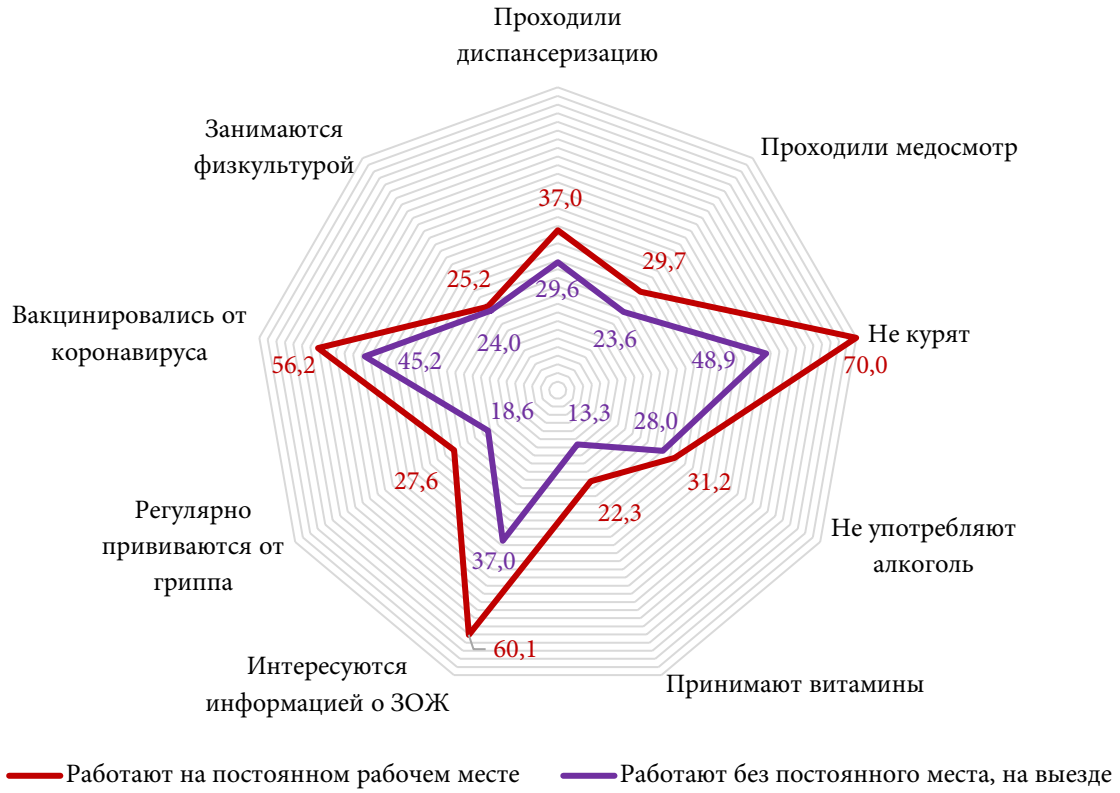

Рис. 6. Участие в различных формах профилактической активности респондентов, работающих на постоянном и непостоянном рабочих местах, 2023 г., %

Figure 6. Participation in various forms of preventive activity among respondents working in permanent and temporary jobs, 2023, %

В ходе исследования был проведен корреляционный анализ, направленный на выявление и оценку связей между участием/неучастием в различных формах профилактической активности и рядом базовых показателей социального самочувствия. В качестве переменных, характеризующих социальное самочувствие, выступали степень удовлетворенности своей жизнью в целом (от 1 –«совсем не удовлетворены» до 5 –«полностью удовлетворены»), самооценка уровня материального благосостояния (от 1 –«нищие» до 9 –«богатые») и самооценка состояния здоровья (от 1 –«совсем плохое» до 5 –«очень хорошее»).

Анализ, выполненный с использованием критерия U Манна–Уитни, выявил значимые связи (Asymp. Sig. 2-tailed <0,05) между удовлетворенностью жизнью в целом и вакцинацией от коронавируса, занятиями физическими упражнениями, отказом от курения и прохождением диспансеризации; между самооценкой состояния здоровья и занятиями физкультурой и спортом, прохождением профилактических медицинских осмотров, диспансеризации, приемом витаминов, минеральных веществ, БАД, а также информацией о ЗОЖ. Но большинство этих связей не отличаются существенной теснотой. Самой тесной из них оказалась положительная связь между самооценкой состояния здоровья и занятиями физкультурой и спортом (Rrb = 0,142). Более сильными явились связи между участием/неучастием в различных формах профилактической активности и самооценкой уровня материального благосостояния. Наибольшей теснотой в данном случае отличаются связи между самооценкой положения на шкале материального благосостояния и занятиями физическими упражнениями (Rrb = 0,164), а также приемом витаминов, минеральных веществ, БАД (Rrb = 0,137).

Заключение

По итогам проведенного исследования можно констатировать, что удалось выявить заметное повышение в последние годы уровня вовлеченности занятого населения в профилактические мероприятия по предупреждению болезней, сохранению и укреплению здоровья. Отмечен существенный рост участия работающих граждан в профилактических медицинских осмотрах и диспансеризациях как результат повышения внимания государственных органов и работодателей к вопросам охраны здоровья трудящихся. К позитивным тенденциям следует отнести также значительное сокращение числа работников, подверженных таким вредным для здоровья привычкам, как курение и употребление алкогольных напитков. Вместе с тем невысоким оказался уровень участия респондентов в профилактических прививках от гриппа и коронавирусной инфекции, которые проводятся на добровольной основе. Сохраняет свою прежнюю актуальность проблема повышения уровня информированности занятого населения в области сохранения и укрепления здоровья.

Выявлены значительные различия в уровне профилактической активности трудящихся в зависимости от структуры занятости. Обращает на себя внимание заметное отставание по уровню участия в профилактических мероприятиях работников частных предприятий от работников государственного сектора. При этом наиболее высокий уровень профилактической активности зафиксирован на предприятиях с вредными условиями труда, что, однако, относится только к участию работников этих предприятий в профилактических медицинских мероприятиях. Несмотря на позитивные сдвиги в уровне профилактической активности работников, острым остается вопрос о повышении эффективности государственной поддержки реализуемых предприятиями программ укрепления здоровья на рабочих местах.

Отмечено также, что повышенным уровнем профилактической активности отличаются высококвалифицированные и высокообразованные специалисты, а также работники, трудовая деятельность которых связана с оказанием персональных услуг. В то же время в крайне невыгодном положении находятся сегодня работники, занятые в неформальном секторе, а также работающие на выезде, вахтовым методом, без постоянного рабочего места, в разъездах и перемещениях, у которых возможностей участвовать в профилактических медицинских и других мероприятиях заметно меньше, чем у формально занятых и работающих на постоянных рабочих местах.

Библиографический список

1. Анциферова А. А., Лопатина М. В. и др. Оценка уровня грамотности в вопросах здоровья, включая вакцинацию, у работающего населения Российской Федерации по результатам опроса на платформе Атрия // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2024. Т. 23. № 8. С. 79–87. DOI: 10.15829/1728-8800-2024-4112; EDN: AQBUDD.

2. Блинова Т. В., Вяльшина А. А., Русановский В. А. Отношение сельского населения к своему здоровью и доступности медицинской помощи // Экология человека. 2020. № 12. С. 52–58. DOI: 10.33396/1728-0869-2020-12-52-58; EDN: XJZSEC.

3. Бухтияров И. В., Юшкова О. И. и др. Формирование здорового образа жизни работников для профилактики перенапряжения и сохранения здоровья // Здоровье населения и среда обитания. 2016. № 6(279). С. 16–19. EDN: WCFZFP.

4. Галикеева А. Ш., Идрисова Г. Б. и др. Факторы формирования здоровья работающего населения // Социальные аспекты здоровья населения. 2022. Т. 68. № 2. С. 1–17. DOI: 10.21045/2071-5021-2022-68-2-3; EDN: HQTUBD.

5. Засимова Л. С., Хоркина Н. А., Калинин А. М. Роль государства в развитии программ укрепления здоровья на рабочем месте // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 4. С. 69–94. EDN: TFLMIJ.

6. Измеров Н. Ф., Тихонова Г. И. Проблемы здоровья работающего населения России // Проблемы прогнозирования. 2011. № 3(126). С. 56–70. EDN: OCPMRT.

7. Каравай А. В. Отношение российских рабочих к своим ресурсам: финансам, здоровью и свободному времени // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 2. С. 229–244. EDN: WAXDGF.

8. Ковалева А. А. Самосохранительное поведение в системе факторов, оказывающих влияние на состояние здоровья // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. 11. № 2. С. 179–191. EDN: KBRXVX.

9. Короленко А. В., Калачикова О. Н. Детерминанты здоровья работающего населения: условия и характер труда // Здоровье населения и среда обитания. 2020. № 11(332). С. 22–30. DOI: 10.35627/2219-5238/2020-332-11-22-30; EDN: CBIZHM.

10. Наемный работник в современной России / Отв. ред. З. Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2015. 368 с.

11. Назарова И. Б. Здоровье занятого населения. М.: МАКС Пресс, 2007. 526 с.

12. Нехаенко Н. Е., Шарапова Ю. А. и др. Определение факторов, влияющих на эффективность диспансеризации взрослого населения, проживающего в сельской местности // Профилактическая медицина. 2024. Т. 27. № 10. С. 23–28. DOI: 10.17116/profmed20242710123; EDN: KGCUQI.

13. Новоселова Е. Н. К вопросу о роли социологии в изучении и сохранении здоровья населения России // Вестник Московского ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2017. Т. 23. № 3. С. 30–57. EDN: ZIVXOX.

14. Петраш М. Д., Муртазина И. Р. Понятие «здоровый образ жизни» в психологических исследованиях // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. Вып. 2. С. 152–165. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2018.204; EDN: XSKASL.

15. Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Различия в поведенческих практиках по сохранению и укреплению здоровья среди работников умственного и физического труда // Здоровье населения и среда обитания. 2022. Т. 30. № 9. С. 18–28. DOI: 10.35627/2219-5238/2022-30-9-18-28; EDN: SXTALP.

16. Покида А. Н., Зыбуновская Н. В., Газиева И. А. Роль высшего образования в формировании здорового образа жизни (по результатам социологического исследования) // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 1. С. 72–88. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-1-72-88; EDN: SXTALP.

17. Прекариат: становление нового класса / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЦСП и М, 2020. 400 с.

18. Русанова А. М., Крючкова Н. В., Беляева Ю. Н. Оценка степени информированности населения по вопросам здорового образа жизни // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. 2015. Т. 5. № 5. С. 551–553.

19. Серегина И. Ф., Драпкина О. М. и др. Проблемные вопросы качества проведения диспансеризации и профилактических медицинских осмотров взрослого населения и пути их решения // Вестник Росздравнадзора. 2020. № 5(1). С. 51–59. DOI: 10.35576/2070-7940-2020-5-1-51-59; EDN: QXNVEX.

20. Социологические подходы к изучению социального благополучия: монография / Отв. ред. М. Ф. Черныш, Ю. Б. Епихина. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 431 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021; EDN: LHJSQX.

21. Умнягина И. А., Васильева Т. Н. и др. Модели поведения представителей различных профессий в контексте здорового образа жизни // Безопасность и охрана труда. 2019. № 4. С. 11–15.

22. Федотова Т. А., Мальчевская М. Л., Косова В. В. Исследование культуры здорового образа жизни сотрудников производственной компании // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 2(93). С. 67–70.

23. Шаповалова И. С., Вангородская С. А. и др. Самосохранительное поведение россиян: диспозиции и риски // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. Т. 28. № 1. С. 44–51. DOI: 10.32687/0869-866X-2020-28-1-44-51; EDN: ZBPLDE.

Получено редакцией: 1.08.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Козырева Полина Михайловна, доктор социологических наук, первый заместитель директора; заведующая Центром лонгитюдных обследований Института социальной политики

Смирнов Александр Ильич, доктор социологических наук, главный научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.8

Preventive Behaviour of the Employed Population

Polina M. Kozyreva

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia;
HSE University, Moscow, Russia
pkozyreva@isras.ru
ORCID: 0000-0002-3034-8521

Alexander I. Smirnov

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia
smir_al@bk.ru
ORCID: 0000-0001-7078-6203

For citation: Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Preventive Behaviour of the Employed Population. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 4. P. 86–104. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.8; EDN: GAPWVY.

Abstract. The aim of this study was to analyse the dynamics and patterns of the employed population's involvement in the most common disease prevention practices. The analysis is based on data from the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE) conducted by the National Research University Higher School of Economics. The study revealed a significant increase in preventive behaviour among the employed population, manifested, on the one hand, in increased participation in preventive medical examinations and screenings, and on the other, in a decrease in the prevalence of the most common harmful habits among employed people—smoking and alcohol consumption. At the same time, the restrained and cautious participation of employees in preventive vaccinations and the low level of awareness among employees regarding occupational disease prevention, health maintenance, and promotion cause concern. Coverage of the employed population with emergency vaccination against coronavirus infection was low during the rapid spread of this extremely dangerous epidemic. Working women are much more active than their male colleagues in all preventive practices, with the exception of physical exercise and/or sports. Workers who continue to work after reaching retirement age are more likely to participate in most preventive measures. Significant differences in preventive activity levels were found depending on the employment structure. Workers employed by state-owned enterprises are shown to be more engaged in preventive measures than those employed by private sector companies. Workers employed in industries with hazardous and dangerous working conditions are more likely to participate in preventive health measures, while those whose work involves providing personal services to others are more conscious of maintaining their health. Those most at risk include those employed in the informal sector, as well as those who travel without a permanent job, who lack full social protection and have limited access to health care.

Keywords: health, health care, healthy lifestyle (HLS), employed population, disease prevention, self-preservation behavior

References

1. Antsiferova A. A., Lopatina M. V. et al. Health literacy, including related vaccination, of the working Russian population: data from a survey on the Atria platform. *Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika*, 2024: 23(8): 79–87 (in Russ.). DOI: 10.15829/1728-8800-2024-4112; EDN: AQBUDD.

2. Blinova T. V., Vyalshina A. A., Rusanovskiy V. A. Self-Perceived Health, Availability of Medical Care and Health Attitudes among Rural Population in Russia. *Ekologiya cheloveka*, 2020: 12: 52–58 (in Russ.). DOI: 10.33396/1728-0869-2020-12-52-58; EDN: XJZSEC.

3. Bukhtiyarov I. V., Yushkova O. I. et al. Promoting workers' healthy lifestyle to prevent overload and to protect health. *Zdorov'e naseleniya i sreda obitaniya*, 2016: 6(279): 16–19 (in Russ.). EDN: WCFZFP.

4. Galikeeva A. Sh., Idrisova G. B. et al. Factors affecting health of the working population. *Sotsialnye aspekty zdorov'ya naseleniya*, 2022: 68: 2: 1–17 (in Russ.). DOI: 10.21045/2071-5021-2022-68-2-3; EDN: HQTUBD.

5. Zasimova L. S., Khorkina N. A., Kalinin A. M. State's Role in Promotion of Work site Wellness Programs. *Voprosy gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya*, 2014: 4: 69–94 (in Russ.). EDN: TFLMIJ.

6. Izmerov N. F, Tikhonova G. I. Health protection problems in Russia's working population. *Problemy prognozirovaniya*, 2011: 3(126): 56–70 (in Russ.). EDN: OCPMRT.

7. Karavay A. V. The Attitude of Russian Workers to Managing their Resources: Finances, Health and Spare Time. *Zhurnal issledovanii sotsialnoi politiki*, 2016: 14: 2: 229–244 (in Russ.). EDN: WAXDGF.

8. Kovaleva A. A. Samosokhranitel'noe povedenie v sisteme faktorov, okazyvayushchikh vliyanie na sostoyanie zdorov'ya [Self-preservation behavior in the system of factors influencing health]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii,* 2008: 11: 2: 179–191 (in Russ.). EDN: KBRXVX.

9. Korolenko A. V., Kalachikova O. N. Determinants of health of the working population: conditions and nature of work. *Zdorov'e naseleniya i sreda obitaniya*, 2020: 11(332): 22–30 (in Russ.). DOI: 10.35627/2219-5238/2020-332-11-22-30; EDN: CBIZHM.

10. Hired worker in modern Russia. Ed. by Z. T. Golenkova. Moscow, Novyi khronograf, 2015: 368 (in Russ.).

11. Nazarova I. B. Zdorov'e zanyatogo naseleniya [Health of the employed population]. Moscow, MAKS Press, 2007: 526 (in Russ.).

12. Nekhaenko N. E., Sharapova Yu. A. et al. Determination of factors influencing the medical checkups effectiveness of adult population living in rural areas. *Profilakticheskaya meditsina*, 2024: 27: 10: 23–28 (in Russ.). DOI: 10.17116/profmed20242710123; EDN: KGCUQI.

13. Novoselova E. N. On the role of sociology in the study and preservation of health of the population of Russia. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya*, 2017: 23: 3: 30–57 (in Russ.). EDN: ZIVXOX.

14. Petrash M. D., Murtazina I. R. The definition of «healthy lifestyle» in psychological research. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta. Psikhologiya i pedagogika.* 2018: 8: 2: 152–165 (in Russ.). DOI: 10.21638/11701/spbu16.2018.204; EDN: XSKASL.

15. Pokida A. N., Zybunovskaya N. V. Differences in Behavioral Practices of Health Maintenance and Promotion between Knowledge and Manual Workers. *Zdorov'e naseleniya i sreda obitaniya,* 2022: 30: 9: 18–28 (in Russ.). DOI: 10.35627/2219-5238/2022-30-9-18-28; EDN: SXTALP.

16. Pokida A. N., Zybunovskaya N. V., Gazieva I. A. The Role of Higher Education in the Formation of a Healthy Lifestyle: Results of Sociological Research. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2022: 31: 1: 72–88 (in Russ.). DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-172-88; EDN: SXTALP.

17. Precariat: the emergence of a new class. Ed. by Zh. T. Toshchenko. Moscow, TsSP i M, 2020: 400 (in Russ.).

18. Rusanova A. M., Kryuchkova N. V., Belyaeva Yu. N. Assessing the degree of public awareness of healthy lifestyles. *Byulleten' meditsinskikh Internet-konferentsii*, 2015: 5: 5: 551–553 (in Russ.).

19. Seregina I. F., Drapkina O. M. et al. Quality issues of preventive and prophylactic medical examinations of adult population and feasible solutions. *Vestnik Roszdravnadzora*, 2020: 5: 1: 51–59 (in Russ.). DOI: 10.35576/2070-7940-2020-5-1-51-59; EDN: QXNVEX.

20. Sociological approaches to the study of social well-being: monograph. Ed. by M. F. Chernysh, Yu. B. Epikhina. Moscow, FNISTS RAN, 2021: 431 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021; EDN: LHJSQX.

21. Umnyagina I. A., Vasilyeva T. N. et al. Models of behavior of representatives of various professions in the context of a healthy lifestyle. *Bezopasnost' i okhrana truda*, 2019: 4: 11–15 (in Russ.).

22. Fedotova T. A., Malchevskaya M. L., Kosova V. V. Study of the healthy lifestyle culture of employees of a manufacturing company. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 2022: 2(93): 67–70 (in Russ.).

23. Shapovalova I. S., Vangorodskaya S. A. et al. Self-preservation behavior of Russians: dispositions and risks. *Problemy sotsialnoi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*, 2020: 28: 1: 44–51 (in Russ.). DOI: 10.32687/0869-866X-2020-28-1-44-51; EDN: ZBPLDE.

The article was submitted on: August 1, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Polina M. Kozyreva, Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director; Head of the Center for Longitudinal Studies at the Institute of Social Policy

Alexander I. Smirnov, Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.9
EDN: GGUPZL

Ближайшая периферия бедности: особенности и динамика

Ссылка для цитирования: *Слободенюк Е. Д., Белопашенцева П. В.* Ближайшая периферия бедности: особенности и динамика // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 4. С. 105–130. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.9; EDN: GGUPZL.
For citation: Slobodenyuk E. D., Belopashentseva P. V. The Near Periphery of Poverty: Characteristics and Dynamics. *Vestnik instituta sotziologii.* 2025. Vol. 16. No. 4. P. 105–130. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.9; EDN: GGUPZL.

SPIN-код: 6505-0801

Слободенюк Екатерина Дмитриевна[1]

[1]Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

eslobodenyuk@hse.ru

SPIN-код: 7806-1000

Белопашенцева Полина Владимировна[1]

[1]Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

pbelopashentseva@hse.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу ближайшей периферии группы бедных в России – россиянам с доходами от 1 до 1,5 прожиточных минимумов. В статье поднимаются три вопроса: какова численность и характеристики этой группы россиян, как она изменялись за последние 11 лет (и сохранила ли группа в этой связи характер промежуточной зоны, значительно отличающейся как от группы бедных, так и от остального населения), и нуждаются ли представители этой группы в поддержке со стороны государства (учитывая, что величина их доходов не позволяет им претендовать на значимую часть видов государственной помощи). Для ответов на эти вопросы в статье производится сопоставление с остальными – более высокодоходными и бедными россиянами. Анализ проводился на данных общероссийских репрезентативных исследований «Бедность и бедные в современной России» (апрель 2013 г.) и «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контексте» (июнь 2023 г., апрель 2024 г.). Исследование показало, что представители

ближайшей периферии бедности по социально-демографическим и социально-экономическим характеристикам, а также по субъективному восприятию жизни стали очень схожи с бедными, но сближение групп происходило преимущественно за счет ускоренных изменений в группе бедных. В результате эти процессы привели по большей части к потере уникальной специфики этой группы как промежуточной зоны, что было характерно для нее в 2000-е. Россияне с доходами от 1 до 1,5 прожиточных минимумов в 2024 г. сопоставимы с бедными и по характеру повседневных проблем, и по тому, чего они смогли достичь в жизни, а чего достичь уже и не надеются, а отличает их лишь то, что в их рядах отсутствует маргинализирующаяся подгруппа. Как следствие, они практически столь же часто заявляют о необходимости государственной поддержки, даже несмотря на то, что они несколько реже идентифицируют себя с постоянно нуждающимися и чуть больше склонны ощущать ответственность за свою жизнь. В этой связи мы приходим к выводу, что данная группа требует внимания со стороны государства, а расширение перечня мер социальной поддержки, направленного на группу россиян с доходами менее 1,5 прожиточных минимумов, отвечает запросам россиян и своевременен.

Ключевые слова: бедность, периферия бедности, малообеспеченность, низкодоходные слои населения, социальное самочувствие, уязвимость, зависимость от государства

Введение

В фокусе анализа находится группа населения, довольно долгое время находившаяся вне поля зрения как государства, так и научного сообщества – ближайшая периферия группы бедных – россияне с доходами от 1 до 1,5 прожиточных минимумов. Внимание к ней вызвано спецификой момента, который в некоторой степени является уникальным для постсоветской России. Известно, что в 2018 г. Президент В. В. Путин поставил задачу[1] сократить масштабы бедности в стране как минимум вдвое. В его майских указах 2024 г. эта задача была скорректирована и целевым показателем стало 5% к 2036 г.[2] В отличие от предыдущего периода (до 2018 г.), когда проблема бедности уступала более насущным вопросам[3], в последние годы она зазвучала интенсивнее. С 2018 г. перечень мер социальной политики, поддерживающих семьи с детьми, расширился, а ряд уже существующих мер был скорректирован [14], что позитивно отражалось на их положении по мнению экспертов [4; 5; 6]. Кроме того, была произведена и корректировка методологии расчета величины прожиточного минимума.

[1] Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: https://kremlin.ru/acts/bank/43027 (дата обращения: 04.09.2025).

[2] Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: http://kremlin.ru/events/president/news/73986 (дата обращения: 04.09.2025).

[3] В различные годы с 1998 по 2009 гг. в посланиях Президента слова с корнем «бедн» либо не встречались вовсе, либо 1 раз за всю речь; самое большое внимание ей было уделено в 2003-2004 и 2007 гг., но даже в те годы слова с корнем «бедн» мелькали всего 3-4 раза за всю речь президента [13].

Начиная с 2020 г. он исчисляется не на основании текущих цен, но с учетом инфляции. Сочетание как минимум двух этих изменений – содержательного и методологического – привело к стремительному сокращению численности бедных до масштабов, которые в постсоветской России ранее не наблюдались. Так, самым низким показателем численности бедных до 2018 г. была отметка в 15,4 млн чел. (2012 г.), что соответствовало 10,8% населения, в то время как по состоянию на 2024 г. в России осталось 10,5 млн бедных, что соответствовало уже 7,2% населения страны[1]. Более того, о серьезном сокращении бедности и достижении ранее не фиксировавшихся показателей свидетельствует не только государственная статистика, но и оценки социологов, которые обычно дают менее оптимистичную картину [1, с. 81].

Таким образом, согласно данным, поставленная Президентом цель постепенно достигается. Изменяется ли качественным образом жизнь бедных – это вопрос, требующий отдельного внимания, однако отметим, что сами бедные позитивно оценивают изменения в различных сферах жизни, имевшие место в прошедшее десятилетие [2, с. 43–45]. Масштабное сокращение группы с 2018 г. наводит на вопрос о том, что в этой связи происходило с ее ближайшей периферией.

Этой группе россиян практически не уделяется целенаправленного внимания в научных исследованиях, нет единого понятия, обозначающего эту группу и методологию ее выделения, несмотря на многообразие теоретических подходов к феномену бедности и методологий выделения группы бедных. Однако можно зафиксировать две традиции, в рамках которых обосновывались ее возможные границы.

Первая традиция опирается на *абсолютную монетарную* черту бедности, которой в России выступает прожиточный минимум (*далее – ПМ*). Представители периферийной зоны бедности в рамках этого подхода называются «уязвимыми» (к бедности), а граница уязвимости выступает кратной по отношению к ПМ величиной. Эта группа россиян – уязвимых к бедности – интересна исследователям тем, что в периоды рецессий ее представители скатываются в бедность, раздувая масштабы группы бедных. В рамках этой традиции уделяется отдельное внимание выявлению точных границ, кратных ПМ, на основе которых возможно построение социально-экономической структуры населения России по уровню жизни и выделению непосредственно этой группы [3; 10; 11; 15]. Согласно исследованиям В. Н. Бобкова, на сегодняшний день верхняя граница низкого уровня жизни должна располагаться в пределах 3 ПМ (подробное обоснование см. в [3, с. 91]), а ее наилучшее значение соответствует 2 ПМ. Встречается также и граница, соответствующая 1,5 ПМ, тоже попадающая в указанный ранее интервал [10; 12; 18]. Обосновывается это тем, что данная граница используется в нормативных документах для определения адресатов социальной политики: для определения получателей услуг социального

[1] См. в: Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности/величины прожиточного минимума. URL: https://www.rosstat.gov.ru/folder/13397 (дата обращения: 04.09.2025).

обслуживания на безвозмездной основе – в целом по РФ[1] и по отдельным регионам[2]; в Указе Президиума Верховного Совета СССР, направленном на поддержку семей с детьми (еще в 1970-е гг.)[3], так и для поддержки семей с 2 и большим количеством детей сегодня[4]; этот же уровень доходов выступает границей для пенсионеров, нуждающихся в социальной поддержке в некоторых регионах (одиноко проживающие пенсионеры/семьи пенсионеров)[5]. Интересна эта черта и тем, что такие доходы позволяют семейной паре держаться выше черты бедности *(1 ПМ)*, имея на руках хотя бы одного иждивенца (ребенка), что также особенно важно для социальной политики на сегодняшний день. По всем этим причинам данная категория россиян находит свое отражение и в статистических данных Росстата.

Вторая традиция выявления ближайшей периферии группы бедных относится к немонетарной традиции понимания феномена. В 2000-е гг. было реализовано крупномасштабное исследование, выразившееся впоследствии рядом публикаций (см., например: [8; 9; 16] и др.). Оно было, по сути, единственным, в рамках которого представители ближайшей периферии группы бедных изучались детально. В рамках исследования было закреплено понятие «малообеспеченные слои населения» (3 и 4 страта по разработанному немонетарному критерию – значению Индекса уровня жизни[6]) – как расположенные над бедными слои населения. Было также наглядно показано, что данная группа имела свое собственное «лицо», отличавшее ее как от остального населения, так и от бедных, демонстрировавшее ее промежуточное положение – более благополучное, чем у бедных, но явно менее благополучное, чем у представителей следующей категории россиян – «среднеобеспеченных» слоев населения.

В рамках нашего исследования мы преследуем цель выявить изменения в численности, составе и характеристиках ближайшей периферии официальной группы бедных, отчего следуем первой традиции анализа. В качестве границы анализируемой группы мы используем величину 1,5 ПМ, так как эта группа все больше выходит на авансцену при разработке мер социальной политики в современную эпоху. Однако с целью облегчения восприятия текста читателем далее по тексту мы будем обозначать представителей ближайшей периферии группы как «малообеспеченных», понимая ограничения такого решения.

---

[1] Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» – статья 31. URL: https://kremlin.ru/acts/bank/38016 (дата обращения: 04.09.2025).

[2] Например, Закон Московской области от 04.12.2014 № 162/2014-ОЗ – статья 4.

[3] Речь идет об Указе президиума Верховного Совета СССР от 25.09.1974 г. «О введении пособий на детей малообеспеченным семьям».

[4] Федеральный закон от 13 июля 2024 г. № 179-ФЗ «О ежегодной семейной выплате гражданам Российской Федерации, имеющим двух и более детей» – статья 1. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/50822 (дата обращения: 04.09.2025).

[5] Например, Закон Московской области от 30.12.2013 № 189/2013-ОЗ – статья 2.

[6] Индекс, разработанный Тихоновой Н. Е., Давыдовой Н. М., Поповой И. П., включающий следующие группы показателей [16]: «1) субъективные оценки наличия наиболее значимых форм депривации; 2) имущественная обеспеченность; 3) наличие недвижимости; 4) качество жилищных условий; 5) наличие сбережений; 6) возможность использования платных услуг; 7) досуговые возможности, связанные с дополнительными расходами».

Мы задаемся тремя вопросами о специфике этой группы: 1) как изменились ее численность и «коллективный портрет» с 2013 г., то есть за период резкого обострения отношений России и Запада и параллельно протекавших роста и последующего масштабного сокращения числа бедных в стране; 2) сохраняет ли она свою уникальную специфику промежуточной зоны; 3) нуждаются ли ее представители в помощи со стороны государства?

Для поиска ответов на эти вопросы мы используем данные общероссийских исследований Института социологии ФНИСЦ РАН «Бедность и бедные в современной России» (апрель 2013 г., n =1600) и «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контексте» (июнь 2023 г., апрель 2024 г., n = 2000). Исследования проводились по однотипной модели выборки: репрезентировали население страны по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, социально-профессиональному статусу и типу поселения. Инструментарии этих исследований включали в себя однотипные вопросы, что позволило сопоставлять и выявлять динамику показателей.

Изменение численности и состава малообеспеченных в сравнении с бедными и остальными россиянами

За наблюдаемый период группа малообеспеченных увеличилась по численности с 22,8 до 28,1%, т. е. на 5,3 п. п. Масштабы бедности между этими двумя точками наблюдения изменились незначительно – с 10,8 до 11,1%, хотя внутри рассматриваемого интервала был значительный прирост их числа и последующее стремительное сокращение[1]. Рассмотрим, как изменились составы этих групп.

В таблице 1 приведены социально-демографические характеристики малообеспеченных в сравнении с бедными и остальным населением России, из которых видно, что изменения в группе малообеспеченных происходили в соответствии с общенациональными трендами, обеспечив относительную устойчивость ее профиля. Параллельно с этим в группе бедных изменения происходили ускоренными темпами. *В результате наблюдалось сближение социально-демографических признаков малообеспеченных и бедных*. Проиллюстрируем это рядом сюжетов.

Во-первых, малообеспеченные стали походить на бедных по своей **локализации** – их представительство сократилось в сельских типах поселений и возросло в крупных городах. То же самое происходило и у бедных, только интенсивнее – доля сельских жителей среди них сократилась почти в 1,5 раза. В результате в 2024 г. среди малообеспеченных 40% проживали в сельской местности/ПГТ – это все еще достаточно высокая доля по сравнению с остальным населением. Одновременно с этим среди бедных и малообеспеченных выросла доля представителей, проживающих в крупных городах, что также способствовало сближению портретов двух групп.

[1] По данным исследования ИС ФНИСЦ РАН, проведенного по той же модели выборки в 2018 г. (n = 4 000), бедных насчитывалось 18,1%, малообеспеченных – 26,2%.

Таблица 1 (Table 1)

Социально-демографические характеристики бедных, малообеспеченных и остальных россиян, 2013/2024 гг.[1]

Socio-demographic characteristics of the poor, low-income and other Russians, 2013/2024

Показатели	2013			2024		
	Бедные	Малообеспеченные	Остальные россияне	Бедные	Малообеспеченные	Остальные россияне
Пол, *%*						
Мужской	**37,3**	46,2	50,3	41,2	44,5	48,6
Женский	**62,7**	53,8	49,7	58,8	55,5	51,4
Возраст, *лет*						
Среднее значение	39,2	**47,1**	41,2	47,1	**49,9**	44,5
Размер населенного пункта, *%*						
Город (более 1 млн. чел.)	**6,7**	**16,5**	32,4	**19,0**	**24,0**	32,1
Город (от 500 тыс. до 1 млн. чел.)	**2,0**	5,8	9,3	4,5	**4,6**	9,0
Город (от100 тыс. до 500 тыс. чел.)	2,7	1,3	2,5	11,3	7,7	6,5
Город (от 100 тыс. до 250 тыс. чел.)	6,0	**9,1**	5,2	5,0	6,6	6,8
Город (менее 100 тыс. чел.)	15,3	26,1	20,5	19,9	19,2	19,3
Сельская местность	**67,3**	**41,2**	30,1	**40,3**	**37,9**	26,3
Семейное положение, *%*						
Никогда не состояли в браке	20,0	**12,9**	22,0	**11,8**	**10,4**	19,9
Женаты / замужем	58,7	66,0	61,7	52,9	64,2	59,0
В гражданском браке	6,0	2,5	3,6	5,9	3,2	5,3
Разведены	10,0	6,3	7,4	12,2	8,8	8,6
Вдовые	5,3	**12,3**	5,3	**17,2**	**13,4**	7,2
Размер домохозяйства, *чел.*						
Среднее значение	**3,6**	3,1	3,0	**3,1**	2,8	2,7

[1] Фоном обозначены ячейки, значения в которых имеют статистически значимое отличие от значения в столбце «остальные россияне» на уровне доверительной вероятности 95% (красным – в меньшую сторону, зеленым – в бóльшую). Сумма значений в категории «Особенности состава домохозяйства» не сводится к 100%, т. к. люди, относящиеся к указанным категориям (дети, безработные, инвалиды) могут отсутствовать в составе семьи, а также потому, что член семьи может одновременно соответствовать двум разным категориям (например, ребенок-инвалид); точная формулировка вопроса: *«Есть ли среди членов Вашей семьи, проживающих вместе с Вами, в настоящее время...»* (Отметьте все, что Вам подходит, с учетом Вас самих, и укажите сколько)» (с приведенными в таблице вариантами ответов).

Окончание таблицы 1

Показатели	2013			2024		
	Бедные	Малообеспеченные	Остальные россияне	Бедные	Малообеспеченные	Остальные россияне
Особенности состава домохозяйства, *%*						
Есть несовершеннолетние дети в д/х	**53,4**	44,2	35,5	**46,2**	36,7	32,3
Есть безработные в д/х	**21,3**	**12,7**	5,3	**22,2**	**13,7**	6,6
Есть инвалиды 1 и 2 групп в д/х	11,3	9,4	4,8	5,4	**10,5**	6,2
Доходы, *среднее*						
Среднемесячный доход на члена семьи, *руб.*	**5 192,3**	**8 928,5**	18 385,6	**12 478,0**	**19 817,8**	40 551,8
Личный среднемесячный доход респондента, *руб.*	**9 447**	**12 798,4**	22 078,8	**25 964,2**	**31 579,9**	50 928,9

Во-вторых, изменения происходили в **возрастном** составе групп. Малообеспеченные были и остаются несколько старше (в 2013 г. средний возраст по группе составлял 47,1 лет, в 2024 г. – 49,9 лет, что выше среднего по остальному населению в обоих случаях). Средний же возраст бедных за последнее десятилетие увеличился с 39,2 до 47,1 лет, приблизившись как к малообеспеченным, так и к населению в целом.

В-третьих, бедные и малообеспеченные сблизились по **семейному положению.** Ввиду более высокого среднего возраста малообеспеченные стабильно демонстрировали бóльшую (по сравнению с остальным населением) долю вдовых как в 2013 г., так и в 2024 г. У бедных же наблюдался довольно стремительный рост доли вдовых, и на сегодняшний момент их доля даже стала превышать таковую в группе малообеспеченных. Изменения в группе бедных также коснулись доли никогда не состоявших в браке – их представленность снизилась с 20 до 11,8%, что также сблизило портреты двух групп низкодоходных россиян. Обе группы характеризуются отягощающими факторами в виде иждивенческой нагрузки детьми (что ярче выражено у бедных) или инвалидами.

Есть и некоторые отличия малообеспеченных от бедных. Во-первых, это меньшая доля безработных среди них (13,7 против 22,2% у бедных и 6,6% у остального населения). Ранее на примере анализа рисков бедности у профессионалов (специалистов высшей квалификации) было показано, что бедность в большей степени обусловлена рисками, связанными с занятостью [18]. Во-вторых, у малообеспеченных отличается размер домохозяйств, который меньше – ближе к таковому у остальных россиян. В-третьих, можно отметить повышенную долю их представителей, имеющих инвалидов в составе домохозяйства (к чему стоит привлечь внимание, так как в 2013 г. они в большей степени репрезентировали группу бедных).

Таким образом мы приходим к выводу, что изменения за последние 11 лет в группе малообеспеченных были незначительными, едва ли повлиявшими на характерные особенности группы. Однако, за счет интенсивных изменений в группе бедных, группа малообеспеченных сблизилась с последней по своему портрету, постепенно утрачивая свой статус промежуточной. Она во многом стала продолжением группы бедных образца 2024 г. только с чуть более высокими доходами, хотя некоторые отличительные черты групп пока еще сохраняются: малообеспеченность, как и ранее, в большей степени присуща лицам старших возрастов, в т. ч. с инвалидностью, а бедность – более крупным домохозяйствам с детьми. Обе группы также чаще прочих россиян декларируют наличие безработных членов семьи, но бедным это присуще в большей мере. Кроме того, постепенная утрата уникальных черт группой бедных и сближение ее по характеристикам с малообеспеченными позволяет предполагать, что параллельно протекал и процесс сокращения глубины бедности. Это согласуется и с данными ФСГС РФ, согласно которым за рассматриваемый период наблюдалось сокращение дефицита денежных доходов населения[1], и с оценками Счетной Палаты, согласно которым данное сокращение стимулировалось мерами социальной политики, реализовывавшимися с целью сокращения масштабов бедности[2]. Данная тенденция позволяет полагать, что в довольно скором будущем, вероятно, станет актуален вопрос уже не о борьбе с бедностью (так как большая часть бедных будет выведена в малообеспеченность), но о сокращении численности малообеспеченных россиян. Потенциал для этого вполне существует, о чем мы скажем несколько позже.

Рассмотрим теперь в качестве отдельного сюжета уровень образования бедных и малообеспеченных россиян и их родителей, а также их социально-профессиональный состав (табл. 2).

За период с 2013 г. еще нагляднее стала специфика рабочих мест, занимаемых малообеспеченными: им реже, чем россиянам с доходами выше 1,5 ПМ, представляется возможность реализоваться в качестве предпринимателей, руководителей или специалистов высшей квалификации (профессионалов) и чаще – в качестве рабочих и на должностях, не предполагающих высшего образования. Схожая динамика наблюдалась и у бедных. В результате на сегодняшний день малообеспеченные отличаются от бедных незначительно: малообеспеченным несколько чаще присущи позиции служащих без высшего образования, но реже – позиции работников торговли, обслуживания и рабочих специальностей.

[1] См. на официальном сайте ФСГС РФ в таблице «Дефицит денежного дохода (в %)». URL: https://fedstat.ru/indicator/33385 (дата обращения: 04.09.2025).

[2] См. в Отчете о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ достижения национальных целей «Обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, а также роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции» и «Снижение в два раза уровня бедности в Российской Федерации», установленных в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 2020 г. URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/3c9/3c911347504f7a96ff67c94e7ed7d2a6.pdf?ysclid=mblbrxttrx531528698 (дата обращения: 04.09.2025).

Таблица 2 (Table 2)

Социально-профессиональный и образовательный состав бедных, малообеспеченных и остальных россиян, 2013/2024 гг.

Characteristics of the human capital of the poor, low-income and other Russians, 2013/2024

Показатели	2013			2024		
	Бедные	Малообеспеченные	Остальные россияне	Бедные	Малообеспеченные	Остальные россияне
Статус занятости						
Работают / в оплачиваемом отпуске	67,3	69,5	83,3	**59,7**	**62,8**	75,9
В настоящее время не работают	**32,7**	**30,5**	16,7	**40,3**	**37,2**	24,1
Социально-профессиональный статус работающих						
Предприниматели, самозанятые и руководители разных уровней	6,5	5,4	9,7	**2,3**	**5,6**	12,6
Специалисты высшей квалификации, в т. ч. силовых структур	**15,2**	21,2	28,9	18,2	**18,4**	27,4
Служащие на должностях, не требующих высшего образования	18,5	14,9	13,4	15,9	**20,7**	13,1
Рядовые работники торговли или сферы бытового обслуживания	15,2	14,9	11,3	21,2	16,4	13,5
Рабочие	44,6	43,6	36,7	42,4	38,9	33,4
Образование						
Неполное среднее	**6,0**	**5,6**	1,8	2,3	2,0	1,2
Общее среднее	**30,7**	**19,3**	12,2	**21,3**	15,3	13,6
Среднее специальное или незаконченное высшее	47,3	52,8	50,7	55,5	**54,2**	47,0
Высшее	**16,0**	**22,3**	35,3	**20,9**	**28,5**	38,2
Образование отца						
Неполное среднее	27,6	23,0	15,2	16,2	14,9	10,3
Общее среднее	33,1	31,5	22,0	31,6	28,0	24,1
Среднее специальное или незаконченное высшее	32,4	36,4	40,9	38,6	39,2	39,4
Высшее	6,9	9,1	21,9	13,6	17,9	26,1

Окончание таблицы 1

Показатели	2013			2024		
	Бедные	Малообеспеченные	Остальные россияне	Бедные	Малообеспеченные	Остальные россияне
Образование матери						
Неполное среднее	**30,6**	**22,2**	13,4	11,0	**11,9**	7,6
Общее среднее	28,6	**32,6**	19,9	**39,0**	27,0	22,4
Среднее специальное или незаконченное высшее	30,6	35,1	42,8	37,1	39,5	40,7
Высшее	**10,2**	**10,1**	23,9	**12,9**	**21,6**	29,3

Наблюдаемая специфика занимаемых рабочих мест не вполне отражает динамику образовательных характеристик группы. Малообеспеченные ускоренными темпами повышали в последние годы уровень образования; для бедных это тоже было характерно, но пока еще их уровень образования ниже, чем у более благополучных россиян. В результате наблюдается структурная диспропорция образовательных достижений работающих малообеспеченных и занимаемых ими рабочих мест. Если в 2013 г. доля работающих малообеспеченных, занимающих позиции, требующих высшего образования, практически равнялась доле имеющих высшее образование (21,2 и 22,3%, соответственно), то к 2024 г. их соотношение обрело диспропорцию: 18,4% работающих на этих позициях и 28,5% малообеспеченных с высшим образованием. Это свидетельствует о системной недореализации образовательного потенциала малообеспеченных[1] и недостаточной доступности для них в месте проживания среднего специального образования, которое могло бы их устроить[2]. Для бедных же такой диспропорции скорее не наблюдается – с увеличением доли людей с высшим образованием наблюдается увеличение доли квалифицированных специалистов. В целом по профессиональной принадлежности и уровню образования малообеспеченные занимают промежуточное положение – они более образованны, занимают более высокие позиции в профессиональной иерархии, но все же далеки в этом отношении от остальных россиян.

Важно упомянуть и об **особенностях социализации** малообеспеченных. Из таблицы 2 видно, что уровень образования россиян и в 2013 г., и в 2024 г. был выше того, которого достигли их родители. Однако у малообеспеченных за рассматриваемый период наблюдалась любопытная тенденция – росла доля тех из них, у кого матери получили высшее образование (с 9,9 в 2013 г. до 21,5% в 2024 г.). Это потенциально могло повлиять как на склонность получать высшее образование (что мы отмечали ранее).

[1] Можно предположить, что малообеспеченные россияне следуют адаптационной стратегии, сформированной в 2000-е, делая ставку на диплом о высшем образовании, интуитивно ощущая, что его наличие подстрахует ребенка в жизни (что согласуется с результатами социологических исследований, которые показывают отдачу именно от наличия диплома о высшем образовании [17]).

[2] Последние исследования также показывают, что качественное высшее образование, способное дать «билет в жизнь» доступно лишь ресурсообеспеченным семьям, отчего менее обеспеченные россияне (к которым относятся и те, кого мы рассматриваем), выбирают более сложные образовательные стратегии [19], однако для них требуется наличие учреждений, предоставляющих среднее специальное образование.

Отметим также, что среди малообеспеченных сократилась доля тех, кто вырос в сельских типах поселений (с 54,5 до 42,2%). Схожая тенденция наблюдалась и у бедных (с 78 до 43%), и у россиян с доходами выше 1,5 ПМ (с 35,3 до 31,7%, соответственно). Однако по итоговым показателям (ввиду того, что в группе бедных эта тенденция вновь была более динамичной), по характеру социализации малообеспеченные демонстрируют большее сходство с бедными, нежели с более обеспеченными россиянами.

Можно сказать, что по уровню образования и социально-профессиональному составу малообеспеченные занимают скорее промежуточное положение: среди них больше людей с высшим образованием и выходцев из семей с высокообразованными родителями, что, по всей видимости, и позволяет им выходить на несколько более высокие профессиональные позиции.

Динамика субъективного восприятия жизни

Теперь коснемся того, как именно складывалась жизнь малообеспеченных россиян судя по их субъективным оценкам – какие изменения произошли в ней с 2013 г., сблизило ли их это с бедными, или же, наоборот, еще сильнее разделило, укрепив положение малообеспеченных как своего рода промежуточной группы. Обратимся к тому, как менялось восприятие различных сторон жизни (табл. 3).

Во-первых, по ряду показателей (примерно по половине) субъективные оценки своего положения у малообеспеченных улучшились, в то время как по оставшимся либо остались без изменений, либо ухудшились, но не критично. Из обозначений фоновой заливкой в таблице 3 видно, что по большей части эти изменения были незначительны и лишь немногим превышали величину статистической погрешности (если не считать ситуацию с одеждой).

Во-вторых, удовлетворенность жизнью у малообеспеченных росла существенно более сдержанными темпами, чем у бедных. Иными словами, по субъективному восприятию качества своей жизни в совершенно разных ее аспектах, бедные «нагоняли» малообеспеченных, становясь практически в той же мере оптимистичными. Проиллюстрировать это способен анализ того, как изменилась разница между негативными оценками у бедных и малообеспеченных в 2013 и 2024 гг. (и аналогичный показатель по числу позитивных оценок). Так, по 15 из 16 позиций разрыв в количестве негативных мнений за 11 лет сократился (более того, по трем сторонам жизни число позитивных оценок и вовсе сравнялось, а еще по трем количество позитивных ответов у бедных в 2024 г. даже превысило таковое у малообеспеченных, причем одна из таких сфер – это общее восприятие своей материальной обеспеченности). Схожим образом выглядит и ситуация с негативными оценками: по 11 из 16 позиций разрыв в количестве негативных ответов тоже сократился (более того, по субъективному восприятию ситуации на работе, возможности реализации в профессии и в уровне личной безопасности число негативных оценок у малообеспеченных даже превысило таковое у бедных, а еще по одной – возможности отдыха в период отпуска – число негативных оценок тоже практически сравнялось).

Таблица 3 (Table 3)

Доля бедных, малобеспеченных и остальных россиян, оценивающих ту или иную сторону своей жизни, как плохую или хорошую[1], 2013/2024 г., %

Share of the poor, low-income and other Russians who rate this or that aspect of their life as bad or good, 2013/2024, %

Показатель	Оценки «плохо»						Оценки «хорошо»					
	Бедные		Малообеспеченные		Остальные россияне		Бедные		Малообеспеченные		Остальные россияне	
	2013	2024	2013	2024	2013	2024	2013	2024	2013	2024	2013	2024
Материальная обеспеченность	42,7	**26,8**	31,0	**25,6**	11,9	11,0	5,3	**11,4**	12,5	**9,3**	25,7	**31,1**
Питание	15,3	14,9	9,4	7,5	2,3	2,0	15,3	**20,8**	27,7	27,5	49,1	50,9
Одежда	27,3	**13,6**	18,3	**9,6**	5,8	3,3	8,0	**19,1**	17,6	**22,8**	37,8	**43,9**
Состояние здоровья	18,0	19,9	19,5	17,3	9,4	7,4	16,7	17,2	21,1	23,0	41,0	**36,8**
Жилищные условия	23,3	**11,5**	13,0	**9,3**	9,1	**4,9**	21,3	**27,5**	32,7	34,2	38,2	**51,5**
Отношения в семье	7,3	7,7	4,3	4,3	2,7	2,9	44,0	**48,9**	56,1	54,7	63,7	64,3
Досуговые возможности	37,8	**23,0**	24,5	**18,5**	13,4	**10,3**	10,8	**24,9**	20,9	22,3	35,7	**41,8**
Ситуация на работе (от работающих)	27,1	**8,7**	11,3	10,2	6,8	5,6	16,7	**30,7**	29,3	**26,4**	36,2	**42,7**
Возможность отдыха в отпуск (от работающих)	43,3	**26,9**	33,2	**26,6**	17,7	15,7	8,2	**18,5**	13,5	**18,4**	32,4	**35,4**
Общение с друзьями	10,8	10,2	6,7	5,9	3,8	2,7	37,2	**42,3**	43,7	46,0	56,9	57,9
Возможность реализации в профессии (от работающих)	36,1	**10,2**	17,7	16,0	12,1	**6,9**	16,5	**25,2**	25,4	27,6	38,3	**49,2**
Возможность получения необходимых знаний	40,6	**22,4**	25,6	**18,8**	13,1	**9,4**	15,4	16,8	17,3	16,9	32,5	**36,5**
Место / регион проживания	18,7	**9,6**	9,2	7,8	7,8	**4,4**	16,7	**28,9**	28,6	36,4	38,9	**49,7**
Положение, статус в обществе	12,2	12,8	8,4	10,5	6,1	4,6	12,8	**21,1**	19,6	**22,6**	33,0	35,9
Уровень личной безопасности	20,0	**13,1**	13,5	15,5	7,9	**12,0**	11,3	**21,7**	14,5	**21,6**	27,9	27,7
Жизнь в целом складывается	11,3	10,5	7,6	9,5	3,6	4,0	14,0	17,3	23,9	**18,6**	38,5	**41,6**

[1] Красным фоном обозначены ячейки, значения в которых сократились с 2013 по 2024 гг., зеленым – те, значения в которых увеличились; при этом самым светлым тоном выделены те из них, оценки в которых изменились более статистической погрешности, средним – как минимум в 1,5 раза, темным – как минимум в 2 раза. В таблице не представлена статистика по оценкам «удовлетворительно» и по числу затруднившихся с ответом за соответствующие годы. Точная формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете следующие стороны своей жизни? (Дайте один ответ по каждой строке)» с вариантами ответов: «хорошо», «удовлетворительно», «плохо» и «затрудняюсь ответить», суммарно дающие 100%.

В-третьих, довольно ярко характеризует две группы низкодоходных россиян и то, что среди них схоже число тех, кто не оценил ни одну сторону своей жизни как плохую. Среди малообеспеченных в 2024 г. таких было 26,5%, среди бедных – 23,1%, в то время как среди других россиян – 43,5%; медианное число сторон жизни, обозначенных как «плохие» было соответственно (в порядке упоминания групп) 3, 3 и 1. Схожее наблюдается и в отношении количества сторон жизни, которые респонденты расценили как хорошие. Так, не более чем одну сторону своей жизни оценили как хорошую 29,9% малообеспеченных, 32,6% бедных, в то время как среди остальных вдвое меньшее число – 16,2%; медианное число «хороших» сторон жизни, насчитывает 3,5, 4 и 7, соответственно. Из данных наблюдений мы делаем вывод, что субъективное восприятие своей жизни малообеспеченными в разных ее аспектах улучшалось, однако более низкими темпами, чем у бедных, а итоговые показатели вновь, как и в случае с социально-демографическими характеристиками, свидетельствуют скорее о сходстве двух данных групп, нежели об их принципиальном отличии, что не позволяет рассматривать малообеспеченных как находящихся в промежуточном положении.

Малообеспеченные похожи на бедных и в том, какие повседневные аспекты своей жизни они расценивают как **проблемные**. В рамках исследования задавался вопрос: «*Приходилось ли вам за последний год сталкиваться со следующими проблемами?*» с возможностью отметить все подходящее. К оценке предлагалось 18 различных позиций (см. табл. 4[1]). Как минимум каждый пятый малообеспеченный не отметил ни одной проблемы в своей жизни (22,4%), что вновь сблизило их с бедными (19%) и указало на отличие от остальных россиян (32,5%). Сближает их с бедными и то, что обычно они отмечают по две проблемы (медианное значение), в то время как остальные россияне – только по одной. Сближает их и сам перечень проблем, которые чаще всего упоминаются. Так, среди малообеспеченных хотя бы 20% отметили: 1) проблемы с возможностью получить необходимую медицинскую помощь (20,1%), семейные проблемы (21,5%), плохое материальное положение (27%) и проблемы со здоровьем у себя или членов семьи (41,8%). У бедных отмечены те же проблемы (в порядке упоминания: 21,3, 28,1, 40,3 и 38%), а также еще отсутствие свободного времени, которое они могли бы потратить на то, чтобы «в удовольствие» заняться тем, чем хотелось бы / чтобы успеть сделать все необходимые повседневные дела (22,2 и 19,9%) и проблемы с работой (23,1%). Для остальных россиян все эти проблемы, не считая тех, что связаны со свободным временем и здоровьем, не так актуальны и упоминаются 14–17% респондентов, хотя тоже попадают на высшие позиции рейтинга. Можно сказать, что сами по себе проблемы всех россиян более-менее одинаковы, но *сконцентрированы по-разному*. Это и привлекает основное внимание, если рассуждать о различии/сходстве групп.

[1] К сожалению, по данному вопросу мы не можем предоставить динамику показателей, так как в предшествующие годы в рамках ответа на вопрос ограничивалось число возможных ответов, что нарушает сопоставимость показателей.

Таблица 4 (Table 4)

Доля бедных и малообеспеченных, испытывающих те или иные проблемы в своей повседневной жизни, среди подгрупп, выявленных методом кластерного анализа, 2024 г.[1], %

The share of the poor and the low-income experiencing various everyday life challenges within the subgroups identified through cluster analysis, 2024, %

Показатель	Малообеспеченные (кластеры №)			Бедные (кластеры №)				
	1	2	3	1	2	3	4	5
Плохое материальное положение	**49,5**	10,5	22,8	**62,5**	25,0	27,3	30,0	**87,5**
Проблемы со здоровьем	**54,5**	0,0	**100,0**	**42,5**	25,0	0,0	**100,0**	**70,8**
Семейные проблемы	**39,9**	10,5	13,4	**45,0**	**72,5**	0,0	7,5	**50,0**
Проблемы с работой	**41,4**	5,5	6,3	**40,0**	**55,0**	0,0	5,0	**45,8**
Отсутствие времени, чтобы заняться тем, чем хотелось бы	**34,3**	10,1	9,4	**75,0**	2,5	9,1	20,0	12,5
Проблемы с получением необходимой медицинской помощи	**38,9**	4,6	19,7	22,5	0,0	0,0	**55,0**	**66,7**
Отсутствие времени, чтобы сделать повседневные дела	**35,9**	7,2	3,1	**100,0**	7,5	1,3	0,0	0,0
Отсутствие социальных гарантий на случай старости, безработицы	28,3	4,2	2,4	30,0	5,0	7,8	12,5	**70,8**
Проблемы с детьми	26,3	2,1	8,7	25,0	25,0	5,2	0,0	**45,8**
Проблемы с жильем	14,1	3,0	3,9	32,5	10,0	5,2	12,5	16,7
Плохое питание	21,2	1,7	0,8	15,0	2,5	6,5	2,5	**62,5**
Алкоголизм / наркомания у кого-либо из членов семьи	12,6	3,4	3,1	2,5	20,0	1,3	12,5	**37,5**
Последствия действий со стороны ВСУ	11,1	4,2	3,1	32,5	2,5	1,3	12,5	4,2
Проблемы с одеждой или обувью	14,6	0,8	5,5	10,0	2,5	3,9	5,0	20,8
Одиночество	11,1	0,8	5,5	15,0	5,0	1,3	0,0	25,0
Незащищенность от насилия	7,6	1,3	0,0	7,5	0,0	0,0	2,5	16,7
Проблемы с получением образования	2,5	0,0	0,0	10,0	0,0	0,0	2,5	8,3
Другое	0,5	0,0	0,0	0,0	0,0	1,3	0,0	4,2
Ни с какими проблемами не сталкивались, живут нормально	0,0	**53,2**	0,0	0,0	0,0	**54,5**	0,0	0,0

[1] Самым светлым фоном выделены ячейки, значения в которых составляют не менее 33,3% (проблемы, озвучиваемые не менее, чем каждым третьим представителем группы), средним – те, значения в которых составляют от 50 до 75%, самым темным – те, значения в которых составляют не менее 75%. Значения по столбцу не сводятся к 100%, так как респонденты могли указать любое число проблем, с которыми они сталкиваются в жизни. Точная формулировка вопроса: *«Приходилось ли Вам за последний год сталкиваться со следующими проблемами? (Выберите все, что Вам подходит)»*.

Окончание таблицы 4

Показатель	Малообеспеченные (кластеры №)			Бедные (кластеры №)				
	1	2	3	1	2	3	4	5
Справочно								
Доля в составе группы (малообеспеченных / бедных)	*35,2*	*42,2*	*22,6*	*18,1*	*18,1*	*34,8*	*18,1*	*10,9*
Среднее число проблем	*4,4*	*0,7*	*2,1*	*5,7*	*2,6*	*0,7*	*2,8*	*6,5*
Медианное число проблем	*4*	*0*	*2*	*6*	*2,5*	*0*	*2*	*6*
Число проблем, упоминаемое не менее, чем 20% членов группы (из 18)	*10*	*0*	*2*	*11*	*6*	*1*	*4*	*11*

Двухэтапный кластерный анализ позволил выделить внутреннюю неоднородность групп малообеспеченных и бедных по этому показателю. Среди малообеспеченных выделяются три существенно различающиеся между собой подгруппы, среди бедных – пять подгрупп, которые по степени выраженности и характеру проблем, а также по социальному портрету, также можно объединить в три крупные категории (см. табл. 4).

Первая подгруппа (кластер № 2 среди малообеспеченных) объединяет тех, кто утверждает, что не испытывает всерьез никаких проблем (около 50% из них так напрямую и заявляют, а остальные респонденты в этой группе отмечают только одну проблему). По сути, их основная проблема – это плохое, по их мнению, материальное положение. Таких выявлено 42,2% от числа всех малообеспеченных. Среди бедных тоже присутствует такая группа (кластер № 3), составляющая примерно треть ее состава. Таким семьям достаточно легко оказать поддержку, так как все их проблемы, если таковые вообще фиксируются ими, связаны с материальным обеспечением/финансами, что важно применительно к сказанному ранее о ликвидации массовой малообеспеченности, как о задаче довольно близкого будущего.

Вторая подгруппа (кластер № 3 среди малообеспеченных) отличается тем, что ее представители заявляют о наличии проблем со здоровьем и доступом к медицинским услугам и, одновременно, не довольны своим материальным положением. Аналогичная группа присутствует и среди бедных (кластер № 4). Сближает их то, что иные проблемы они толком и не озвучивают (число проблем совокупно составляет 2 по медиане в обоих случаях). Положение этих россиян существенно изменится с улучшением доступа к медицинским услугам для населения, в том числе – в средних и малых поселениях, для которых эта проблема особо актуальна.

Третья подгруппа (кластер № 1 среди малообеспеченных) объединяет в себе всех тех, кто заявляет о наличии множественных повседневных проблем, но при этом практически не упоминают проблем с алкоголизмом/наркоманией кого-либо из членов семьи. Они утверждают, что на них «все навалилось» – на работе проблемы, дома – семейные дрязги и непослушные дети, времени на все не хватает, и в довесок ко всему этому не хватает денег на текущие нужды. Эта группа также находит свой аналог и среди бедных (кластер № 1).

Такой взгляд на проблему высвечивает и сходство малообеспеченных с бедными, и их отличие. Сходство заключается в наличии если не идентичных, то сопоставимых по характеру повседневных проблем подгрупп в их составе, отличающихся только уровнем текущих доходов. Отличие же заключается в том, что среди малообеспеченных отсутствует «маргинализирующееся дно». В группе бедных оно представлено в лице двух подгрупп – кластеров № 2 и № 5, первый из которых объединяет мало востребованных на рынке труда и не обремененных иждивенческой нагрузкой россиян из малых поселений с узким рынком труда, а второй – чрезвычайно неоднородную группу тех, у кого «сошлись все беды разом» (в их числе и пенсионеры из отдаленных поселений, и неофициально трудоустроенные, зависимые от алкоголя лица трудоспособного возраста и пр.).

Маргинализирующимся представителям группы бедных едва ли возможно помочь. Если же речь идет о пенсионерах из сельских поселений, то помочь им можно, но чрезвычайно трудно. Остальным представителям группы бедных помочь вполне реально, причем трети из них – относительно легко, так как их проблемы замкнуты только на нехватку доходов. Таким образом, по характеру повседневных проблем различие между малообеспеченными и бедными присутствует, но преимущественно состоит в отсутствии среди малообеспеченных маргинализирующейся подгруппы.

Теперь к вопросу о том, как воспринимают малообеспеченные свое **положение в структуре общества**. В рамках исследования задавался вопрос: «В нашем обществе есть люди, которых скорее можно отнести к верхушке общества и люди, которых скорее можно отнести к низам общества. Куда бы вы поместили себя на этой шкале (в границах от 1 до 10, при условии, что 1 – низкое социальное положение, 10 – высокое)?» и предлагалось дать ответ по 4 позициям : 1) семья, в которой человек вырос, 2) сам человек 10 лет назад, 3) сам человек сегодня и 4) позицию, на которой хотели бы однажды оказаться. Причем по вопросам № 3 и № 4 возможно было оценить динамику с 2013 г.

Анализ показал, что малообеспеченные ощущают свое положение как серединное (5 ступень по медиане), а хотели бы оказаться «выше среднего» – на 7 ступени. Бедные россияне давали такие же ответы, а вот остальные россияне выбирали чуть более высокие позиции (6 и 8, соответственно). Среди малообеспеченных за последние 10 лет сократилось число субъективно низкостатусных, т. е. ставящих себя на 3 нижние ступени (с 32,9 до 18,2%), и увеличилось число субъективно высокостатусных, ставящих себя на 3 верхние ступени (с 3,8 до 11,4%), хотя такое восприятие положения для них – по-прежнему редкость. Стоит отметить, что тенденция роста субъективных оценок восприятия своего положения наблюдалась у всех россиян, только привела к разным результатам. Так, число субъективно низкостатусных сократилось среди бедных с 34 до 21,7%, а среди россиян с доходами выше 1,5 ПМ – с 16,3 до 7,1%. Число субъективно высокостатусных увеличилось среди бедных по доходам с 2 до 9,5%, а среди россиян с доходами выше 1,5 ПМ с 6,7 до 17,5%. Это позволяет сделать вывод, что *малообеспеченные за последние 10 лет наряду со всеми остальными россиянами ощутили рост своего статуса в обществе, однако по состоянию на 2024 г. они все еще близки скорее к бедным, нежели к более благополучным слоям*.

Итак, хотя и по этим субъективным характеристикам малообеспеченные стали близки к бедным, но преимущественно за счет изменений в группе бедных. Назвать их положение качественно лучшим нет оснований. В этой связи возникает вопрос о том, насколько уязвимо их положение, ведь помощь, которую они могли бы получить у государства, ограничена из-за величины их доходов.

Уязвимость малообеспеченных и необходимость для них государственной поддержки

Степень защищенности малообеспеченных можно оценить, во-первых, особенностями их **социального капитала**. В рамках исследования задавался вопрос «*Могли бы Вы в случае необходимости получить от своего ближайшего окружения или оказать его членам такие виды помощи как…*» с 11 вариантами ответов и возможностью указать все подходящее. В 2013 г. вопрос был практически идентичен, отличалось число вариантов ответов и отсутствовал вопрос о том, какую помощь россияне могут оказать.

В 2024 г. малообеспеченные могли оказать всего 1 вид помощи своим близким (медианное значение), чаще всего – хозяйственно-бытовую (починить кран, отвезти на дачу т. п.). От своих близких малообеспеченные по их ощущениям могли получить уже 2 вида помощи (вновь по медиане) – ту же самую хозяйственно-бытовую, а также одолжить деньги (в основном до 100 тыс. руб.). Это довольно скромные показатели. Однако по этому показателю малообеспеченные не отличаются ни от бедных, ни от остальных россиян (если судить именно по медианным значениям – средние немного различаются[1]), причем малообеспеченные даже на фоне бедных характеризуются самым малым средним значением по видам помощи, которые они могут получить в случае необходимости. Согласно предшествующим исследованиям, рассчитывать на серьезную помощь сегодня могут лишь узкие слои населения, которые и сами характеризуются высокой ресурсной обеспеченностью [7]. Таким образом, более качественным социальным ресурсом по сравнению с бедными малообеспеченные, к сожалению, не обладают, но и не отличаются особо скудным социальным ресурсом на фоне остальных россиян.

Во-вторых, о степени защищенности/уязвимости положения малообеспеченных может свидетельствовать **ощущение подконтрольности жизни** и степень **страха перед будущим**. Ниже приведем некоторые данные о восприятии собственной уязвимости и подконтрольности своей жизни разными группами населения (см. табл. 5).

Более чем половине малообеспеченных свойственно ощущать свою зависимость от государственной поддержки (57,9% говорят, что «без поддержки государства их семье не выжить») – такое восприятие для группы типично. По этому показателю они скорее ближе к бедным, среди которых это тоже доминирующая точка зрения, однако у бедных это волнение выражено значимо сильнее и озвучивается 2/3 группы.

С другой стороны, более чем половина малообеспеченных (57,7%) склонны считать, что жизнь человека зависит от его усилий, а не от внешних обстоятельств. По этому показателю малообеспеченные к 2024 г. стали близки к более обеспеченным россиянам, нежели к бедным. При этом за

[1] Средние значения по количеству видов помощи, которые малообеспеченные, бедные и остальные россияне могут оказать своим близким – 1,5; 1,4; 1,9, по количеству видов помощи, которые могут получить – 2,4; 2,7; 3,0, соответственно.

последние 11 лет доля считающих так увеличилась у них почти на 10 п.п. (с 48,1%; у бедных же, наоборот, их доля сократилась с 51,3 до 42,5%; среди остальных россиян она не менялась – 58,4 и 59,1%, соответственно). Рост числа настроенных так среди малообеспеченных – безусловно позитивный тренд, но не стоит его переоценивать, так как его потенциал, предположительно, довольно скоро будет исчерпан (если судить по доле таковых в остальном населении). В целом же, как следует из приводимых данных, даже в более благополучных слоях населения соотношение доли россиян, ощущающих себя кузнецами своей жизни, и прочих – 6 к 4. Россияне, претерпевшие за последний век большое число потрясений, вызванных внешними по отношению к ним самим обстоятельствами, довольно скептически относятся к возможности планировать свою жизнь и всерьез отвечать за нее. Выражается это в недалеком горизонте планирования (хотя малообеспеченные занимают в этом отношении скорее серединное положение).

Таблица 5 (Table 5)

Ощущение защищенности / уязвимости жизни и уверенности в будущем среди бедных, малообеспеченных и остальных россиян, 2024 г.[1], %

Feelings of security / vulnerability of life among the poor, low-income and other Russians, 2024, %

Показатель	Бедные	Малообеспеченные	Остальные россияне
Высказывали согласие с утверждениями (2023 г.*):			
Вы сможете сами обеспечить себя и свою семью	**33,2**	**42,1**	**60,1**
Без поддержки со стороны государства Вам не выжить	**66,8**	**57,9**	**39,9**
Выбор в дилемме			
Человек сам кузнец своего счастья, и успех, и неудачи – в его руках	**42,5**	**57,7**	**59,1**
Жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, а не его усилиями	**57,5**	**42,3**	**40,9**
Как часто были довольны, что дела идут по Вашему плану			
Часто	24,0	21,3	**34,2**
Иногда	**60,2**	**64,1**	**57,0**
Никогда	15,8	14,6	8,8
Как часто чувствовали страх перед неопределенностью будущего			
Часто	30,6	30,1	22,9
Иногда	**52,5**	**53,3**	**47,5**
Никогда	16,9	16,6	29,6

[1] В одном случае приводятся данные по 2023 г. ввиду отсутствия соответствующего показателя в базе 2024 г.; светло-красным фоном выделены ячейки, значения в которых составляют от 33,3 до 49,9% включительно (проблемы, озвучиваемые не менее, чем каждым третьим представителем группы), красным – те, значения в которых составляют не менее 50%.

Продолжение таблицы 5

Показатель	Бедные	Малообеспеченные	Остальные россияне
Как часто испытывали удовлетворенность поддержкой со стороны государства			
Часто	5,5	5,2	10,9
Иногда	**45,9**	**44,0**	**45,3**
Никогда	**48,6**	**50,8**	**43,8**
Как часто чувствовали надежную поддержку близких и коллег, знали, что они придут на помощь, если понадобится			
Часто	**34,5**	**39,5**	**51,2**
Иногда	**53,7**	**52,3**	**41,8**
Никогда	11,8	8,2	7,0
Планируют жизнь			
На 1–2 года вперед	25,1	**32,8**	**40,7**
На 3 года вперед и дальше	14,4	13,8	18,4
Не планируют, т. к. считают, что это невозможно	**60,5**	**53,4**	**40,9**
Идентифицируют себя с…			
Людьми такого же материального достатка	25,1	27,8	**37,7**
Теми, кто оказался в числе постоянно нуждающихся	19,5	10,9	8,0

Из данных таблицы 5 также видно, что 4/5 малообеспеченных не могут похвастаться тем, что они могут планировать свои дела, что жизнь складывается так, как они планировали. Не удивительно в этой связи, что 4/5 респондентов этой группы испытывают тревогу или даже страх перед неопределенностью будущего. По этому показателю малообеспеченные практически идентичны бедным; отличие от остальных россиян у них прослеживается, однако чувство неподконтрольности жизни и тревога в отношении будущего свойственны большинству россиян. В отношении этой черты мы можем говорить лишь о большей или меньшей степени, сближающей малообеспеченных с менее благополучными или более благополучными слоями населения.

Рассуждая же о том, чью поддержку он ощущает в своей жизни, каждый второй малообеспеченный утверждает, что вообще не ощущает поддержки со стороны государства, в то время как полное отсутствие поддержки со стороны близких людей ощущает только 1 из 11. Серьезную поддержку со стороны государства ощущают только 5,2% малообеспеченных, а со стороны близких – 39,5%. По этим показателям малообеспеченные вновь ближе к бедным, нежели к более обеспеченным россиянам. Так, среди последних удовлетворенность поддержкой близких существенно выше (более половины уверены в их помощи в трудную минуту) и менее половины недовольны поддержкой государства. Надежда в первую очередь на помощь близких, а не государства – это общенациональная черта, хотя степень ее выраженности (и недовольства государственной поддержкой) различается, и малообеспеченные в этом смысле даже чаще бедных остаются неудовлетворенными.

Суммируя все вышесказанное, можно утверждать, что по степени субъективно воспринимаемой уязвимости своей жизни малообеспеченные слабо отличаются от бедных, хотя к постоянно нуждающимся они себя обычно не относят. Кроме того, чуть больше склонны к планированию жизни и чуть чаще считают себя ответственными за свою собственную жизнь. Единственное, на что могут полагаться малообеспеченные, по их ощущению, это друзья и родственники, но они мало что могут объективно получить от них.

При этом есть одно тревожное наблюдение, требующее внимания со стороны властей. В ходе исследования задавался блок вопросов: «К чему вы стремились в своей жизни и в каких сферах уже добились желаемого?» с вариантами ответов «Уже добились этого», «Пока не добились, но считаете, что еще добьетесь», «Хотели бы, но вряд ли добьетесь» и «В планах этого не было». К оценке предлагались 22 различные жизненные цели. Не углубляясь в этот сюжет, скажем, что малообеспеченные смогли сформировать себе комфортный микромир и повседневность: 75,3% утверждали, что сумели обзавестись надежными друзьями, 70,8% – смогли прожить жизнь честно, 65,1% – создали семью, 57,1% – смогли воспитать хороших детей. В этом отношении малообеспеченные близки к бедным, для которых также характерно то, что более 50% полагают, что добились этих целей (не считая только воспитания хороших детей) и далеки от остальных россиян (которые в числе уже достигнутых называют практически вдвое большее число позиций, включающих самореализацию в труде). При этом как минимум каждый третий малообеспеченный хотел бы стать богатым, открыть собственный бизнес, хорошо зарабатывать, получить престижную работу, сделать карьеру. Однако они скептически оценивают свои шансы достигнуть всех этих целей. Так, среди тех из них, кто такие цели ставит, 66,3, 59,3, 52,1, 44,9 и 36,4% соответственно считают, что едва ли когда-то смогут достичь их. Схожие показатели наблюдаются и у бедных.

Уязвимость положения малообеспеченных, сближающая их с положением бедных, довольно тревожна. Ключевая задача, которую пока они еще ставят перед собой – своими силами преодолеть невысокий уровень жизни – воспринимается ими как едва ли реализуемая. Стоит понимать, что при восприятии причин этого в структурных предпосылках (что пока что свойственно менее, чем половине представителей группы, но близкому к этому рубежу числу), малообеспеченные могут отказаться от подобных попыток, возложив эту задачу на государство. Отметим, что по данным международного исследования International Social Survey Program, россияне во многом ожидают решения своих проблем именно силами государства, так как видят причины неравенств, существующих в обществе, немеритократичными [20].

Заключение

Взявшись за этот сюжет, мы ставили перед собой цель найти ответы на три вопроса: об 1) изменении численности и портрета группы малообеспеченных россиян с доходами от 1 до 1,5 прожиточных минимумов (ближайшей периферии бедности), о 2) сохранении характеристик группы,

позволяющих говорить о ней, как о занимающей промежуточное положение и 3) о том, нуждаются ли ее представители в государственной поддержке. Отвечая на первый вопрос, мы показали, что численность этой группы составляет примерно четверть населения и она увеличилась за 2013–2024 гг. с 22,8 до 28,1%. Было показано также, что ее состав менялся слабо и медленно, в то время как состав группы бедных – быстро. Это сблизило две низкодоходные страты россиян между собой по основным социально-демографическим и социально-экономическим характеристикам. Более того, было показано, что они сблизились и по восприятию своей жизни и установкам, что во многом привело к утрате группой малообеспеченных россиян характера «более благополучной». Несмотря на то, что некоторые отличительные черты этой группы пока еще сохранились, на сегодняшний день это во многом – та же бедность. Особенно в этой связи привлекает внимание сходство структур групп, сформированных на основе общности переживаемых проблем. Как первые (бедные), так и вторые (представители ближайшей периферии бедности), делятся на три подгруппы, отличающиеся особенностью проблем, о наличии которых они заявляют, причем примерно 30% первых и 40% вторых – это те, чьи проблемы вызваны исключительно нехваткой денежных средств, а значит их довольно легко «вывести» из трудного положения. Сближает эти две группы и ряд особенностей, свидетельствующих об ином качестве семейных отношений и недовольстве своими детьми – сюжет, достойный более глубокого анализа в будущих исследованиях. Отличием же вторых выступает то, что в их составе нет массовой маргинализирующейся подгруппы. Кроме того, они сталкиваются с проблемами, которые для бедных скорее второстепенны. Так, судя по объективным характеристикам этой группы, они нуждаются в программах поддержки для инвалидов и переквалификации/профессиональной переподготовки. В целом же, видя их сходство с бедными, при ответе на второй вопрос исследования, мы приходим к выводу, что группа малообеспеченных стала скорее «продолжением бедности», утратив уникальный характер «промежуточной». Исходя из сходства малообеспеченных с бедными по их ощущению своей уязвимости, страху перед будущим, по схожести жизненных проблем, в т. ч. по наличию серьезных затруднений с реализацией на рынке труда (что приводит к утрате веры в свои силы и в возможность решить свои проблемы самостоятельно), мы склонны полагать, что запрос к государству от россиян с доходами от 1 до 1,5 ПМ будет усиливаться. Сами они (равно как и остальные россияне) не будут видеть особой разницы между собой и бедными. При этом для бедных со стороны государства существует множество мер социальной политики, в то время как для них – пока еще совсем немного. Этот факт может вызвать либо серьезное напряжение в обществе, либо усиление стратегий, направленных на сокрытие части доходов с целью попасть в число адресатов социальной политики. В этой связи расширение числа государственных мер социальной политики, направленных на категорию россиян с доходами менее 1,5 ПМ, обоснованно и соответствует ожиданиям россиян.

Библиографический список

1. Белопашенцева П. В. Официальная и субъективная бедность в России: влияние событий 2020–2021 гг. // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 78–90. DOI: 10.31857/S013216250028306-9; EDN: OQNXMT.

2. Белопашенцева П. В., Слободенюк Е. Д., Мареева С. В. Объективная и субъективная бедность в России: что принесли последние 20 лет // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 4. С. 34–59. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.3; EDN: XQRQOZ.

3. Бобков В. Н., Одинцова Е. В., Колмаков И. Б. Нормативно-статистический и относительный медианный подходы к изучению дифференциации населения по уровню жизни // Вестник ИЭ РАН. 2025. № 3. С. 84–105. DOI: 10.52180/2073-6487_2025_3_84_105; EDN: RXGWDH.

4. Борзых А. А., Рощина Я. М. Особенности мобильности домохозяйств по доходам в 2018–2022 гг. // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Вып. 14 / Отв. ред. П. М. Козырева. М.: НИУ ВШЭ, 2024. С. 110–129. DOI: 10.19181/rlms-hse.2024; EDN: WZBTDL.

5. Воронин Г. Л., Дорофеева З. Е. и др. Российские домохозяйства: динамика доходов, расходов, социального самочувствия (1994–2022 гг.) // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Вып. 14 / Отв. ред. П. М. Козырева. М.: НИУ ВШЭ, 2024. С. 7–97. DOI: 10.19181/rlms-hse.2024; EDN: NDBOAG.

6. Горина Е. А., Тер-Акопов С. А. и др. Сценарное моделирование повышения минимального размера оплаты труда: влияние на монетарную бедность // Вопросы экономики. 2024. № 6. С. 133–149. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-6-133-149; EDN: SVLWHR.

7. Каравай А. В. Социальный капитал российского общества в условиях внешних шоков разной природы // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 4. С. 134–148. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_134_148; EDN: SGTCZQ.

8. Лежнина Ю. П. Социально-демографические факторы, определяющие риск бедности и малообеспеченности // Социологические исследования. 2010. №. 3. С. 36–44. EDN: LTOKVJ.

9. Малообеспеченные в России: Кто они? Как живут? К чему стремятся? // ИНАБ № 5 – 2008. М.: ИС РАН, 2008. 80 с.

10. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под ред. Н. Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с. DOI: 10.31754/nestor4469-1419-7; EDN: YSPCNF.

11. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2023 год: Ежегодник. Вып. 2(203) / Отв. ред. В. Н. Бобков, А. А. Гулюгина. М.: ИЭ РАН, 2024. 181 с. EDN: AROVZP.

12. Селиванова О. В., Разумов А. А. Бедность работающего населения: анализ основных тенденций и опыт регионов по снижению ее уровня // Экономика труда. 2023. Т. 10. № 2. С. 279–296. DOI: 10.18334/et.10.2.117385; EDN: ELVJFP.

13. Слободенюк Е. Д. Проблема бедности в публичном дискурсе России // Сборник статей аспирантов –2012 / Науч. ред. К. А. Букин. М.: НИУ ВШЭ, 2013. С. 108–139.

14. Социальная защита в России до и после пандемии: развилки будущего / Науч. ред. Л. Н. Овчарова, О. В. Синявская. М.: ВШЭ, 2022. 186 с.

15. Социальная политика, уровень и качество жизни: словарь / Под общ. ред. В. Н. Бобкова. 2-е изд., доп. и перераб. М.: ВЦУЖ, Русаки, 2014. 287 с. EDN: VYPCVP.

16. Тихонова Н. Е. Малообеспеченные в современной России: специфика уровня и образа жизни // Социологические исследования. 2009. № 10. С. 29–39. EDN: LKYFRR.

17. Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Динамика некоторых показателей общего человеческого капитала россиян в 2010–2015 гг. // Социологические исследования. 2018. № 5. С. 84–98. DOI: 10.7868/S0132162518050082; EDN: URNLWQ.

18. Тихонова Н. Е., Слободенюк Е. Д. Бедность российских профессионалов: распространенность, причины, тенденции // Мир России. Социология. Этнология. 2022. Т. 31. №. 1. С. 113–137. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-113-137; EDN: SXNSOS.

19. Чередниченко Г. А. Перемены в после-школьных траекториях молодежи: социальная дифференциация // Социологические исследования. 2023. № 9. С. 51–62. DOI: 10.31857/S013216250027362-1; EDN: UQGBZA.

20. Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D., Anikin V. A. Support for reducing inequality in the new Russia: Does social mobility matter? // Intersections (Hungary). 2022. Vol. 8. No. 2. P. 175–196. DOI: 10.17356/ieejsp.v8i2.782.

Получено редакцией: 7.06.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Слободенюк Екатерина Дмитриевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник

Белопашенцева Полина Владимировна, кандидат социологических наук, младший научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.9

The Near Periphery of Poverty: Characteristics and Dynamics

Ekaterina D. Slobodenyuk

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

eslobodenyuk@hse.ru

ORCID: 0000-0002-4255-5050
Polina V. Belopashentseva
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia
pbelopashentseva@hse.ru
ORCID: 0000-0003-3812-3957

For citation: Slobodenyuk E. D., Belopashentseva P. V. The Near Periphery of Poverty: Characteristics and Dynamics. *Vestnik instituta sotziologii.* 2025. Vol. 16. No. 4. P. 105–130. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.9; EDN: GGUPZL.

Abstract. This article analyses the near periphery of the poor group in Russia—Russians with incomes between 1 and 1.5 times the subsistence minimum. The article raises three questions: what is the size and characteristics of this group of Russians, how has it changed over the past 11 years (and whether, in this regard, the group has retained its character as an intermediate zone, significantly different from both the poor group and the rest of the population), and whether members of this group are in need of state support (given that their incomes preclude them from qualifying for a significant portion of state assistance). To answer these questions, the article compares them with other, higher-income and poorer Russians. The analysis was conducted using data from the national representative studies "Poverty and the Poor in Modern Russia" (April 2013) and "The Dynamics of Social Transformation of Modern Russia in the Socioeconomic, Political, Sociocultural, and Ethnoreligious Context" (June 2023, April 2024). The study found that those living on the periphery of poverty have become very similar to the poor in terms of sociodemographic and socioeconomic characteristics, as well as their subjective perception of life. However, this convergence of the groups occurred primarily due to accelerated changes within the poor group. As a result, these processes have largely led to the loss of the unique characteristics of this group as an intermediate zone, which was characteristic of it in the 2000s. Russians with incomes between 1 and 1.5 times the subsistence minimum in 2024 are comparable to the poor in terms of the nature of their daily problems, what they have achieved in life, and what they no longer hope to achieve. The only difference is that they lack a marginalised subgroup. Consequently, they are almost as likely to express a need for state support, even though they are somewhat less likely to identify as constantly needy and are slightly more likely to feel responsible for their lives. Therefore, we conclude that this group requires government attention, and expanding the range of social support measures aimed at Russians with incomes below 1.5 times the subsistence minimum meets their needs and is timely.

Keywords: poverty, periphery of poverty, low-income, low-income strata of the population, social well-being, vulnerability, dependence on the state

References

1. Belopashentseva P. V. Official and subjective poverty in Russia: the impact of 2020–2021 events. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2023: 10: 78–90 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250028306-9; EDN: OQNXMT.

2. Belopashentseva P. V., Slobodenyuk E. D., Mareeva S. V. Objective and Subjective Poverty in Russia: What the Last 20 Years Have Brought. *Vestnik instituta sotziologii*, 2024: 15: 4: 34–59 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.3; EDN: XQRQOZ.

3. Bobkov V. N., Odintsova E. V., Kolmakov I. B. Normative-statistical and relative median approaches to the study of population differentiation by standard of living. *Vestnik IE RAN*, 2025: 3: 84–105 (in Russ). DOI: 10.52180/2073-6487_2025_3_84_105; EDN: RXGWDH.

4. Borzykh A. A., Roshchina Ya. M. Income mobility of russian households in 2018–2022. In Bulletin of Russian Longitudinal Monitoring Survey – HSE (RLMS-HSE). Vol. 14. Ed. by P. M. Kozyreva. Moscow, NIU VSHE, 2024: 110–129 (in Russ.). DOI: 10.19181/rlms-hse.2024; EDN: WZBTDL.

5. Voronin G. L., Dorofeeva Z. E. et al. Russian households: Dynamics of income, expenditures, social well-being (1994–2022). In Bulletin of the Russian Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics. Ed. by P. M. Kozyreva. Moscow, NIU VHE, 2024: 14: 7–97 (in Russ.). DOI: 10.19181/rlms-hse.2024; EDN: NDBOAG.

6. Gorina E. A., Ter-Akopov S.A. et al. Scenario modeling of increasing the minimum wage: estimating impact on monetary poverty. *Voprosy ekonomiki*, 2024: 6: 133–149 (in Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2024-6-133-149; EDN: SVLWHR.

7. Karavay A. V. The social capital of Russian society in the face of external shocks of different nature. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, 2022: 4: 134–148 (in Russ.). DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_134_148; EDN: SGTCZQ.

8. Lezhnina Y. P. Social'no-demograficheskie faktory, opredeljajushhie risk bednosti i maloobespechennosti [Socio-demographic factors determining the risk of poverty and deprivation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2010: 3: 36–44 (in Russ.). EDN: LTOKVJ.

9. Maloobespechennye v Rossii: Kto oni? Kak zhivut? K chemu stremjatsja? [Low-income people in Russia: Who are they? How do they live? What do they aspire to?]. *INAB No 5 – 2008*. Moscow, IS RAN, 2008: 80 (in Russ.). EDN: PUIGZD.

10. Income Stratification Model of the Russian Society: Dynamics, Factors, Cross-country Comparisons. Ed. by N. E. Tikhonova. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2018: 368 (in Russ.). DOI: 10.31754/nestor4469-1419-7; EDN: YSPCNF.

11. Monitoring of incomes and living standards of the Russian population – 2023. Yearbook. Iss. 2(203). Ed. by V. N. Bobkov, A. A. Gulyugina. Moscow, IE RAN, 2024: 181 (in Russ.). EDN: AROVZP.

12. Selivanova O. V., Razumov A. A. Working poverty: main trends and regional experience to reduce its level. *Ekonomika truda*, 2023: 10: 2: 279–295 (in Russ.). DOI: 10.18334/et.10.2.117385, EDN: ELVJFP.

13. Slobodenyuk E. D. Problema bednosti v publichnom diskurse Rossii [The problem of poverty in Russia's public discourse]. In Collection of articles of graduate students – 2012 [Electronic resource]. Ed. by K. A. Bukin. Moscow, NIU VSHE, 2013: 108–139 (in Russ.).

14. Social protection in Russia before and after the pandemic: crossroads of the future. Ed. by L. N. Ovcharova, O. V. Sinyavskaya. Moscow, VSHE, 2022: 186 (in Russ.).

15. Sotsialnaya politika, uroven' i kachestvo zhizni: slovar' [Social policy, standard and quality of life: dictionary]. Ed. by V. N. Bobkov. 2nd ed., add. and reprint. Moscow, Rusaki, 2014: 287 (in Russ.). EDN: VYPCVP.

16. Tikhonova N. E. Maloobespechennye v sovremennoj Rossii: specifika urovnja i obraza zhizni [The poor in modern Russia: specific characteristics of their standard of living and lifestyle]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2009: 10: 29–39 (in Russ). EDN: LKYFRR.

17. Tikhonova N. E., Karavay A. V. Dynamics of some indicators of Russians' general human capital in 2010–2015. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 5: 84–98 (in Russ). DOI: 10.7868/S0132162518050082; EDN: URNLWQ.

18. Tikhonova N. E., Slobodenyuk E. D. Poverty among Russian professionals: scale, causes, trends. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 2022: 31: 1: 113–137 (in Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-113-137; EDN: SXNSOS.

19. Cherednichenko G. A. Changes in Youth After-school Trajectories: Social Differentiation. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2023: 9: 51–62 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250027362-1; EDN: UQGBZA.

20. Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D., Anikin V. A. Support for reducing inequality in the new Russia: Does social mobility matter? *Intersections (Hungary)*, 2022: 8: 2: 175–196. DOI: 10.17356/ieejsp.v8i2.782.

The article was submitted on: June 7, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina D. Slobodenyuk, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher

Polina V. Belopashentseva, Candidate of Sociological Sciences, Junior Researcher

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.10
EDN: GEQQNP

Оценка населением качества государственных социальных услуг в Республике Бурятия (на материале полевого исследования)[1]

Ссылка для цитирования: *Бутуева З. А., Савельев И. К., Васильева И. Д.* Оценка населением качества государственных социальных услуг в Республике Бурятия (на материале полевого исследования) // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 4. С. 131–149. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.10; EDN: GEQQNP.
For citation: Butueva Z. A., Savelyev I. K., Vasilyeva I. D. Population assessment of the quality of state social services in the Republic of Buryatia (based on field research). *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 4. P. 131–149. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.10; EDN: GEQQNP.

Бутуева Зинаида Арсентьевна[1]
[1]Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия
butueva_z@mail.ru
SPIN-код: 5612-1068

Савельев Игорь Константинович[1]
[1]АУСО РБ «Баргузинский дом-интернат», Улан-Удэ, Россия
igorek_02@mail.ru

Васильева Ирина Дмитриевна[1]
[1]Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия
vasileva-id@bk.ru
SPIN-код: 4572-6672

[1] Статья подготовлена в рамках гранта БГУ им. Д. Банзарова «Междисциплинарное исследование социальных практик оказания помощи людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию в Республике Бурятия», № 24-08-01 от 8 февраля 2024 г.
Авторы выражают благодарность д.соц.н. Д.Д. Бадараеву (ИМБТ СО РАН) за ценные рекомендации и помощь при подготовке данной статьи.

Аннотация. В статье рассматривается, как именно граждане оценивают качество государственных социальных услуг, предоставляемых находящимся в трудной жизненной ситуации жителям Республики Бурятия.

Сфера социальной защиты населения в России сегодня находится в состоянии трансформации. Это обусловлено различными социально-демографическими факторами, связанными со старением населения, увеличением числа людей с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья, а также снижением рождаемости. Для поиска путей решения имеющихся проблем необходимы исследования, направленные на изучение качества предоставления услуг населению со стороны социальных служб и ведомств. Научной проблемой данной статьи является возможное несоответствие между концептуальными основаниями государственной социальной политики, практиками ее реализации на местах и, наконец, восприятием результатов непосредственными получателями – гражданами. Статья построена на материале полевого исследования, проведенного в Республике Бурятия в 2024 г. при участии авторов. Респондентами выступили городские и сельские жители разных возрастных групп и социального статуса, состоящие на учете в системе социального обслуживания в качестве нуждающихся в помощи. Анализ проведен с точки зрения основных социально-демографических факторов (пол, возраст, социальный статус, уровень образования, место проживания). По итогам исследования был выявлен достаточно высокий уровень удовлетворенности гражданами качеством предоставляемых социальных услуг. Но выявлены и различия в степени удовлетворения этими услугами в зависимости от места проживания и уровня образования. Также в ходе исследования определены наиболее и наименее востребованные виды социальных услуг и социальные группы, требующие более пристального внимания со стороны социальных служб (пожилые, инвалиды, участники СВО и члены их семей). Одним из направлений, требующим более детального изучения, разработки и внедрения новых методов с привлечением современных технологий, является повышение информированности населения о мерах социальной помощи и поддержки, условиях, способах и местах их получения. Проведенное исследование позволило глубже понять процессы социальной дифференциации и распределение ресурсов, выявить специфику функционирования региональной системы социальной защиты. Полученные результаты открывают перспективы дальнейшего изучения данной области и совершенствования методологии исследований этой сферы.

Ключевые слова: социальная защита, социальная услуга, клиентоориентированность, трудная жизненная ситуация, социальная поддержка

Введение

Неотъемлемой частью социальной политики российского государства является социальная защита населения. Представляя собой комплекс мер в сфере денежного и натурального обеспечения, услуг и льгот, социальная защита направлена на разнообразную поддержку граждан, попавших в трудную жизненную ситуацию, на создание условий для их самореализации и самообеспечения. В русле социальной гуманистической деятельности она имеет своей целью адаптацию и повышение ресурсного потенциала граждан посредством активации их внутренних возможностей, и расширения круга доступных для них ресурсов [4]. Основной формой социальной защиты является социальное обеспечение, реали-

зованное в виде обязательного социального страхования и нестрахового социального обеспечения. Иные виды: социальная помощь и социальная поддержка, оказываются как в дополнение к социальному обеспечению, так и независимо от него[1].

В связи с изменениями, происходящими в политической, экономической и социальной сферах, меняется и система социальной защиты. На сегодняшний день она нацелена на интеграцию технологических достижений и стандартов, дабы стать более гибкой и отзывчивой к нуждам различных социальных групп. Большую актуальность приобретает в этой связи изучение механизмов оказания социальной помощи социально уязвимым слоям населения, выявление проблемных полей и барьеров, препятствующих эффективному внедрению применяемых в данной области технологий.

Научная разработанность проблематики

Современные исследования в области социальной работы и социальной защиты населения направлены на изучение исторических предпосылок и теоретических концепций [11; 13; 18; 19; 22; 23], социальных проблем и их причин [21], методик и технологий помощи конкретным категориям граждан [10; 15; 24], анализа качества социальной поддержки и социального обслуживания [1; 3; 17], социального самочувствия граждан [2; 9; 12]. Особый интерес в настоящее время вызывает изучение влияния пандемии COVID-19 на систему социальной помощи [20; 25].

Одним из принципов социальной работы в РФ является ее полипарадигмальность и множественность моделей [18, с. 11]. З. Х. Саралиева выделила три соперничающие между собой парадигмы: компенсаторности (через социальное обеспечение, помощь, реже социально-психологическую поддержку); адаптивности (с большим долевым участием государственной социальной сферы); самореализации личности, обретении ею или восстановлении социально-психологической субъектности. Развитие социальной работы она видит в поддержке третьей парадигмы [18, с. 11].

Для оценки эффективности социальной работы в отношении отдельных категорий граждан также применяются различные стратегии. Например, группа ученых под руководством Е. Р. Ярской-Смирновой в исследовании эффективности технологии работы с семьями с детьми предложили объединить эти стратегии в четыре модели: научно-экспериментальную, где упор делается на точности, объективности и достоверности данных; управленческую, в которой применяются оценка и обзор программ; качественную антропологическую, акцентирующую внимание на важности наблюдения; клиентоориентированную, где центральное место отводится конечным участникам процесса, клиентам и пользователям услуги [24, с. 8]. М. В. Вдовина, исследуя эффективность социальной работы с пожилыми людьми, использует клиентоориентированный подход.

[1] Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/c/sotsial-naia-zashchita-534abe (дата обращения: 20.11.2025).

По ее мнению, «от клиентоориентированности зависят успешное удержание клиентов и формирование у них лояльности как к учреждению, так и к тем социальным услугам, которые закладываются в индивидуальной программе предоставления социальных услуг» [7, с. 2]. Данный подход не является новшеством, он приобрел большую актуальность в связи с использованием рыночных механизмов в социальной работе. Курс на клиентоориентированность был задан с принятием в 2015 г. ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»[1]. Тогда возникла необходимость в стандартизации и мониторинге качества предоставляемых социальных услуг.

В своем исследовании мы также исходили из принципов клиентоориентированного подхода, который предполагает активное использование инструментов обратной связи, персонализацию сервисов и постоянное совершенствование стандартов предоставления помощи.

Особенности социальной работы в республике

Необходимость систематического анализа качества социальной помощи, оказываемой населению обусловлена потребностью в выявлении проблемных полей, поиске способов их устранения, разработке более эффективных технологий социальной помощи.

Для Бурятии исследования качества жизни населения в силу региональных особенностей приобретает особую значимость. Удаленность республики от центров политической, экономической и культурной активности, суровые природные условия, низкий уровень освоения территории и небольшая численность населения характеризуют республику как относительно изолированный регион в общероссийском социокультурном пространстве. В общероссийском рейтинге по качеству жизни Бурятия занимает одно из последних мест (81-е)[2]. Почти четверть населения является получателями различного вида социальных услуг и почти 8% имеют инвалидность[3]. Низкие показатели качества жизни и высокий уровень социальной уязвимости говорят о нужде населения в особой социальной поддержке. Исследования бурятских ученых [2; 5; 6; 14] подчеркивают важность учета региональных особенностей при выборе и формировании эффективной модели социальной защиты.

Правительством Бурятии сегодня предпринимаются различные меры для повышения доступности и качества социальных услуг. Так, с 2021 г. совместно с АНО «Агентство стратегических инициатив по про-

[1] Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 01.08.2025).

[2] Рейтинг регионов по качеству жизни – 2024 // РИА Новости. 2025. 17 февраля. URL: https://riarating.ru/infografika/20250217/630276667.html (дата обращения: 01.03.2025).

[3] Социальный паспорт населения // Официальный сайт Министерства социальной защиты населения. URL: https://egov-buryatia.ru/minsoc/activities/opendata/ (дата обращения: 01.03.2025).

движению новых проектов» осуществляется формирование рейтинга качества жизни региона и реализация программы «Национальная социальная инициатива». В ее рамках реализуется пилотный проект, направленный на улучшение качества услуг и сервисов для населения, проектирование новых услуг и мер поддержки в социальной сфере. В частности, на территории региона апробируются несколько положений социального стандарта, основанных на принципах человекоцентричности: дружелюбная организация в социальной сфере, институт региональных сервисных уполномоченных, «Открыто для всех», служба социальных координаторов[1]. Важным условием является анализ результатов рейтинга качества жизни, подготовка предложений по улучшению позиций Республики Бурятия в рейтинге качества жизни на основании мнения граждан.

В долгосрочной перспективе экономическое развитие, связанное с транзитным положением республики и реализацией крупных инфраструктурных проектов, может создать дополнительные ресурсы для социальной сферы (например, подписание меморандума о строительстве газопровода «Сила Сибири-2», строительство логистического центра компания Wildberries и др. проекты[2]). Это обстоятельство становится особенно актуальным в свете общей тенденции России к расширению взаимодействия с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона («Поворот на Восток»). Географическое положение республики может стать преимуществом в интегрировании региона в мировую экономику в торговле со странами АТР.

Научной проблемой данного исследования является возможное несоответствие между концептуальными основаниями государственной социальной политики, практиками ее реализации на местах и, наконец, восприятием результатов непосредственными получателями – гражданами. Это затрагивает важные теоретические концепции, касающиеся социальной политики и социальной работы, а также построения справедливой и устойчивой системы социальной защиты, способствующей восстановлению нарушенных прав и гарантий достойного уровня жизни населения.

Таким образом, цель данного исследования такова: установить, как именно граждане оценивают качество государственных социальных услуг, предоставляемых находящимся в трудной жизненной ситуации жителям Республики Бурятия.

Эмпирическая база исследования

В основе настоящей работы лежат данные, полученные в ходе авторского полевого исследования в 2024 г., выполненного коллективом кафедры теории социальной работы Бурятского государственного университета им.

[1] В Бурятии будет внедряться Региональный социальный стандарт // Официальный сайт Министерства социальной защиты населения. URL: https://egov-buryatia.ru/minsoc/press_center/news/detail.php?ID=146010 (дата обращения: 10.06.2025).

[2] «Сила Сибири-2» и газификация Бурятии: реальные планы или далекие перспективы? // UlanMedia.ru. 2025. 9 сентября. URL: https://ulanmedia.ru/news/2216290/ (дата обращения: 10.09.2025).

Д. Банзарова и Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН в тесном взаимодействии с Министерством социальной защиты населения Республики Бурятия.

Анкетирование проводилось в учреждениях социальной защиты и социального обслуживания (РГУ «Центр социальной поддержки», Улан-Удэнский центр социального обслуживания населения «Доверие»).

Выборочная совокупность формировалась на основе целевой стратифицированной выборки, охватывающей население, находящееся в сложной жизненной ситуации и зарегистрированное в органах социальной защиты Республики Бурятия. Далее на ступени отбора – тип населенного пункта (г. Улан-Удэ, районные города, сельские поселения), затем – пол и возраст, социальный статус, место проживания, уровень образования, национальность. В итоге в опросе приняли участие граждане из двух городов (Улан-Удэ и Северобайкальск) и 21 района Республики Бурятия. Всего в анкетировании приняли участие 538 респондентов. Из которых 275 человек – горожане и 263 – селяне. Среди них преобладают женщины (69,4%), что соответствует общей структуре населения среди получателей социальных услуг. Возрастная структура опрошенных включает значительный процент пожилых граждан (42,9% в возрастной группе 60–74 лет), что подчеркивает особую важность изучения потребностей именно этой категории населения. Образовательный уровень распределился следующим образом: высшее образование имеют 33%, среднее профессиональное – 43,5%, среднее общее – 19%, неполное среднее – 3,9%. Инвалиды составили 22,6%, многодетные семьи – 16%, неполные семьи – 6,7%, члены семей участников специальной военной операции – 5,7%. Городские жители представлены в количестве 51,3%, сельские – 48,7%.

Полученный массив первичных данных подвергался статистическому анализу средствами профессионального программного комплекса QUESTIONSTAR, предназначенного для обработки и интерпретации результатов масштабных социологических опросов. Это позволило обеспечить репрезентативность и надежность выводов, сделанных в ходе научного изыскания.

В основу проведенного исследования легли методические рекомендации, разработанные АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов», а также методики опроса Центра полевых исследований ИНСАП РАНХиГС [16]. Для оценки качества оказания социальных услуг гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации, были применены следующие индикаторы: востребованность в социальных услугах, своевременность оказания социальной помощи, вежливость специалистов, адекватность предоставления социальных услуг и информированность населения.

Ввиду комплексного характера изучаемой проблематики в основе гипотетических суждений исследования находится ряд предположений о том, что качество предоставления социальных услуг населению зависит от совокупности факторов управления, включающих кадровую обеспеченность и квалификацию, материально-техническую базу, систему контроля

и соблюдение стандартов предоставления услуг, а также социально-демографических факторов, среди которых наибольшее влияние окажет уровень образование и место проживания.

Результаты исследования

Необходимо отметить, что под социальными услугами подразумевается не финансовая поддержка, а услуги, направленные на улучшение условий жизни, либо облегчение возникших в силу определенных обстоятельств бытовых трудностей. Согласно результатам проведенного исследования, 42,9% опрошенных воспользовались такими услугами в течение последнего года. Однако большая часть граждан (более 50%) не прибегала к услугам социальной защиты даже при наличии жизненных затруднений. Данные показывают, что причинами этого могут быть низкая информированность населения о возможностях получения социальной помощи, бюрократические препятствия, слабость социальной инфраструктуры в удаленных населенных пунктах, ограниченный выбор предлагаемых социальных услуг и неудобства процедуры оформления.

Исследование выявило ряд интересных тенденций и закономерностей обращений граждан за социальными услугами. Так, в результате анализа полученных данных в разрезе демографических и социальных характеристик выявлено следующее. Мужчины проявляют большую активность в обращении за социальными услугами (46,3%) по сравнению с женщинами (41,3%). Наибольший показатель обращений зафиксирован среди пенсионеров в возрасте 60–74 лет (45,9%), который связан с ухудшением состояния здоровья и снижением физической активности. Это подчеркивает необходимость дополнительной заботы об этой возрастной группе. Следующая по частоте обращения группа – молодые люди в возрасте 18–39 лет (43,4%), испытывающие потребность в поддержке при воспитании детей и/или улучшении жилищных условий. Менее активными оказались граждане в возрасте 40–59 лет (37,6%), возможно, вследствие большей самостоятельности и устойчивости к жизненным трудностям. Приведенные данные позволяют сделать вывод о необходимости дальнейшей оптимизации системы предоставления социальных услуг, учитывая специфику различных социально-демографических групп населения.

Была установлена прямая зависимость частоты обращения за социальными услугами в зависимости от уровня образования респондентов. Наибольшее количество обращений отмечено среди граждан со средним общим образованием (49,5%). По сравнению с ними, граждане со средним профессиональным образованием обращаются за социальными услугами немного реже (43,2%), а респонденты с высшим образованием еще менее активно используют социальные сервисы (39,6%). Отметим, что люди с неполным средним образованием реже всего обращаются за социальными услугами (всего 38%). Вероятно, это связано с недостаточным пониманием возможностей и наличием трудностей при получении помощи.

Проведенное сравнение подтвердило важную роль образования как действенного инструмента снижения социально-экономического неравенства. Следовательно, образовательные институты играют важную роль в обеспечении равных стартовых возможностей и содействуют снижению социальной изоляции и дискриминации, одновременно открывая доступ к необходимым социальным услугам и ресурсам.

Установлено, что частота обращения за социальными услугами зависит от типа населенного пункта. Так, горожане чаще пользуются социальными услугами (47,4%), чем сельские жители (41,1%). Подобная закономерность связана с наличием более развитой сети социальных учреждений в городской среде, конкурентностью рынка труда, вынуждающей горожан искать дополнительную поддержку. Напротив, в сельской местности наблюдаются ограничения в доступности социальных услуг, недостаток транспортных связей и низкий уровень информированности населения о предоставляемых видах поддержки.

Что касается конкретных социальных групп, наибольшую востребованность социальные услуги находят среди многодетных и неполных семей (49,5%), инвалидов (47,7%) и пожилых людей/пенсионеров (45,1%). Высокая вероятность обращения за социальной помощью среди данных категорий обусловлена спецификой их жизненной ситуации, связанной с повышенными рисками потери дохода, плохим здоровьем и затрудненностью самостоятельного ухода за членами семьи. Так, получателями услуг, согласно данным внутреннего информационного бюллетеня «Социальный паспорт», являются более четверти всех жителей Республики (более 248 тыс. получателей пенсий, 76 тыс. инвалидов всех групп, более 25 тыс. многодетных семей)[1].

Рассмотрим, в каких социальных услугах больше всего нуждаются люди, попавшие в трудную жизненную ситуацию (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Востребованность в социальных услугах лиц, попавших в трудную жизненную ситуацию, 2024 г., %

Demand for social services among people in difficult life situations, 2024, %

Услуги	В целом	18–39 лет	40–59 лет	Город	Село
Социально-бытовые	8,3	2,6	3,3	15,8	10,4
Социально-медицинские	16,0	11,6	14,0	35,1	12,3
Социально-психологические	1,8	3,8	2,0	3,8	1,9
Социально-педагогические	4,5	5,1	5,3	8,6	5,4
Социально-трудовые	3,2	2,5	7,3	5,9	2,3
Социально-правовые	15,0	18,7	14,6	32,6	13,1
Срочные социальные	3,2	1,9	2,6	5,4	1,1
Социальное сопровождение	5,8	5,8	6,6	11,5	1,9

[1] Социальный паспорт населения // Официальный сайт Министерства социальной защиты населения. URL: https://egov-buryatia.ru/minsoc/activities/opendata/ (дата обращения: 01.08.2025).

Окончание таблицы 1

Услуги	Инвалид	Многодетная семья	Неполная семья	Участник СВО, ихсемьи
Социально-бытовые	10,4	3,7	2,0	3,6
Социально-медицинские	17,9	5,6	18,3	16,0
Социально-психологические	1,1	2,8	2,0	2,4
Социально-педагогические	4,0	4,7	10,2	1,2
Социально-трудовые	4,0	4,7	4,0	5,5
Социально-правовые	11,5	18,8	28,5	12,8
Срочные социальные	5,7	2,8	2,0	-
Социальное сопровождение	9,2	4,7	4,0	7,6

Примечание. Сумма ответов больше 100% в связи с выбором нескольких вариантов ответов.

В таблице 1 представлены результаты опроса респондентов, которые за последний год обращались за социальными услугами в органы социальной защиты (62,3%). Тех, кто не обращался за услугами чуть более трети от числа опрошенных.

Самыми востребованными видами услуг среди граждан, обратившихся в социальные службы, являются социально-медицинские (16%), направленные на содействие в получении медицинской помощи (запись на прием к специалистам, сопровождение в медицинские организации), в проведении медико-социальной экспертизы, в организации диспансеризации, в обеспечении по заключению врачей лекарственными средствами и изделиями медицинского назначения, в получении зубопротезной и протезно-ортопедической помощи, обеспечении техническими средствами ухода и реабилитации и т. п.[1] Данные услуги преимущественно необходимые пожилым людям (18,9%)», что является очевидным, так как с возрастом обостряются хронические заболевания, снижается физическая и социальная активность, накапливается усталость и появляется большая потребность в медицинской помощи. Молодежь проявляет наименьший интерес к медицинским услугам (11,6%), что объясняется лучшими показателями здоровья.

Второе место занимают социально-правовые услуги (15%), направленные на оказание помощи в получении юридических услуг, в том числе бесплатно, в защите прав и законных интересов получателей социальных услуг. Они востребованы среди молодежи (18,7%), зрелых граждан (14,6%) и пожилых людей (14,4%). Вероятно, такое распределение связано с особенностями правовых аспектов различных этапов жизни: молодежь

[1] Постановление Правительства Республики Бурятия «Об утверждении положения о порядке предоставления социальных услуг совершеннолетним гражданам в форме социального обслуживания на дому в Республике Бурятия» от 12 декабря 2014 г. № 638. URL: https://git04.rostrud.gov.ru/upload/iblock/d76/postanovleniem-pravitelstva-respubliki-buryatiya-ot-12.12.2014-_-634-_ob-utverzhdenii-poryadka-predostavleniya-sotsialnykh-uslug-sovershennoletnim-grazhdanam-v-polustatsionarnoy-forme-sotsialnogo-obsluzhivani.docx (дата обращения: 20.11.2025).

сталкивается с вопросами трудоустройства и семейного права, взрослые – с имущественными спорами и наследством, пенсионеры – с жилищными и медицинскими проблемами, вопросами наследственного права.

Третью позицию занимают социально-бытовые услуги (8,3%), часто запрашиваемые гражданами старше 60 лет (13,8%). Эти услуги означают содействие в повседневной жизни, бытовой адаптации и помощи в ведении личного хозяйства. Наименее востребованы социально-психологические услуги (1,8%), что может свидетельствовать о недостаточной информированности о них или о стереотипах, мешающих людям обращаться за психологической помощью, что подтверждают исследования[1]. Также респонденты перечислили иные услуги, за которыми они обращались: установление статуса многодетной семьи, получение субсидий, детских пособий, льгот, социальной стипендии, ежемесячные денежные выплаты многодетным семьям и др. Такое многообразие запросов свидетельствует о важности персонифицированных мер социальной поддержки, направленных на удовлетворение особых нужд людей различных социальных групп.

В целом, люди всех возрастов выбирают схожие социальные услуги, которые традиционно оказывают институты социальной защиты. Отметим, что меньше всего обращаются за социальными услугами граждане старше 75 лет. Такая тенденция может быть объяснена несколькими факторами: физическим состоянием, снижающим способность пользоваться лично социальными услугами и отсутствием достаточного уровня цифровой грамотности. Эти граждане являются «невидимыми» для системы социальной защиты.

Граждане, проживающие в городе, чаще пользуются социальными услугами, чем в сельской местности. Горожане предпочитают социально-медицинские (35,1%) и социально-правовые (32,6%) услуги, что может быть связано с более высоким уровнем доступа к специализированным учреждениям. Показатель обращений селян несколько ниже, однако потребности в социально-медицинских (12,3%) и социально-правовых (13,1%) услугах также присутствуют. Это говорит о необходимости улучшения доступности социальных услуг в сельской местности, устранения разрыва в этом отношении между городом и деревней.

В разрезе социального статуса наиболее востребованы среди людей с инвалидностью социально-медицинские (17,9%); социально-правовые (11,5%); социально-бытовые (10,4%) услуги. Значительное количество обращений указывает на высокие потребности в медицинской помощи и правовой поддержке. Среди многодетных и неполных семей это – услуги социально-правовые (18,8 и 28,5%); социально-медицинские (5,6 и 18,3%); социально-педагогические (4,7 и 10,2%). Это свидетельствует о том, что отдельные группы населения обладают особыми характеристиками, диктующими потребность в особых типах социальной поддержки.

[1] 25 млн россиян не решились пойти к психологу // Ведомости. 2024. 25 марта. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2024/03/25/25-mln-rossiyan-ne-reshilis-poiti-k-psihologu (дата обращения: 03.09.2025).

Отдельное внимание заслуживает новая группа респондентов, включенная в настоящее исследование, – участники специальной военной операции (СВО) и члены их семей (8,5% всех респондентов). Данная группа испытывает повышенный спрос на конкретные типы социальных услуг, в частности, характерны запросы на медицинские услуги (16%), правовую помощь (12,8%) и социальное сопровождение (7,6%). Последнее включает в себя осуществление социальной помощи, предоставление социальных услуг и социальной реабилитации, не связанных с оказанием социально-бытовых услуг. Выбор указанных услуг связан с серьезными изменениями в состоянии здоровья участников боевых действий вследствие травм и увечий, длительных медицинских восстановительных курсов, социально-психологической реабилитации, а также получения положенных мер социальной поддержки. Важно учесть, что участники военных конфликтов впоследствии будут нуждаться в ресоциализации и восстановлении взаимодействия с обществом. Система социальной поддержки для данной группы должна включать механизмы непрерывного мониторинга состояния здоровья и психоэмоционального благополучия, постоянного социально-правового сопровождения и сопутствующих мер материальной поддержки.

Анализ предпочтений населения Республики Бурятия в сфере социальных услуг выявил устойчивую тенденцию к востребованности социально-правовой и социально-медицинской помощи. Наряду с этим, остается актуальной проблема низкого уровня информированности граждан о предусмотренных мерах социальной поддержки, что создает дополнительный барьер на пути полноценного использования имеющихся инструментов социальной защиты.

Следующий важный фактор анализа качества социальных услуг населению – это их эффективность. Она оценивалась с использованием методологической базы Центра полевых исследований Института национальной стратегии и прикладных исследований РАНХиГС при Президенте РФ. Критерии качества социальных услуг оценивались по 4 параметрам (см. табл. 2): информированность (было ли человеку известно заранее, как и где получить услугу); своевременность (вовремя ли оказали услугу); вежливость (корректно ли предоставили услугу); адекватность (была ли услуга надлежащего качества, получил ли человек то, что хотел) [16, с. 86].

Использование перечисленных критериев позволяет получить целостную картину качества предоставляемых социальных услуг, определить зоны роста и выявить возможные недостатки в функционировании системы социальной защиты населения. Результаты анализа предоставляют ценную информацию для принятия управленческих решений, нацеленных на совершенствование и модернизацию системы социальной поддержки в республике.

Отметим, что в выборку попали респонденты, которые обращались за социальными услугами и они оценивали качество предоставленных им социальных услуг. Большинство опрошенных довольны качеством оказанных им социальных услуг, что говорит о высоком уровне организации социальной помощи населению со стороны соответствующих служб региона.

Таблица 2 (Table 2)

Оценка качества предоставленной социальной услуги, 2024 г., %

Assessment of the quality of social services provided, 2024, %

Вариант	Своевременность	Вежливость	Адекватность	Информированность
Полностью согласен	49,2	53,8	51,6	39,6
Скорее согласен	36,1	33,5	35,0	42,2
Скорее не согласен	4,2	3,7	3,5	5,9
Полностью не согласен	1,5	1,3	1,7	1,5
Затрудняюсь ответить	9,0	7,7	8,3	10,9

Такие важные показатели, как «вежливость» и «корректность» специалистов по социальной работе зафиксированы на самом высоком уровне – 87,3% (сумма ответов «полностью согласен» 53,8% и «скорее согласен» 33,5%). Адекватность, под которой имеется ввиду предоставление услуги надлежащего качества, также находится на высоком уровне – 86,6% (сумма ответов «полностью согласен» 51,6% и «скорее согласен» 35%). Своевременность предоставления социальных услуг, заключающаяся в соблюдении оговоренных сроков – 85,3% (сумма ответов «полностью согласен» 49,2% и «скорее согласен» 36,1%). Процент респондентов, давших указанным показателям негативную оценку по заданным критериям, составил менее 5%, что свидетельствует о достаточно хорошем качестве предоставляемых социальных услуг. Полученные данные позволяют уверенно говорить о стабильно высоком уровне выполнения государственными учреждениями своих функций в сфере социальной защиты, но одновременно сигнализируют о необходимости регулярного мониторинга и качества предоставляемых услуг для поддержания текущего уровня удовлетворенности граждан.

Особого внимания требует один из важнейших показателей работы социальных служб, как «информированность» граждан о положенных им социальных услугах. Респонденты, получившие в течение года социальную помощь, в целом были хорошо осведомлены о том, где и как им получить ту или иную услугу (см. табл. 2). А вот среди всех опрошенных почти 30% затруднились оценить работу органов социальной защиты в плане информирования граждан о возможностях получения социальных услуг. При этом, негативную оценку дали 4,5%. Полученные данные говорят о необходимости усиления со стороны социальных служб информационно-просветительской работы среди населения.

Сельские жители оказались лучше осведомлены (73%) о возможностях получения социальных услуг, чем городские (60%). Одной из причин этого явления могут быть особенности сетевого взаимодействия и социальных контактов в небольших поселениях. Группа участников СВО и членов их семей демонстрируют чрезвычайно высокий уровень информированности (95%). Современные технологии (горячие линии и онлайн-ресурсы) и цифровые инструменты информирования (сайты, соцсети, мессенджеры) обеспечивают эффективное доведение информации до данной категории

граждан. Несмотря на высокие показатели информированности среди сельских и городских жителей, нельзя забывать и о традиционных формах распространения информации (печатная продукция, консультирование и др.) для старших групп населения. Таким образом, концепция полной цифровизации коммуникаций сталкивается с реалиями ограниченной доступности цифровых технологий для отдельных групп населения, что требует переосмысления подходов и учета специфики различных аудиторий.

Высокий уровень своевременности оказания социальных услуг среди разных социальных групп был отмечен участниками СВО – 97% (остальные группы – менее 86%). Более удовлетворены сроками оказания социальной помощи селяне, чем, городские жители (88,2 и 82,9%), что, возможно, связано с высокой нагрузкой на специалистов в городах, обусловленной большим потоком клиентов. Гендерные, возрастные и образовательные различия не оказывают заметного влияния на скорость оказания социальных услуг, что указывает на универсальность и устойчивость данной системы вне зависимости от индивидуального статуса клиента.

Однако ситуация меняется, когда речь идет о показателе вежливости и корректности сотрудников социальных служб. Здесь мужчины оценили работу специалистов выше (91%), чем женщины (85,68%). Среди возрастных групп самые высокие оценки получены от граждан старшего поколения (старше 75 лет – 90,4%). Сельские жители выразили большее удовлетворение вежливым обслуживанием (89,1%), чем городские (85,2%). Практически все опрошенные участники СВО высоко оценили вежливость социальных работников при получении социальных услуг (96,9%).

Проведенный нами анализ дает основания полагать, что государственные организации, отвечающие за предоставление социальных услуг, эффективно справляются с задачей быстрого реагирования на нужды участников СВО, однако нуждаются в доработке в отношении равномерности охвата сельских территорий и социально-демографических групп, а также повышения уровня информированности населения о собственных правах и доступных социальных программах.

Анализ результатов исследования выявил характерные паттерны восприятия качества социальных услуг различными социовозрастными группами населения. Наиболее высокими показателями удовлетворенности отличаются участники специальной военной операции (СВО), мужчины и пожилые люди старше 75 лет. Молодые люди в возрасте от 18 до 39 лет высоко оценили качество социальных услуг (89%), что также свидетельствует о широком признании имеющихся мер социальной поддержки и среди активных возрастных групп.

Если для основной массы населения учреждения социальной защиты демонстрируют хороший, хотя не идеальный уровень работы (удовлетворенность по разным показателям колеблется в районе 82–89%), то для целевой группы участников СВО эти учреждения показали результаты, близкие к абсолютным (95,5–97%). Можно предположить, что мы наблюдаем формирование двух различных реальностей в рамках одной институциональной системы. Если это так, то подобная диспропорция ставит перед нами вопрос: является ли эта разница следствием действительно высочай-

шего качества предоставления услуг выделенной категории граждан или же здесь мы имеем дело с эффектом социальной желательности ответов и особой лояльности респондентов. Данные, полученные в результате нашего опроса, позволяют выдвинуть гипотезу о существовании своеобразной «двухуровневой» системы социального обслуживания, что входит в прямое противоречие с декларируемыми принципами универсальности и равной доступности социальной поддержки.

Заключение

Анализ полученных данных явился одним из этапов понимания процессов социальной дифференциации в обществе и анализа механизмов распределения ресурсов. Это позволило выявить ключевые аспекты функционирования региональной системы социальной защиты, включая механизмы предоставления государственных социальных услуг гражданам, оказавшимся в сложной жизненной ситуации.

Важно отметить не только количественную оценку удовлетворенности отдельными группами населения качеством предоставляемых социальных услуг, но и качественное преобразование их структуры. Это подчеркивает необходимость изменения подходов к организации социального обслуживания, в том числе формирование универсальной модели, обеспечивающей равноправный доступ к социальным услугам вне зависимости от возраста, состояния здоровья или социального положения граждан.

Во-вторых, исследование выявило относительно высокую удовлетворенность граждан качеством предоставляемых социальных услуг, варьирующуюся в пределах 82–89%. Большая доля респондентов положительно оценили своевременность оказания услуг, вежливость персонала и адекватность оказанной им помощи. Однако этот показатель сопровождается определенными проблемами, включая эффект социальной желательности ответов, характерный для опросов особых категорий граждан. Это создает предпосылки для разработки новых методик сбора и анализа данных, позволяющих получать объективную картину оценки гражданами эффективности социальной защиты.

В-третьих, результаты проведенного эмпирического исследования указывают на потребность адаптации современных цифровых технологий и практик социальной работы в повышении доступности и удобства пользования социальными услугами людей всех возрастов, а также изучение уровня их цифровой грамотности. Полученные в результате данные свидетельствуют о наличии высокой потребности граждан в социально-медицинских, социально-правовых и социально-бытовых услугах, что обусловлено спецификой жизненных ситуаций определенных категорий граждан, таких как пожилые лица, инвалиды и участники СВО и их семьи.

Позволим себе предположить, что данное исследование является одним из этапов понимания процесса дифференциации общества и создания эффективных механизмов распределения ресурсов, способствующих повышению общего уровня благополучия и справедливости в распределении ресурсов.

Библиографический список

1. Архипова Е. Б., Бородкина О. И. Особенности социального обслуживания в различных типах населенных пунктов: взгляд потребителей услуг (по результатам всероссийского опроса) // Социологический журнал. 2022. № 4. С. 61–81. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.4.9315; EDN: UIVFKS.

2. Бадараев Д. Д., Бутуева З. А., Васильева И. Д. Социальное самочувствие жителей Бурятии, попавших в трудную жизненную ситуацию // Теория и практика общественного развития. 2024. № 12. С. 18–25. DOI: 10.24158/tipor.2024.12.1; EDN: WJLTIQ.

3. Бараш Р. Э. Представления россиян о ключевых составляющих качества жизни и социальной справедливости: срез общественного мнения в 2024 г. // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 4. С. 82–09. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.7; EDN: UBPJFV.

4. Бутуева З. А. Система социальной защиты старшего поколения в Республике Бурятия в условиях модернизации // Социальные и политические вызовы модернизации в XXI в. / Науч. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. 2018. С. 206–210. DOI: 10.30792/978-5-7925-0537-7-2018-206-209; EDN: VJKZWM.

5. Бутуева З. А. Социальное самочувствие людей старшего возраста в Республике Бурятия: региональный аспект // Вестник Института социологии. Т. 7. № 4. 2016. С. 121–135. DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.435; EDN: XWETMJ.

6. Быкова Т. А. Система социальной защиты населения Республики Бурятия: приоритеты развития в рамках реализации стратегических целей // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях / Отв. ред. Н. С. Антонова. Улан-Удэ: БГУ им. Д. Банзарова. 2018. С. 73–78. EDN: XZQQJN.

7. Вдовина М. В. Клиентоориентированность как условие повседневной социальной работы с пожилыми людьми // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 9. С. 18–24. DOI: 10.24158/spp.2019.9.2; EDN: TKDWCR.

8. Галкин К. А. Социологическое осмысление медикализации возраста пожилых людей в рамках повседневных взаимодействий // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2024. № 2(855). С. 83–88. EDN: EDRJCW.

9. Горшков М. К. Субъективное благополучие в контексте качества жизни (по результатам социологических измерений) // Вестник РАН. 2024. Т. 94. № 2. С. 107–114. DOI: 10.31857/S0869587324020031; EDN: GIHACD.

10. Григорьева И. А., Равчик М. И. Приоритетные потребности старшего поколения в социальных (электронных) услугах // Успехи геронтологии. 2024. Т. 37. № 3. С. 170–176. DOI: 10.34922/AE.2024.37.3.002; EDN: IXBRSV.

11. Гуслякова Л. Г. Социальная работа: научная теория, практическая деятельность и учебная дисциплина // Отечественный журнал социальной работы. 2024. № 1(96). С. 165–187. EDN: JQFRNA.

12. Козырева П. М., Смирнов А. И. Век живи – век трудись: социальное самочувствие работающих пенсионеров // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 3. С. 149–174. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.11; EDN: YTPVOU.

13. Никонова О. В. Социальная защита населения: теоретико-концептуальные аспекты и ретроспектива совершенствования // Социально-трудовые исследования. 2022. № 4(49). С. 61–72. DOI: 10.34022/2658-3712-2022-49-4-61-72; EDN: VOUYWY.

14. Осинский И. И., Бутуева З. А. Социальное самочувствие: понятие, факторы формирования и показатели измерения // Вестник БГУ: Философия. Социология. Политология. Культурология. 2015. № 14: С. 38–45.

15. Павленок П. Д. Методологические проблемы социальной работы в современных условиях // Отечественный журнал социальной работы. 2016. № 2(65). С. 31–39. EDN: WRLEKZ.

16. Рогозин Д. М., Солодовникова О. Б. Клиентоориентированная оценка эффективности государственных услуг // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2021. № 4. С. 79–96. DOI: 10.51692/1994-3776.2021.4.79; EDN: NHPPVB.

17. Рождественская Е. Ю, Абрамов Р. Н., Сабля А. Оценка эффективности социальной технологии с точки зрения преимуществ и затрат // Журнал исследований социальной политики. 2024. Т. 22. № 4. С. 583–603. DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-4-583-606; EDN: JAMCXO.

18. Саралиева З. Х. Система социальной работы. Изд. 2-ое, дополн. Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского. 2023. 378 с. EDN: ZXCROU.

19. Саралиева З. Х., Соболева А. В., Судьин С. А. Социология в структуре междисциплинарного пространства социальной работы // Отечественный журнал социальной работы. 2025. № 1(100). С. 63–71. EDN: PHTMON.

20. Социальная защита в России до и после пандемии: развилки будущего: Доклад НИУ ВШЭ / Науч. ред. Л. Н. Овчарова, О. В. Синявская. М.: ВШЭ. 2022. 184 с.

21. Тощенко Ж. Т. Социальные проблемы жизненного мира россиян в современном обществе // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 4. С. 5–8. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-1; EDN: UFEIKG.

22. Фирсов М. В. Социальная работа в Российской Федерации в дискурсах многополярности, девестернизации и общественных вызовов // Отечественный журнал социальной работы. 2025. № 1(100). С. 34–40. EDN: VBSEVA.

23. Холостова Е. И. Место теории социальной работы в системе наук // Отечественный журнал социальной работы. 2021. № 3(86). С. 36–45. EDN: RXUERF.

24. Ярская-Смирнова Е. Р., Рождественская Е. Ю. и др. Социальная технология оказания социальной помощи семьям с детьми: опыт внедрения и оценка эффективности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5. С. 3–25. DOI: 10.14515/monitoring.2023.5.2406; EDN: IAYYAY.

25. Ярская-Смирнова В. Н., Ярская-Смирнова Е. Р., Зайцев Д. В. Темпоральность социальной заботы в пандемичном контексте развития урбанизма и культуры инклюзии // Вестник РУДН. Социология. 2022. Т. 22. № 1. С. 221–230. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-221-230; EDN: IZCYMT.

Получено редакцией: 25.06.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бутуева Зинаида Арсентьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры теории социальной работы

Савельев Игорь Константинович, директор

Васильева Ирина Дмитриевна, кандидат социологических наук, младший научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.10

Population Assessment of the Quality of State Social Services in the Republic of Buryatia (Based on Field Research)[1]

Zinaida A. Butueva

Buryat State University named after D. Banzarov, Ulan-Ude, Russia

butueva_z@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2240-4826

Igor K. Savelyev

Autonomous Institution of Social Services of the Republic of Buryatia "Barguzin boarding house", Ulan-Ude, Russia

igorek_02@mail.ru

Irina D. Vasilyeva

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS, Ulan-Ude, Russia

vasileva-id@bk.ru

ORCID: 0009-0003-9426-9886

For citation: Butueva Z. A., Savelyev I. K., Vasilyeva I. D. Population assessment of the quality of state social services in the Republic of Buryatia (based on field research). *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 4. P. 131–149. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.10; EDN: GEQQNP.

[1] **Acknowledgements.** The article was prepared as part of a grant from Buryat State University named after D. Banzarov on the topic "Interdisciplinary study of social practices of helping people in difficult situations in the Republic of Buryatia", No. 24-08-01, February 8, 2024.

Abstract. The article examines how citizens assess the quality of public social services provided to residents of the Republic of Buryatia who find themselves in difficult life situations.

The sphere of social protection in Russia is currently undergoing transformation that is determined by various socio-demographic factors related to the aging population, an increase in the number of people with disabilities and limited health capabilities, and a decline in the birth rate. In order to find ways to solve the existing problems, the study of the quality of services provided to the population by social services and agencies is required. The scientific problem addressed in this article is the possible discrepancy between the conceptual foundations of state social policy, the practices of its implementation at the local level, and, finally, the perception of its results by the direct recipients—citizens. The paper is based on field research conducted in the Republic of Buryatia in 2024 with the participation of the authors. The respondents were urban and rural residents of different age groups and social status who were registered with the social services system as needing assistance. The analysis was conducted from the perspective of key socio-demographic factors (gender, age, social status, level of education, place of residence). The study revealed a fairly high level of citizen satisfaction with the quality of social services provided. However, differences in the degree of satisfaction with these services were also identified, depending on place of residence and level of education. The study also identified the most and least sought-after types of social services and social groups requiring closer attention from social services (the elderly, people with disabilities, participants in the Social Support Program, and their families). One area that requires more detailed study, development, and implementation of new methods using modern technologies is raising public awareness of social assistance and support measures, the conditions, methods, and places where they can be obtained. The study provided a deeper understanding of the processes of social differentiation and resource distribution and revealed the specifics of the functioning of the regional social protection system. The results open up prospects for further study in this area and improvement of the research methodology in this field.

Keywords: social protection, social service, customer orientation, difficult life situation, social support

References

1. Arhipova E. B., Borodkina O. I. The characteristics of social service in different types of settlements: as seen by consumers of services (based on the results of an all-russian survey). *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2022: 4: 61–81 (in Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2022.28.4.9315; EDN: UIVFKS.

2. Badaraev D. D., Butueva Z. A., Vasileva I. D. Social well-being of residents of Buryatia in difficult life situations. *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya*, 2024: 12: 18–25 (in Russ.). DOI: 10.24158/tipor.2024.12.1; EDN: WJLTIQ.

3. Barash R. E. Russians' perceptions of key components of the quality of life and social justice: a cross-section of public opinion in 2024. *Vestnik instituta sotziologii*, 2024: 15: 4: 82–109 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.7; EDN: UBPJFV

4. Butueva Z. A. The system of social protection of the senior generation in the Republic of Buryatia in the conditions of modernization. In Social and political challenges of modernization in the 21st century. Ed. by B. V. Bazarov. Ulan-Ude, BNTS SO RAN, 2018: 206–210 (in Russ.). DOI: 10.30792/978-5-7925-0537-7-2018-206-209; EDN: VJKZWM

5. Butueva Z. A. Social well-being of elderly people in the Republic of Buriatiya: regional aspect. *Vestnik instituta sotziologii*, 2016: 7: 4: 121–135 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.435; EDN: XWETMJ.

6. Bykova T. A. The social protection system of the population of the Republic of Buryatia: development priorities within the framework of the implementation of strategic goals. In Social security and social protection of the population in modern conditions. Ed. by N. S. Antonova. Ulan-Ude, BGU im. D. Banzarova, 2018: 73–78 (in Russ.). EDN: XZQQJN.

7. Vdovina M. V. Customer focus as a condition of daily social work with the elderly. *Obshhestvo: sotsiologiya, psihologiya, pedagogika*, 2019: 9: 18–24 (in Russ.). DOI: 10.24158/spp.2019.9.2; EDN: TKDWCR.

8. Galkin K. A. Sociological understanding of the medicalization of the age of the older in the framework of everyday interactions. *Vestnik MGLU. Obshhestvennye nauki.* 2024: 2(855): 83–88 (in Russ.). EDN: EDRJCW.

9. Gorshkov M. K. Subjective well-being in the context of quality of life (based on the results of sociological measurements). *Vestnik RAN*, 2024: 94: 2: 107–114 (in Russ.). DOI: 10.31857/S0869587324020031; EDN: GIHACD.

10. Grigoreva I. A., Ravchik M. I. Priority needs of the older generation in social (digital) services. *Uspehi gerontologii*, 2024: 37: 3: 170–176 (in Russ.). DOI: 10.34922/AE.2024.37.3.002; EDN: IXBRSV.

11. Guslyakova L. G. Social work: scientific theory, practical activity and academic discipline. *Otechestvennyj zhurnal sotsialnoi raboty*, 2024: 1(96): 165–187 (in Russ.). EDN: JQFRNA.

12. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Live long – work long: social well-being of working pensioners. *Vestnik instituta sotziologii*, 2023: 14: 3: 149–174 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.11; EDN: YTPVOU.

13. Nikonova O. V. Social protection of the population: theoretical and conceptual aspects and improvement retrospective. *Sotsialno-trudovye issledovaniya*, 2022: 4(49): 61–72 (in Russ.). DOI: 10.34022/2658-3712-2022-49-4-61-72; EDN: VOUYWY.

14. Osinskiy I. I., Butueva Z. A. Social well-being: the concept, factors of formation and measurement indicators. *Vestnik BGU. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. Kul'turologiya*, 2015: 14: 38–45 (in Russ.).

15. Pavlenok P. D. Methodological problems of social work in modern context. *Otechestvennyi zhurnal sotsialnoi raboty*, 2016: 2(65): 31–39 (in Russ.). EDN: WRLEKZ.

16. Rogozin D. M., Solodovnikova O. B. Pro-customer efficiency assessment of public services. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskih i marketingovyh issledovaniy*, 2021: 4: 79–96 (in Russ.). DOI: 10.51692/1994-3776.2021.4.79; EDN: NHPPVB.

17. Rozhdestvenskaya E. YU., Abramov R. N., Sablya A. Assessing the effectiveness of social technology in terms of benefits and costs. *Zhurnal issledovanij sotsialnoi politiki*, 2024: 22: 4: 583–603 (in Russ.). DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-4-583-606; EDN: JAMCXO.

18. Saralieva Z. H. The social work system. 2nd ed. Nizhny Novgorod, NNGU im. N. I. Lobachevskogo, 2023: 378 (in Russ.). EDN: ZXCROU.

19. Saralieva Z. H., Soboleva A. V., Sudyin S. A. Sociology in the structure of interdisciplinary space of social work. *Otechestvennyi zhurnal sotsialnoi raboty*, 2025: 1(100): 63–71 (in Russ.). EDN: PHTMON.

20. Social protection in Russia before and after the pandemic: forks of the future. HSE University Report. Ed. by L. N. Ovcharova, O. V. Sinyavskaya. Moscow, VSHE, 2022: 184 (in Russ.).

21. Toshhenko Zh. T. Social problems of the life world of russians in modern society. *Nauchnyi rezultat. Sotsiologiya i upravlenie, 2022*: 8: 4: 5–8 (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-1; EDN: UFEIKG.

22. Firsov M. V. Social work in the Russian Federation in the discourses of multipolarity, dewesternization and social challenges. *Otechestvennyi zhurnal socialnoi raboty*, 2025: 1(100): 34–40 (in Russ.). EDN: VBSEVA.

23. Holostova E. I. Place of the theory of social work in the system of sciences. *Otechestvennyi zhurnal sotsialnoi raboty*, 2021: 3(86): 36–45 (in Russ.). EDN: RXUERF.

24. Yarskaya-Smirnova E. R., Rozhdestvenskaya E. YU. et al. Social technology for providing social assistance to families with children: implementation experience and evaluation of effectiveness. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*,2023: 5: 3–25 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2023.5.2406; EDN: IAYYAY.

25. Yarskaya-Smirnova V. N., Yarskaya-Smirnova E. R., Zajcev D. V. Temporality of social care in the pandemic context of urbanism and culture of inclusion. *Vestnik RUDN. Sotsiologiya*, 2022: 22: 1: 221–230 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-221-230; EDN: IZCYMT.

The article was submitted on: June 25, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zinaida A. Butueva, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of the theory social work

Igor K. Savelyev, Director

Irina D. Vasilyeva, Candidate of Sociological Sciences, Junior researcher

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.11
EDN: HBGTUQ

Показатели влияния контента социальных сетей на духовно-нравственное и патриотическое воспитание молодежи[1]

Ссылка для цитирования: *Карпова С. В., Мальцев Г. А.* Показатели влияния контента социальных сетей на духовно-нравственное и патриотическое воспитание молодежи // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 4. С. 150–163. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.11; EDN: HBGTUQ.
For citation: Karpova S. V., Maltsev G. A. Indicators of the Impact of Social Media Content on the Spiritual, Moral, and Patriotic Education of Young People. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 4. P. 150–163. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.11; EDN: HBGTUQ.

SPIN-код: 5825-0260

Карпова Светлана Васильевна[1]

[1]Финансовый университет, Москва, Россия

svkarpova@fa.ru

SPIN-код: 9347-9943

Мальцев Григорий Александрович[1]

[1]Финансовый университет, Москва, Россия

malcev543212@gmail.com

Аннотация. Цель исследования – определение ключевых показателей влияния контента социальных сетей на процесс формирования духовно-нравственных ценностей и патриотических чувств молодежи и проведение их классификации в зависимости от ключевых компонентов соответствующих видов воспитательной деятельности. Объект исследования в данной работе представлен процессом формирования духовно-нравственных и патриотических ценностей молодежи в социальных сетях. Предметом исследования в данной работе является влияние контента социальных сетей на духовно-нравственные и патриотические ценности молодежи. На основе результатов исследований АО «ВЦИОМ» и Института философии РАН, а также поиска публикаций сообществ по соответствующим

[1] Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

ключевым словам в социальной сети «ВКонтакте» были определены текущие тенденции изменения ценностей молодежи и рассмотрена динамика публикационной активности, связанной с духовно-нравственными и патриотическими ценностями. Совершенствованию процесса взаимодействия между государством и молодежью мониторинга показателей влияния контента социальных сетей на ценности молодежи и способствуют условия применения контента социальных сетей в качестве инструмента формирования мировоззрения и ценностей молодежи и общей динамичной цифровизации социальных отношений.

Научная новизна исследования заключается в классификации показателей влияния контента социальных сетей на духовно-нравственные и патриотические ценности молодежи на основе ключевых компонентов воспитательной деятельности. Помимо этого, в ходе исследования были предложены параметры согласования направлений воспитательных мероприятий, проводимых в социальных сетях, с существующими форматами контента, предоставляемого молодежи. В целях обоснования параметров влияния контента, размещаемого пользователями социальных сетей, на ключевые компоненты воспитательной деятельности были выделены особенности формирования сетевой этики, морали, исторической памяти, культурных традиций и других компонентов соответствующих видов воспитательной деятельности среди молодежи. Для реализации согласования текущих направлений воспитательной деятельности с различными форматами контента социальных сетей в качестве цели проводимых мероприятий было определено совершенствование процесса взаимодействия между государством и молодежью в сфере духовно-нравственного и патриотического воспитания через выстраивание системы коммуникаций в различных сферах социального регулирования.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, патриотическое воспитание, нравственные ценности, патриотизм, сеть Интернет, социальная сеть, гражданственность

Введение

В современных условиях духовно-нравственное и патриотическое воспитание молодежи является одним из приоритетных направлений деятельности государства [8, с. 148–149], которое оказывает позитивное воздействие на формирование гражданской позиции, и участие в социальной жизни, мировоззрение, этическое развитие и т. п. Согласно результатам исследований, проведенных ВЦИОМ в 2024 г., 87% респондентов в возрастном сегменте от 18 до 24 лет считали себя патриотами[1], а 92% в возрастном сегменте от 18 до 35 лет испытывали чувство гордости за Россию, ее историю и культуру[2]. При этом в период с 2010 по 2023 гг., согласно данным Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН[3], произошло снижение значимости нравствен-

[1] ВЦИОМ зафиксировал всплеск патриотизма в России // Lenta.ru. 2024. 29 марта. URL: https://lenta.ru/news/2024/03/29/vsplesk/ (дата обращения: 19.02.2025).

[2] Юных россиян защитят от экспансии западного образа жизни // Парламентская газета. 2024. 29 августа. URL: https://www.pnp.ru/social/yunykh-rossiyan-zashhityat-ot-ekspansii-zapadnogo-obraza-zhizni.html (дата обращения: 16.02.2025).

[3] Официальный сайт ФГБУН «Институт философии Российской академии наук». URL: https://iphras.ru (дата обращения: 20.06.2025).

ных ценностей у молодежи в возрасте 18–24 лет с 74 до 27% [2, с. 45], что обуславливает целесообразность дальнейшего выявления возможностей для взаимодействия государства и молодежи, которое может осуществляться через проведение дискуссий, конференций, форумов и других мероприятий в социальных сетях в целях развития моральных и этических принципов. Предоставление молодежи возможностей участия в информационных дискуссиях и формировании государственной политики на базе сети Интернет способствует формированию активной гражданской позиции, критического мышления и ответственности.

В качестве современных тенденций, также определяющих необходимость развития взаимодействия государства и молодежи в социальных сетях, направленного на формирование данных ценностей, могут быть выделены динамичные трансформации в области международных отношений, включая масштабное применение санкций (в т. ч. так называемой «отмены») в сфере культуры, медиа и спорта. В данных условиях повышается актуальность социально-культурной деятельности, направленной на развитие ценностных основ молодежи, определяемых и социально-культурной средой, от которой зависит последующее воспроизводство культурно-этнической идентичности народа [3, с. 245].

Выстраивание системы коммуникаций между государством и обществом в различных сферах социального регулирования сегодня происходит с широким использованием социальных сетей, оперативное общение в которых становится приоритетным в сравнении с личными обращениями [9, с. 189; 7, с. 165]. Повышение степени востребованности социальных сетей в современном общении также формирует возможности для развития взаимодействия между государством и молодежью и мониторинга эффективности проводимых воспитательных мероприятий. Социальные сети чаще всего используются молодежью, в т. ч. в качестве инструмента для реализации социальных контактов и обмена информацией. В условиях цифровизации информационного пространства контент, транслируемый посредством сети Интернет, обладает значительным потенциалом влияния на ценностно-смысловые ориентации и особенности социализации молодого поколения [13]. При этом характер данного воздействия носит амбивалентный характер: информационные потоки способны как способствовать позитивной социализации индивидов, так и детерминировать формирование деструктивных паттернов поведения и мировоззренческих установок.

Согласно исследованию аудитории социальных сетей АО «Медиаскоп», среди отечественных социальных сетей по показателям времени пользования сервисом и среднесуточной аудитории лидирующие позиции принадлежат «ВКонтакте», «Одноклассники» и «Яндекс.Дзен»[1]. Охват аудитории среди данных социальных сетей составляет 90,1 млн чел. (74% населения) для «ВКонтакте», 80,3 млн чел. (66%) для «Яндекс.Дзен»

[1] Mediascope опубликовала исследование аудитории социальных медиа: YouTube –пока еще лидер // Skillbox. 2024. 5 августа. URL: https://skillbox.ru/media/marketing/mediascope-opublikovala-issledovanie-auditorii-sotsialnykh-media-youtube-poka-eshchye-lider/ (дата обращения: 19.02.2025).

и 50,9 млн чел. (42%) для «Одноклассники»[1]. Текущие условия динамичной цифровизации социальных отношений обуславливают необходимость выявления особенностей воздействия контента социальных сетей на духовную культуру молодежи. Также, очевидно, требуется согласование государственной политики в области патриотического воспитания, как и самой методики проводимых мероприятий с существующими видами контента, размещаемого в социальных сетях.

Методика и эмпирический базис исследования

Проблема реализации воспитательной деятельности, направленной на создание духовно-нравственных ценностей и формирование патриотических чувств у представителей молодого поколения, в текущих условиях выделяется в качестве проблемы государственного значения [4, с. 245]. Воспитание патриотичной и социально ответственной личности, согласно Указу Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», определяется в качестве одного из основных стратегических направлений развития страны. Формирование у молодежи гражданской ответственности и целостного мировоззрения и расширение сотрудничества между государством и обществом являются одними из основных направлений формирования ценностей молодежи. При проведении анализа влияния контента, предоставляемого молодежи в социальных сетях, на рассматриваемые виды воспитательной деятельности возникает необходимость определения их ключевых компонентов, на основе которых могут быть выделены направления применения различных видов контента при воспитании.

Формирование системы ценностей, содержащей моральные принципы и способности к самосовершенствованию и саморегуляции, а также уважение к законам и традициям страны и готовность защищать ее интересы, является базовой целью духовно-нравственного и патриотического воспитания. Ключевыми компонентами духовно-нравственного и патриотического воспитания молодежи являются [5, с. 40–41]: 1) этика и мораль; 2) самопознание и саморефлексия; 3) эмпатия и сострадание; 4) историческая память; 5) культурное наследие; 6) гражданская активность. Данные направления воспитательной деятельности реализуются в социальных сетях через публикацию постов о духовно-нравственном совершенствовании, проведение онлайн-конференций по теме этических и правовых норм использования социальных сетей, организацию онлайн-мероприятий по патриотической тематике и т. п.

Для определения динамики публикационной активности сообществ российских социальных сетей по теме духовно-нравственного и патриотического воспитания был проведен поиск публикаций сообществ по соот-

[1] Как устроена аудитория социальных медиа // Mediascope. 2024. 5 июля. URL: https://mediascope.net/news/2544317/ (дата обращения: 15.02.2025).

ветствующим ключевым словам на основе социальной сети «ВКонтакте» (табл. 1). В качестве инструмента выявления динамики количества публикаций, связанных с воспитательной деятельностью в данной социальной сети, был применен сервис «VK.BARKOV.NET», функционал которого позволяет выявлять статистические показатели активности сообществ и сегментирования их участников по различным признакам [10, с. 1038].

Таблица 1 (Table 1)

Результаты поиска публикаций сообществ по ключевым словам на основе социальной сети «ВКонтакте», прирост в %

Search results for community publications using keywords based on the social network "VKontakte", increase in %

Ключевые слова	«Духовные ценности»	«Нравственность»	«Духовно-нравственное воспитание»	«Патриотизм»	«Патриотическое воспитание»
2022 г.	760	746	813	612	792
2023 г.	657 (-13,56)	666 (-10,73)	848 (4,3)	706 (15,35)	843 (6,43)
2024 г.	692 (5,32)	742 (11,41)	830 (-2,13)	725 (2,69)	810 (-3,92)
Всего	2109	2154	2491	2043	2445

Источник: составлено авторами на основе[1].

Согласно результатам поиска публикаций сообществ, содержащих рассматриваемые ключевые слова, наибольшей упоминаемостью за 2022–2024 гг. обладают «духовно-нравственное воспитание» и «патриотическое воспитание», показатели которых за весь рассматриваемый период составляют 2491 и 2445 публикаций соответственно. «Патриотизм», прирост количества публикаций с упоминанием которого составляет 18,46% за 2022–2024 гг., обладает наиболее высоким показателем увеличения публикационной активности.

Помимо этого, по рассмотренным ключевым словам был проведен поиск публикаций сообществ, содержащих упоминание данных слов в формате хештегов (табл. 2).

Таким образом, наибольшей упоминаемостью обладают публикации, в тексте которых содержится хештег #патриотическое_воспитание, с показателями, представленными 2721 публикацией и приростом, равным 8,43%, за весь рассматриваемый период. При этом в 2022–2024 гг. наблюдается существенное снижение упоминаемости хештега #нравственность, отрицательный прирост которого за данный период составляет 16,86%. Наиболее высокими результатами по показателю количества публикаций сообществ, содержащих в тексте соответствующие рассматриваемые хештеги, характеризуются темы патриотизма и патриотического воспитания. Данные факторы определяют наличие роста публикационной активности

[1] Результаты поиска по всему ВК –новостям, хэштегам, постам на стенах и статусам ВКонтакте // VK.BARKOV.NET. URL: https://vk.barkov.net/newsfeed.aspx (дата обращения: 15.06.2025).

сообществ рассматриваемой социальной сети, связанной с патриотическими ценностями, что также может способствовать их последующему развитию среди молодежи.

Таблица 2 (Table 2)

Результаты поиска публикаций сообществ по хештегам на основе социальной сети «ВКонтакте», прирост в %

Results of searching for community publications using hashtags based on the social network "VKontakte", increase in %

Хештеги	«#Духовные_ценности»	«#Нравственность»	«#Духовно-нравственное_воспитание»	«#Патриотизм»	«#Патриотическое_воспитание»
2022 г.	11	694	17	812	854
2023 г.	12 (9,09)	652 (-6,06)	45 (164,7)	808 (-0,5)	941 (10,18)
2024 г.	35 (191,66)	577 (-11,51)	48 (6,66)	788 (-2,48)	926 (-1,6)
Всего	58	1923	110	2408	2721

Источник: составлено авторами на основе[1].

Результаты исследования

Проблема воздействия социальных сетей на духовно-нравственные ценности и патриотические чувства среди молодежи обусловлена наличием различных видов потребляемого контента, способного оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на нравственные ценности молодежи. Одной из основных целей деятельности социальных сетей является привлечение и монетизация внимания пользователей, что способствует созданию пользователями и сообществами эмоционально вызывающего контента [14]. В зависимости от формата размещаемого в социальных сетях контента выделяются различные ключевые особенности его влияния на потребителей[2], которые могут учитываться при разработке комплекса мероприятий, направленных на развитие системы взаимодействия государства и молодежи.

В современном информационном пространстве молодежь выступает не только пользователем, но и ключевым актором формирования контента социальных сетей и медиа, для которых цифровые платформы являются существенным фактором их социализации. Наряду с молодежью, значимую роль в формировании контент-среды социальных сетей играют

[1] Результаты поиска по всему ВК –новостям, хэштегам, постам на стенах и статусам ВКонтакте // VK.BARKOV.NET. URL: https://vk.barkov.net/newsfeed.aspx (дата обращения: 15.06.2025).

[2] Что лучше работает: текстовый контент или визуальный? // SPARK. 2024. 29 августа. URL: https://spark.ru/startup/spark-news/blog/217818/chto-luchshe-rabotaet-tekstovij-kontent-ili-vizualnij (дата обращения: 19.07.2025).

профессиональные маркетологи, осуществляющие продвижение товаров и услуг, а также инфлюенсеры, обладающие высоким уровнем доверия целевой аудитории и оказывающие существенное влияние на потребительское поведение.

Существующие виды контента, размещаемого в социальных сетях, также различаются по особенностям его воздействия на аудиторию в зависимости от степени ее вовлеченности и удержания, уровня запоминаемости, активности участия, доступности формата контента и других отличительных параметров [6, с. 107]. Соответственно, в зависимости от выбранного формата предоставляемого в социальных сетях контента может различаться характер его влияния на духовно-нравственные и патриотические ценности молодежи, что формирует необходимость выявления направлений воспитательной деятельности, соответствующих текущим видам контента.

Помимо этого, в качестве основных факторов, оказывающих влияние на потребителей контента, размещаемого в социальных сетях, выделяются особенности его содержания, характер объединения пользователей по общим интересам или проблемам, степень содействия их вовлеченности в участие в деятельности общественных движений и другие [12].

Потребляемый контент также оказывает воздействие на процесс формирования этического состояния молодежи и общества в целом [1, с. 5], в том числе, через разработку сетевой этики, соответствующей регламентам конкретных цифровых платформ. Этические требования и регламенты платформ социальных сетей представляют собой комплекс правил, регулирующих общение между пользователями и определяющих их сетевую этику, которые расширяются по мере вовлеченности пользователей в процессы распространения информации [3, с. 48]. Помимо этого, они обладают собственными алгоритмами, представляющими собой наборы правил, в соответствии с которыми осуществляется персонализация рекомендуемого контента на основе действий каждого отдельного пользователя.

С учетом рассмотренных отличительных компонентов духовно-нравственного воспитания молодежи и особенностей воздействия контента социальных сетей на целевые аудитории могут быть выделены следующие показатели влияния контента социальных сетей на данное направление воспитательной деятельности (табл. 3).

Размещаемый пользователями контент может способствовать формированию у молодежи духовно-нравственных ценностей, основанных на сетевой этике, создаваемой под влиянием комплекса правил, на базе которых регулируется общение в определенной социальной сети, а также смещению направленности деятельности молодежи в виртуальный мир. Таким образом, проведение оценки влияния контента социальной сети на духовно-нравственные ценности молодежи предполагает оценку формата и содержания предоставляемых материалов, особенностей регулирования общения, алгоритмов продвижения контента, и других внутренних факторов.

Таблица 3 (Table 3)

Классификация показателей влияния контента социальных сетей на духовно-нравственное воспитание молодежи

Classification of indicators of the influence of social network content on the spiritual and moral education of youth

Ключевые компоненты	Показатели влияния	Содержание показателей влияния
Этика и мораль	Особенности формируемой сетевой этики	Определяются комплексом правил, регулирующих общение в социальной сети
	Степень деформации морально-этических принципов	Находится в зависимости от особенностей контроля со стороны нормативно-правовой и морально-этической систем
	Уровень смещения направленности деятельности	Характеризуется смещением направленности деятельности молодежи на виртуальный мир
Самопознание и саморефлексия	Параметры стимулов для самосовер-шенствования	Определяются содержанием материалов, направленных на мотивацию и обучение
	Характер изменения самооценки и самопринятия	Проявляется во взаимосвязанности самооценки и цифровых утверждений, к которым относятся лайки, репосты и комментарии
	Степень искажения самовосприятия	Находится в зависимости от алгоритмов цифровых платформ, на основе которых предлагается контент
Эмпатия и сострадание	Формат общения в социальной сети	Может воздействовать на качество межличностных взаимоотношений между пользователями
	Наличие механизмов для взаимопомощи	Предоставляет возможности для участия пользователей в социальных проектах
	Характер объединения пользователей	Определяется общими интересами или проблемами

Источник: составлено авторами.

Для выявления особенностей влияния контента социальных сетей на патриотическое воспитание молодежи на основе рассмотренных ключевых компонентов данного направления воспитательной деятельности были выделены следующие показатели влияния (табл. 4).

Особенности влияния контента на патриотическое воспитание определяются в числе прочего общественным мнением. Последнее формируется внутренней политикой цифровых платформ. Достоверность исторической информации, степень искажения культурных ценностей и характеристики транслируемой гражданской позиции инфлюенсеров в определенной социальной сети также могут оказывать существенное воздействие на нравственные ценности молодежи.

Таблица 4 (Table 4)

Классификация показателей влияния контента социальных сетей на патриотическое воспитание молодежи

Classification of indicators of the influence of social network content on the patriotic education of youth

Ключевые компоненты	Показатели влияния	Содержание показателей влияния
Историческая память	Достоверность исторической информации	Определяется полнотой и согласованностью контента с исторической действительностью
	Характер формируемого общественного мнения	Находится в зависимости от алгоритмов цифровых платформ, на основе которых предлагается контент
	Интерактивность и особенности вовлечения	Проявляются в процессе диалога и обмена исторической информацией
Культурные традиции	Наличие возможностей для культурного обмена	Формирует возможности для динамичного распространения культурных ценностей
	Степень искажения культурных ценностей	Определяет наличие рисков, связанных с трансформацией культуры и появление гибридной культуры
	Уровень поляризации общества	Формируется на основе поддержки социальной сетью определенных точек зрения
Гражданская активность	Доступность материалов, направленных на формирование гражданской позиции	Предоставляет пользователям возможности для выражения гражданской позиции и обсуждения ее с другими пользователями
	Особенности формируемой гражданской позиции	Определяются выражаемой и обсуждаемой пользователями гражданской позицией
	Наличие механизмов для координации деятельности	Выявляет возможности для коммуникаций с целевой аудиторией и привлечения новых участников

Источник: составлено авторами.

В целях повышения эффективности мероприятий, направленных на проведение в социальных сетях работы по формированию у молодежи духовно-нравственных качеств и развитию патриотических чувств, были выявлены возможности для применения различных форматов контента в соответствии с целями проводимых воспитательных мероприятий (рис. 1).

Духовно-нравственное и патриотическое воспитание характеризуется взаимосвязанностью и взаимодополняемостью, основаны на общих ценностях и предполагают формирование идентичности, этических норм, соответствующих традиционным ценностям России (см. Указ Президента РФ № 809) и гражданской ответственности. Проведение данного вида воспитательной деятельности в социальных сетях предполагает формирование в молодежной среде устойчивой системы ценностей, гражданской позиции и патриотических чувств. Реализация воспитательных мероприятий в социальных сетях формирует необходимость определения направлений применения конкретного формата контента с учетом поставленных целей. В зависимости от используе-

мого вида контента при реализации воспитательной деятельности проводимые мероприятия могут быть направлены на раскрытие смысла формируемых ценностей, привлечение интереса, повышение уровня вовлеченности и формирования персонализированного опыта среди молодежи в социальных сетях.

Рис. 1. Согласование видов контента и направлений духовно-нравственного и патриотического воспитания молодежи

Figure 1. Coordination of types of content and directions of spiritual, moral and patriotic education of youth

Источник: составлено авторами на основе [4; 6; 11].

Заключение

Таким образом, в ходе исследования была выработана классификация показателей влияния контента социальных сетей на процесс формирования духовно-нравственных ценностей и патриотических чувств молодежи с учетом ключевых компонентов соответствующих видов воспитательной деятельности. Характер воздействия предоставляемого в социальных сетях контента на духовно-нравственные и патриотические ценности молодежи может быть оценен на базе комплекса показателей влияния на ключевые компоненты соответствующего вида воспитательной деятельности. В качестве основных параметров влияния предоставляемого в социальных сетях

контента могут быть рассмотрены: особенности внутренней политики цифровых платформ по вопросам сетевой этики; достоверность исторической информации, транслируемой инфлюенсерами; характер конструируемого ими общественного мнения; и другие показатели влияния на процесс формирования патриотичной и социально ответственной личности.

В ходе исследования ключевых компонентов рассматриваемых видов воспитательной деятельности и влияния контента социальных сетей на них было выявлено повышение публикационной активности в исследуемой социальной сети, связанной с патриотическими ценностями, что может способствовать их последующему развитию среди молодежи. С учетом содействия цифровых платформ созданию их пользователями эмоционально вызывающего контента для привлечения и монетизации внимания пользователей, необходимым является мониторинг показателей влияния данного контента, способного оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на ценности молодежи в зависимости от его содержания и формата.

Совершенствование процесса взаимодействия государства и молодежи в сфере духовно-нравственного и патриотического воспитания может осуществляться через выстраивание системы коммуникаций в различных сферах социального регулирования на основе разработки мероприятий, направленных на привлечение интереса и повышение вовлеченности молодежи к формированию соответствующих ценностей. Данные мероприятия могут быть представлены продвижением и координацией крупных молодежных проектов, формированием каналов для оперативной обработки обращений граждан, проведением тематических конференций на базе сети Интернет и другими. В результате анализа существующих видов контента в социальных сетях были выявлены возможности для согласования рассматриваемых ценностей с целями духовно-нравственного и патриотического воспитания молодежи.

Библиографический список

1. Алтухова Т. А., Бутакова Л. О. и др. Социальные сети: комплексный лингвистический анализ. В 2-х т. Т. 2 / Науч. ред. Н. Д. Голев, отв. ред. Л. Г. Ким. Кемерово: КемГУ, 2021. 300 с. EDN: NQBYEI.

2. Беляева Л. А., Ракова К. В. Российское общество в 1990–2023 гг.: опыт эмпирической оценки социальной структуры, качества жизни и социально-психологического климата // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 29–56. DOI: 10.14515/monitoring.2025.1.2658; EDN: VWDAEH.

3. Глухов А. П., Бычкова М. Н. и др. Социально-сетевая цифровая коммуникативная культура молодежи: коллективная монография / Науч. ред. А. П. Глухов. Томск: ТГУ, 2020. 142 с. EDN: SRLUWM.

4. Гуня А. Н., Ефимов А. Б. и др. Духовно-нравственное просвещение и патриотическое воспитание молодежи России: основные проблемные области и тренды // Гуманитарное пространство. 2024. Т. 13. № 4. С. 244–253. DOI: 10.24412/2226-0773-2024-13-4-244-253; EDN: SZLLZD.

5. Кирюхин Д. А. Духовно-нравственное и патриотическое воспитание // Новые подходы в науке и образовании / Под ред. А. И. Вострецова. Нефтекамск: Мир науки, 2024. С. 38–42. EDN: ZILAOP.

6. Лужнова Н. В., Курбашов Ш. М. Типы контента и принципы создания контент-плана для продвижения коммерческого аккаунта в социальных сетях // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2023. № 8(74). С. 104–108. EDN: JYGPVM.

7. Парма Р. В. Общественный активизм российских граждан в офлайн- и онлайн пространствах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 145–170. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2042; EDN: CBDYMB.

8. Пашнанов Э. Л., Бюрчиева Б. Н. Патриотическое воспитание как приоритетное направление государственной молодежной политики // Современные социальные и экономические процессы: проблемы, тенденции, перспективы регионального развития. Элиста: ИКИАТ, 2023. С. 148–151. DOI: 10.24412/c1-37063-2023-148-151; EDN: LTILWO.

9. Троцук И. В., Дурсина А. Н. Цифровой вектор развития коммуникации между властью и населением в современном российском обществе // Вестник РУДН. Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 182–202. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-182-202; EDN: ETHFJQ.

10. Чижова Л. А., Тутыгин А. Г., Стирманова Р. С. Сетевые молодежные сообщества в социокультурном пространстве северного региона: методологические и эмпирические аспекты исследования // Вестник РУДН. Социология. 2024. Т. 24. № 4. С. 1033–1051. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-1033-1051; EDN: PWICFT.

11. Шишлянникова Д. А. Анализ эффективности контент-маркетинга в социальных сетях: как различные типы контента влияют на вовлеченность и конверсию // Актуальные исследования. 2024. № 32(214). С. 61–66. EDN: QJOCHT.

12. Campante F. R., Durante R., Tesei A. Media and Social Capital // Annual Review of Economics. 2022. No. 14. P. 69–91. DOI: 10.3386/w29230.

13. Falcon-Linares C., Gonzalez-Yubero S. et al. Impact of Social Media on Adolescence: Mapping Emerging Needs to Build Resilient Skills // Societies. 2023. Vol. 13. No. 11. P. 1–11. DOI: 10.3390/soc13110238.

14. van Bavel J. J., Robertson C. E. et al. Social Media and Morality // Annual Review of Psychology, 2024. Vol. 75(1). P. 311–340. DOI: 10.1146/annurev-psych-022123-110258.

Получено редакцией: 23.06.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Карпова Светлана Васильевна, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой маркетинга, директор, главный научный сотрудник Института управленческих исследований и консалтинга факультета «Высшая школа управления»

Мальцев Григорий Александрович, аспирант кафедры маркетинга, стажер-исследователь Института управленческих исследований и консалтинга факультета «Высшая школа управления»

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.11

Indicators of the Impact of Social Media Content on the Spiritual, Moral, and Patriotic Education of Young People[1]

Svetlana V. Karpova

Financial University, Moscow, Russia
svkarpova@fa.ru
ORCID: 0000-0002-4488-8131

Grigory A. Maltsev

Financial University, Moscow, Russia
malcev543212@gmail.com
ORCID: 0009-0006-4894-8759

For citation: Karpova S. V., Maltsev G. A. Indicators of the Impact of Social Media Content on the Spiritual, Moral, and Patriotic Education of Young People. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 4. P. 150–163. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.11; EDN: HBGTUQ.

Abstract. The purpose of this study is to identify key indicators of the impact of social media content on the formation of spiritual, moral, and patriotic values among young people and to classify them based on the key components of the relevant types of educational activities. The object of this study is the formation of spiritual, moral, and patriotic values among young people on social media. The subject of this study is the impact of social media content on the spiritual, moral, and patriotic values of young people. Based on research conducted by JSC VTsIOM and the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, as well as a search for community publications using relevant keywords on the social network VKontakte, current trends in changing youth values were identified and the dynamics of publication activity related to spiritual, moral, and patriotic values were examined. The use of social media content as a tool for shaping youth worldviews and values, as well as the overall dynamic digitalisation of social relations, contributes to improving the process of interaction between the state and young people by monitoring the impact of social media content on youth values. The scientific novelty of this study lies in its classification of the impact of social media content on the spiritual, moral, and patriotic values of young people based on key components of educational activities. Furthermore, the study proposed parameters for aligning educational activities conducted on social media with existing content formats provided to young people. To substantiate the impact of content posted by social media users on key components of educational activities, the development of online ethics, morality, historical memory, cultural traditions, and other components of relevant types of educational activities among young people were identified. To align current educational activities with various social media content formats, the goal of the activities was defined as improving the process of interaction between the state and young people in the area of spiritual, moral, and patriotic education by building a communication system across various areas of social regulation.

Keywords: spiritual and moral education, patriotic education, moral values, patriotism, Internet, social network, citizenship

References

1. Altukhova T. A., Butakova L. O. et al. Social networks: complex linguistic analysis. In 2 vol. Vol. 2. Ed. by N. D. Golev, L. G. Kim. Kemerovo, KemGU, 2021: 300 (in Russ.). EDN: NQBYEI.

2. Belyaeva L. A., Rakova K. V. Russian society in 1990–2023: experience of empirical assessment of social structure, quality of life and socio-psychological climate. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, 2025: 1: 29–56 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2025.1.2658; EDN: VWDAEH.

3. Glukhov A. P., Bychkova M. N. et al. Social network digital communicative culture of youth: collective monograph. Ed. by A. P. Glukhov. Tomsk, TGU, 2020: 142 (in Russ.). EDN: SRLUWM.

4. Gunya A. N., Efimov A. B. et al. Spiritual and moral education and patriotic education of Russian youth: main problem areas and trends. *Gumanitarnoe prostranstvo*, 2024: 13: 4: 244–253 (in Russ.). EDN: SZLLZD.

[1] **Acknowledgements.** The article was prepared based on research funded through the state assignment of the Financial University.

5. Kiryukhin D. A. Spiritual, moral and patriotic education. In New approaches in science and education. Ed. by A. I. Vostretsov. Neftekamsk, Mir nauki, 2024: 38–42 (in Russ.). EDN: ZILAOP.

6. Luzhnova N. V., Kurbashov Sh. M. Types of content and principles of creating a content plan for promoting a commercial account on social networks. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya*, 2023: 8(74): 104–108 (in Russ.). EDN: JYGPVM.

7. Parma R. V. Social activism of Russian citizens in offline and online spaces. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny,* 2021: 6: 145–170 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2042; EDN: CBDYMB.

8. Pashnanov E. L., Byurchieva B. N. Patriotic education as a priority direction of state youth policy. In Modern social and economic processes: problems, trends, prospects for regional development. Elista: IKIAT, 2023: 148–151 (in Russ.). DOI: 10.24412/c1-37063-2023-148-151; EDN: LTILWO.

9. Trotsuk I. V., Dursina A. N. Digital vector of development of communication between the authorities and the population in modern Russian society. *Vestnik RUDN. Sotsiologiya,* 2025: 25: 1: 182–202 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-182-202; EDN: ETHFJQ.

10. Chizhova L. A., Tutygin A. G., Stirmanova R. S. Network youth communities in the socio-cultural space of the northern region: methodological and empirical aspects of the study. *Vestnik RUDN. Sotsiologiya,* 2024: 24: 4: 1033–1051 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-4-1033-1051; EDN: PWICFT.

11. Shishlyannikova D. A. Analysis of the effectiveness of content marketing in social networks: how different types of content affect engagement and conversion. *Aktualnye issledovaniya*, 2024: 32(214): 61–66 (in Russ.). EDN: QJOCHT.

12. Campante F. R., Durante R., Tesei A. Media and Social Capital. *Annual Review of Economics*, 2022: 14: 69–91. DOI: 10.3386/w29230.

13. Falcon-Linares C., Gonzalez-Yubero S. et al. Impact of Social Media on Adolescence: Mapping Emerging Needs to Build Resilient Skills. *Societies*, 2023: 13: 11: 1–11. DOI: 10.3390/soc13110238.

14. van Bavel J. J., Robertson C. E. et al. Social Media and Morality. *Annual Review of Psychology*, 2024: 75(1): 311–340. DOI: 10.1146/annurev-psych-022123-110258.

The article was submitted on: June 23, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlana V. Karpova, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Marketing, Director, Chief Researcher of the Institute of Management Research and Consulting of the Faculty of Higher School of Management

Grigory A. Maltsev, Postgraduate student of the Department of Marketing, Research intern of the Institute of Management Research and Consulting of the Faculty of Higher School of Management

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.4
EDN: RRWFFD

Традиционное природопользование в истории и в современной реконструкции (на примере природопользования саамов Мурманской области)

Ссылка для цитирования: *Аксенова О. В., Бочарникова А. В.* Традиционное природопользование в истории и в современной реконструкции (на примере природопользования саамов Мурманской области) // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 4. С. 164–183. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.4; EDN: RRWFFD.
For citation: Aksenova O. V., Bocharnikova A. V. Traditional nature management in history and in modern reconstruction (using the example of nature management by the Sami people of the Murmansk region). *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 4. P. 164–183. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.4; EDN: RRWFFD.

Аксенова Ольга Владимировна[1]

[1]ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

illaio@yandex.ru

SPIN-код: 7858-9661

Бочарникова Александра Владимировна[1]

[1]НИЦЭБ РАН – СПб ФИЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

aleksandra.bocharnikowa@yandex.ru

SPIN-код: 9093-2868

Аннотация. Статья содержит результаты первого этапа исследования противоречивого сочетания традиции и модернизации в социокультурной сфере жизнедеятельности коренных малочисленных народов российского Севера. Одна из его основных задач заключается в выявлении роли и места уникальной традиции в унифицированном, технологизированном современном мире. Представленный в работе анализ основывается на предпосылке наличия тесной связи между традиционным природопользованием, не наносящем вреда природным экосистемам, и традиционной культурой КМНС. Можно предположить, что трансформации природопользования неизбежно ведут к заметным, легко детектируемым изменениям в культуре. Для исследования была выбрана хозяйственная деятельность саамов, народа, проживающего в России на территории Кольского полуострова. Их хозяйство начало существенно меняться уже на рубеже XIX и XX вв. в результате промышленного осво-

ения этой территории и экспансии рыночных отношений. Рассматривались труды этнологов и этнографов, а также литературно-этнографические и путевые заметки путешественников, посещавших Кольский полуостров. Показана перестройка традиционного хозяйства в условиях советской плановой экономики, выявлена смена его ведущей отрасли. Если в XIX в. таковой была рыбная ловля, то именно в СССР ею стало оленеводство. Современная реконструкция традиции исследовалась посредством анализа сетевых ресурсов саамских активистов и сайтов администрации районов, в которых проживают саамы. Реконструкция оказалась сфокусированной на советском опыте, при этом он переносится на более ранние эпохи. Акцент делается на оленеводстве, которое стало развиваться именно в советскую эпоху, но тогда же и оно модернизировалось и утратило многие традиционные черты. В итоге формируется модернизированный, эклектический конструкт оленеводческого традиционного хозяйства и культуры. Исследования традиции коренных малочисленных народов Севера в современном мире как социокультурного феномена должны быть направлены на более глубокий ретроспективный анализ его предыдущих изменений и их экономических оснований. Необходимо также выявить глубинные основания и механизмы современной реконструкции, если таковые существуют. Предполагается, что в основании реконструкции лежит поиск уникальной, особой идентичности в унифицированном современном мире.

Ключевые слова: традиционное природопользование, традиция, реконструкция традиции, модернизация, унификация, уникальность

Коренные малочисленные народы российского Севера (КМНС) длительное время сохраняли образ жизни охотников и собирателей. Суровые природно-географические условия и изолированность аборигенных сообществ определили характер их экономики: ограниченное число отраслей (рыбная ловля, охота, в т. ч. на морского зверя, сбор дикоросов, оленеводство и ряд других), присваивающий характер природопользования и его неистощительность (отсутствие ущерба природным экосистемам). Принцип «не брать у природы больше, чем она может восполнить» институционализирован в правилах охоты, в ротациях участков охоты или выпаса оленей, в ритуалах, в разного рода запретах-табу. Традиционное хозяйство обусловило эгалитарность социума и целый ряд уникальных особенностей образа жизни и культуры КМНС. Ориентация охотников-собирателей и оленеводов на сбережение природы относительна – охотники способствовали вымиранию не только мамонтов. Но она позволяла адаптироваться к лимитированным ресурсам северных территорий, а результативность ограничивающих правил для сбережения местной природы очевидна, особенно в ситуации ослабления их действия или фактической отмены.

Значимость традиционного хозяйства и традиционного образа жизни для воспроизводства культурного разнообразия России не вызывает сомнений. Эту цель ставило перед собой движение российских КМНС с начала 1990-х гг. Она была поддержана учеными (биологами, этнологами, социологами). Она также поддерживается властью при всей сложности взаимодействий с КМНС, конфликтности отношений коренных северян с корпорациями, добывающими ресурсы на территориях исконного проживания. В 2025 г. президент В. В. Путин учредил указ о праздновании Дня

коренных малочисленных народов РФ «в целях сохранения образа жизни, хозяйственной деятельности, промыслов и самобытной культуры коренных малочисленных народов Российской Федерации»[1].

Однако достижение утвержденных целей сопряжено с необходимостью разрешения целого ряда проблем. Главная, с нашей точки зрения, это проблема сохранения традиционного хозяйства и культуры в условиях депопуляции коренных сообществ, миграции их жителей в города, модернизации традиционных отраслей. В этой связи возникает ряд вопросов. Что есть традиция и насколько нынешние представления о ней совпадают с ушедшими реалиями? Можно ли возродить традицию присваивающего хозяйства, существовавшую в сообществах жителей тайги и тундры со времен неолита и как это сделать горожанам? Или же современные КМНС создают/воссоздают/конструируют нечто иное?

Данная статья носит постановочный характер. Ее задачи заключаются в поиске вектора анализа, который в итоге позволит определить роль и место аборигенной традиции в модернизирующейся культуре коренных малочисленных народов российского Севера. Ее выводы поэтому предварительны и являются, скорее, гипотезами, для подтверждения которых требуются дополнительные, достаточно широкие исследования традиции КМНС и ее реконструкции в XXI в.

Методология исследования

Исследования, так или иначе связанные с этническими параметрами социума, методологически основываются на версиях примордиального [15; 16] или конструктивистского [10; 11; 14] подходов, которые в этнологии и этносоциологии являются базовыми. В примордиальном подходе этническая общность рассматривалась как объективная, изначально данная реальность, объединенная происхождением, родственными связями, сформированной в течении веков культурой. В конструктивистском подходе общность изменчива и ситуативна, а сам человек может менять свою этническую идентичность или вовсе ее игнорировать по самым разным причинам. Так, В. А. Тишков приводит в качестве примера такого конструирования результаты последней переписи населения, в которой в результате активной деятельности национальных элит резко увеличилось количество черкесов [11, с. 13].

Методология данной работы строилась на предпосылке одинаковой релевантности обоих подходов. Во-первых, они могут использоваться для изучения этнических общностей в разном социально-экономическом и социально-политическом контексте, во-вторых, для анализа разных аспектов их жизнедеятельности, поскольку конструирование реальности в социокультурной сфере – процесс практически константный. В качестве основного методологического инструмента нами используется категория *традицион-*

[1] Указ Президента Российской Федерации от 04.11.2025 № 799 «О Дне коренных малочисленных народов Российской Федерации».

ного природопользования, которое является одновременно конституирующим элементом в историческом формировании образа жизни и культуры КМНС и основанием их нынешнего конструирования (реконструкции).

Анализ строился на следующих уже известных или достаточно очевидных позициях:

– традиционная культура во всех ее проявлениях, как совокупность ценностей, как творческая деятельность и ее материальные и нематериальные результаты, как множество знаний и навыков и т. п., определялась традиционным природопользованием и его спецификой жестче, чем любая иная, так как была связана с выживанием практически без опосредующих звеньев. Например, установки, разрешающую добычу зверя сверх возможностей воспроизводства местных экосистем, приведут к быстрому истощению жизненно важного ресурса;

– хозяйственная деятельность КМНС – не застывший со времен каменного века феномен, она менялась, а в последние два столетия менялась ускоряющимися темпами и радикально;

– изменения в хозяйственной деятельности рано или поздно ведут к изменениям в социальном устройстве и культурным трансформациям именно по причине их тесной связанности.

В этой связи трансформации в природопользовании являются ключом к выявлению сущности изменений в культуре КМНС, их анализ позволит понять, что именно реконструируется в настоящее время как традиция коренных северян. Хозяйственные традиции КМНС позапрошлого и прошлого веков рассматриваются на примере хозяйствования саамов (саами, лопари[1]), полукочевого народа, исконно проживающего на территории Кольского полуострова.

Каждый из северных народов России имеет свою специфику, несмотря на общность присваивающего хозяйства. Помимо всего прочего, северные этнические сообщества различаются степенью изолированности, природными условиями, которые определяют, какая отрасль традиционной экономики является ведущей (например, охота на морского зверя или оленеводство). Кольский полуостров в контексте данного исследования интересен традиционно относительно тесными связями КМНС с другими народами. Он всегда был для центральной России «ближним Севером», осваивался быстрее других территорий. С саамами сосуществовали коми, которые появились только в XIX в. с крупностадным оленеводством, финны, русские (поморы) и норвежцы. Современные саамы не являются изолированной группой населения, резко отличающейся от других народов своим специфическим образом жизни.

Конец XIX в. выбран в качестве отправного пункта предварительного ретроспективного анализа как наиболее исследованный период истории саамских сообществ Кольского полуострова. Мы обратились к фундаментальным трудам по истории и этнографии саамов Кольского полуострова

[1] Наименование саамов, принятое в XIX в.

В. В. Чарнолуского [13], А. А. и Т. А. Киселевых [2; 3], Н. Н. Харузина [12], Н. Н. Волкова [1] и др. Кроме того, использовались литературно-этнографические и путевые заметки путешественников, посещавших Кольский полуостров – С. П. Колпакова [4], А. И. Подвысоцкого [6], В. И. Немировича-Данченко [5] и ряда других. Разумеется, в данных работах также содержится своего рода конструкт, составленный в контексте бытовых представлений и научных парадигм позапрошлого столетия, соответственно его достоверность ограничена. Однако полученное перечисленными учеными знание основано на результатах полевых исследований, аргументировано и многократно обсуждено. Поэтому оно в достаточной степени достоверно, для того чтобы на данном этапе нашего исследования служить своего рода «эталоном» традиционного природопользования саамов.

Современные интерпретации саамской традиции изучались на основании публикаций и обсуждений в саамских интернет-сообществах, страниц социальных сетей администрации Мурманской области, села Ловозера и города Апатиты[1]. Для контент- или дискурс-анализа объем текста слишком незначителен, поэтому применялся смысловой анализ, направленный на выявление интерпретаций традиционного природопользования, традиционного образа жизни, традиционной культуры, аргументация необходимости реконструкции и ее возможные способы.

Традиционное природопользование в работах этнографов XIX–XX в.

Во 1870-х гг. этнограф В. И. Немирович-Данченко, находившийся в ссылке в Архангельске, совершил путешествие по Кольскому полуострову и описал промыслы саамов: «В самых озерах водится вкусная рыба, ловлею которой неутомимо занимаются лопари (саами. – Прим. ред.), единственные властители этого бездорожного малолюдья... Здесь производится обширный семужий лов заколами, доставляющий лопарям немалые барыши... Громадные стада диких и домашних оленей пасутся на

[1] Саамы в контакте. URL: https://vk.com/club932308?from=groups (дата обращения: 08.12.2025); Саамская деревня «Самь-Сыйт». URL: https://vk.com/lovozero51?from=groups (дата обращения: 08.12.2025); Териберка. Киты. Сияние. Саамская деревня. URL: https://vk.com/teriberca_taiga?from=groups (дата обращения: 08.12.2025); Общественных организация ООСМО. URL: https://vk.com/club169683387?from=groups (дата обращения: 08.12.2025); Ассоциации кольских саамов. URL: https://vk.com/oomo_aks?from=groups (дата обращения: 08.12.2025); Музей истории, культуры и быта кольских саамов в Ловозере. URL: https://vk.com/muzey_lovozero?from=groups (дата обращения: 08.12.2025); Саамский костюм язык, узоры, музыка, сказки. URL: https://vk.com/saamskij_kostjum?from=groups (дата обращения: 08.12.2025); Ловозерский сувенир. Сувениры Севера из Ловозера. URL: https://vk.com/darles?from=groups (дата обращения: 08.12.2025); Библиотека Ловозерская. URL: https://vk.com/id165361812 (дата обращения: 08.12.2025); Ловозерский р-он – Луяввьр ёммьне. URL: https://vk.com/lujavrri?from=groups (дата обращения: 08.12.2025); Ревда Мурманская область. URL: https://vk.com/revda51?from=groups (дата обращения: 08.12.2025); Краснощелье. URL: https://vk.com/public204791502 (дата обращения: 08.12.2025); Типичная Ревда Мурманская области. URL: https://vk.com/trevda51?from=groups (дата обращения: 08.12.2025); Подслушано в Оленегорске. URL: https://vk.com/pvo51?from=groups (дата обращения: 08.12.2025).

этом необозримом просторе. В некоторых реках еще и поныне водятся, но уже в одиночку, когда-то усердно истреблявшиеся для уплаты даней –выдры и бобры» [5]. Немирович-Данченко и другие этнографы обращали внимание, что из всех этнических групп саамы выделялись спецификой оленеводства: использовалась оленегонная собака, применялся полувольный выпас оленей и т. п. В отличие от ненцев, больших стад у них не было.

Подробное описание жизни и экономических занятий всего населения Кольского полуострова в этот же период оставил А. И. Подвысоцкий, который был архангельским вице-губернатором и статским советником. Серьезные изменения в саамском сообществе начали происходить во второй половине XIX в. Подвысоцкий писал: «У нас внутри России существует довольно неясное ходячее понятие о лопарях, как о народе полудиком, но такое понятие, во всяком случае, справедливое менее чем наполовину, по-видимому еще более распространено за границей… Заработки лопарей довольно значительны. Зимой они выручают до тысячи рублей от провоза поморов к промыслам, а летом получают около четырех сот рублей за отбывание подводной повинности, не говоря о промыслах тресковом и семожьем. За аренду реки они взяли с туриста англичанина сто рублей в лето, а за доставление двух путешественников, англичан же, в губу Уру сорок рублей. Суммы очень почтенные» [6]. В XIX в. охота, рыболовство и оленеводство уже не были единственным источником дохода кольских саамов.

Иными словами, с одной стороны отмечается «бездорожное малолюдье» края, с другой – явная экспансия рыночных отношений, в которые включились саамы.

Этнограф, историк и археолог Н. Н. Харузин в 1890 г. написал очерк «Русские лопари» [12]. Русские саамы, в отличие от скандинавских, не были оседлыми, даже, если и занимались рыболовством, все равно имели оленей. При этом автор отмечал, что саамы не вели селекционной работы, часто олени погибали или прибивались к чужим стадам. Для охоты использовались огнестрельное оружие и ловушки, специфических методов охоты у них не было. Еще в XIX в. сохранялись обряды, связанные с оленем: у йокаганских саамов одну щеку оленьей головы съедал отец, другую – мать, глаза – дети, а язык резался на всех остальных членов семьи [1, с. 22].

Все авторы акцентируют занятие рыбной ловлей и обильность рыбы. Н. Н. Волков писал, что рыболовство является более древним занятием, чем оленеводство [1, с. 24]. Главным озером, на котором саамы ловили рыбу, было озеро Имандра. Промысловыми видами были семга в реках и заливах, треска, камбала, пикша и палтус. Питались саамы преимущественно рыбой, чаще всего свежей, иногда коптили на костре кумжу, щуку, гольца. Оленину ели в забойное время или по праздникам.

Рыболовецкие и охотничьи угодья у саамов распределялись внутри общины, а количество паев в ловле семги распределялось в зависимости от количества мужчин. Рыболовные снасти и лодки покупали у односельчан. Рыбу сдавали по очень низким ценам.

По свидетельствам этнографов, рыбная ловля в XIX в. была важнее оленеводства [1; 2]. Благодаря занятию рыболовством, саамы постоянно кочевали: каждые два-три месяца они меняли место промысла, выбирая лучшие участки.

Были специальные родовые места – сейды, священные камни, где саамы приносили жертву для удачи в промысле. Шуметь и ругаться там запрещалось. Много существовало примет, связанных с рыболовством, например, из саамского жилища (вежа) нельзя было выходить, пока хозяйка вынимает рыбу из котла, иначе рыба будет уходить из невода [1, с. 30].

У саамов, живших на побережье, был развит морской зверобойный промысел, просуществовавший до 1930-х гг. Перед тем, как отправиться на охоту на тюленя, был обычай «мыть тюленю голову» – вся артель выпивала вино [1, с. 33]. Рыбная ловля и охота регулировались общинными правилами. Традиции и обычаи сохранялись вплоть до советского времени, а территориальная община саамов существовала до 1917 г. [1].

Особенность хозяйства русских саамов, таким образом, носила его комплексный характер, оленеводство сочеталось с рыбалкой и охотой. При этом именно занятие рыболовством, которое было более древним, чем оленеводство, требовало постоянных кочевок.

Уже в конце XIX в. природопользование саамов ориентировалось не только на внутреннее потребление, но и на рынок. Часть ограничений на добычу зверя и рыбы не соблюдались. Да и охота на дикого оленя также прекратилась. Дополнительный доход давала сдача рек в аренду и работа проводниками. Самое общество саамов расслаивалось, появились богатые и бедные [3, с. 41]. Некоторые саамы уходили в города или погосты (поселения саамов), переходили на оседлый образ жизни. Освоение территорий, на которых они проживали вело к тому, что их основные занятия, охота, рыболовство и оленеводство, оказались в кризисе.

В то же время, некоторые традиции, связанные с природой, сохранялись, как и многочисленные черты родового строя, по установленным традициям пользовались пастбищами и угодьями [3, с. 19]. А. А. Киселев отмечал особое отношение к природе: «У саамов был свой ритм жизни, свой календарь, регламентируемый не днями, неделями и месяцами, а временем зимнего стояния, рыбной ловли... Саамы оставались верны своим тысячелетним привычкам. Они любили и понимали тундру, преклонялись перед природой, берегли оленей и ягельники, знали озера, где всегда есть рыба» [3, с. 84]. В 1920-х гг. саамы верили в священные деревья, которые могли избавить от болезней.

При очевидных модернизационных тенденциях конца XIX – начала XX в. уровень грамотности среди саамов был очень низким, доступ к медицине сильно ограничен, учитывая пространства и бездорожье – практически отсутствовал.

Хозяйство и образ жизни саамов в СССР

До 1917 г. саамы зимой жили в погостах, крупнейшим из которых был Ловозерский. После перехода на оседлый образ жизни в XX в. Екостровский, Мотовский, Яозерский, Кильдинский и Сонгельский погосты были ликвидированы, а вместо них были построены поселки Ивановка, Краснощелье, Каневка, Чудзьявр и другие. Из прибрежных погостов Сосновка, Пулозеро и Рестикент саамы ушли вглубь тундры. В поселке Ловозеро на правом берегу реки Вирмы были расположены саамские и ненецкие постройки, на левом – ижемские.

Были созданы кооперативы, которые обеспечивали оленеводов оружием. При содействии кооперации в Ловозере был построен завод, выпускавший замшу из оленьих шкур. Сначала артели были маленькие и состояли они из родственников. Первые колхозы были мононациональные: в Ловозере были саамский колхоз «Лопарь» и коми «Оленевод».

Некоторые зажиточные саамы выступали против колхозов, так А. Киселев приводил цитату одного из жителей: «В тундре вполголоса говорили о сорокаметровых одеялах, которые шьются для каждого колхоза, под которыми будут спать все саамы» [3, с. 70]. В первые годы создания колхозов произошло обобществление всех оленей, что вызвало недовольство жителей. В 1930-е гг. саамским оленеводам все же выделили личных оленей.

В советское время традиционное природопользование перестраивалось, создавались колхозы и совхозы, крупнейшими из которых были «Красная тундра» и «Краснощелье». Оленеводов стали снабжать мукой, продуктами, оружием и боеприпасами (для охоты). Способы ведения оленеводческого хозяйства менялись: внедрялось регулярное плановое использование пастбищ, начали работать ветеринары [3, с. 52]

Оленеводство развивалось в колхозах, а личные олени паслись в колхозных стадах. Благодаря тому, что появились ветеринары и пастухи, оленеводство стало развиваться. Поголовье оленей у саамов сначала сократилось, но затем увеличилось: если в 1915 г. оно насчитывало 73 000 голов, в 1934 г. – 58 000, а в 1937 г. – 78 700 [1, с. 100].

В некоторых погостах, расположенных на берегу озера и рек, Семиостровского, Варзинского, Иоканганского, Лумболовского, и Сосновского поселений рыболовство по-прежнему имело решающее значение. Кроме того, уже в 1930-е гг. саамы стали заниматься земледелием (огородничеством) и завели коров. При этом сами они считали, что в колхозах основным занятием должно быть оленеводство. В 1936 г. центром оленеводства стал Ловозерский район, в котором были созданы колхозы «Тундра», «Вперед», «Доброволец», «Краснощелье» и «Красная тундра». Колхоз «Тундра» был многонациональным.

В 1950-е гг. произошло укрупнение колхозов, в результате чего группы саамов объединились. Так, в 1959 г. в Ловозеро переселились саамы Чудзьяврского погоста, а в 1965–1966 в связи со строи-

тельством Серебрянской ГЭС – жители Воронинского погоста. В XX в. саамы вступали в смешанные браки, что было большой редкостью до революции: в конце 1970-х гг. доля смешанных браков составила 82% [3, с. 38].

В результате создания многонациональных колхозов саамы активно взаимодействовали с русскими и коми, стали терять свои уникальные черты в хозяйстве. Более того, если в первые годы советской власти, когда колхозы были мононациональные, сохранялись некоторые традиции саамов, то в дальнейшем, оленеводство стало плановым – природопользование регулировалось государством.

Строились дома, школы и больницы. В 1930 г. появились школы и школы-интернаты. В национальных школах были три варианта программы, оленеводческо-кочевая, оседло-рыболовная и охотничья. Четыре диалекта саамского языка создавали проблемы с обучением. В итоге, преподавание велось на русском языке. После введения обязательного школьного образования, саамы, оставшиеся в интернатах без родителей, стали забывать родной язык.

Получение среднего и высшего образования давало возможность выбора: человек мог также работать оленеводом, как и родители, или выбрать другую профессию. Некоторые саамы оставались в городах.

В Ленинграде был открыт Институт народов Севера, где обучались представители КМНС. Также их отправляли учиться в педагогический и медицинский техникумы и институты.

А. А. Киселев писал, что саамы положительно оценивали произошедшие изменения: «Мы вышли из земляных веж и перебрались в новые дома. Раньше в вежах через стены текла вода, зимой было холодно, в щели попадал снег. Новые дома – большие, светлые и теплые. В домах есть печи, в которых можно печь хлеб. Поэтому мы веселимся. У нас теперь есть то, о чем мы раньше не слышали: больницы, кооперативы, ветеринарные школы. Жить нам стало лучше» [3, с. 104]. Изменения в саамском сообществе, утрата традиционного образа жизни в советское время не оценивались трагически.

В советское время саамское оленеводство перестало отличаться от других видов оленеводство, оно стало крупностадным. В 1956 в Ловозерском районах году оленье стадо насчитывало 22950 голов.

Были построены изгороди по маршруту кочевий оленеводов, а также теневые навесы, корали и промежуточные базы. Пастухи, которые зимой приезжали в села, проходили обучение ветеринарии. В советское время были сформированы пастушеские бригады из саамов, которые работали успешно: «Саамы-пастухи проявляли много трудолюбия, а порой и самоотверженности, чтобы сберечь колхозные стада, спасти их от волков, болезни и бескормицы» [3, с. 128]. В 1970–1980 гг. оленеводство имело решающее значение в экономике Ловозерского района.

Однако промышленное освоение Севера оказало отрицательное влияние на состояние тундры: после использования гусеничного транспорта часть пастбищ была уничтожена. Появились гидросооружения и водохранилища, дороги и линии передач.

Оленеводство тогда утратило специфические черты. В частности, исчез полувольный выпас. Если раньше маршруты кочевий могли пересекаться, иногда они достигали 500 км, то в советское время они сократились, были построены изгороди.

В СССР культура саамов документировалась, а традиции детально описывались. Благодаря образованию, среди коренного населения появилась интеллигенция, активно участвовавшая в жизни сообщества. Была предпринята попытка создать саамскую письменность, однако, ее преподавание в школе не было успешным.

Саамские традиции адаптировались к новым условиям. Так, в саамских песнях не было четко зафиксированных слов, только общий смысл. В послереволюционные годы складывались песни о произошедших событиях: «Раньше, при царе саамы жили – грамоты не знали, и не знали веселья...Теперь в колхозе жить хорошо. Нет кулаков, нет купцов» [3, с. 98].

Таким образом поселения саамов в советское время окончательно перестали быть изолированными сообществами, хотя эта изоляция была нарушена еще в XIX в. Уже в 1930-е гг. территория проживания сократилась, поскольку активно строился флот, развивалась промышленность.

В экономику саамы встраивались не через рыночные связи, но посредством планового производства в колхозах и совхозах. Именно в этот период оленеводческое хозяйство становится преобладающим, тогда как в традиционном комплексе видов деятельности ведущую роль играло рыболовство. На исходе советской эпохи, в 1980-е гг. в сельскохозяйственном производстве, основанном на оленеводстве, была занята почти половина саамов.

Хозяйство и образ жизни саамов в постсоветский период

До конца 1980 гг. оленеводческое хозяйство, организованное в колхозах и совхозах, активно развивалось. Однако в период Перестройки оно начало разрушаться. Многие оленеводческие колхозы и совхозы были ликвидированы. В дальнейшем, на их базе были сформированы общины и крестьянские хозяйства, в т. ч. оленеводческие, отдельные семьи держали оленей. Так в 1998 г. вместо колхоза «Краснощелье» было зарегистрировано хозяйство «Оленевод». Если в советское время оленеводство было преобладающим занятием саамов, то в постоветский период оно оказалось в глубоком кризисе. При этом одной из самых распространенных проблем была проблема сбыта, т. к. оленину и говядину стало негде хранить, сообщение между населенными пунктами было нарушено.

Как пример, можно привести следующий случай. Администрация Ловозерского района заключила договор на аренду реки Поной. Об этом есть такие воспоминания местного жителя: «Обещанная манна небесная от продажи реки Поной в аренду оказалось очень микросопичной и растворяется, не доплывая до жителей Краснощелье и Каневки... Основными денежными единицами стали хвост семги и бутылка водки» [2, с. 24].

Вместе с разрушением оленеводческого хозяйства многие населенные пункты пришли в упадок, были закрыты школы и больницы. После Перестройки был сильный отток населения, в т. ч. саамского, в города. В тундровых поселениях усиливались ассимиляционные процессы, многие саамы уехали в крупные промышленные центры – Ревду, Оленегорск, Мончегорск, Кировск и Мурманск. Наблюдалось увеличение числа смешанных браков, в семьях перестали говорить на саамском языке и носить национальную одежду [2, с. 20].

В последние два десятилетия экономическая ситуация на Кольском полуострове значительно улучшилась, начало возрождаться и оленеводство. В поселке Ловозеро главным сельскохозяйственным предприятием стал кооператив «Тундра», специализирующийся на оленеводстве и молочном животноводстве. Современное оленеводство воспроизводит традицию вольного выпаса оленей, расположение пастбищ и другие технологии были разработаны еще в советское время. Оленеводы используют современные технологии, на пастбища их доставляют вертолетами. При этом профессия оленевода в настоящее время не воспринимается как престижная, поэтому в кооперативе очень мало молодых работников, в Ловозерский Северный национальный колледж, который готовит оленеводов, поступают те, кто не смог уехать в другие города.

После 2000 г. оленеводы стали получать субсидии, для чего регистрировались общины коренных малочисленных народов. Появились общины, специализирующиеся на рыболовстве, например, «Умба» и «Йоканьга». Но легализация этого промысла требует подачу заявлений на квоту, для чего необходимо ездить в Мурманск, а это затрудняет процесс для саамов, живущих в отдаленных поселениях. Из 37 общин, зарегистрированных в Мурманской обл., большая часть к настоящему времени занимается не оленеводством, а обслуживанием этнического туризма.

Таким образом, отрасли хозяйства, в 1990-х гг. находившиеся в кризисе, стали возрождаться в новой форме, но само сельское хозяйство перестало быть основной отраслью локальной экономики. При этом некоторые традиции, исчезнувшие в советское время, например, вольный выпас оленей летом, были возрождены, но сочетались с советскими разработками и новыми технологиями. Однако сохранятся проблема нежелания молодых людей заниматься традиционным сельским хозяйством.

По данным Всероссийской переписи населения 2021 г., численность саамов в Мурманской области составила 1363 чел., из них в городах проживало 573 чел. (42%). А в городах очень трудно сохранять национальные особенности, жители живут в обычных многоэтажных домах. Уже в советское время саамы перестали носить саамскую одежду. Но все же современные саамы иногда в городской квартире хранят национальную одежду, утварь, ритуальные вещи, как переданные по наследству, так сделанные самостоятельно [9].

С конца 1980-х гг. возникли общественные движения, целью создания которых была защита особых прав коренных малочисленных народов Севера, они были включены в международное движение коренных мало-

численных народов. В 1989 г. были создана общественная организация Ассоциация Кольских саамов, которая вошла в 1992 г. в Союз саамов, неправительственную организацию, объединившую общественные организации саамов Швеции, Норвегии и Финляндии. В 1998 г. сформировалась вторая организация – общественная организация саамов Мурманской области. Начиная с 1990-х гг. международные организации стали оказывать значительное влияние на саамское сообщество, представляя гранты и привлекая лидеров саамского движения к участию в работе подразделений ООН [2].

В начале XXI в. произошел расцвет национального самосознания саамского народа, который до середины XX в. не осознавал себя как единая общность. Активисты стали призывать помнить о своей истории и учить саамский язык, открылся национальный культурный центр в Ловозере, стали создаваться танцевальные и музыкальные коллективы. Национальная одежда и обувь, которую до 1917 г. носили повседневно, стала атрибутом праздника [7].

Длительное время, вплоть до последних лет активисты подчеркивали, что саамы – это единый народ, разделенный между государствами: на сайте «Kola sampi» было написано, в частности, следующее: «Сегодня день саамского флага. Именно в этот день саамский народ, разделенный границами, получил свой объединяющий символ –Саамский флаг. Это послужило повышению самосознания саами 4 стран. Именно благодаря саамскому флагу, который каждый саами с гордостью возносит, мы можем сказать всему миру «Саами есть, я – саами!»[1].

И более новая публикация того же автора: «Саами – коренной малочисленный народ Кольского полуострова. Трансграничный народ, в основном проживающий еще в трех странах: Норвегии, Швеции и Финляндии. В XX в., с приходом советской власти и развитием полуострова, саами начали переселять, определив для них одно место – поселок Ловозеро. Тем, кому повезло и им дали квартиру в пятиэтажке – не знали радоваться или нет, ведь домашних оленей некуда было девать, так они у подъездов и стояли. А прежде саами жили в родовых летних и зимних погостах, перекочевывая со своими оленями по всему полуострову»[2].

При этом, как правило, саамская идентичность не отделяется от общероссийской. Постоянно публикуются подтверждения, что саамы – народ многонациональной России. Так, на сайте Ассоциации кольских саамов был опубликован ролик «Сила в единстве»[3], где подчеркивается идея, что разнообразие культуры – ценность России[4]. Много сообщений о мero-

[1] С днем саамского флага // Kola Sapmi. Новости кольских саамов. 2019. 15 августа. URL: https://kolasapmi.com/2019/08/15/den-saamskogo-flaga/ (дата обращения: 01.12.2025).

[2] Страница пользователя Тина Совкина. URL: https://vk.com/tinasovkina (дата обращения: 08.12.2025).

[3] Ассоциация кольских саамов (запись на стене). URL: https://vk.com/oomo_aks?w=wall-116200742_2410 (дата обращения: 08.12.2025).

[4] ООСМО (запись на стене). URL: https://vk.com/club226441892?from=groups&w=wall-226441892_142 (дата обращения: 08.12.2025).

приятиях, посвященных Великой Отечественной войне, участию в ней саамов появилось в последние два года, в т. ч., в рамках просветительских занятий для школьников[1].

Среди праздников помимо «Дня коренных народов» 8 августа, который начали отмечать уже в 1990-е гг., и Дня оленевода, популярным стал праздник «Саамские игры», проводимый 15 июня. Особой популярностью пользуется саамский футбол. Хотя он позиционируется как традиционный национальный вид спорта, нигде в этнографических заметках он не описывается.

Туризм стал для региона новым направлением, в котором активно участвуют местные жители, в т. ч. саамы. После 2020 г. Мурманская область стала очень популярным местом для отдыха, а этнические общины («Пуаз», «Тулома» и «Лопарская») готовят национальные блюда и производят сувениры для продажи туристам [7].

Одним из самых популярных мест, которые посещают туристы, является саамская деревня Самь Сыйт. Однако, отзывы туристов в соцсетях неоднозначны, указывающие на недостоверное отображение культуры. Например, в деревне есть хаски, которых саамы не использовали, а ездили на оленях. Есть и негативные отзывы: «*Аутентичности нет и в помине! Вас изначально приводят в столовую, в которой все искусственно: обои с нарисованными бревнами и саамскими рисунками вместо настоящих бревен, потолок из пластика, пластиковая посуда и все прочее. Там, где висит «саамская одежда»: какие-то потрепанные флисовые балахоны, которые неизвестно когда стирали последний раз*»[2]. В парке активного отдыха «Северное сияние», расположенном под Мурманском, саамским шаманом работал ненец.

Основной проблемой, связанной с развитием туризма, является театрализация культуры коренных малочисленных народов, в которой нередко эта культура отображается неверно. Поскольку целью туристического бизнеса, как и любого бизнеса, является прибыль, то участники подстраиваются под ожидания туристов и их представления о северных народах.

Туристическая деятельность, политика администрации, новости общественных организаций активно освящается на сайтах и социальных сетях, посвященных саамам. Традиционная культура и занятия саамов становятся популярной темой, обсуждаемой на форумах. Исследования О. А. Сулеймановой показывают, что в саамских сообществах и на личных страницах предметы быта и элементы национальной одежды представлены как отличительные особенности саамской культуры [7; 8; 9].

В социальных сетях широко обсуждаются вопросы коммерциализации и прав на культуру, например, идея предоставить приоритетные права саамам – закон об авторском праве на занятие туризмом Создана целая группа «Осторожно, фуфло», которая критикует неправильное использование саамских костюмов администрацией [7].

---

[1] Ловозерский районный национальный культурный центр (запись на стене). URL: https://vk.com/club65256797?w=wall-65256797_10093 (дата обращения: 08.12.2025).

[2] Lappish Village Sam Syit, Ловозеро: отзывы (Tripadvisor). URL: https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g3137981-d10005043-Reviews-Lappish_Village_Sam_Syit-Lovozero_Murmansk_Oblast_Northwestern_District.html (дата обращения: 08.12.2025).

Изготовление этнических сувениров, пошив одежды и обуви – одна из самых обсуждаемых тем в сетевых группах саамского сообщества. Сувенирное производство является источником дохода для коренного населения, но коммерческий интерес ведет к выхолащиванию и унификации самой традиции. Сами члены сообщества говорят о необходимости просветительской работы для отображения национальной культуры без искажений.

Достаточно популярной темой являются саамские сказки, фольклор, а также священные места – «Сейды». При этом процесс возрождения культур часто является искусственным и избирательным: «Когда мы потеряли культуру, начали восстанавливать», что наглядно иллюстрирует, что песни и язык стали воссоздавать, только тогда, когда никто на языке уже не разговаривал[1].

Несмотря на то, что рыболовство длительное время было важнейшим промыслом, оленеводству уделяется больше внимания в саамских группах, где оно представляется как главная саамская традиция. Например, в группе «Саамы в контакте» есть сообщение о том, что в саамском языке есть около 1000 слов, обозначающих оленей: «Еще одно доказательство, как важны и нужны эти животные для нашего народа»[2].

В группе «Ловозерцы» размещено видео совхоза «Тундра», посвященное подготовке оленеводов в 1974 г., а также станции «Лопарская». Таким образом, отрасль была мифологизирована как основная. При этом в реконструкции ее образа нет акцента на тяжелый изнурительный труд, традиционные отрасли представлены как те, которыми все хотят заниматься, что не соответствует дефициту кадров в оленеводческих хозяйствах. Как было отмечено выше, молодых людей, желающих освоить эту специальность даже в ее модернизированном виде, находится немного. Члены саамского сообщества охотно комментируют фотографии и видео, находя на них своих родственников, или рассказывая о воспоминаниях родителей, бабушек и дедушек.

На сайте «Kolasampi.ru» представлена серия очерков о традиционном питании, на его примере подчеркивается уважение к природе и труду: «*Тут не было лишнего: все, что попадало на стол, добывали сами. Рыба, оленина, ягоды, дичь – то, что дала тундра, то и ели... Здесь нет места для «кулинарных изысков». Но есть уважение к природе, к труду и к тому, как сохраняется культура через повседневное*»[3].

На сайте «Пора в Арктику» была опубликована статья М. Кучинского «А был ли предприниматель?», где высказана идея, что коренные малочисленные народы уже длительное время были ориентированы на рынок: «Развитие предпринимательства у народов Севера получает форму социаль-

[1] Международный день саамов (Видео от Международный день саамов). URL: https://vk.com/video-210495953_456239029 (дата обращения: 08.12.2025).

[2] Cāmь ōллмэ vkontakte.ru/Саамы вконтакте (запись на стене группы). URL: https://vk.com/club932308?from=groups&w=wall-60987348_1511 (дата обращения: 08.12.2025).

[3] Рацион саами. Часть I: рыба и ягоды // Kola Sapmi». Новости кольских саамов. 2025. 2 августа. URL: https://kolasapmi.com/2025/08/02/2025-13/ (дата обращения: 08.12.2025).

ного движения. При этом можно встретить противоположные точки зрения о соотношении этого явления с основной особенностью КМНС – «традиционностью». С одной точки зрения, бизнес не соответствует традиционному образу жизни и ценностям северян, чьи интересы ориентируются на сохранение природы, размеренного существования, коллективизм и взаимодействие. С другой – ориентация охоты, рыболовства и оленеводства на рынок, ведение активной торговой деятельности всегда были нормальны для представителей народов Севера до коллективизации и советизации»[1]. Автор блога, профессиональный этнолог, отрицает идею, что традиционное природопользование коренных народов не предполагает рыночных отношений.

Мысль, что коренные народы должны иметь особые права на аренду территорий для оленеводства, рыболовства и туризма, активно прослеживается в группах. В группе «Саамы в контакте» размещено сообщение о заседании нового Совета представителей коренных малочисленных народов, который в качестве приоритетов определил защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни, оленеводство, рыболовство и строительство национальных жилищ. При этом представить себе строительство исторических жилищ представляется весьма проблематичным при современном уровне урбанизации.

Заключение

Традиционное природопользование, воссоздаваемое в саамских интернет-сообществах, значительно отличается от того, как оно представлено в работах этнографов. Оно всегда было комплексным, а основной его отраслью, как показано выше, была рыбная ловля. Оленеводство стало лидирующим направлением в советское время, но тогда же утратило многие черты традиционности.

Современные активисты движения саамов фактически переносят советский опыт на более ранние эпохи, что создает романтизированный, эклектический конструкт оленеводства. Историческая память сфокусирована на реалиях советского времени, которые интерпретируется как дальнее, дореволюционное (и даже до-российское) прошлое. С нашей точки зрения, это характерно для реконструкции не только саамской, но любой традиции.

Можно предположить, что, во-первых, советский период является именно той живой историей, живой традицией, которую помнят саамы старших поколений и которая передается в семьях. Эту традицию действительно олицетворяет олень, а не рыба. Все, что находится за пределами памяти родителей, бабушек и дедушек является многократным пересказом семейной истории, в котором реальность искажена восприятием нескольких

[1] М. Кучинский. А был ли предприниматель? Кольские саамы в XVI–XVIII вв. // GoArctic. Пора в Арктику! 2020. 17 июня. URL: https://goarctic.ru/korennye-narody-severa/a-byl-li-predprinimatel-kolskie-saamy-v-xvi-xviii-vv/ (дата обращения: 08.12.2025).

поколений. А оно определялось, в числе прочего, экономическим, политическим и социокультурным контекстом на каждом временном отрезке человеческой жизни. Какова была «настоящая», «исконная» традиция в итоге можно только предполагать.

Во-вторых, обязательное среднее и доступное высшее образование, повсеместное здравоохранение, относительное благополучие оленеводческих хозяйств особенно в послевоенное время дополняют привлекательные стороны саамского традиционного социального уклада: эгалитарность, глубокое знание и понимание природы и т. п. Крайняя трудность выживания в условиях Севера в прошлые столетия фактически выносится за скобки вместе с некомфортными или неприемлемыми для современного человека элементами образа жизни.

Иными словами, формируется исторический конструкт, который имеет твердые реальные основания, но они переосмыслены и переработаны, что неизбежно в современном обществе. Связь саамов (в рассмотренном случае) с традиционным хозяйством все еще сохраняется на селе, хотя и в сильно трансформированном, модернизированном виде. Она еще может быть основой для реконструкции его образа, для его переосмысления и пересоздания, для попыток сохранить какие-то важные даже для современных горожан принципы человеческих отношений, сохранения культуры и языка.

Саамская рыбная ловля, о которой восторженно писали этнографы и путешественники конца XIX в., в современной реконструкции практически не используется. Вылов рыбы в настоящее время квотируется, множество рек заняты более крупным, чем саамский, бизнесом или дорогими отелями, ориентированными на рыбалку. То есть рыба никаким образом не может приобрести символического значения для современных саамов.

На реконструкцию влияет также множество факторов, ключевыми представляются следующие:

– политические процессы, весьма противоречивые в постсоветский период. Национальное самосознание возросло, в том числе под влиянием международных организаций, которое было сильным до 2010-х гг. Но затем большее влияние стала оказывать российская государственная политика, согласно которой саамская культура является богатством России, у саамов и русских общая история;

– экономические интересы. Реконструированная традиция стала восприниматься в т. ч. как особый экономический и социальный ресурс, дающий право на приоритетное занятие промыслами и туризмом. Влияние последнего противоречиво. Туризм, с одной стороны, позволяет реанимировать традицию, оживить ее, с другой – повсеместно превращает традиции в товар, ведет к театрализации и искажению народной культуры.

Но при всем этом реконструкцию традиционного уклада и его романтизацию нельзя сводить к политическим влияниям и экономической выгоде. Унификация городской среды, обусловливает поиск особенной, уникальной идентичности, стремление сохранить уникальную этническую

культуру и язык. Модернизация природопользования, включающая его коммерциализацию, ведет к утрате тесной связи между ним и культурой. Возможно, в большей степени, чем это было в плановом советском хозяйстве. Поэтому современная реконструкция традиции находится в состоянии поиска нового основания и формы. Для политических и экономических интересов данный феномен является скорее ресурсом.

Исследования традиции КМНС в современном мире как социокультурного феномена должны быть направлены на более глубокий ретроспективный анализ его предыдущих изменений и их экономических оснований. Традиция, судя по всему, реконструируется постоянно, если она значима для живущих поколений, если ее элементы все еще могут быть актуализированы. Недавнее прошлое поэтому играет в этой реконструкции более важную роль, чем совсем седая старина.

Необходимо также выявить глубинные основания и механизмы современной реконструкции, если таковые существуют. Сам процесс конструирования – сложное явление, сочетающее стремление сохранить то, что было до нас (неважно когда) в неизменном виде, создать коммерческий продукт, удовлетворяющей потребности туриста в экзотике, наконец, создать новое на основе старого. Последнее представляет особый интерес, поскольку может быть реальным развитием традиции вне заданных присваивающим природопользованием рамок.

Библиографический список

1. Волков Н. Н. Российские саамы. Историко-этнографические очерки / Под ред. Ларс-Нила Ласку, Ч. М. Таксами. СПб.: МАЭ РАН, 1996. 109 с.

2. Киселев А. А. Очерки этнической истории Кольского Севера. Мурманск: МГПУ, 2009. 145 с.

3. Киселев А. А., Киселева Т. А. Советские саамы: история, экономика, культура. 2-е изд. Мурманск: Кн. изд-во, 1987. 206 с.

4. Колпаков С. П. Дневник путешествия на Терский берег // Колпакова Н. П. Терский берег. Вологда: Северное обл. изд-во, 1937. С. 7–98.

5. Немирович-Данченко В. И. Лопари // По родному краю. Сборник статей по отечествоведению / Сост. В. Львов. 1902 г. URL: https://saami.su/biblioteka/stati/lopari-iz-knigi-po-rodnomu-krayu-sbornik-statej-po-otechestvovedeniyu.html (дата обращения: 07.12.2025).

6. Подвысоцкий А. О. Рыбачий полуостров: Воспоминания о поездке на Ледовитый океан // Русский вестник. 1876. № 9. С. 5–65. URL: https://kolamap.ru/library/1875_rubachuy.htm (дата обращения: 07.12.2025).

7. Сулейманова О. А. Презентация культуры кольских саамов в социальной сети «Вконтакте»: динамика визуальных образов материальной культуры // Этнография. 2020. № 3(9). С. 169–199. DOI: 10.31250/2618-8600-2020-3(9)-169-199; EDN: VYTTOT.

8. Сулейманова О. А. Особенности презентации «саамских» сувениров в виртуальном пространстве (на примере социальной сети «Вконтакте» // Труды Кольского научного центра РАН. Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1. № 1. С. 64–69. DOI: 10.37614/2949-1185.2022.1.1.006; EDN: LYMSYQ.

9. Сулейманова О. А., Пация Е. Я. Повседневно-бытовые аспекты адаптации саамов к городскому образу жизни // Труды Кольского научного центра РАН. 2016. № 8–10(42). С. 89–106.

10. Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

11. Тишков В. А. О примирении конструктивизма и примордиализма (оммаж народоведу Андрею Владимировичу Головнёву) // Этнография. 2023. № 1(19). С. 6–25. DOI: 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-6-25; EDN: TMDJJK.

12. Харузин Н. Н. Русские лопари (Очерки прошлого и современного быта). М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1890. 472 с.

13. Чарнолуский В. В. Заметки о пастьбе и организации стада у лопарей // Материалы Комиссии экспедиционных исследований. Вып. 23. Л.: АН СССР, 1930. С. 23–69.

14. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L.: Verso, 1983. 160 p.

15. Geertz C. The Interpretation of Cultures: Selected Essays. N. Y.: Basic Books, 1973. 470 p.

16. van den Berghe P. L. The Ethnic Phenomenon. N. Y.: Elsevier, 1981. 301 p.

Получено редакцией: 10.09.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аксенова Ольга Владимировна, доктор социологических наук, руководитель Центра изучения регионов России ФНИСЦ РАН, и. о. заместителя директора по научной работе ФНИСЦ РАН

Бочарникова Александра Владимировна, кандидат географических наук, научный сотрудник лаборатории экономических проблем экологической безопасности НИЦЭБ РАН – СПб ФИЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.4

Traditional Nature Management in History and in Modern Reconstruction (Using the Example of Nature Management by the Sami People of the Murmansk Region)

Olga V. Aksenova

FCTAS RAS, Moscow, Russia

illaio@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1634-7597

Aleksandra V. Bocharnikova
SRCES RAS, St. Petersburg, Russia
aleksandra.bocharnikowa@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7292-9351

For citation: Aksenova O. V., Bocharnikova A. V. Traditional nature management in history and in modern reconstruction (using the example of nature management by the Sami people of the Murmansk region). *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 4. P. 164–183. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.4; EDN: RRWFFD.

Abstract. This paper presents the results of the first phase of a study examining the contradictory balance of tradition and modernization in the sociocultural lives of the indigenous peoples of northern Russia. One of its key objectives is to identify the role and place of unique traditions in a unified, technologically driven modern world. The analysis presented in this paper is based on the premise of a close connection between traditional nature management, which does not harm natural ecosystems, and the traditional culture of these indigenous peoples. It can be assumed that transformations in nature management inevitably lead to noticeable, easily detectable changes in culture. The study focused on the economic activities of the Sami, a people living on the Kola Peninsula in Russia. Their economy began to change significantly as early as the turn of the 19th and 20th centuries as a result of industrial development and the expansion of market relations. The works of ethnologists and ethnographers, as well as literary, ethnographic, and travel accounts of travelers who visited the Kola Peninsula, were reviewed. The restructuring of a traditional economy under the Soviet planned economy is illustrated, revealing a shift in its leading industry. While fishing was the dominant industry in the 19th century, reindeer herding became the dominant industry in the USSR. The modern reconstruction of this tradition was examined through an analysis of online resources of Sami activists and the websites of regional administrations where the Sami live. The reconstruction focused on the Soviet experience, while also extending it to earlier eras. Emphasis is placed on reindeer herding, which began to develop during the Soviet era, but which also modernized and lost many traditional features. As a result, a modernized, eclectic construct of traditional reindeer herding economy and culture is emerging. Research into the traditions of indigenous peoples of the North in the modern world as a sociocultural phenomenon should focus on a more in-depth retrospective analysis of these previous changes and their economic foundations. It is also necessary to identify the underlying foundations and mechanisms of this modern reconstruction, if any. It is assumed that the basis of the reconstruction lies in the search for a unique, special identity in a unified modern world.

Keywords: traditional nature management, tradition, reconstruction of tradition, modernization, unification, uniqueness

References

1. Volkov N. N. Rossiiskie saamy. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Russian Saami. Historical and Ethnographic Essays]. Ed. by Lars-Nil Lasku and Ch. M. Taksami. St. Petersburg, MAE RAN, 1996: 109 (in Russ.).

2. Kiselev A. A. Ocherki etnicheskoi istorii Kol'skogo Severa [Essays on the Ethnic History of the Kola North]. Murmansk, MGPU, 2009: 20 (in Russ.).

3. Kiselev A. A., Kiseleva T. A. Sovetskie saamy: istoriya, ekonomika, kul'tura [Soviet Saami: History, Economy, Culture]. 2nd ed. Murmansk, Knizh. iz-vo, 1987: 58–60 (in Russ.).

4. Kolpakov S. P. Dnevnik puteshestviya na Terskii bereg [Diary of a Journey to the Tersky Coast]. In Kolpakova N. P. Terskii bereg [Tersky Coast]. Vologda, Severnoe obl. izd-vo, 1937: 7–98 (in Russ.).

5. Nemirovich-Danchenko V. I. Lopari [Lopars]. In Po rodnomu krayu. Sbornik statei po otechestvovedeniyu [In the Native Land. Collection of Articles on Homeland Studies]. Sost.' V. L'vov. 1902. Accessed 07.12.2025. URL: https://saami.su/biblioteka/stati/lopari-iz-knigi-po-rodnomu-krayu-sbornik-statej-po-otechestvovedeniyu.html (in Russ.).

6. Podvysotsky A. O. Rybachii poluostrov: Vospominaniya o poezdke na Ledovityi okean [Rybachiy Peninsula: Memoirs of a Trip to the Arctic Ocean]. *Russkiy vestnik*, 1876: 9: 5–65. Accessed 07.12.2025. URL: https://kolamap.ru/library/1875_rubachuy.htm (in Russ.).

7. Suleymanova O. A. Presentation of the Kola Saami culture in the social network "VKontakte": the dynamics of visual images of material culture. *Etnografiya*, 2020: 3(9): 169–199 (in Russ.). DOI: 10.31250/2618-8600-2020-3(9)-169-199; EDN: VYTTOT.

8. Suleymanova O. A. Features of the presentation of "Saami" souvenirs in the virtual space (on the example of the social network "VKontakte"). *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN. Estestvennye i gumanitarnye nauki*, 2022: 1: 1: 64–69 (in Russ.).

9. Suleymanova O. A., Everyday life aspects of Saami adaptation to urban lifestyle. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN*, 2016: 8–10(42): 89–106 (in Russ.).

10. Tishkov V. A. Rekviem po etnosu: issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoi antropologii [Requiem for an Ethnos: Studies in Socio-Cultural Anthropology]. Moscow, Nauka, 2003: 544 (in Russ.).

11. Tishkov V. A. On Reconciling Constructivism and Primordialism: Tribute to Andrei Vladimirovich Golovnev. *Etnografiya*, 2023: 1(19): 6–25 (in Russ.). DOI: 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-6-25; EDN: TMDJJK.

12. Kharuzin N. N. Russkie lopari (Ocherki proshlogo i sovremennogo byta) [Russian Lopars (Essays on Past and Modern Life)]. Moscow, T-vo skoropech. A. A. Levenson 1890: 472 (in Russ.).

13. Charnolusky V. V. Zametki o past'be i organizatsii stada u loparei [Notes on the Grazing and Organization of the Herd among the Lopars]. In Materialy Komissii ekspeditsionnykh issledovanii. Vyp. 23 [Proceedings of the Expeditionary Research Commission. Iss. 23]. Leningrad, AN SSSR, 1930: 23: 23–69 (in Russ.).

14. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1983: 160.

15. Geertz C. The Interpretation of Cultures: Selected Essays. New York: Basic Books, 1973: 470.

16. Van den Berghe P. L. The Ethnic Phenomenon. New York: Elsevier, 1981: 301.

The article was submitted on: September 10, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga V. Aksenova, Doctor of Sociological Science, Head of the Center for the Study of Russian Regions FCTAS RAS, Acting Deputy Director for Scientific work FCTAS RAS

Aleksandra V. Bocharnikova, Candidate of Geographical Sciences, Research Assistant at Laboratory of Economic Problems of Ecological Safety of SRCES RAS

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.5
EDN: RUPJAP

Типология *vs* классификация: основания для различения в методологии эмпирических социологических исследований

Ссылка для цитирования: *Кученкова А. В.* Типология vs классификация: основания для различения в методологии эмпирических социологических исследований // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 4. С. 184–200. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.5; EDN: RUPJAP.
For citation: Kuchenkova A. V. Typology vs. Classification: Grounds for Distinction in the Methodology of Empirical Sociological Research. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 4. P. 184–200. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.5; EDN: RUPJAP.

SPIN-код: 8603-7421

Кученкова Анна Владимировна[1]

[1]Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

a.v.kuchenkova@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена проблеме разграничения терминов «классификация» и «типология» при применении типологического метода в эмпирических социологических исследованиях. С одной стороны, эти термины обладают общей смысловой направленностью, используются для обозначения поиска и установления сходств и отличий, расчленения систем объектов и их группировку. С другой, если бы за ними всегда стояло одно и тоже содержание, то рано или поздно один из них вытеснил бы другой. Продолжающиеся попытки уточнить и «развести» их содержание свидетельствуют о потребности уловить и отразить в научном языке разные аспекты, тонкости и нюансы применения типологического метода в эмпирических исследованиях.

В статье выделены и охарактеризованы критерии, выступающие потенциальной основой для различения терминов «типология» и «классификация». Каждый из них проиллюстрирован примерами из теоретико-методологической литературы по соответствующей проблематике.

Проведенный анализ позволяет резюмировать, что отличительными чертами типологии являются: невозможность непосредственной математической формализации, наличие высокого объяснительного потенциала в отношении свойств изучаемых объектов, не использовавшихся в описании и конструировании типологии. Термин «типология» относится преимущественно к теоретическому уровню познания, используется в ситуациях, когда исследователь оперирует мысленными образами в качестве объектов группировки; нацелен на вскрытие латентных сущностей, стоящих за наблюдаемыми феноменами; формирует описания (в виде набора характеристик) потенциально существующих групп объектов; ориентирован на поиск сущностных отличий между объектами, отражающих их естественную дифференциацию в окружающем мире.

В свою очередь, термин «классификация» относится в большей степени к эмпирическому уроню познания, используется при рассмотрении эмпирических объектов, поддающихся непосредственному наблюдению, предоставляя возможность сжатия данных и выявления их структуры в виде сгруппированных по схожести совокупностей. Этот термин поддается математической формализации, позволяя поставить ему в соответствие математические конструкты и выбрать адекватные математические алгоритмы. В целом, он рассматривается скорее как играющий вспомогательную роль в процессе поиска знаний о типах на эмпирическом этапе исследования.

Ключевые слова: типология, классификация, тип, класс, типологический метод, типологический анализ

Представителями самых разных научных дисциплин неоднократно подчеркивалось, что типологии и классификации вездесущи, они являются феноменом человеческой культуры, отражающим процесс познания человеком окружающей действительности, направленным на структурирование и систематизацию повседневного опыта жизнедеятельности, а также выступают универсальным инструментальным средством научного поиска, не теряющим своей востребованности [13].

В эмпирических социологических исследованиях, опирающихся на типологический метод познания, термины «типология» и «классификация» используются крайне неоднозначно: и отождествляются, и противопоставляются. С одной стороны, они употребляются как интуитивно понятные и взаимозаменяемые для обозначения процесса группировки и разделения объектов, общей нацеленности на обнаружение сходств, отличий и решения задачи поиска «сущностного единства в многообразии феноменов» [7, с. 51]. С другой, если бы за этими терминами всегда стояло одно и то же содержание, то рано или поздно один из них вытеснил бы другой.

В процессе накопления опыта применения типологического метода в эмпирической социологии неоднократно предпринимались попытки уточнить и «развести» типологии и классификации [10; 11; 14; 17; 19]. Однако, соотношение содержания этих терминов не имеет однозначного, общепринятого решения. Более того, их разграничение и противопоставление может проводиться по вариативным основаниям, за которыми стоят не только разные научные традиции, множественность решаемых задач, но и потребность уловить и отразить в научном языке нюансы типологических и классификационных процедур, а также стремление подчеркнуть, что поиск знаний о типах, разбиение каких бы то ни было объектов на группы по схожести может быть связано с методическими и методологическими вопросами и проблемами, требующими эксплицитного обозначения, в том числе посредством использования разных терминов.

Потому цель данной статьи можно обозначить так: выделить критерии, выступающие потенциальной основой для проведения различий между терминами «типология» и «классификация», и позволяющие эксплицировать важные различения, необходимость проведения которых воз-

никает при применении типологического метода в эмпирических исследованиях. Следует отметить, что в фокусе нашего внимания будут находится критерии, релевантные для исследований, опирающихся на анализ эмпирических данных (за рамками статьи остаются сюжеты, связанные с конструированием «чисто» концептуальных типологий). В некоторых случаях (при необходимости подчеркнуть специфику социологического подхода) мы проведем параллели с пониманием и использованием термина «классификация» в других научных дисциплинах.

Уровень научного познания: теоретический и эмпирический

Для разграничения терминов «типологического ряда»[1] исследователями используется дихотомия «теоретическое»/«эмпирическое». И тогда одни соотносят типологию с теоретической задачей научного исследования, а классификацию рассматривают как сугубо эмпирическую (например, [7, с. 73]), другие подразделяют классификации на теоретические и эмпирические [17], третьи типологизации делят на теоретические и эмпирические [16].

Наглядным примером различения в методологии прикладных социологических исследований типологий и классификаций за счет соотнесения их с разными уровнями анализа являются рассуждения К. Бейли [17]. Он противопоставляет *разные способы реализации классификационной деятельности*: на концептуальном уровне – конструирование типологий (концептуальных классификаций), на эмпирическом – построение таксономий (эмпирических классификаций), на операциональном – сочетание в одном исследовании обоих. В этом случае ключевым, «зонтичным» термином выступает «классификация», трактуемая как процесс группировки объектов на основании их сходства, а типология рассматривается как один из ее подвидов (реализуемый на теоретическом уровне). В результате К. Бейли достаточно «жестко» противопоставляет *типологии (теоретические классификации)* и *эмпирические классификации*. *Первые* многомерны, выводятся дедуктивно, конструируются как гипотетические, потенциально существующие группы объектов (для которых впоследствии могут искаться эмпирические примеры), описываются вербально (каждый тип получает свое наименование и отражает самостоятельный концепт – type-concept). *Вторые*, напротив, представляют собой формирование классификации исключительно эмпирическим путем, распределение совокупности эмпирических объектов по сходству в однородные группы, которое может и не иметь теоретической/концептуальной ценности. Такие классификации формируются индуктивно, зачастую реализуясь с помощью математических методов многомерного анализа данных.

[1] Выражение заимствовано у Н. С. Бабича, он относит к «типологическому ряду» термины: «типология», «классификация», «таксономия», «группировка», «кластеризация», «категоризация» и любые другие близкие им по смыслу [2, с. 9].

Одновременно К. Бейли подчеркивает, что в рамках одного исследования возможно и целесообразно сочетать концептуальные и эмпирические классификации, двигаясь от первых ко вторым (идентифицируя эмпирические объекты, представляющие сконструированные типы), либо наоборот (формулируя концептуальные наименования для обнаруженных эмпирических путем групп схожих объектов).

Используя схожую аргументацию, В. А. Ядов провел различение между эмпирической и теоретической типологизацией. Под первой он понимал «поиск устойчивых сочетаний свойств социальных объектов (или явлений), рассматриваемых в соответствии с описательными гипотезами в нескольких измерениях одновременно» [16, с. 205], относя этот процесс к области анализа эмпирических данных, более того признавая «наиболее сильным приемом анализа по описательному плану» [16, с. 205], предназначенным для поиска устойчивых, однородных подгрупп объектов. Выявление таких групп происходит с применением математических процедур и методов. В то время, как теоретическая типологизация – «обобщение признаков социальных явлений на основе идеальной теоретической модели и по теоретически обоснованным критериям» [16, с. 208]. В этом случае критерием для формирования однородных групп объектов являются не наблюдаемые эмпирически закономерности, а теоретические предположения исследователя, вытекающие из реализуемых им логических рассуждений и соотнесенных с системой теоретического знаний. Для таких сконструированных типов (выступающих в роле абстрактных моделей) требуется эмпирическая проверка, которая может заключаться в определении частоты встречаемости каждого типа, изучении интенсивности отклонений характеристик наблюдаемых объектов от идеализированных моделей (описаний типов), позволяя таким образом эмпирически обосновывать теоретические выводы. Именно такой путь, по мнению В. А. Ядова, ведет к объяснению социальных явлений, в то время как «эмпирическая типологизация допускает лишь описание полученных данных и их интерпретацию» [16, с. 210].

К. Бейли и В. А. Ядов, используя разные наименования (1. типология, теоретическая классификация vs таксономия, эмпирическая классификация; 2. теоретическая vs эмпирическая типологизация), различают как минимум два уровня научного познания, на которых может быть реализован типологический метод или, точнее, которые могут послужить отправной точкой для его применения.

Вместе с тем, различение тех или иных терминов за счет соотнесения их с теоретическим и эмпирическим уровнями знания является существенным упрощением ситуации. Поскольку оба уровня не только сочетаются в той или иной степени в процессе применения типологического метода (как и любого другого научного метода познания), но оказываются неразрывно связаны. Как показывает Г. Г. Татарова, продуктивным является опора на методологический принцип единства теоретического и эмпирического, а также учет многоаспектности и подвижности их соотношения [11, с. 12], поскольку в эмпирической социологии «о типологии

правомерно говорить лишь при сочетании теоретических элементов с элементами, подтвержденными на эмпирическом уровне» [12, с. 107]. Тем самым обсуждаемое различие не абсолютно и противоположности предполагают друг друга.

Объекты анализа: эмпирические элементы или мысленные образы-конструкции

В методологической литературе по классификационной/типологической проблематике различают два аспекта, разницу между которыми в краткой форме можно сформулировать так: имеем мы дело с объектами нашего опыта или мышления. А далее в разных научных традициях это разделение осмысляется, но обсуждается с использованием разной терминологии.

Рассуждая о понимании «типа» в социальных науках, А. Ю. Москвитин отмечает двоякость его содержания: это и некая сущность, явленная в многообразии индивидуальных образцов, и способ описания, познания этого многообразия [7, с. 44]. Это, по его мнению, ставит вопрос о том, что понимать под типологией: деление эмпирических объектов на группы или прежде всего концептуальные операции, анализ понятий и их содержания.

Схожим образом, анализируя опыт построения классификаций в естественно-научных дисциплинах, С. С. Розова упоминает о проблеме онтологического статуса классов [8]: это реально существующие группы объектов (фрагменты материального мира), или мыслительные (воображаемые) конструкции, или и то, и другое одновременно? Поиск ответа на вопрос о природе элементов классификации (классификационных ячеек, классов) увязывается с другим (что отражает классификация – человеческие знания или действительность природы, объективный мир) и является одним из аспектов так называемой «классификационной проблемы». Безусловно, сама постановка вопроса «стара как мир» и уходит корнями глубоко в историю философии, однако, здесь нам важно подчеркнуть, что она продолжает обсуждаться и сегодня применительно и к типологиям, и к классификациям.

Одним из способов разрешения отмеченного дуализма, возникающего при реализации классификационной/типологической деятельности, является использование двух разных терминов следующим образом: классификации подвергаются наблюдаемые объекты действительности, фрагменты «реального» мира, а типологизации – мысленные образы, сконструированные в представлениях исследователя, но не обязательно имеющие эмпирические репрезентации. А класс и тип – разные «проекции познавательной деятельности ученого, один коррелирует с реальными эмпирическими объектами, другой – с их идеальной моделью» [7, с. 58]. Тогда этот критерий корреспондирует с предыдущим (рассмотренным выше): при реализации типологического метода познания на эмпирическом уровне исследователь оперирует с эмпирическими объектами, на теоретическом – с возможными, потенциально существующими объектами, образами-конструкциями.

Вместе с тем, важно подчеркнуть, что речь идет о необходимости различать и не отождествлять классификации и типологии, но и не противопоставлять их, не отрывать друг от друга. Поскольку в процессе познавательной деятельности исследователь имеет дело одновременно и с эмпирическими объектами, и с мысленными конструкциями: «отображая реальную типологическую расчлененность мира в логических формах знания» [7, с. 46] – тем самым, решая задачу по совмещению двух слоев / плоскостей для формирования адекватной научной картины мира.

Природа и характер постигаемого: явные, наблюдаемые явления или их латентные сущности

На первый взгляд может показаться, что предложенный выше критерий дублирует предыдущий, ведь эмпирические объекты нашего опыта относятся к области непосредственно наблюдаемого, а мысленные образы (конструкты) – нет. Но здесь необходимо выделить еще один, иной аспект, по которому могут проводится различия между терминами, относящимися к «понятийному полю» типологического метода.

Г. Г. Татарова подчеркивает: «все понятия с корнем «тип» (социальный тип, типологический метод, типология, типологический анализ и др.) являются *ноуменами*. В реальности социальные типы непознаваемы во всем многообразии, знание о них всегда относительно» [13]. В отличие от феноменов (наблюдаемых проявлений человеческого опыта, фиксируемых в поведении людей), ноумен – это «скрытая сущность процессов и/или явлений, постигаемая в результате глубоко обоснованного изучения, умозрительного размышления (созерцания) над значительным объемом информации» [15, с. 6]. Ноумен относится к сфере мысли, не к объективной реальности, но помогает синтезировать многообразие знаний, «прямо не суммируя имеющие данные о том или ином феномене ..., позволяет найти обобщающие определения, исходя из постоянно меняющихся способностей человека глубже познать окружающий мир» [15, с. 6].

Даже если исследователи, занимающиеся типологической проблематикой, не используют термин «ноумен», их толкование сути и содержания терминов «тип», «типология» может оказываться очень близким к нему. Например, А. Ю. Москвитин определяет тип как «многовариантную модель возможности [реализации объекта], общее описание своих единичных актуализаций» [7, с. 34], отмечая, что «феноменально-очевидным является класс, но сущностно-определяющим – тип» [7, с. 119]. Ю. Н. Толстова, понимая тип как однородную совокупность объектов, отмечает, что искомая однородность будет наблюдаться, «если интересующие исследователя явления обусловлены действием одних и тех же причин. При этом речь идет о «глубинных» причинах, не отождествляющихся, вообще говоря, со множеством наблюдаемых признаков, и, возможно, вообще не могущих быть выраженными через значения таких признаков» [14, с. 25].

Обращение к понятиям «феномен» и «ноумен» позволяет подчеркнуть, что в процессе применения типологического метода важно различать (в т. ч. посредством использования подходящей терминологии) «наблюдаемые явления» и их «латентные сущности». Для иллюстрации этого утверждения обратимся к термину «типологический синдром». Он был введен в научный оборот Г. Г. Татаровой [10] для обозначения эмпирически наблюдаемых закономерностей, которые могут быть обнаружены в процессе разбиения объектов на максимально однородные внутри, но отличающиеся друг от друга группы. Такие группы объектов еще не могут быть признаны представителями разных типов, но позволяют сформулировать предположения и гипотезы об их существовании. Схожим образом рассуждает А. Ю. Москвитин: «группировки и обобщения, как первичные эмпирические, так и производные от них генерализации более высокого и квалифицированного ранга, являются материалом потенциального типа-модели, тем, «из чего» он строится» [7, с. 108]. Тем самым, типы, являясь «ноуменами», остаются скрытыми, не доступными для непосредственного наблюдения, но свидетельства их существования могут быть «схвачены» и обнаружены в наблюдаемых эмпирических закономерностях.

Вместе с тем противопоставление «явного» и «латентного» по-разному преломляется в использовании терминов «типологического ряда». Как было продемонстрировано выше, с помощью категории «латентность» может описываться содержание и специфика «типа», «типологии». Одновременно, в области многомерного анализа известен метод латентных классов, получается, что в области математического анализа данных в отношении «классов» также употребляется характеристика «латентные», но с другим содержанием и смысловым акцентом. Оперирование одним и тем же термином с множеством коннотаций применительно и к «типам», и «классам», затрудняет выработку научным сообществом договоренности по их корректному различению.

Способ представления результата: совокупность подмножеств объектов или описания сочетаний признаков, наборов свойств

Типологии и классификации различают в зависимости от того, что является продуктом, результатом «типологической» деятельности: описание сочетаний свойств, отличительных характеристик и черт потенциально существующих групп (какими качествами должен обладать объект, чтобы мы могли считать его представителем рассматриваемого типа, «носителем» типа)[1] или совокупность групп (классов) объектов, т. е. разбитое на подмножества множество.

Более того, тип может представлять собой не просто перечисление характеристик, но быть выражен в виде понятия, концепта (type-concept). Тогда тип функционирует как обобщающее слово, собирательные

[1] Например, П. Лазарсфельд отмечал: «можно с уверенностью сказать, что понятие типа *всегда* используется для обозначения *особых сочетаний атрибутов*» [18].

образ. Например, «молодежь», «бедняк», «профессионал» сами по себе не существуют, но есть объекты реальности – индивиды, которые обладают определенным набором свойств, позволяющих их относить к категориям «молодежь», «бедняк», «профессионал». Схожим образом и тип представляет собой скорее описание свойств и характерных, отличительных черт, и в случае, если объект обладает ими, он будет являться «носителем», представителем рассматриваемого типа. Выступая в роли «обозначающего» понятия тип может быть охарактеризован с помощью терминов семантики экстенсионал и интенсионал, он будет обладать объемом (подразумевать множество объектов, которые могут быть отнесены к данному типу) и содержанием (характеризуясь совокупностью свойств, раскрывающих суть типа).

Несмотря на проводимое различение (тип – набор свойств, класс – подмножества общего множества), исследователи подчеркивают, что, по сути, это две стороны одной медали: «класс – всегда функция типа, а тип классификационно нагружен» [7, с. 61]. Сочетание характеристик, свойств подразумевает реальное / потенциальное существование объектов, которые могут ими обладать. И наоборот, для совокупности объектов, объединенных в подмножество по схожести, может быть установлен набор общих для них свойств.

Возможность/невозможность математической формализации

Многоуровневая языковая структура типологического анализа, разработанная Г. Г. Татаровой [10], позволяет отделять понятия с корнем «тип» (предполагающих многовариантность эмпирической интерпретаций и допускающие только логическую формализацию) от понятий с корнем «класс» (поддающихся и подвергающихся математической формализации). Первые представляют собой теоретические конструкты, которым можно дать концептуальные определения, а вторые не только эмпирически интерпретируемы, но и математически формализуемы, т. к. их можно описать математическими конструктами [10, с. 81]. Тогда под классификацией можно понимать «разбиение эмпирических объектов на отдельные группы с помощью математических методов любого вида» [11, с. 49], при этом «каким бы способом мы ни формировали классы объектов, класс не может интерпретироваться как тип» [11, с. 21].

Схожим образом предлагали «разводить» рассматриваемые термины Т. И. Заславская и И. Б. Мучник, называя классификацию формальной, а типологию содержательной [4, с. 156]. С возможностью применения математического аппарата связывала термин классификации и Ю. Н. Толстова. Понимая под классификацией разбиения объектов на группы именно с использованием формальных алгоритмов, методов, инструментов, подчеркивая, что если типология тесно связана с содержательным характером разбиения совокупности объектов на группы, с определенным уровнем познания, то термин «классификация» – подобными свойствами не обладает, «нужен лишь для удобства, для того чтобы можно было говорить

о соответствии формальных методов разбиения совокупности на группы содержательному представлению о типах» [14, с. 11]. Тем самым возможность/невозможность математической формализации является еще одним основанием для разведения содержания терминов «типологического ряда».

Характер разбиения объектов на группы: описательный/сущностный

Другое возможное основание для различения типологии и классификации – «теоретическая ценность» и фундированность результата, существенность/несущественность основания и признаков, по которым происходит разбиение объектов.

Исследователи подчеркивают, что в отличие от классификации, не любая группировка объектов по схожести в одном или нескольких свойствах может претендовать на роль типологии. Последняя нацелена на то, чтобы за сущим увидеть сущностное, установить и обнаружить такие варианты проявления изучаемого феномена, которые будут иметь не только «технический», вспомогательный интерес (позволяя получить сокращенное описание существующего разнообразия), но и теоретическую ценность – вскрывая сущностные отличия между совокупностями объектов, проявляющимися не только в значениях признаков, по которым было произведено разбиение, но и по ряду других, дополнительных характеристик, заключая в себе определенный объяснительный потенциал.

Потребность прикладных исследований в дифференциации производимых группировок объектов в зависимости от практической и теоретической значимости получаемого результата артикулируется особенно наглядно в естественно-научных дисциплинах. Для которых характерно противопоставление классификаций *описательных* vs *сущностных*, *формальных* vs *содержательных* [8, с. 51]. Первые (в каждой паре) – лишь констатируют факт существования классов, широко используются на начальных этапах исследования объекта, для предварительной систематизации, не давая нового знания, преследуя цель выделения максимально контрастных классов, отличающихся друг от друга по используемому для разбиения набору признаков. Вторые (сущностные, содержательные) классификации раскрывают внутренние, закономерные связи между группами классифицируемых объектов, открывают законы, связывающие эти объекты в целое. Достигается это в том случае, если каждому классу в соответствие может быть поставлен обуславливающий его существование фактор, а совокупность факторов представляет собой организованную систему, которая позволяет вывести новое основание классификации (но уже по факторам и прийти к тому же результату). Вместе с тем, предполагается, что описательные и сущностные классификации суть не просто два вида классификаций, но два этапа исследования, движения познания к открытию закона. Можно сказать, что первые могут быть реализованы на эмпирическом уровне (путем оперирования с объектами), а вторые требуют дополнительной работы по концептуализации и фундированию полученного результата.

Безусловно, приведенные рассуждения нельзя механически перенести на область социальных наук. Вместе с тем, проводимые различия между двумя видами классификаций (описательные и сущностные) позволяют подчеркнуть, что распределение объектов на группы (максимально однородные и при этом отличающиеся от других групп) может иметь разную практическую и теоретическую ценность и значимость, создавая потребность в различении этих ситуаций и обозначении их разными терминами.

Замкнутость используемой системы признаков/ установление связи с дополнительными признаками

Некоторые исследователи предлагают различать типологии и классификации в зависимости от того, привлекаются или нет для выявления отличительных черт выделенных совокупностей объектов дополнительные характеристики, не участвовавшие непосредственно в процессе разделения этих объектов на группы: «разбиение, классы которого описаны через признаки, использованные при его построении, называют типологией или типологической группировкой. Если типологическая группировка описана еще и в терминах какой-либо другой системы признаков, относящихся к данному явлению, т. е. устанавливает в явной форме теоретические связи между различными сторонами изучаемой системы, то ее называют классификацией (в естественно-научном смысле)» [6, с. 13–14]. Приведенный пример использования терминов «типология» и «классификация» расходится с социологической традицией их употребления. Вместе с тем, он позволяет проиллюстрировать существование потребности в различении двух разных ситуаций в процессе типологической деятельности – двух возможных сценариев реализации группировок объектов: более «простого» (только с использованием признаков, по которым производится разбиение) и более «сложного» (предполагающего привлечение дополнительных признаков не только для поиска отличий между выделенными группами объектов, но и для построения теоретических, объяснительных моделей изучаемого явления).

Поиск знаний о типах в эмпирической социологии предполагает привлечение и использование разнообразных признаков, не только непосредственно участвующих в разбиении объектов на группы. И именно это отличает типологию от классификации. Так, Ю. Н. Толстова предлагает делить признаки, используемые в процессе построения типологии на признаки – причины и признаки – проявления. Учитывая, что при осуществлении классификации эмпирических объектов исследователь имеет дело, как правило, только с одной из этих групп признаков, другая должна привлекаться для оценки качества классификации с точки зрения возможности интерпретировать ее как типологию [14, с. 26–27]. Г. Г. Татарова делит типообразующие признаки на три группы в зависимости от их функциональной роли: одни могут использоваться для введения основания типологии, участвуя в поиске типологической структуры объектов (непосредственно для разбиения объектов на группы), другие – для предварительной

типизации объектов (априорной типологии), третьи – для поиска отличий между выделенными группами (по дополнительным характеристикам) [11, с. 56–62]. И вновь, привлечение как минимум двух групп признаков позволяет выдвинуть и проверить гипотезу о существовании типов, интерпретировать результаты классификации как приближение к типологии.

Предназначение: техническое, вспомогательное (сжатие данных)/выявление принципиально нового знания

Как правило, философские теоретико-методологические публикации о классификациях не обходятся без упоминания дихотомии «естественное»/«искусственное» [8; 9], которая позволяет подчеркнуть, что разбиение объектов на группы может быть разнообразным, преследовать разные цели и в разной степени соответствовать существующей «объективно» дифференциации и неоднородности объектов в окружающем мире. Деление классификаций на «естественные» и «искусственные» (или вспомогательные) призвано подчеркнуть, что они различаются:

- по степени существенности основания деления (порождающего / не порождающего дополнительные отличия между группами объектов по другим характеристикам, не использованным непосредственно в разделении объектов, в результате чего одни классификации могут служить источником дополнительных знаний о классифицируемых объектах, а другие нет);
- по степени соответствия основания классификации природе классифицируемых объектов (или, напротив, «произволу человека», конструируемые исследователем под «свои» практические задачи);
- по цели классификационной деятельности (выявление принципиально нового знания или решение вспомогательных, технических задач по сжатию данных, представлению классифицируемой области в удобном виде).

Приведенные рассуждения могут быть отчасти отнесены и к типологиям. Так, среди функций типологического метода в социологии выделяют [1]: и сокращенное описание данных (что может быть соотнесено с упоминаемой выше технической, вспомогательной функцией «искусственных» классификаций), и отражение реальности, открытие новых объектов, объяснение, построение теорий (что сопоставимо с задачей выявления нового знания, решение которой должна обеспечивать «естественная» классификация).

Встречается и другой способ осмысления дихотомии «естественное» / «искусственное» – через противопоставление терминов типология и классификация. Например, постулируется, что классификация может быть «искусственной», формальной, служебной, а типология – нет, она должна быть «естественной», вскрывать сущностные отличия между группами объектов [5, с. 48]. Тогда типы ассоциируются в первую очередь с реализацией исследовательской цели обнаружения, вскрытия нового знания,

а классификации – со вспомогательной, технической. Одновременно, у рассматриваемых терминов возможны и другие коннотации. Так процедуры кластеризации направлены на поиск «естественных» скоплений объектов в пространстве признаков (методы многомерной классификации ориентированы на обнаружение «естественно» существующих групп объектов, т. е. классификация ассоциируется с реализацией «естественных» разбиений). С другой стороны, если для теоретически сконструированной, концептуальной типологии не найдется эмпирических примеров, ее репрезентирующих, то можно сказать, что она «искусственна» (в том смысле, что не соответствует реалиям, действительному положению дел).

Вид разбиения объектов на группы по количеству используемых признаков (одномерное/двумерное/многомерное)

При соотнесении терминов «типология» и «классификация» среди прочего в качестве отличительной черты первых выделяют многомерность [19]. Так, В. А. Ядов использовал термин «классификация» для обозначения группировок объектов по одному или двум признакам (простая и перекрестная группировка соответственно), направленных на первичное упорядочение данных, «сжатие» или «уплотнение» информации [16, с. 203–205] (когда мы «расширяем области подобия и устанавливаем новые границы различий в массе эмпирических данных, не выходя при этом за пределы индикативных свойств» [16, с. 202]). Например, разбивая респондентов на группы в соответствии с определенными возрастными интервалами. В то время, как типологизация (будь то эмпирическая или теоретическая) подразумевает многомерное описание объектов исследования, а также более высокий уровень обобщения, позволяя выходить на формирование новых понятий (вводимых для обозначения и характеристики типов).

Однако, данный критерий все же не позволяет однозначно различить классификации и типологии. Поскольку классифицировать, разбивать объекты на группы можно, как по одному признаку, так и по нескольким. А типологии формируются на основе нескольких типообразующих признаков и в этом смысле многомерны по своей природе, но, с другой стороны, если рассматривать типологию как совокупность нескольких типов, то по сути она представляет собой одну латентную переменную с несколькими значениями (типами).

Совпадение всех/части характеристик у объектов, относящихся к одной группе: монотетическая/политетическая модель

Монотетический принцип формирования группы объектов предполагает, что все объекты группы обладают одним и тем же совпадающим набором характеристик. В политетичных группах каждый объект обладает большей частью характеристик группы (но не обязательно всеми), каж-

дая характеристика группы наблюдается у значительной части объектов группы, ни один из признаков, характеристик не является необходимым и достаточным условием отнесения к группе (нет такой характеристики, которая встречалась бы у всех объектов группы, но при этом отсутствовала бы у представителей других групп). Если группа образована по принципу политетичности, то это приводит к размыванию границ этой группы. И соответственно, наоборот, монотетичные группы задают фиксированные и жесткие требования к включению/невключению объекта в группу.

С точки зрения развития понятийного аппарата типологического метода научного познания в социальных науках разбиение на монотетические/политетические группы было использовано по-разному. По мнению К. Бейли, типы (понимаемые им как концептуальные, теоретически сконструированные, потенциально существующие группы объектов), как правило, формируются как монотетические группы, т. к. описание типа предполагает набор характеристик (сочетание определенных свойств), которыми непременно должен обладать объект, чтобы считаться представителем данного типа. В то время как кластеры – эмпирическим путем полученные классы (формируемые в результате применения методов кластерного анализа) будут политетическими, т. к. объекты, отнесенные к одному и тому же кластеру не обязательно будут совпадать по значениям всех классификационных признаков. Более того, по его мнению, с помощью кластерного анализа вряд ли возможно получить монотетические группы: «мы будем в основном находить эмпирический мир слишком несовершенным, чтобы получать монотетические кластеры» [17, с. 41].

Одновременно, в области методов многомерного анализа существуют алгоритмы, которые приводят к формированию и политетических классов (большинство алгоритмов кластерного анализа), и монотетических (если для разбиения объектов на группы использовать некоторые из алгоритмов деревьев решений). Т. е. на эмпирическом уровне анализа данных возможно формирование обоих видов групп.

А точка зрения некоторых исследователей относительно специфики типов указывает на то, что типологии могут быть и политетичны, и монотетичны. Например, Д. П. Горский [3] предлагает различать «реальные» и «идеальные» типы по нечеткости/четкости их границ, подразумевая, что объекты являются представителями «идеального типа», если в полной мере обладают всеми характеристиками данного типа (фактически образуя монотетическую группу), в то время, как «реальный тип» понимается как нечеткое множество, включающее объекты с разной степенью принадлежности (являясь примером политетической группы).

Вышесказанное иллюстрирует, что термины монотетичный/политетичный используются исследователями применительно и к классам, и к типам, могут применяться и на теоретическом, и на эмпирическом уровне познания, что не позволяет использовать их в качестве надежного критерия для различения классификаций и типологий.

Заключение

Перечень рассмотренных выше оснований/критериев для введения разграничения содержания разных терминов «типологического ряда», безусловно, не претендует на полноту и исчерпанность. Вместе с тем, он позволяет увидеть, что применение типологического метода в эмпирических исследованиях не ограничивается только «механическим» разделением совокупности объектов на подгруппы, но, являясь одним из способов научного познания, требует сочетания теоретического и эмпирического компонентов, предоставляет возможности для изучения латентных сущностей наблюдаемых феноменов.

Несмотря на некоторую общность, усматриваемую в содержании терминов «типология» и «классификация», опыт осмысления типологического метода познания и практика его использования в эмпирических исследованиях приводит исследователей к выводу, что процесс поиска общего в особенном, поиска знаний о типах может быть реализован на практике различными путями и сопряжен с методическими и методологическими трудностями, которые требуют осмысления и обозначения посредством разнообразных терминов.

Как уже отмечалось выше, в социологической традиции применения и развития типологического метода познания укоренилось разделение терминов с корнем «тип» и «класс». Опираясь на приведенные основания дифференциации понятийного поля типологического метода, можно резюмировать отличия между ними. Первые (термины типология, тип, типологизация и т. п.) в большей степени ассоциируются с теоретическим уровнем познания, оперированием мысленными образами в качестве объектов, нацеленностью на вскрытие латентных сущностей, стоящих за наблюдаемыми феноменами, формированием описаний (в виде набора характеристик) потенциально существующих групп объектов; невозможностью непосредственной математической формализации; ориентацией на поиск существенных, сущностных отличий между объектами, определяющих и отражающих их естественную дифференциацию в окружающем мире; многомерностью; наличием высокого объяснительного потенциала в отношении характеристик и свойств изучаемых объектов, не использовавшихся в описании и конструировании типологии.

Соответственно, вторая группа терминов (класс, классификация и т. д.) характеризуются как относящиеся в большей степени к эмпирическому уровню познания и эмпирическим объектам, поддающимся непосредственному наблюдению; представляющие возможность сжатия данных и выявления их структуры, представленной в виде сгруппированных по схожести классов объектов; поддающиеся математической формализации, т. е. позволяющие поставить им в соответствие математические конструкты, выбрать и использовать математические алгоритмы. В целом, классификации рассматриваются скорее, как играющие вспомогательную роль в процессе поиска знаний о типах на эмпирическом этапе исследования.

Библиографический список

1. Бабич Н. С. Функции типологического метода в социологии // Теория и практика общественного развития. 2012. № 11. С. 84–89. EDN: PIIBPH.

2. Бабич Н. С. Эволюция типологического метода в западной социологии XX века: дис. ... к. социол. н. М., 2010. 161 с.

3. Горский Д. П. Понятие о реальных и идеальных типах // Вопросы философии. 1986. № 10. С. 25–34.

4. Заславская Т. И., Мучник И. Б. Об одном методе классификации объектов в социологии // Социологические исследования. 1974. № 1. С. 150–160.

5. Клейн Л. С. Археологическая типология. Л.: ЛФ ЦЭНДИСИ: ЛНИАО, 1991. 448 с.

6. Миркин Б. Г. Анализ качественных признаков и структур. М.: Статистика, 1980. 319 с.

7. Москвитин А. Ю. Типология в социальном познании: философско-методологический анализ. СПб.: СПбГУСЭ, 2013. 131 с. EDN: UIAYFH.

8. Розова С. С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск: Наука: Сиб. отд., 1986. 223 с.

9. Субботин А. Л. Классификация. М.: ИФ РАН, 2001. 94 с.

10. Татарова Г. Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях. М.: Высшее образование и наука, 2007. 236 с.

11. Татарова Г. Г. Типологический анализ в социологии. М.: Наука, 1993. 103 с.

12. Татарова Г. Г. Типология и этапы решения задач при использовании математического аппарата // Социологические исследования. 1990. № 1. С. 106–114.

13. Татарова Г. Г., Кученкова А. В. Востребованность «типологического поворота» в эмпирической социологии // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 28–40. DOI: 10.31857/S013216250019758-6; EDN: BTXERQ.

14. Типология и классификация в социологических исследованиях / Отв. ред. В. Г. Андреенков, Ю. Н. Толстова. М.: Наука, 1982. 296 с.

15. Тощенко Ж. Т. От феномена к ноумену: опыт методологического и методического поиска // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250004582-3; EDN: OEUYCS.

16. Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М.: Самарский ун-т, 1995. 328 с.

17. Bailey K. D. Typologies and taxonomies. An Introduction to Classification Techniques. Sage Publications, 1994. 90 p.

18. Lazarsfeld P. F. Some Remarks on the Typological Procedures in Social Research // Zeitschrift für Sozialforschung. 1937. Vol. 6. Iss. 1. P. 119–139.

19. Marradi A. Classification, typology, taxonomy // Quality and Quantity. 1990. No. 2. P. 129–157.

Получено редакцией: 24.06.25

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кученкова Анна Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.5

Typology vs. Classification: Grounds for Distinction in the Methodology of Empirical Sociological Research

Anna V. Kuchenkova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

a.v.kuchenkova@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5554-7009

For citation: Kuchenkova A. V. Typology vs. Classification: Grounds for Distinction in the Methodology of Empirical Sociological Research. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 4. P. 184–200. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.5; EDN: RUPJAP.

Abstract. This article examines the distinction between the terms “classification” and “typology” when applying the typological method in empirical sociological research. On the one hand, these terms share a common semantic focus, being used to identify and establish similarities and differences, as well as to dissect and group systems of objects. On the other hand, if they always conveyed the same meaning, one would eventually displace the other. Ongoing attempts to clarify and differentiate their meanings demonstrate the need to capture and reflect in scientific language the various aspects, subtleties, and nuances of applying the typological method in empirical research.

This article identifies and characterises criteria that serve as a potential basis for distinguishing between the terms “typology” and “classification.” Each is illustrated with examples from the theoretical and methodological literature on the relevant subject matter.

The conducted analysis allows us to summarise that the distinctive features of typology are: the impossibility of direct mathematical formalisation and the presence of high explanatory potential regarding the properties of the objects under study, not used in the description and construction of the typology. The term “typology” pertains primarily to the theoretical level of cognition and is used in situations where the researcher operates with mental images as objects of grouping. It aims to uncover the latent essences underlying observed phenomena; it forms descriptions (in the form of a set of characteristics) of potentially existing groups of objects; and it is focused on finding essential differences between objects, reflecting their natural differentiation in the surrounding world.

In turn, the term “classification” pertains more to the empirical level of cognition and is used when examining empirical objects amenable to direct observation, providing the ability to compress data and identify its structure as sets grouped by similarity. This term lends itself to mathematical formalisation, allowing for the assignment of mathematical constructs and the selection of appropriate mathematical algorithms. Overall, it is viewed as playing a supporting role in the process of discovering information about types at the empirical stage of research.

Keywords: typology, classification, type, class, typological method, typological analysis

References

1. Babich N. S. Functions of the typological method in sociology. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2012: 11: 84–89 (in Russ.). EDN: PIIBPH.

2. Babich N. S. Evolyutsiya tipologicheskogo metoda v zapadnoy sotsiologii XX veka: dis. ... k. sotsiol. n. [Evolution of the typological method in Western sociology of the XX century]. Moscow, 2010: 161 (in Russ.).

3. Gorskiy D. P. Ponyatiye o real'nykh i ideal'nykh tipakh [The concept of real and ideal types]. *Voprosy filosofii*, 1986: 10: 25–34 (in Russ.).

4. Zaslavskaya T. I., Muchnik I. B. Ob odnom metode klassifikatsii obyektov v sotsiologii [On one method of classifying objects in sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya,* 1974: 1: 150–160 (in Russ.).

5. Kleyn L. S. Arkheologicheskaya tipologiya [Archaeological typology]. St. Petersburg, LF TSENDISI, LNIAO, 1991: 448 (in Russ.).

6. Mirkin B. G. Analiz kachestvennykh priznakov i struktur [Analysis of qualitative features and structures]. Moscow, Statistika, 1980: 319 (in Russ.).

7. Moskvitin A. YU. Tipologiya v sotsial'nom poznanii: filosofsko-metodologicheskiy analiz [Typology in social cognition: philosophical and methodological analysis]. St. Petersburg, SPbGUSE, 2013: 131 (in Russ.). EDN: UIAYFH.

8. Rozova S. S. Klassifikatsionnaya problema v sovremennoy nauke [Classification problem in modern science]. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd., 1986: 223 (in Russ.).

9. Subbotin A. L. Klassifikatsiya [Classification]. Moscow, IF RAS, 2001: 94 (in Russ.).

10. Tatarova G. G. Osnovy tipologicheskogo analiza v sotsiologicheskikh issledovaniyakh [Fundamentals of typological analysis in sociological research]. Moscow, Vyssheye obrazovaniye i nauka, 2007: 236 (in Russ.).

11. Tatarova G. G. Tipologicheskiy analiz v sotsiologii [Typological analysis in sociology]. Moscow, Nauka, 1993: 103 (in Russ.).

12. Tatarova G. G. Tipologiya i etapy resheniya zadach pri ispol'zovanii matematicheskogo apparata [Typology and stages of problem solving using mathematical apparatus]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1990: 1: 106–114 (in Russ.).

13. Tatarova G. G., Kuchenkova A. V. Demand for a "typological turn" in empirical sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2022: 7: 28–40 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250019758-6; EDN: BTXERQ.

14. Tipologiya i klassifikatsiya v sotsiologicheskikh issledovaniyakh [Typology and classification in sociological research]. Ed. by V. G. Andreyenkov, Yu. N.Tolstova. Moscow, Nauka, 1982: 296 (in Russ.).

15. Toshchenko Zh. T. From Phenomenon to Noumenon: An Experience of Methodological and Methodological Search. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2019: 4: 3–14 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250004582-3; EDN: OEUYCS.

16. Yadov V. A. Sotsiologicheskoye issledovaniye: metodologiya, programma, metody [Sociological Research: Methodology, Program, Methods]. Moscow, Samarskiy un-t, 1995: 328 (in Russ.).

17. Bailey K. D. Typologies and taxonomies. An Introduction to Classification Techniques. Sage Publications, 1994: 90.

18. Lazarsfeld P. F. Some Remarks on the Typological Procedures in Social Research. *Zeitschrift für Sozialforschung,* 1937: 6(1): 119–139.

19. Marradi A. Classification, typology, taxonomy. *Quality and Quantity,* 1990: 2: 129–157.

The article was submitted on: June 24, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna V. Kuchenkova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Senior Researcher

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.6
EDN: TTYJDC

О применении визуально-интуитивного метода в социологическом исследовании российских локальных сообществ

Ссылка для цитирования: *Подъячев К. В.* О применении визуально-интуитивного метода в социологическом исследовании российских локальных сообществ // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 4. С. 201–228. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.6; EDN: TTYJDC.
For citation: Podyachev K. V. On the application of the visual-intuitive method in sociological research of Russian local communities. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 4. P. 201–228. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.6; EDN: TTYJDC.

Подъячев Кирилл Викторович[1]

[1]Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

kirvik@bk.ru

SPIN-код: 8766-2861

Аннотация. В данной статье обосновывается применение для изучения российских локальных сообществ авторского визуально-интуитивного метода исследования, названного «феноменологическим погружением». Данный метод был разработан на основе практик полевых исследований на местах, проводившихся с участием автора с 2013 г. Теоретической основой метода является феноменологическая социология А. Шюца, концепция «жизненного мира» Ю. Хабермаса, разработки визуальной социологии. Согласно А. Шюцу, повседневность охватывает максимум возможных проявлений социального. Поэтому непосредственное наблюдение за повседневностью/жизненным миром локальных сообществ рассматривается в данной статье как социологический инструмент, который существенно дополнит социологические методики, особенно в части исследования общих и особенных социокультурных характеристик российских регионов. При выявлении социокультурных особенностей регионов и локальных сообществ одной страны (в отличие от кросснациональных исследований), определяющее значение имеют тонкие нюансы социальной реальности. Они могут быть определены именно через изучение жизненной среды, для чего наиболее эффективным представляется данный метод. Также он дает возможности коррекции гайдов для классических качественных исследований и более адекватной оценки статистических данных. Автор приводит примеры из своего личного опыта полевых исследований в российских регионах, которые показывают, как с помощью данного метода можно формировать гипотезы, корректировать данные из других источников, вносить изменения в программы исследований и рабочие материалы. Визуальная социология является значимой составляющей данного метода, но не тождественна ему полностью, поскольку

и роль фотографии здесь иная. Это не объект и не инструмент исследования, но способ передачи неформализуемых данных, почему она всегда идет в комплексе с вербальными описаниями. При этом, в отличие от нефотографических визуальных методов прямое наблюдение носит не вспомогательный, а базисный характер. Метод имеет существенные ограничения, как то: субъективизм, затруднения трансляции полученных данных, сложность подготовки исследователей для работы. Однако их возможно в некоторой степени преодолеть, прежде всего применяя метод не изолированно, а в комплексе с иными качественными исследовательскими методиками.

Ключевые слова. Россия, социология, феноменология, регионы, социокультурные особенности, локальные сообщества, визуальный анализ, включенное наблюдение

Введение

Для всех, изучающих Россию, общим местом является понятие о ее масштабности и многообразии. Действительно, на сегодня Российская Федерация является самым территориально крупным государством в мире. Еще более важен не сам по себе размер территории, но многообразие составляющих ее регионов, как географическое, так и социокультурное. И если о многонациональности, многоконфессиональности России сказано много, на это даже указано в ее Конституции, то намного менее очевидным, но не менее значительным является разнообразие русских регионов. Но их отличия выражаются в тонких нюансах, которые сложно выявить распространенными исследовательскими методами. Их необходимо исследовать, как в целях приращения научного знания, так и для решения прикладных задач региональной политики и развития регионов.

Если мы говорим об особенностях России в целом и ее регионов, но при этом хотим остаться на почве науки, не уходить в отвлеченные умозрительные спекуляции, то у нас не остается другого пути, кроме как выявление этой специфики через сопоставление разных российских регионов на предмет их общих и особенных социокультурных характеристик.

Это представляется на сегодня одной из главных задач региональной социологии (и/или социологии регионов)[1]. В свою очередь, и в общих, и в особенных социокультурных явлениях могут сочетаться как традиционные (т. е. воспроизводимые на протяжении некоторого длительного исторического периода), так и инновационные элементы. А проявляются эти элементы в повседневности, в жизненной среде.

[1] Мы все же предполагаем, что методологически более правильно называть нашу субдисциплину социологией регионов. Региональная социология – это скорее социология (как область научного знания и как учебная дисциплина), существующая непосредственно в субъектах РФ.

Специфику нашей работе придает то, что мы изучаем регионы и локальности[1], принадлежащие к одной макросоциальной общности[2], имеющие много черт сходства. В отличие от кросснациональной компаративистики, здесь решающее значение могут иметь тонкие нюансы реальности[3], которые часто не замечаются вследствие аберрации восприятия, возникающей у внешнего наблюдателя из-за аналитического дробления, «пикселизации» наблюдаемого, а у местного жителя – из-за «замыливания глаза», привычности среды. Это призывает нас к особой исследовательской позиции: внешней, но одновременно включенной. Наблюдатель должен быть гостем для наблюдаемого сообщества, не связан с ним, но вместе с тем уметь включиться в него настолько, чтобы ощутить себя местным жителем, представить, каким образом любые вопросы – от проблем ЖКХ до геополитики смотрятся из этой, локальной позиции.

Для такой позиции характерное для многих научных методов познания аналитическое членение реальности на «сферы», «системы», «подсистемы» и т. п. недостаточно. Сосредотачиваясь на чем-то одном, неизбежно упустишь другое. Потому в нашем случае жизненную среду следует изучать целостно (холистически) [6, с. 369], жертвуя детальностью знания в пользу его максимальной широты. Для такого исследования широко распространенные методики, и количественные, и качественные, не достаточны.

Опыт исследовательской работы непосредственно на местах, в локальных сообществах, полученный автором с 2013 г. в ходе работы под руководством И. А. Халий, с 2020 г. – О. В. Аксеновой позволил выработать некоторый методический подход, который и будет рассмотрен далее. Представляется, что он может восполнить пробелы в распространенных социологических методиках, привнося элемент «тонкой настройки» в познание российских локальностей.

Поскольку основой метода является осмысление авторского опыта работы в локальностях, то значительную часть текста составят конкретные примеры (кейсы). Но, чтобы не рассеивать внимание читателя, эти кейсы выделены в отдельную главу. Так, в первой части статьи представлены теоретические основания и основные характеристики метода, а во второй – иллюстрирующие их кейсы, ссылки на которые приведены в тексте, где это необходимо.

---

[1] Регион в данном случае означает субъект РФ, его границы определены законодательно; под локальностями, как правило, подразумевались муниципальные образования второго уровня (городские и сельские поселения), однако в последние годы в стране проводится муниципальная реформа, в ходе которой таковые постепенно упраздняются. В более узком смысле используется категория «локальное сообщество» – группа лиц, объединенных проживанием в одном населенном пункте, относящемся к категории сел или малых городов.

[2] Другие используемые в литературе аналогичные по смыслу категории: культурно-исторический тип, суперэтнос, и наиболее распространенная – цивилизация. В настоящее время понятие о России как самостоятельной цивилизации вошло в официальный дискурс и включается в нормативно-правовые акты.

[3] Конкретные примеры приведены ниже, в блоке кейсов.

Теоретические основы метода

Проведя подробный анализ множества бытующих в мировой социологии теоретических концептов, М. Ф. Черныш выделил следующие основные парадигмы теоретической социологии [12, с. 24–39]: конфликтологическую, структурно-функциональную, конструктивистскую[1], феноменологическую и активистскую. Безусловно, из перечисленных метатеоретических социологических парадигм, более всего соответствует нашему методу феноменологическая.

Опиравшийся на философию Э. Гуссерля (1859–1938) основоположник феноменологической социологии А. Шюц (1899–1959) создал концепцию «конечных областей значений». Этот подход представлял собой некоторый баланс между аналитическим и холистическим социальным знанием [6]. Области значений – это «специфические относительно изолированные сферы человеческого опыта, такие как религия, сон, игра» и т. п., каждая из которых требует своего особого «когнитивного стиля» [3, с. 782]. Наиболее же полной, «бездефицитной» из них является, согласно Шюцу, повседневность, поскольку в нее вовлечено наибольшее количество индивидов, и она включает в себя элементы всех иных «областей». Следовательно, именно повседневность и должна быть главным объектом непосредственного, прямого изучения.

Ю. Хабермас, используя категорию “Der Lebenswelt” («жизненный мир»), заимствованную также из философии Э. Гуссерля, построил свою теорию «колонизации». Жизненный мир, как область «симметричных» отношений, которые «требуют определенного уровня согласия, общего знания и общих ценностей, согласованных дефиниций ситуации и добровольной координации действий» [15, с. 603], по определению интерсубъективен и потому гуманен, в отличие от «системы», действующей на основании своих собственных законов, не зависимых от воли и свойств индивидов. Полное тождество жизненного мира и социума было возможно только в архаическую эпоху (хотя, полагаем, что здесь Хабермас исходил более из руссоистского мифа, чем из знания о реально существующих примитивных обществах). Историческое развитие Хабермас понимал как «колонизацию», «поглощение» системой (т. е. институтами) жизненного мира. И чем далее идет развитие, в первую очередь технологическое, тем большую часть социального (или культурного) пространства занимает система, тем меньшая область остается жизненному миру.

Мы полагаем, что указанные теории Шюца и Хабермаса имеют большое значение для отечественной социологии регионов. Очевидно, что повседневность в наибольшей степени доступна для наблюдения в сообществах, еще сохраняющих целостность, то есть в сообществах локальных, где численность населения не требует большого количества значимых инфраструктурных объектов. Так, если в условном поселке имеется 1 библиотека

[1] Не путать с социологическим конструктивизмом у Ж. Т. Тощенко [12]. Тощенко обозначает этим понятием еще более широкий комплекс социологических и социально-философских подходов.

и 2 школы, то ознакомление с их деятельностью (это реально сделать за один исследовательский человеко-день), позволит делать обоснованные выводы о состоянии образования и культуры в данной локальности. Также локальные сообщества (возможно, что в первую очередь – российские) представляют собой такую социальную форму, в которой «жизненный мир» по Хабермасу еще охватывает существенную область реальности. Здесь можно заметить, что значительная часть населения современной России проживает в более крупных городах, многие – в мегаполисах, изучение которых таким методом малоэффективно, и с течением времени баланс все более смещается в пользу последних, идет активный процесс депопуляции малых городов и сельских территорий. Но во всяком случае, еще до четверти населения РФ проживает на селе, а те, кто проживает в крупных городах в значительной части социализировались в условиях именно малых локальных сообществ. Наконец, если мы хотим остановить депопуляцию территорий, изучение происходящих там процессов является остро необходимым. Последнее же требует в том числе и применения особого исследовательского метода.

В западной социологии еще в 1967 г. была сформулирована концепция «grounded theory» А. Штраусом и Б. Глэйзером [19]. Суть этого исследовательского подхода заключалась в том, что сбор данных предшествует теории. Исследователь, приступая к работе, дистанцируется от теоретических концептов, и собирает данные, не пытаясь их структурировать под заранее подготовленные концепты и гипотезы. А теоретизирование осуществляется как бы параллельно сбору данных, в процессе работы. Обобщенные категории формулируются с помощью сравнительного метода [18, с. 54]. Накопление же некоторой критической массы данных дает толчок и для рывка на новый уровень теоретического осмысления, созданий новой концепции, носящей не отвлеченный, но «корневой» или «заземленный» характер. Нельзя сказать, чтобы этот подход стал особенно популярным, и прежде всего потому, что полностью свободным от теоретического багажа исследователь в принципе быть не может. Таким может быть только человек, не имеющий социологического образования вовсе, но он и не сможет увидеть того, что необходимо. В противном случае все туристы могли бы быть «включенными наблюдателями» в локальностях. Однако подход Штрауса – Глэйзера мы всегда имели в виду, прежде всего в том отношении, чтобы не формулировать гипотез до посещения конкретной локальности, а заготовленные программы исследований другими методами (например, гайды для интервью), всегда корректировать в процессе работы, сообразно увиденному.

Существенное значение для представляемого метода имеет также визуальная социология. У истоков последней стоит Г. Беккер, в 1970-х гг. изучавший социологическое значение фотографии. Он рассматривал фотографию прежде всего как объект исследования и положил начало визуальному анализу в узком смысле, где «социологи сами не фотографируют, а сидят дома, анализируя фотографии, сделанные другими» [1, с. 86] с целью выявления некоторых маркеров, обознача-

ющих важные для них характеристики изучаемого объекта – социума. Позднее более широкое распространение получила визуальная социология, применяющая метод исследовательской фотографии, когда «фотография изготавливается исследователем и им же анализируется» [1, с. 89], т. е. фотография стала уже не столько объектом, сколько инструментом исследования. Это направление в США и Европе разрабатывалось многими исследователями, часто работавшими на стыке социологии, психологии и социальной антропологии. Наиболее известным из них, по крайней мере в нашей стране, является П. Штомпка. Его работа, посвященная данному исследовательскому методу (и переведенная на русский язык [16]), может рассматриваться как эталонная в данной области знания. Э. Чаплин обратила внимание и на другие формы визуального, помимо фотографии, Н. Дензин – на социальное значение кинофильмов. С начала XXI века получили распространение и нефотографические методики визуальной социологии, связанные с непосредственным осмотром объектов [10]. Сюда же можно отнести методы биографической прогулки [10, с. 56], ментальных карт [10, с. 61] и т. п. Среди отечественных ученых вопросы использования как фотографических, так и нефотографических визуальных методов в социологических исследованиях затрагивали А. Н. Андреев [1], А. В. Ваньке и А. В. Стрельникова [10], А. В. Нименский [4], А. В. Шапиева [13], Е. В. Шапкина [14] и др. авторы; также Л. П. Галич и Т. Н. Шушунова из Республики Беларусь [2].

Особенно значим для нас принцип исследовательской фотографии, но мы иначе подходим к ключевому вопросу метода. Фотография у нас не является ни объектом, ни инструментом исследования, но способом передачи широкой аудитории неформализуемых данных[1], получаемых иными путями, прежде всего непосредственным наблюдением на месте.

Сущность метода и особенности его применения

Данный метод можно назвать «методом феноменологического погружения» в локальность. Перефразируя Штрауса и Глэйзера, можно охарактеризовать его как «grounded methodics». Этот «при(за)земленный метод» не разрабатывался заранее, не производился дедуктивно из теоретических концептов, но рождался непосредственно в процессе полевых исследований в российских локальных сообществах.

В целом теоретическое обоснование данного метода, кратко представленное в предыдущем разделе, вторично, – оно разрабатывалось уже постфактум, в процессе осмысления опыта, приобретенного в ходе работы «на земле», в локальностях. Длительный процесс разработки и апробаций метода был отражен в предшествующих работах автора [5; 7; 8].

Наиболее важным элементом метода является личное присутствие исследователя в локальном сообществе и погружение его в жизненную среду. Значение фотографии сохраняется, но важно, чтобы все

[1] Идея предложена О. В. Аксеновой и Н. В. Левченко.

снимки выполнялись самим исследователем, дабы при их демонстрации он мог разъяснить аудитории обстоятельства фиксации изображения. В этом отношении фотография может служить только иллюстрацией к сделанным наблюдениям.

Основным объектом наблюдения и анализа является пространство повседневной жизни. За исключением личных жилищ, куда проникнуть, по понятным причинам, нет возможности[1], это дворы, улицы, площади, скверы, объекты инфраструктуры и т. д. Маркеры традиций и инноваций, общего и особенного, можно обнаружить просто при внимательном осмотре улиц поселений (кейс 1) или торговых точек (кейс 4). Но им одним работа не ограничивается. Важно не только всматриваться, но и вслушиваться. Порой, случайно услышанный разговор (в кафе, магазине, транспорте) может дать информации больше, чем целое интервью. Также исследователю полезно по возможности вступать в ситуативное общение (в отличие от интервью, здесь не раскрывается факт проведения исследования) с местными жителями, в процессе которого можно получить важные данные или скорректировать гайд для бесед с респондентами. Здесь важно отметить именно участие опытных исследователей, причем прибывших в экспедицию из научного центра. Они могут выявить то, что для местных жителей, даже специалистов-социологов из данного региона, не было заметно в силу самоочевидности, порожденной привычностью, обыденностью явления. Эффективность метода прямо зависит и от широты кругозора исследователя. Чем шире эрудиция, прежде всего в сферах истории, культуры, религии, тем больше маркеров традиции и инновации, общего и специфичного он способен зафиксировать (кейс 5).

Этот метод позволяет и скорректировать, иногда существенно, оценку статистических данных. Так, если некая локальность (муниципальное образование) на основе анализа статистики определяется как депрессивная, работа непосредственно на месте может выявить, например, очень активную общественную, культурную жизнь, что уже может показать ошибочность оценки данной локальности как неперспективной (кейс 1).

Особое значение имеют учреждения культуры, и прежде всего краеведческие музеи, как хранители исторической памяти. Выявлено их наличие почти во всех муниципальных образованиях, часто они встречаются и в обычных поселениях, но, как правило, они не являются самостоятельными организациями, а сформированы при школе или библиотеке. Достаточно беглого ознакомления с экспозицией, чтобы получить представление о специфике не только региона, но конкретной локальности (кейс 6). Во всяком случае, первый объект, который предполагается посетить– это именно краеведческий музей.

Однако маркеры традиции могут выявляться и в ходе прогулки и внимательного осмотра пространства населенного пункта. Как пример можно привести характерные для Русского Севера резные оконные наличники (кейс 2). Фотографии позволяют увидеть, что они не только сохраня-

[1] Однако если во время наших экспедиций респонденты приглашали к себе домой, мы, как правило, не уклонялись.

ются на старинных домах, но и устанавливаются на новопостроенные. Но только при личном присутствии возможно определить, в каком архитектурном и инфраструктурном окружении находятся эти здания. А уже из бесед с местными жителями можно выяснить, кто именно их поставил, и какими мотивами руководствовался.

Наиболее заметным маркером традиции являются культовые здания, преимущественно православные храмы. Они, как исторические, так и новопостроенные, выявлены в большинстве населенных пунктов, причем, как правило, сразу попадают в поле зрения наблюдателя. А последнее тоже определимо только при личном присутствии. В иных случаях выяснялось, что история создания (воссоздания) храма весьма показательна, и может служить основанием для социологических выводов или же указать на возможные направления дальнейшего исследования (кейс 7).

Тем же методом в опыте российских локальных сообществ выявляется сочетание традиции и инновации, унификации и многообразия. Так, наличие во всех регионах, часто даже в малых, удаленных от важных дорог поселениях отмечено наличие магазинов крупных ритейлинговых сетей (Пятерочка, Магнит, Дикси, региональных), что можно определить как маркеры инновации и унификации (кейс 4).

Отдельно стоит сказать о включенном наблюдении за локальными массовыми мероприятиями (праздниками и фестивалями). Наиболее масштабные из них проводятся преимущественно в летнее время или в период зимних каникул. Однако, поскольку они рассчитаны преимущественно на туристов, там представляется в основном усредненный и коммерциализированный «глянцевый» образ региона, локальности. Анализ этого образа может дать понимание о стратегиях привлечения туристов, но именно о местной культурной специфике это скажет немного.

Но для нас гораздо более интересны локальные мероприятия, организуемые для местной аудитории. Такие проводятся в основном осенью (например, Фестиваль щей в пос. Ковернино Нижегородской обл. проходит в конце октября). Они, как правило, действительно отражают местную специфику, в них участвуют любительские коллективы, местные производители и частные ремесленники. Последние в подавляющем большинстве не участвуют в масштабных мероприятиях (федеральных и региональных ярмарках) и поэтому познакомиться с их работой возможно только на месте. По количеству присутствующих можно оценить уровень интереса местных жителей к локальным патриотическим проявлениям, общая атмосфера события может немало сказать об особенностях локальности и воспроизводстве некоторых местных традиций.

В итоге можно обозначить такую схему изучения объектов локальности (в порядке приоритетности):

1. Центральная площадь, где, как правило, располагается здание администрации.

2. Основные улицы.

3. Краеведческий музей.

4. Храм (при наличии, если их в поселении несколько – то основной, соборный – о чем можно узнать в том же музее или у местных жителей).

5. Мемориал Великой Отечественной войны (или историческим событиям, произошедшим в данных регионе, локальности).

6. Сетевые магазины.

7. Городской рынок (еще лучше – сезонная ярмарка, в дни ее проведения).

8. Центр народной культуры или художественный музей (при наличии).

9. Иные значимые объекты (сведения, о которых получаются на месте).

Это основная, базовая схема, которую приходится корректировать в зависимости от наличия времени и транспортных возможностей. По опыту автора можно сказать, что для достаточно полного ознакомления с поселением уровня районного центра достаточно двух рабочих дней. Однако на практике приходилось ограничиваться только одним днем, а во многих случаях – несколькими часами. В последнем случае осматривать следует именно те объекты, которые выше указаны на первых местах. Если и такой возможности не находилось – только центральные улицы и торговые точки, как наиболее плотные «узлы повседневности».

Вероятно, может показаться, что описанное выше имеет мало отношения к социологии, но это зависит от того, как понимать социологию. Если объектом внимания социологии служит общество как таковое, то любые процессы, протекающие в обществе, любые проявления жизни, имеют для нее значение. Согласно А. Шюцу, повседневность есть наиболее полная из всех жизненных сфер, охватывающая максимум возможных проявлений социального, потому непосредственное наблюдение за повседневностью/жизненным миром локальных сообществ и есть тот действенный социологический инструмент, который, конечно, не заменит, но существенно дополнит существующие методики, особенно в части исследования общих и особенных (специфических) социокультурных характеристик российских регионов.

Ограничения метода

Разумеется, данный метод не заменяет собой другие социологические исследовательские методики, так как имеет существенные ограничения.

В первую очередь это – субъективизм, поскольку отпечаток личности исследователя, его собственных взглядов и смысложизненных представлений особенно сильно влияет на работу данным методом. Исследовательский субъективизм может быть уменьшен при коллективной работе, когда в локальности работают одновременно 2–4 коллеги, которые по завершении работы (лучше ежедневно) собираются вместе и обсуждают увиденное, услышанное и т. п. Однако последнее требует значительно больших ресурсов и потому в настоящее время затруднительно.

Значительное место в данной методике занимает интуитивный элемент, но многими исследователями он отвергается как ненаучный. Действительно, интуитивное знание имеет недостаток, поскольку с большим трудом поддается верификации и адекватной трансляции. Тем не менее, полагаем, что в нашем случае оно необходимо. Так, опыт автора показывает, что отличия соседних регионов, например, Липецкой, Курской и Орловской областей могут ощущаться уже при пересечении их границ, но формулировка, которая при этом приходит в голову («дух другой»), не носит научного характера. Вопрос операционализации интуитивного элемента и придания ему интерсубъективного характера поэтому является в данной сфере очень важным, и, безусловно, требует дальнейшей проработки. Пока способом наиболее полной передачи является доклад с фотографической презентацией, причем все представляемые снимки должны быть выполнены самим докладчиком, чтобы он мог внятно разъяснить место, время, обстоятельства съемки, характеристики изображенного объекта.

Отдельную сложность представляет обучение исследователей работе по данному методу. Помимо того, что исследователь должен обладать социологической подготовкой и широкой эрудицией (а именно они отличают его от простого путешественника), он должен выработать определенную «насмотренность». Последняя не формируется в процессе формального образования, она появляется только с практическим опытом посещения локальностей, причем уже с определенным профессиональным «багажом». В ряде вузов с начала 2000-х ведется обучение методам визуальной социологии, в т. ч. и нефотографическим [9]. Однако, насколько нам известно, они направлены на урбанистические исследования, равно как и обучение происходит в крупных городах. А при переходе к исследованию локальностей полученные навыки приходится существенно переосмысливать.

Это создает своего рода замкнутый круг: чтобы эффективно применять данный метод, нужно сначала обрести опыт его применения, но обрести опыт невозможно без реальной работы в поле. Пока что единственный способ разорвать это круг – совместная работа в локальностях опытного исследователя и начинающего(их). Возможен и самостоятельный поиск, но это потребует большего времени для приобретения необходимого опыта, и особенно на первых порах, будет малоэффективно для сбора данных.

В силу сказанного, описанный нами метод может быть эффективным только в комплексе с другими качественными методами, такими как глубинные интервью, фокус-группы, ситуативное общение и т. п. Вместе с тем, в отличие, например, от метода биографической прогулки Анны Стрельниковой, где элементы визуализации и прямого наблюдения являются вспомогательными, дополняющими «интервью в движении» [10, с. 57], помогающими респонденту вспомнить какие-то детали важных событий его жизни, в нашем методе прямое наблюдение и «переживание» исследователем атмосферы конкретной локальности является исходной точкой исследовательской работы.

Исследовательский опыт: кейсы

Кейс 1. Статистика и прогулки по городу

Еще в 2013 г., в начале деятельности по изучению регионов, автор посетил г. Шуя Ивановской обл., а в 2016 г. – Гусь-Хрустальный Владимирской обл. Ивановская область на основании анализа социально-экономических показателей считалась регионом бедным, депрессивным, малоперспективным. Владимирская область в силу своего географического положения (через регион проходят автомобильная и ж/д магистрали, соединяющие Москву с Нижним Новгородом и восточными регионами, а также стратегически важный водный путь по р. Оке Москва – Коломна – Рязань – Муром – Н. Новгород) была в лучшем состоянии, но также никогда не причислялась к богатым и процветающим регионам. Причем местом проведения исследований были выбраны не областные столицы, а города небольшие, даже в своих регионах находящиеся не в лидерах по экономическим показателям.

Рис. 1. Площадь в г. Шуя Ивановской обл. Июнь 2013 г.
Figure 1. Area in the city of Shuya, Ivanovo region. June 2013.

Рис. 2. Улица и городской сквер в г. Гусь-Хрустальный Владимирской обл. Октябрь 2016 г.

Figure 2. Street and city square in Gus-Khrustalny, Vladimir region. October 2016.

Но просто прогулка по городу показала, что улицы там – чистые (рис. 1 и 2)[1], урны (где они есть) не опрокинуты, и не переполнены (значит, опорожняются регулярно), уличное освещение функционирует. В многоквартирных домах в большинстве окон вставлены пластиковые рамы со стеклопакетами (т. н. евроокна), а в частном секторе – в основном дома ухожены, заборы покрашены. Это позволило сделать вывод, что несмотря на непростую экономическую ситуацию, жители заботятся как о своем жилье, так и городской среде, стараются поддерживать их в надлежащем состоянии и у них имеются для этого ресурсы. Так, всего одна прогулка по городу, позволила, конечно, не поставить под сомнение все официальные показатели социально-экономического развития, но задуматься об их корректировке. Очевидно, оценка того или иного региона как «передового» или «депрессивного» не должна базироваться только на статистических данных.

[1] Согласно нашему методу, все представленные здесь и далее фотографии выполнены автором лично.

Кейс 2. Резные окна

На Русском Севере и Сибири характерным элементом архитектуры являются резные оконные наличники. Широкое их распространение восходит, как минимум, к XVII в. Также это характерно и для Поволжья, вплоть до Самары, но там возникло позже по несколько иной причине. Начиная со взятия Казани русским войском в 1552 г., Волга сделалась основной транспортной артерией страны. Главным транспортным средством служили баржи, часто на человеческой (бурлацкой) тяге. Эти баржи обильно украшались резьбой, что первоначально, видимо, носило ритуально-магический характер, а в более позднее время стало формой соревнования судовладельцев. Чья баржа роскошнее выглядит, у кого искуснее резьба, тот и молодец[1]. С появлением пароходного флота в 1860х гг. частные баржи утратили смысл, вместо них стали строить огромные «понтоны», буксировавшиеся пароходами, и украшать их резьбой уже не было нужды. Тогда многочисленные резчики, ранее работавшие на волжских купцов-судовладельцев, пошли по деревням, предлагая свои услуги крестьянам. А поскольку таких мастеров поначалу было много, конкуренция была высока, то многие соглашались работать за очень скромную плату. В результате избы даже небогатых крестьян по всему Поволжью, особенно в Нижегородчине, украсились тонкой, искусной деревянной резьбой.

В элементах резьбы воспроизводятся как жанровые сценки, так и религиозная символика, и даже символы природных циклов и аграрной магии, восходящие к глубочайшей архаике. Фотографии позволяют увидеть, что они не только сохраняются на старинных домах, но и устанавливаются на новопостроенные. Так, в Иркутске на ул. Седова в 2010-х построен Исторический квартал, представляющий собой некоторую реконструкцию старинного, дореволюционного Иркутска (рис. 3). Все здания там обильно украшены деревянной резьбой, наличниками, повторяющими подлинные, старинные. Из общения с местными жителями удалось выяснить, что далеко не все приветствовали этот проект. Многие выражали недовольство тем, что в домах Исторического квартала разместили магазины, рестораны, разного рода увеселительные заведения и т. п. Все оказалось увешано неоновыми вывесками, в некоторых окнах были выставлены жк-мониторы и это, конечно, вызвало многочисленные обвинения в искажении исторического облика, китче и «опопсении» со стороны творческой интеллигенции региона. Вместе с тем, здесь мы видим явное, буквально бьющее в глаза совмещение традиции и инновации. Постройка Исторического квартала – крупный проект, осуществленный городом совместно с властями региона и его можно рассматривать как пример инициативы сверху.

[1] См. произведения П. И. Мельникова-Печерского.

Рис. 3. Ул. Седова в Иркутске. Апрель 2019 г.
Figure 3. Sedov Street in Irkutsk. April 2019.

Приведем другой пример. При посещении сел Костромской и Вологодской областей, в частности с. Домнино (Сусанинский р-н Костромской обл.), сел Ферапонтово и Горицы (Кирилловский р-н Вологодской обл.) автор лично наблюдал, что на значительной части, едва ли не большинстве домов, в т. ч. явно построенных уже на рубеже XX–XXI вв. имеются резные наличники (рис. 4). Некоторые из них производили впечатление настоящих произведений искусства. Из бесед с местными жителями удалось выяснить, что для них является естественным устанавливать такие наличники на дома и все стараются это делать. Исключением является, скорее их отсутствие. А происхождение наличников различно: одни используют старинные, снятые с ветхих, аварийных зданий; другие покупают на строительных рынках, и как выяснилось в этих регионах это целая отрасль бизнеса; третьи заказывают у частных мастеров; иные даже делают их сами. Не устанавливают наличники на свои дома либо дачники, приезжающие из других регионов, либо люди бедные, у которых на это просто не хватает средств. В городах Кострома, Вологда украшения в виде традиционных наличников встречались даже на типовых многоэтажных домах.

Рис. 4. Частный дом в пос. Сусанино Костромской обл. Июль 2017 г.
Figure 4. Private house in the village of Susanino, Kostroma region. July 2017.

При этом обнаружить что-то подобное в Рязанской или Воронежской областях не удалось. Это может свидетельствовать о наличии определенной традиции, специфичной для некоторых регионов страны. И традиция воспроизводится, адаптируясь под изменяющиеся реалии, встраивается в современное общество. При этом воспроизводство осуществляется не административными мерами, а посредством агрегации частных инициатив. Для предмета же данной статьи важно отметить, что выявить этот феномен иначе, как посетив конкретные локальности, было невозможно, т. к. если об этих наличниках и упоминается в литературе, то только в этнографической, как об элементе ушедшей сельской культуры.

Кейс 3. Памятники и уход за ними

Значение мемориализации исторических событий трудно переоценить. В нынешней ситуации забота о памятниках, особенно о воинских мемориалах Великой Отечественной войны, становится делом государственной важности. Наш метод позволяет по нескольким признакам определить (как минимум, предположить), насколько выражено в той или иной локальности уважительное отношение к мемориальным объектам.

Характерным примером является памятник в центральной части г. Волгограда (рис. 5). Изначально на этом месте были похоронены казненные белогвардейцами в 1919 г. большевики[1]. Во время Сталинградской битвы памятник оказался в эпицентре боев и серьезно пострадал, однако не был уничтожен полностью. Сразу после освобождения города около этого мемориала стали хоронить погибших советских бойцов, чьи тела лежали в подвалах по всему городу. Позднее мемориал был восстановлен почти что в первоначальном виде, и стал памятником двух войн[2]. При посещении данного монумента было отмечено, что у памятника лежат венки и цветы, судя по виду, возложенные недавно. А ведь снимок сделан много времени спустя после 9 мая и 22 июня – основных памятных дат, да к тому же в период пандемии covid-19, когда массовые акции почти не проводились. Таким образом, можно сделать вывод о сохранении живой традиции памяти, которая не просто существует в сознании, но имеет действенное проявление, как минимум в символических акциях.

Рис. 5. Мемориал Гражданской и Великой Отечественной войн на пл. Павших Борцов, г. Волгоград. Сентябрь 2020 г.

Figure 5. Memorial to the Civil and Great Patriotic Wars on Fallen Fighters Square, Volgograd. September 2020.

[1] На самом деле сложно сказать, кто именно стал жертвой расправы. Точных данных на этот счет не сохранилось. Весьма вероятно, что это были случайные люди, не имевшие к РКПб никакого отношения [265].

[2] Энциклопедия памятников и воинских захоронений Сталинграда. Отв. ред. А. В. Ситников, С. А. Егин. Волгоград: ВолГУ, 2023. С. 267.

Также можно привести как пример установленный в г. Кемерово памятник, повторяющий скульптуру Воина-освободителя работы Е. Вучетича в мемориальном комплексе Трептов-парк в Берлине. Установка именно такого памятника связана с тем, что прообразом оригинальной скульптуры послужил уроженец Кемеровской области Николай Масалов, во время уличных боев в Берлине спасший немецкую девочку. Данный памятник находится на окраине города, транспортная доступность там оставляет желать лучшего, тем не менее туда постоянно идут люди, в чем автор имел возможность убедиться лично. К его подножию постоянно приносят цветы, не только в какие-либо памятные даты. Важно отметить, что преимущественно это не венки, корзины, даже не букеты, которые могли бы возлагать организованные группы, делегации и т. п. Это большое количество красных гвоздик, очевидно приносимых по 2–4 шт. многочисленными посетителями (рис. 6). Чем именно вызвано такое отношение сказать сложно, не прибегая к иным методам исследования. Но на этом примере можно видеть, как при помощи данного метода можно определить точки, направления особого исследовательского внимания в конкретных регионе, локальности.

Рис. 6. Подножие мемориала Воину-освободителю, г. Кемерово. Апрель 2023 г.
Figure 6. The base of the memorial to the Liberator Soldier, Kemerovo. April 2023.

Еще пример – мемориал на братской могиле в Калужской области (рис. 7). Там захоронены бойцы, погибшие вместе с генералом М. Г. Ефремовым в апреле 1942 г. при попытке выхода из окружения. Могила находится в труднодоступном месте, в глухом лесу, даже грунтовой дороги туда нет; есть только колея, пересекающая речку, которую надо преодолевать вброд. Тем не менее, рядом с советским памятным знаком там установлен поклонный крест, и, как можно видеть, территория вокруг обихожена, у памятника немало цветов. Уже позднее, в ходе бесед с местными жителями, выяснилось, что туда приходят поисковики, юнармейцы и представители патриотических движений, ухаживают за памятником. Однако же без посещения этого места и задать соответствующий вопрос жителям просто не пришло бы в голову, и этот элемент социальной реальности остался бы вне поля зрения.

Рис. 7. Братская могила и памятный знак М. Г. Ефремову, лесная поляна западнее дер. Тарасовка, село Климов Завод Юхновского района Калужской обл. Август 2021 г.

Figure 7. Mass grave and memorial sign to M. G. Efremov, forest clearing west of the village of Tarasovka, Klimov Zavod village, Yukhnovsky district, Kaluga region. August 2021.

Кейс 4. Сетевые магазины

Во всех регионах, которые посещались автором, присутствуют ритейлинговые сети. Помимо федеральных сетей (Перекресток, Лента, Пятерочка, Магнит, Дикси) существуют и сети региональные, действующие только в одном или нескольких соседних субъектах РФ. Однако в магазинах этих сетей в разных регионах ассортимент товаров несколько различался. В основном в них были представлены товары одних и тех же популярных марок (молочные продукты: Домик в деревне, Белый город, Авида, Экоферма; макаронные изделия: МакФа, Шебекинские, Maltagliati; печенье – Любятово, Посиделкино, Хлебный Спас). Как правило, на полках присутствовали товары и местных производителей. В первую очередь, это касалось скоропортящихся продуктов, такие как свежее молоко, творог, сметана, хлеб и т. д. В ряде регионов в сетевых магазинах возле товаров местных производителей рядом с ценниками замечены таблички «Покупай родное», «Местный продукт» или нечто подобное. Очень часто фиксировалось наличие в этих магазинах традиционных для региона продуктов (чак-чак и баурсак в Татарстане, шартан в Чувашии, буузы в Бурятии, особые молочные продукты в Вологодской обл. и т. п.). Притом в аналогичном магазине соседнего региона, даже расположенном очень близко к границе, таких продуктов, как правило, не наблюдалось. В сетевом магазине г. Октябрьский (Башкортостан) на полках было несколько видов чак-чака башкирского производства, татарского там не обнаружено. В расположенном в 15 км, но уже в Татарстане г. Бавлы в магазинах было много чак-чака из Казани, Бугульмы, но ни одного вида его башкирского производства. Это указывает на специфику межрегиональных экономических связей. Для социологии повседневности подобные нюансы могут быть весьма значимы, но зафиксировать их иначе, как непосредственно посетив локальность (и осмотрев хотя бы два магазина), невозможно.

Кейс 5. Копченый гусь

Автору этих строк пришлось, двигаясь на автомобиле по Республике Татарстан в сторону Самарской обл., проезжать через с. Именьково (Лаишевский р-н). Из автомобиля было видно, что по обеим сторонам главной улицы села – Советской стоит большое количество лотков с козырьками и на них разложены тушки птиц, наподобие жареных кур. Остановившись и расспросив торгующих, удалось выяснить, что это – копченые гуси. В этом селе, расположенном на берегу р. Кама издавна разводили и коптили гусей.

Из литературы автору было известно, что копченые гуси – это весьма древний элемент русской гастрономической традиции. Именно копченые гуси (а не говядина или свинина) – главные консервы средневековой Руси, да и Российской империи. Они составляли львиную долю в продовольственном обеспечении русского войска в походах. Кроме того, гусиные перья использовались для письма, а гусиный пух – для набивки спальных принадлежностей. Поэтому разведение гусей было важнейшей отраслью

русского сельского хозяйства, основным же центром его – все Приволжье, от Рыбинска до Царицына (современный Волгоград). Поставки копченых гусей для нужд армии были настолько лакомым куском, что за них приволжское купечество вело настоящие войны. Изобретение металлического пера для письма и способа термического консервирования мяса (тушенка) подсекло гусиный бизнес под самый корень. Приблизительно с 1870-х гг. он схлопнулся за непродолжительное время и традиция копчения была быстро забыта. Но каким-то чудом именно в Именьково она сохранилась, передаваясь из поколения в поколение, и дошла до XXI в. А поскольку через село сегодня проходит оживленная трасса, по которой следует много тяжелых фур, то водители обеспечивают спрос. Многие постоянно курсируют через село, и уже привыкли, что там можно недорого подкрепиться, поэтому бизнес местных жителей успешно функционирует.

Так случайно увиденное указало на факт сохранения древней традиции не как музейного артефакта, но как части социальной реальности, посредством встраивания ее в современные экономические процессы. Вместе с тем, этот пример показывает, насколько важна в нашем методе эрудированность исследователя: не будь автор знаком со значением копченого гуся в прежние исторические периоды, это могло бы его не заинтересовать и данный факт остался бы вне внимания.

Кейс 6. Сельский школьный музей

Во время поездки в Липецкую обл., посвященную 200-летию выдающегося русского социального мыслителя Н. Я. Данилевского, автор посетил пос. Измалково, поскольку именно на территории Измалковского района расположено село Оберец, в котором, предположительно, родился Данилевский (др. версия, которой придерживаются орловские краеведы – с. Остров, Ливенский р-н Орловской обл.). В ходе беседы с представителем администрации района выяснилось, что в с. Преображенье в местной школе существует небольшой музей, в котором имеется экспозиция, посвященная Данилевскому. Тогда было принято решение вопреки первоначальному плану, немедленно направиться в с. Преображенье и осмотреть данный музей. В результате выяснилось, что этот школьный музей действительно существует, и он достаточно хорошо укомплектован для небольшого, в общем, населенного пункта (рис. 8). Кроме Данилевского, там представлены материалы, связанные со знаменитым советским ударником А. Стахановым (он родился в тех местах), шахтерские инструменты, образцы каменного угля. Также представлены материалы об отличившихся выпускниках школы. Этот пример показывает, как сведения, получаемые в ходе самой экспедиции, вносят коррективы в первоначальную программу, в результате чего удается получить значимые данные. В частности, здесь удалось убедиться, что работа по сохранению исторической памяти, в т.ч. о специфических местных событиях, ведется силами энтузиастов и поддерживается администрацией даже в малых, удаленных от оживленных дорог населенных пунктах.

Рис. 8. *Фрагмент экспозиции школьного музея в с. Преображенье Измалковского м.о. Липецкой обл. Октябрь 2022 г.*

Figure 8. Fragment of the exposition of the school museum in the village of Preobrazhenye, Izmalkovsky District, Lipetsk Region. October 2022.

Кейс 7. Храм на Амуре

При посещении города Комсомольск-на-Амуре автору пришлось увидеть православный храм весьма своеобразной архитектуры (рис. 9). В дальнейшем, из беседы с представителем епархии выяснилось, что это первоначально был частный дом, в котором еще в 1970-х гг. был образован церковный приход, по некоторым сведениям, первый на всем Дальнем Востоке, созданный позже 1917 г. При этом надо иметь в виду, что Комсомольск-на-Амуре – город новый, построенный при советской власти, в котором в принципе не могло быть исторических храмов (за исключением одного, церкви в с. Пермском, находившемся на месте одного из районов города).

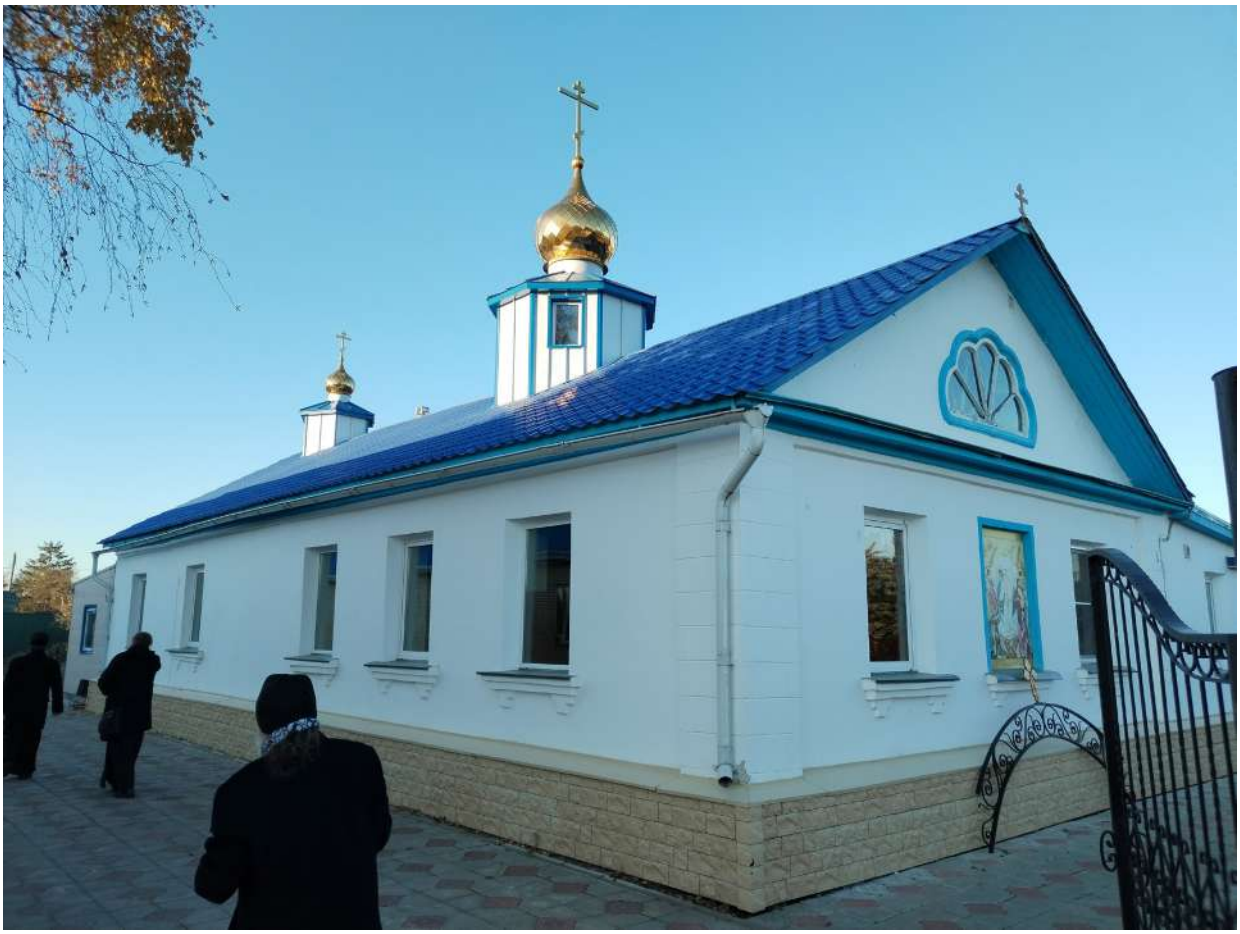

Рис. 9. Храм Успения Пресвятой Богородицы, г. Комсомольск-на-Амуре, Хабаровский кр. Октябрь 2025 г.

Figure 8. Church of the Dormition of the Blessed Virgin Mary, Komsomolsk-on-Amur, Khabarovsk Krai. October 2025.

Интерьер храма создавался исключительно усилиями местных жителей, иконы привозились из других регионов, опять же, частным образом. В храме даже были установлены поставцы (подсвечники для церковных свечей), сделанные прихожанами самостоятельно. Они сохранились и можно видеть, что они изготовлены из заводской алюминиевой посуды, тазиков для варки варенья и железнодорожных подстаканников (рис. 10). Яркий пример энтузиазма и народной смекалки. В настоящее время в городе построены православные храмы, но и этот храм не заброшен, прихожане заботятся о нем, что можно видеть просто по его состоянию.

Рис. 10. Самодельный поставец. Ок. 1975. г. Комсомольск-на-Амуре, Хабаровский кр. Октябрь 2025 г.

Figure 10. Homemade church candlestick. Circa 1975. Komsomolsk-on-Amur, Khabarovsk Krai. October 2025.

Этот пример указывает на то, что в новом советском городе, не имеющем какой-либо церковной традиции, были люди, имевшие потребность в вере и церковной жизни, и, главное, способные к самоорганизации. История этого сообщества, причины его возникновения, требуют отдельного исследования другими методами. Данный пример, однако, показывает, что даже поставить вопрос таким образом, не увидев данный храм, было бы невозможно. А как можно было увидеть его, не посетив локальности?

Заключение

Метод, названный нами «феноменологическим погружением», был разработан на основе практик исследований в российских регионах и локальных сообществах, показавших свою эффективность в ходе многочисленных экспедиций. Хотя сам базовый принцип этого метода предполагает, что он постоянно корректируется, так что разработка его продолжается. Приведенные в данной статье примеры (кейсы) показывают, как с помощью этого метода можно формировать гипотезы, корректировать данные из других источников, вносить изменения в программы исследований и рабочие материалы (гайды интервью, к примеру).

Предлагаемый метод, помимо выявления маркеров инновационного и традиционного, общего и особенного (типологизация этих маркеров – задача будущей работы), позволяет верифицировать данные полученный с помощью классических методик, корректировать направление и задачи исследования.

Данный метод не исчерпывается визуальной социологией, сосредоточенной на анализе фотографий. Более того, роль фотографии здесь иная – это не объект и не инструмент исследования, но способ передачи неформализуемых данных, почему она всегда идет в комплексе с вербальными описаниями. При этом, в отличие от нефотографических визуальных методов, биографических прогулок и пр., прямое наблюдение носит не вспомогательный, а базисный характер.

Сегодня разнообразные данные о регионах, включая подборки фотографий можно получать, не отходя от монитора (например, с помощью сервисов «Панорамы» и «Зеркала» на Яндекс-картах[1]). Но при этом никакие фотографии и даже видеоматериалы не могут передать главного: атмосферу жизни, непосредственного ощущения жизненной среды локальности. СМИ и блогосфера полны взаимоисключающей информации, верифицировать которую невозможно, не прибегая к непосредственному наблюдению.

Представленный метод имеет существенные ограничения, как то: субъективизм, затруднения трансляции полученных данных, сложность подготовки исследователей. Однако их возможно в некоторой степени преодолеть, прежде всего применяя метод не изолированно, а в комплексе с иными качественными исследовательскими методиками. Однако визуально-интуитивный метод (или феноменологическое погружение) предполагается нами как исходный, поскольку именно собранные с его помощью данные ложатся в основу исследований другими методами. Представляется, что именно комплекс качественных исследований, опирающихся на феноменологическое погружение, может способствовать получению наиболее основательного знания о российских локальных сообществах, их социокультурных особенностях и протекающих в них процессах.

[1] Яндекс карты. URL: https://yandex.ru/maps (дата обращения: 19.10.25).

Библиографический список

1. Андреев А. Н. Модель применения исследовательской фотографии при изучении социального взаимодействия // Социология 4М. 2019. № 49. С. 84–130. EDN: SVMTCA.

2. Галич Л. П., Шушунова Т. Н. Визуальное измерение социального мира в социологии // Социологический альманах. 2020. № 11. С. 20–27. EDN: LPFNJO.

3. Ионин Л. Г. Шюц (Schuetz) Альфред // Социологическая энциклопедия / Ред. Г. Ю. Семигин, В. Н. Иванов. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 2003. 863 с.

4. Нименский А. В. Фотография: от истоков и социальных функций до формирования общественного мнения // Теория и практика общественного развития. 2023. № 6. С. 99–103. DOI: 10.24158/tipor.2023.6.11; EDN: LPXLHC.

5. Подъячев К. В. Нижегородская область: индустриальный центр и хранитель ремесел // Вестник Института социологии. 2013. Т. 4. № 2. С. 75–90.

6. Подъячев К. В. Изучение особенностей социального развития России и гносеологические парадигмы: к вопросу о методологическом базисе современных социологических исследований // Известия Саратовского ун-та. Новая сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 366–372. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-4-366-372; EDN: VQLCPO.

7. Подъячев К. В. Качественные методы и «национальная социология»: к вопросу о теоретико-методологических аспектах изучения особенностей социальных процессов в России // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР / Отв. ред. И. Г. Кузина. Владивосток, ДВФУ, 2017. С. 275–277. EDN: YQFUKL.

8. Подъячев К. В., Халий И. А. Крым и Севастополь – регулярные трансформации или устойчивое постоянство? // Россия реформирующаяся: Ежегодник. Вып. 14 / Отв. ред. ак. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2016. С. 254–281. EDN: WBLZMN.

9. Семина М. В., Ганжа А. О. Визуальная социология и развитие социологического воображения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI. № 2. С. 153–167.

10. Стрельникова А. В., Ваньке А. В. Полевое исследование индустриального района: стратегии сбора и анализа визуальных данных // Интеракция. Интервью. Интерпретация (ИНТЕР). 2017. Т. 9. № 13. С. 51–72. EDN: ZHATQH.

11. Тощенко Ж. Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 399 с.

12. Черныш М. Ф. Инструмент массового опроса: логика и практика конструирования. М.: ФНИСЦ РАН, 2024. 304 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-430-7.2024; EDN: BJWSCJ.

13. Шапиева А. В. Визуальное измерение социального мира: опыт и потенциал фотографии в социологическом исследовании // Уфимский гуманитарный научный форум. 2024. № 4. С. 428–437. DOI: 10.47309/2713-2358-2024-4-428-437; EDN: HTAKCF

14. Шапкина Е. В. Применение визуального метода при изучении становления образовательной инфраструктуры КемГМУ // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2023. Т. 4. № 2. С. 42–50. EDN: GMEEGP.

15. Шацкий Е. История социологической мысли. В 2 тт Т. 2. / Пер. с польск. Е. Барзова и др. М.: НЛО, 2018. 720 с.

16. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования / Пер. с польск. Н. В. Морозовой. 2-е изд. М.: Логос, 2010. 168 с.

17. Энциклопедия памятников и воинских захоронений Сталинграда / Отв. ред. А .В. Ситников, С. А. Егин. Волгоград: ВолГУ, 2023. 364 с.

18. Явловский А. Метод анализа визуального материала как техника полевого исследования // Ученые записки ЗабГУ. 2015. № 4(63). С. 53–60.

19. Glaser B., Strauss A. L. Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research. Chicago: Aldine, 1967. 271 p.

Получено редакцией: 20.10.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Подъячев Кирилл Викторович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.6

On the Application of the Visual-Intuitive Method in Sociological Research of Russian Local Communities

Kirill V. Podyachev

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

kirvik@bk.ru

ORCID: 0000-0002-1342-7076

For citation: Podyachev K. V. On the application of the visual-intuitive method in sociological research of Russian local communities. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 4. P. 201–228. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.6; EDN: TTYJDC.

Abstract. This article substantiates the application of the author's visual-intuitive research method, called "phenomenological immersion," to the study of Russian local communities. This method was developed based on the author's fieldwork practices, conducted since 2013. The theoretical basis of the method is the phenomenological sociology of A. Schütz, the concept of the "lifeworld" of J. Habermas, and the developments of visual sociology. According to A. Schütz, everyday life encompasses the maximum possible manifestations of the social. Therefore, direct observation of the everyday life/lifeworld of local communities is considered in this article as a sociological tool that will significantly complement sociological methodologies, especially in terms of studying the general and specific sociocultural characteristics of Russian regions. When identifying the sociocultural characteristics of regions and local communities within a single country (as opposed to cross-national studies), the subtle nuances of social reality are of decisive importance. These nuances can be determined precisely through studying the living environment, for which this method appears to be the most effective. It also provides opportunities for adjusting guidelines for

classical qualitative research and more adequately evaluating statistical data. The author provides examples from his personal experience of fieldwork in Russian regions, demonstrating how this method can be used to formulate hypotheses, adjust data from other sources, and amend research programs and working materials. Visual sociology is a significant component of this method, but is not entirely identical to it, as the role of photography is different here. It is not an object or a research tool, but a means of conveying non-formalized data, which is why it is always combined with verbal descriptions. Moreover, unlike non-photographic visual methods, direct observation is not auxiliary but fundamental. The method has significant limitations, such as subjectivity, difficulties in communicating the obtained data, and the complexity of training researchers for the work. However, these can be overcome to some extent, primarily by using the method not in isolation, but in conjunction with other qualitative research methods.

Keywords: Russia, sociology, phenomenology, regions, sociocultural characteristics, local communities, visual analysis, participant observation

References

1. Andreev A. N. The model of application of research photography in the study of social interaction. *Sotsiologiya 4M*, 2019: 49: 84–130 (in Russ.). EDN: SVMTCA.

2. Galich L. P., Shushunova T. N. Visual measurement of social world in Sociology. *Sotsiologichesky almanakh*, 2020: 11: 84–130 (in Russ.). EDN: LPFNJO.

3. Ionin L. G. Schütz Alfred. Sotsiologicheskaya Encyklopedia [Sociological Encyclopedia]. Ed. by G. Y. Semigin, V. N. Ivanov. Vol. 2. Moscow, Mysl`, 2003: 863 (in Russ.).

4. Nimenskiy A. V. Photography: From Its Origins and Social Functions to the Formation of Public Opinion. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2023: 6: 99–103 (in Russ.). DOI: 10.24158/tipor.2023.6.11; EDN: LPXLHC.

5. Podyachev K. V. Nizhegorodskaya oblast': industrial'nyy tsentr i khranitel' remesel [Nizhny Novgorod region: an industrial center and keeper of trades]. *Vestnik instituta sotziologii*, 2013: 4: 2: 75–90 (in Russ.).

6. Podyachev K. V. On Studying the Peculiarities of Russian Social Development and Gnoseological Paradigms: Or the Question of the Methodological Basis of Contemporary Sociology. *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Novaya seriya. Sotsiologiya. Politologiya,* 2018: 18: 4: 366–372 (in Russ.). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-4-366-372; EDN: VQLCPO.

7. Podyachev K. V. Qualitative methods and "national sociology": on the issue of theoretical and methodological aspects of studying the characteristics of social processes in Russia. In Problems of modeling social processes: Russia and the countries of the Asia-Pacific region. Ed. by I. G. Kuzina. Vladivostok, DVFU, 2017: 314 (in Russ.). EDN: YQFUKL.

8. Podyachev K. V., Khaliy I. A. Crimea and city of Sebastopol – regular transformations or stable constancy? *Rossiya reformiruyushchayasya: Yezhegodnik. Vyp. 14* [Russia is reforming. Yearbook. Iss. 13]. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, Novy Khronograf, 2016: 496 (in Russ.). EDN: WBLZMN.

9. Siomina M. V., Ganjah A. O. Vizual'naya sotsiologiya i razvitiye sotsiologicheskogo voobrazheniya [Visual Sociology and the Development of Sociological Imagination]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2008: XI: 2: 15 –167 (in Russ.).

10. Strelnikova A. V., Vanke A. V. Field study of an industrial district: strategies for collecting and analyzing visual data. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya,* 2017: 9: 13: 51–72 (in Russ.). EDN: ZHATQH.

11. Toshchenko Zh. T. Sociology of Life. Moscow, Unity-Dana, 2016: 399 (in Russ.).

12. Chernysh M. F. Mass survey instrument: logic and practice of design. Moscow, FNISC RAN, 2024: 304 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-430-7.2024; EDN: BJWSCJ.

13. Shapieva A. V. The visual dimension of the social world: the experience and potential of photography in sociological research. *Ufimsky gumanitarny nauchny forum*, 2024: 4: 428–437 (in Russ.). DOI: 10.47309/2713-2358-2024-4-428-437: EDN: HTAKCF.

14. Shapkina E. V. Application of the visual method in the study of the KEMSMU educational infrastructure formation. *Vestnik obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk,* 2023: 2: 42–50 (in Russ.). EDN: GMEEGP.

15. Shatzky J. Istoriya sotzilogicheskoy mysli [The history of sociological thought]. Vol. 2. Transl. from Pol. by E. Barzova et al. Moscow, NLO, 2018: 720 (in Russ.).

16. Shtompka P. Vizualnaya sotsiologiya. Fotografija kak metod issledovaniya [The Visual sociology. Photography as a research method]. Transl. from Pol. by N. V. Morozova. 2nd ed. Moscow, Logos, 2010: 168 (in Russ.).

17. Encyclopedia of monuments and military graves of Stalingrad. Ed. by A. V. Sitnikov, S. A. Egin. Volgograd, VolGU, 2023: 364 (in Russ.).

18. Yavlovsky A. Method of analysis of visual material as a field research technique. *Uchionye zapiski ZabGU*, 2015: 4(63): 53–60 (in Russ.).

19. Glaser B., Strauss A. L. Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research. Chicago, Aldine, 1967: 271.

The article was submitted on: October 20, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kirill V. Podyachev, Candidate of Political Sciences, Leading researcher

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.7
EDN: UCXXTM

Материалистический дискурс-анализ как метод исследования политической коммуникации

Ссылка для цитирования: *Алабин А. Ю.* Материалистический дискурс-анализ как метод исследования политической коммуникации // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 4. С. 229–253. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.7; EDN: UCXXTM.
For citation: Alabin A. Yu. Materialistic discourse analysis as a method for studying political communication. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 4. P. 229–253. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.7; EDN: UCXXTM.

SPIN-код: 1822-1960

Алабин Антон Юрьевич[1]

[1]Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

alabin.fnisc@mail.ru

Аннотация. В данной статье представлена авторская версия метода дискурс-анализа, разработанная для исследования социальных и политических движений на основе изучения коммунистического дискурса. Идеологические конфликты внутри коммунистических организаций апеллируют к наследию теоретиков прошлого века. Участники споров отождествляют себя с определенными течениями и противопоставляют свои позиции оппонентам. Однако научный анализ этих размежеваний затруднен отсутствием адекватного методологического аппарата. Постмодернистские версии дискурс-анализа растворяют материальные отношения в языковых играх. Критические подходы фиксируют грамматические структуры, но не прослеживают связь текста с классовыми позициями его производителей. Историографические нарративы подбирают цитаты под заранее готовую схему. Эти ограничения порождают потребность в ином инструменте. Материалистический дискурс-анализ – метод выявления властных интересов в символическом пространстве. Теоретическую основу составляют положения о стереотипах У. Липпмана, категории политической коммуникации Г. Лассуэлла и процедуры контроля дискурса М. Фуко. Аналитическая схема разделяет дискурс на два измерения: вертикальное и горизонтальное. Вертикальное дробится на глубинный, средний и поверхностный уровни. Горизонтальное включает центр и периферию. Центр определяется референтным ядром дискурса.

Научная новизна материалистического дискурс-анализа заключается в рассмотрении дискурса не как языковой игры, а как социально обусловленного опредмеченного интереса, воспроизводящего отношения господства. Вертикальное измерение показывает превращение интересов в политические формулы. Горизонтальное измерение показывает механизм конкуренции за значения слов, использования процедур внешнего, внутрен-

него и социального контроля. Референтное ядро дискурса позволяет отследить эту борьбу за значения. Применение метода представлено разбором работы В. И. Ленина «Лучше меньше, да лучше». Референтным ядром дискурса выступают положения из «Критики Готской программы» К. Маркса. Процедура позволила зафиксировать точки совпадения двух дискурсов, их расхождения и специфические ленинские новации. К последним относятся акцент на качестве кадров, проблема удержания власти в аграрной стране, критика разрастающегося аппарата.

Предложенный метод помогает анализировать политические тексты, реконструировать идеологические дискурсы и политические формулы.

Ключевые слова: материалистический дискурс-анализ, идеология, стереотип, политическая доктрина, миф, унификация, дифференциация, коммунистический дискурс, Ленин, Маркс

Введение

В современных политических движениях воспроизводятся идеологические дискурсы прошлых веков. Это свидетельствует о преемственности по отношению к движениям прошлого. Коммунистический дискурс 1920-х гг. сегодня не только воспроизводится, но и разграничивает участников коммунистического движения на течения. Без методологического инструмента анализа этого размежевания исследователь вынужден принимать самоописания и самоидентификацию на веру либо конструировать свой нарратив без методологического обоснования. Первый путь, феноменологический, интерпретативный, подходит для анализа конкретных ситуаций, но не для генерализации наблюдений. Второй уменьшает валидность выводов и увеличивает сложность перепроверки другим исследователем. Разработка метода, способного преодолеть эту дилемму, является исследовательской целью. Результаты работы в этом направлении представлены в настоящей статье.

Политическая социология фокусируется на механизмах власти и воспроизводства господства через институты, нормы и символические формы. Классовый анализ К. Маркса, теория легитимного господства М. Вебера, концепция властвующей элиты Ч. Миллса при всех различиях сходятся в признании асимметрии власти как центрального факта социальной жизни. Каждый из них затрагивал роль идей в воспроизводстве господства. Однако систематическую разработку механизмов символической власти предложили С. Льюкс, М. Фуко и П. Бурдье: формирование предпочтений, контроль над дискурсом, символическое насилие. Дискурс-анализ представляет собой метод для рассмотрения этих отношений через изучение текстов, в которых интересы социальных групп получают символическое оформление.

Существует мнение, что дискурс-анализ смешивает материальное и идеальное, делая речь самым важным предметом анализа: «Отрицать наличие какого-либо существенного различия между дискурсом и реаль-

ностью, между осуществлением геноцида и разговорами о нем, означает, среди прочего, рационализацию этого состояния. Независимо от того, проецирует ли человек язык в материальную реальность или материальную реальность в язык, в результате подтверждается, что нет ничего важнее, чем говорить» (если не указано иное, переводы иностранных цитат выполнены автором; оригиналы приводятся в сносках. – *Прим. ред.*)[1] [18, p. 18]. При этом текст применяющих постмодернистскую оптику интеллектуалов ничего не значит: «Во многих случаях мы покажем, что если тексты кажутся непонятными, то это по той веской причине, что они ничего не значат»[2] [27, p. 6]. Гросс и Левитт приходят к схожему выводу: постмодернистские авторы демонстрируют поверхностное знание науки, прикрывая его претенциозной терминологией [23, p. 79–81]. Подобная критика ставит под сомнение применение дискурс-анализа в социологии. Однако замечания этих авторов касаются лишь одного конкретного направления.

Это направление в данной статье будет называться постмодернистским дискурс-анализом (в дальнейшем ПДА). Чаще всего он связывается с методологией Э. Лакло и Ш. Муфф. В их концепции дискурс определяет социальные практики, тогда как агенты лишь группируются вокруг него. Существуют направления критического дискурс-анализа, которые не разделяют установки ПДА. К ним относятся методологии Р. Водак, Т. ван Дейка и Н. Фэркло, которые относят к критическому дискурс-анализу (в дальнейшем КДА). Они признают наличие дискурсивных и недискурсивных практик, а следовательно, и объективный мир вне агентов дискурса.

Различие между ПДА и КДА раскрывает фундаментальный вопрос о связи реальности и представлений о ней. Материалистическая позиция исходит из первичности бытия по отношению к сознанию, поэтому сознание рассматривается как отражение материальной действительности [8, с. 91]. Однако это отражение не является непосредственным. Между объективными условиями и их восприятием стоит система категорий, через которые индивид интерпретирует мир. Они производятся в обществе и распределяются неравномерно.

Пресса, социальные институты, в том числе институт образования, создают псевдосреду для социальных субъектов. Последние рассматривают мир через призму сформированных структурами стереотипов. У. Липпман в своей работе «Общественное мнение» показал, что стереотипы формируются не индивидуальным опытом [9, с. 96]. Тот, кто контролирует производство псевдосреды, влияет на поведение индивидов без прямого принуждения. Псевдосреда представляет собой не ложное сознание в вульгарном смысле, а неизбежную редукцию сложности, которая становится объектом целенаправленного воздействия. Льюкс развил эту логику в кон-

[1] «To deny that there is any significant distinction between discourse and reality, between practising genocide and talking about it, is among other things a rationalization of this condition. Whether one projeccs language into material reality, or material reality into language, the result is to confirm that there is nothing as important as speaking».

[2] «In many cases we shall demonstrate that if the texts seem incomprehensible, it is for the excellent reason that they mean precisely nothing».

цепции третьего измерения власти. Власть достигает наибольшей эффективности с помощью формирования предпочтений подчиненных. Конфликт между господином и его слугами исключается, поскольку слуги не осознают собственных интересов [10, с. 46–47].

Социальные отношения воспроизводятся благодаря представлениям о «естественном» порядке вещей, легитимирующим практики, которые воспроизводят этот порядок. Дискурс опосредует социальные позиции и индоктринацию принятия своего положения в обществе. Вопрос для материалистического анализа состоит в том, какие социальные позиции производят какие дискурсы и как эти дискурсы закрепляют или оспаривают существующее распределение ресурсов.

Наиболее разработанную модель этой диалектической связи предлагает генетический структурализм П. Бурдье [4, с. 64]. Формирование габитуса зависит не только от объективных условий действия. Схемы восприятия и оценивания, составляющие габитус, выражаются в речи и воспроизводятся через нее [3, с. 106–107]. Дискурс выступает связующим звеном между габитусом индивида и социальной реальностью: «... роль школьного учителя, который учит говорить, а следовательно, и думать» [2]. Тем не менее генетический структурализм фокусируется преимущественно на условиях производства высказывания как позиции агента в поле и условиях его рецепции через габитус слушающего. Сама же внутренняя структура текста и конкретный способ конструирования инструмента идеологического воздействия часто остаются непроясненными или анализируются через внешние признаки легитимности. Для задач материалистического дискурс-анализа (в дальнейшем МДА) необходимо дополнить анализ позиций анализом механизмов внутри самого сообщения. Эти механизмы делают авторские позиции неочевидными для агентов. Нужен инструмент для выявления технологии превращения материального интереса в стереотип.

Социальные практики невозможно рассматривать вне отношений власти. Привилегированные группы реализуют власть не только через институты и правила, но и через производство нормативных представлений о мире. Липпман описал механизм формирования согласия. Управление через манипулирование информацией позволяет координировать действия больших масс людей, не имеющих непосредственного доступа к событиям. Производство согласия возможно только, если у агентов дискурса есть ресурсы для создания и распространения стереотипов.

Ж. Эллюль в «Феномене пропаганды» развил этот анализ. Он утверждал, что пропаганда есть не искажение информации, а необходимый элемент современного общества [14, с. 13]. Она работает не через прямую ложь, а через создание рамок интерпретации, задающих границы легитимных действий и мнений. Важно отметить, что горизонтальная пропаганда как взаимное убеждение внутри группы эффективнее вертикальной: «Именно в общении с другими человек постепенно понимает свои убеждения (те же, что и у коллектива в целом!), именно в общении он приходит к тому, что не может больше от них отказаться, в общении

он помогает и другим сформулировать свою точку зрения (ту же, что и у остальных)» [14, с. 135]. Для материалистического анализа это означает необходимость изучать не только движение информации из центра, но и механизмы ее присвоения и распространения на периферии.

Э. В. Ильенков показал механизм производства дискурса как процесс отчуждения между дискурсом, его производителями и потребителями. При разделении умственного и физического труда знание, произведенное коллективно, противостоит большинству индивидов как внешняя сила. «Ученый, профессионал-теоретик вещает им ведь не от своего личного имени, а от имени Науки, от имени Понятия, от имени вполне всеобщей, коллективно-безличной силы, выступая перед остальными людьми как ее доверенный и полномочный представитель» [5, с. 363–364]. Дискурс обретает власть не потому, что он истинен, а потому, что за ним стоит социально организованная институция.

Тем самым дискурс становится не просто «словами», а материальной силой, формирующей сознание и направляющей деятельность. Он материален в том смысле, что производится в определенных социальных условиях, требует ресурсов для производства и распространения, имеет реальные последствия для практик и распределен неравномерно, как любой другой ресурс. Материалистическое понимание дискурса было частично разработано в советской философии, но развивается сегодня независимо от нее.

Однако здесь возникает фундаментальное методологическое противоречие. В КДА метод дискурс-анализа остается лингвистическим, хотя и признается существование материального мира. Дискурс рассматривается только как грамматические конструкции. В МДА понимание дискурса расширяется. В данной работе дискурс рассматривается как опредмеченные интересы социальных групп, воспроизводящие отношения господства в обществе. Отсутствие метода, который позволял бы операционализировать материалистическую онтологию и объяснить, каким образом стереотип становится экономической или политической силой, создает разрыв между теорией и эмпирическим анализом. Сокращение этого разрыва и составляет научную проблему данного исследования.

На Западе материалистический подход к дискурс-анализу разрабатывают Й. Биц и В. Шваб [25, p. X; 29]. Еще один исследователь, С. Канагараджа, переосмысляет материальные условия языковой политики: «Я занимаюсь изучением марксистских подходов к языку… чтобы углубить материалистическую перспективу в языковой политике»[1] [17, p. 101]. Уже проводятся эмпирические исследования на базе МДА [26, p. 1]. Настоящая статья развивает эту проблематику и предлагает методологическую рамку МДА для задач политической социологии. Но полная интеграция указанных теоретических положений в аналитический аппарат требует дальнейшей разработки.

[1] «I engage with Marxist orientations to language… to deepen the materialist perspective on language politics».

Статья состоит из четырех разделов. В первом разделе рассматриваются ограничения существующих подходов к анализу дискурса. Во втором излагается метод материалистического дискурс-анализа. В третьем проводится демонстрация метода на примере статьи В. И. Ленина. В четвертом формулируются выводы и перспективы исследования.

Ограничения существующих подходов к анализу дискурса

Постмодернистский дискурс-анализ

ПДА связан с именами Э. Лакло и Ш. Муфф. В их концепции все социальное является результатом дискурсивных практик [24, p. 107]. Физические объекты существуют реально, однако их социальная сущность раскрывается только внутри определенного дискурса [24, p. 108]. Социальные группы и их интересы конструируются и определяются дискурсом [24, p. 98, 106]. Тем самым экономические отношения сводятся к лингвистическим [24, p. 107].

Социальные изменения в теории Лакло и Муфф происходят через артикуляцию. Артикуляция представляет собой практику установления отношений между элементами, в результате которой изменяется их идентичность [24, p. 105, 114]. Изменения являются результатом борьбы дискурсов, где один дискурс подавляет другой через гегемонию [24, p. 112, 136]. Гегемония «сшивает» разрозненные требования в политическое единство посредством цепочек эквивалентности [24, p. 113, 130]. Без признания объективных интересов невозможно объяснить, почему объединяются именно эти требования, а не другие. Отказ от «эссенциализма» лишает теорию возможности предложить альтернативу существующим институтам.

Н. Герас квалифицировал эту позицию как философский идеализм, отрицающий существование объективной внедискурсивной реальности [22, p. 65–66]. Он подчеркивал, что без признания внедискурсивной реальности и внетеоретической объективности исчезает основа для рационального исследования и осмысленной коммуникации между различными позициями [22, p. 65]. Е. Вуд указала, что отказ от признания объективных социальных отношений и тотализирующей логики капитализма лишает теорию возможности объяснить устойчивые структуры господства, встроенные в систему производственных отношений [30, p. 247–256]. Кроме того, дискурсивный анализ не способен объяснить, почему одни дискурсы становятся доминирующими, а другие маргинализируются, поскольку отрицание объективных оснований скрывает реальные условия их формирования [22, p. 69].

ПДА не может ответить на центральный вопрос материалистического анализа: какие социальные позиции производят какие дискурсы и как эти дискурсы закрепляют существующее распределение ресурсов. Рамки интерпретации в этой теории возникают из борьбы дискурсов, но сама борьба лишена материального основания. Теория описывает, как дискурсы

конкурируют, но не объясняет, почему агенты, занимающие определенные позиции в системе производства, располагают ресурсами для создания и распространения своих дискурсов [25, p. 116–117].

ПДА не способен адекватно анализировать материальные властные отношения, основанные на контроле над средствами производства. Э. Лакло и Ш. Муфф отвергают модель базиса и надстройки, объединив их в единое целое. В их теории все социоэкономические структуры оказываются дискурсивно сконструированными. Однако властные отношения основаны на отчуждении трудящихся от средств производства, что вынуждает их продавать рабочую силу. Это материальная реальность, а не дискурсивная конструкция. ПДА отвергает марксистский тезис о пролетариате как главном агенте социальных изменений, заменяя анализ социальных позиций цепочками эквивалентности разрозненных требований. Это ведет к политическому волюнтаризму: если нет объективного субъекта изменений, то политическое действие сводится к произвольному конструированию идентичностей, оторванному от классовых интересов. Отвергая связь между социальными позициями и политическими притязаниями, теория превращает политику в борьбу нарративов, лишенную материального основания.

Идеология функционирует как система категорий, через которую различные социальные группы воспринимают и интерпретируют мир. Изучение дискурса как формы власти требует анализа связи между социальными позициями и производимыми ими способами господства [15, p. 104]. ПДА не позволяет проследить, каким образом представление, укорененное в определенной позиции, становится экономической или политической силой. Этот разрыв между дескриптивными возможностями теории и задачами политической социологии обосновывает необходимость иного подхода.

Текстуально-ориентированный критический дискурс-анализ

Существует направление дискурс-анализа, признающее объективную реальность. Для него характерно признание социальных действий как наиболее общих, а дискурсивные акты рассматриваются как часть социальных действий [20, p. 70]. Его текстуально-ориентированная версия (в дальнейшем ТО-КДА) представлена работами Т. ван Дейка, Н. Фэркло и Р. Водак. Отличие между их подходами лежит в том, насколько точно они понимают различия между социальным и дискурсивным. Т. ван Дейк ввел понимание когнитивного для описания тех сложностей, с которыми сталкиваются социальные агенты, однако его когнитивные модели лишь в ограниченной степени привязаны к классовым позициям и материальным интересам [28, p. 118–119]. Н. Фэркло использовал понятие идеологии, чтобы показать зависимость социальных практик от власти [21, p. 64]. Р. Водак рассматривала дискурс через связь исторического и социального [29, s. 52–53].

Однако методы анализа, которыми пользовались указанные авторы, сфокусированы на отдельных произведениях. Трудоемкость анализа у них связана с детальной проработкой лингвистической стороны вопроса. Детальный лингвистический анализ при этом не снимает проблем интерпретации и делает дискурс-анализ зависимым от исследовательского включения в определенный идеологический дискурс. Современный исследователь М. Ирецбергер справедливо критикует метод Н. Фэркло за то, что при всей декларации материалистического анализа он остается преимущественно на текстуальном уровне [25, p. 120]. Материальные отношения при этом выносятся за пределы аналитической схемы исследования.

Дискурс в рамках анализа предстает как нечто уже артикулированное определенным социальным агентом, который не исключен из социального поля. Его текст – это ставка в игре по усилению собственной диспозиции, а следовательно, произведение содержит его диспозиционную оценку [4, с. 84–86]. Материальные отношения нельзя редуцировать до уровня происхождения дискурса, их анализ требует отдельного рассмотрения; однако учитывать их необходимо при интерпретации текста [25, p. 32]. Липпман, критикуя старые теории демократии, подчеркнул это противоречие: «Но как ни регулируй поток реки в ее истоке, полноценный контроль течения невозможен» [9, с. 339–340].

Проблема ТО-КДА также заключается в рассмотрении отдельного текста преимущественно через призму лингвистических структур: сказуемых, подлежащих, употребляемых грамматических конструкций [19, p. 1]. Это усложняет проведение исследований одним исследователем, но не дает достаточно информации о структуре стереотипов, мифов, доктрин и иных механизмов установления власти. Само исследование часто строится на том, что было произведено агентом дискурса, тогда как за пределами анализа остается вопрос о том, как был употреблен текст, что за этим последовало и к каким результатам это привело.

В КДА часто декларируется задача представления угнетенных групп. Однако остается невыясненным, почему те или иные группы являются угнетенными и каким образом это связано с их положением в системе производства [15, p. 104]. Это отступление от классового анализа приводит к тому, что в научном дискурсе репрезентируются многочисленные точки зрения без четкого различения их материальных оснований. Такая позиция не раскрывает сущность буржуазной идеологии, а лишь смазывает критику [30, p. 21–22]. КДА хорошо работает для описания воспроизводства власти, но недостаточно объясняет генезис этой власти.

Чтобы раскрыть классовый интерес, недостаточно этической критики угнетения одних групп другими. Необходимо анализировать аппарат пропаганды, который производит согласие и формирует интерпретационные рамки, вводящие подчиненных в заблуждение и препятствующие осознанию ими собственных интересов. Основная претензия к КДА состоит в том, что его представители не до конца реализуют заявленную программу: остаются в рамках онтологии, недостаточно учитывающей классовое неравенство, пропагандистские машины и политические эффекты

распространения того или иного дискурса [25, p. 113–114]. Изложенные ограничения существующих подходов определяют требования к методу, который должен их преодолеть.

Общий вывод

Еще с середины прошлого века существует допущение, что частотность элементов в тексте свидетельствует об их значимости. Это допущение, сформулированное Б. Берельсоном, предполагало возможность объективного описания содержания коммуникации [16, p. 20]. Однако такое рассмотрение приводит к потере контекста и игнорированию того, что значение слов меняется в разных дискурсах. Например, научные термины в обыденной речи нередко огрубляются или меняют свое значение полностью. Методы количественного анализа полезны для индуктивной обработки больших корпусов текстов и экстраполяции выводов на новые тексты, однако они неприменимы для ответа на качественные вопросы МДА.

Также стоит отличать анализ дискурса от конструирования нарративов. Подобный подход часто встречается в исторических исследованиях, когда цитаты из источников подбираются селективно для доказательства точки зрения исследователя. Процедуры отбора и порядок интерпретации при этом остаются имплицитными и не поддаются верификации. Характерным примером служит фундаментальный труд Р. Пайпса «Русская революция». Автор открыто признает неизбежность личных оценок: «И все же при самом научном подходе истории современных революций не могут быть свободны от личных оценок: мне не приходилось читать исследований по французской или русской истории, которые не выдавали бы со всей очевидностью, несмотря на все заверения авторов в беспристрастности, на чьей стороне лежат их симпатии» [12, с. 10]. Однако признание ангажированности подменяет экспликацию метода моральной позицией.

Читателю предлагается принять авторский нарратив, скрепленный этическим суждением, а не аналитическую процедуру, которую можно было бы воспроизвести или оспорить на ином материале. Обильное цитирование в таком случае служит не инструментом анализа дискурсивных структур, а средством риторического убеждения, где факты отбираются под уже готовую идеологическую рамку. Такой способ изложения ближе к конструированию мифа, чем к научному анализу. Исследователи мифологизации давно указывали на эту проблему. Барт отмечал, что миф «очищает» факты, «осмысливает их как нечто невинное, природно-вечное, делает их ясными – но не объясненными, а всего лишь констатированными», «вещи в нем утрачивают память о том, как они были сделаны» [1, с. 305].

Методологический аппарат МДА разрабатывался как ответ на ограничения существующих подходов:

1. Философского идеализма постмодернистского дискурс-анализа, сводящего реальность к языковым играм.

2. Редукционизма частотных методов, игнорирующих борьбу за значения.

3. Методологической неполноты КДА, останавливающегося на уровне текста и не объясняющего материальный генезис власти.

4. Субъективизма нарративных подходов, подменяющих анализ конструированием нарратива.

МДА преодолевает указанные ограничения. Дискурс в этом подходе понимается как материальный, поскольку он производится в определенных социальных условиях, требует ресурсов для создания и распространения, имеет реальные последствия для практик. В отличие от частотных методов, в МДА сначала определяется значимость элементов дискурса, и лишь затем возможен их подсчет. МДА учитывает производительные силы дискурса, условия его потребления и механизмы распространения. Нарратив при этом выступает результатом анализа, а не его основанием. Исследователь реконструирует связи между социальными позициями и дискурсивными практиками, а не подбирает цитаты под заранее готовую схему.

Метод материалистического дискурс-анализа

В МДА дискурс рассматривается как производная форма, в которой объективные социальные интересы получают символическое оформление. Сознание и дискурс признаются вторичными по отношению к материи. Признается диалектическая связь между ними, которая заключается в том, что не все сводится к базису, надстройка обладает собственной автономией и влияет на базис.

Принцип МДА основан на законе единства и борьбы противоположностей. Суть метода заключается в выявлении дискурсивно выраженных интересов социальных групп в символическом пространстве.

Под интересом в данной работе понимается властный интерес в трактовке: стремление субъекта к установлению, поддержанию или расширению контроля над поведением и сознанием других. Метод выявляет не сам интерес как таковой, а его дискурсивное оформление и направленность: кого дискурс легитимирует, какие практики предписывает, какие субъектные позиции конструирует.

Различение сущности и явления имеет принципиальное значение для метода. Явление есть то, что непосредственно дано наблюдению: слова, высказывания, тексты. Сущность есть то, что стоит за явлением и определяет его: социальные позиции, властные интересы, отношения господства. Явление не тождественно сущности, но и не оторвано от нее. Явление – наблюдаемая сторона объекта. В нем сущность выражается опосредованно и может выступать в превращенном виде. Задача анализа состоит в том, чтобы реконструировать дискурсивное оформление стоящих за текстом интересов. Это достигается посредством пошаговой процедуры: выделения структурных уровней дискурса, определения его ядра и периферии и анализа процедур дискурсивного контроля.

Различение сущности и явления защищает метод от двух крайностей. Первая крайность состоит в их отождествлении: текст принимается за чистую монету, дискурс рассматривается как прозрачное выражение интересов. Такой подход игнорирует идеологическую работу по производству согласия. Вторая крайность состоит в полном разрыве явления и сущности: текст объявляется произвольной конструкцией, не связанной с материальными условиями. Такой подход ведет к релятивизму. Диалектический подход удерживает связь между явлением и сущностью, признавая при этом несовпадение между ними.

Дискурс в материалистическом понимании есть объективированный интерес социальных групп. Он материален в том смысле, что производится в определенных социальных условиях, требует ресурсов для создания и распространения, имеет реальные последствия для практик. Дискурс не существует над обществом как чистая идея, но укоренен в системе производства и распределения. Субъект, контролирующий ресурсы для производства дискурса, получает возможность производить согласие.

Производство согласия заключается в создании и распространении определенных стереотипов. Набор упорядоченных стереотипов считается идеологией. Однако идеология как свойство сознания недоступна непосредственному наблюдению. Исследователь не имеет доступа к содержанию сознания индивида. Доступен лишь идеологический дискурс, то есть объективированная идеология, представленная в текстах. Это ограничение необходимо учитывать: анализ работает с явлением, а не с сущностью. Однако через систематический анализ явлений можно выдвигать интерпретации дискурсивного оформления интересов.

Для проведения анализа необходимо различать структуру дискурса и порядок дискурса. Структура отражает вертикальную иерархию элементов дискурса. Порядок отражает горизонтальные связи между элементами и отношения между различными дискурсами. Оба измерения необходимы для полноценного анализа.

Структурные элементы дискурса заимствуются из концепции Г. Лассуэлла, разработанной им для анализа политической коммуникации. Лассуэлл работал в бихевиористской парадигме, тогда как настоящий метод опирается на диалектико-материалистическую онтологию. Перенос категорий Лассуэлла в иную методологическую рамку предполагает их реинтерпретацию: структурные элементы дискурса рассматриваются не как инструменты манипуляции поведением, а как формы объективации властных интересов.

Структура дискурса представляет собой иерархию, где каждый уровень надстраивается над предыдущим. В МДА выделяется три уровня:

1. Глубинный.
2. Средний.
3. Поверхностный.

Глубинный уровень образован мифами, образами, символами и стереотипами. Миф представляет собой фактоподобное утверждение, функционирующее как посылка для дальнейших суждений. Под мифом следует понимать влияющие на принятие решений допущения индивидов и групп о каких-либо фактах [6, с. 270]. Валидация мифа не входит в задачи дискурс-анализа. Исследователя интересует не истинность утверждения, а его функция в дискурсе. Миф может быть истинным или ложным, но это не меняет его роли: он работает как факт, на который опираются другие высказывания.

Образ реконструируется из мифа как имплицитное отношение, стоящее за утверждением. Символ есть знак, через который образ получает языковую форму. Символ позволяет выразить образ в тексте и передать его аудитории. Стереотип представляет собой единство образа и символа: знак, вызывающий определенное отношение к обозначаемому. Стереотип конструирует оценочное отношение к называемому.

Стереотипы обнаруживаются по четырем признакам. Признаки взяты из работы Липпмана и систематизированы [9, с. 171–173]. Первый признак: стереотипы выявляются на бинарных оппозициях: свои и чужие, добрые и злые. Второй признак: искажение восприятия времени. Нечто представляется вечным или, напротив, мгновенным. Третий признак: разрыв причинно-следственных связей. Связи между явлениями устанавливаются без обоснования. Четвертый признак: абсолютизация оценок. Явления представляются как абсолютное добро или абсолютное зло.

Средний уровень структуры включает идеологический дискурс и политическую доктрину. Идеологический дискурс складывается из связанных между собой стереотипов. Политическая доктрина есть философия государства и правительства. Она включает ожидаемые результаты политического действия и требования к общественным отношениям. Ядро политической доктрины содержится в теории государства.

Поверхностный уровень составляют политическая формула, ключевые слова и слоганы. Политическая формула представляет собой правила применения политической доктрины: законы, нормы, традиции и обычаи, влияющие на поведение в политической жизни общества. Политическую формулу можно рассматривать как «структурирующую структуру», поскольку она описывает и предписывает политические практики. Через формулу устанавливается, какие практики дискурс легитимирует, а какие делегитимирует. Ключевые слова разделяются на три группы: требования формулируют предпочтения и позиции, идентификации определяют границы «мы» и «они», ожидания помогают сориентироваться потребителям дискурса. Слоган есть цепочка слов, смысл которых становится ясным после многократного повторения или в контексте.

Порядок дискурса задает горизонтальные связи между элементами на поверхностном уровне и отражает отношения между различными дискурсами. Он определяется ядром дискурса и периферийными элементами дискурса. Ядро дискурса составляют центральные высказывания, без которых невозможно представить дискурс. Оно формулируется исследователем,

который сам является участником дискурсивного поля. Это неустранимое условие любого анализа. Субъективность снимается при повторных исследованиях: если разные исследователи, следуя процедуре, получают сопоставимые результаты, ядро сформулировано адекватно. Фиксация ядра до анализа необходима, чтобы не выводить его заново из каждого текста.

Узловые моменты представляют собой ключевые слова и слоганы, непосредственно связанные с ядром. Они структурируют дискурсивное поле, притягивая к себе периферийные элементы. Периферия включает ключевые слова и слоганы, связанные с ядром опосредованно, через узловые моменты. Периферийные элементы могут присутствовать или отсутствовать, это не влияет на его определение. Периферия составляет зону борьбы между конкурирующими дискурсами. Различные дискурсы могут использовать одни и те же ключевые слова, притягивая их к своим ядрам и наполняя различным содержанием.

Порядок дискурса позволяет описать отношения между различными дискурсами в одном поле. Конкуренция означает борьбу за общие элементы: дискурсы стремятся перехватить ключевые слова, притянув их к своему ядру. Борьба за значения разделяется на унификацию и дифференциацию. Унификация происходит при обозначении общего ядра у сравниваемых дискурсов. Дифференциация происходит, когда общее ядро постепенно расщепляется и в нем обнаруживаются иные узловые моменты, которые ранее в нем не присутствовали.

В поле борьбы за значение используются процедуры контроля дискурса. М. Фуко выделил три группы процедур контроля дискурса: внешний, внутренний и социальный [13, с. 51, 59, 69]. Внешний контроль направлен на исключение дискурса из дискурсивного пространства. Запрет означает табу на высказывание. Разделение и отбрасывание делают дискурс параллельным другим дискурсам, лишая его связи с ними. Воля к истине наделяет дискурс статусом ложного. Две первые процедуры сводятся к последней: запрет и разделение обосновываются через объявление дискурса ложным.

Внутренний контроль ограничивает дискурс изнутри. Комментирование фиксирует поле смыслов, бесконечно повторяя сказанное и досказывая подразумеваемое. Автор как функция текста упорядочивает высказывания и исключает случайность. Дисциплина определяет правила истинности внутри дискурса и позволяет генерировать новые положения на их основе.

Социальный контроль определяет, кто имеет право высказываться и в каких обстоятельствах. Речевые ритуалы задают квалификацию говорящего. Дискурсивные сообщества обеспечивают обращение дискурса в определенном пространстве. Доктрина подчиняет говорящих субъектов корпусу дискурсов. Формы социального присвоения, прежде всего образование, допускают или не допускают к определенным дискурсам.

МДА может проводиться на различных уровнях в зависимости от объекта исследования. Выделяются три уровня анализа:

1. Одно конкретное произведение.
2. Корпус произведений, приписываемых одному автору.
3. Сравнение корпусов произведений разных авторов, приписанных к определенному дискурсу.

Полноценный анализ происхождения дискурса предполагает генеалогическое исследование его производительных сил: институций, средств распространения, численности агентов. Эти данные выходят за пределы текстового уровня и требуют обращения к историческим и статистическим источникам. Настоящая статья ограничивается рассмотрением текстуально-аналитического компонента МДА. Анализ потребления дискурса составляет отдельную задачу и не рассматривается в данной работе.

Процедура анализа начинается с подготовительного этапа. Определяется референтное ядро дискурса, с которым сравниваются остальные дискурсы. Затем в анализируемых текстах или тексте анализируется структура дискурса. После анализа структуры устанавливается порядок дискурса. Завершает процедуру сопоставление анализируемого дискурса с референтным ядром и фиксация точек унификации и дифференциации.

Воспроизводимость результатов обеспечивается эксплицитностью процедуры: другой исследователь, следуя описанным шагам, должен получить сопоставимые результаты. Расхождения в интерпретации отдельных элементов не исключаются, однако структура анализа и основные выводы должны быть воспроизводимы при условии следования методу.

Демонстрация метода на текстуальном уровне

Полноценный материалистический дискурс-анализ предполагает три уровня: анализ условий производства дискурса, анализ самого текста и анализ условий потребления дискурса. Настоящее исследование ограничивается текстуальным уровнем. Генеалогический анализ производительных сил дискурса и анализ потребления требуют обращения к архивным и статистическим источникам, что выходит за рамки данной статьи.

Ограничение обусловлено также объемом публикации. Для демонстрации работоспособности метода достаточно одного текста. Расширение корпуса до нескольких авторов составляет задачу отдельного исследования.

Ядро коммунистического дискурса извлекается из «Критики Готской программы» К. Маркса. Выбор обусловлен степенью зрелости марксовой мысли к моменту написания текста. К 1875 г. теоретическая система К. Маркса достигла законченности. Первый том «Капитала» опубликован, второй и третий тома находились в работе. Основные категории политической экономии разработаны. Опыт Парижской коммуны дал эмпирический материал для теории государства. «Манифест Коммунистической партии», напротив, написан в период формирования взглядов К. Маркса до систематической разработки экономической теории.

«Критика Готской программы» представляет собой полемический текст: К. Маркс критикует конкретные формулировки программы Германской рабочей партии, что вынуждает его эксплицировать собственные теоретические позиции. Полемический контекст исключает декларативность.

Из «Критики Готской программы» извлечены следующие узловые моменты ядра дискурса:

1. Коммунистическое движение – классовое движение. Оно не навязывает свои воззрения рабочему классу, а, наоборот, выражает их. [11, с. 26]

2. Эксплуатация труда: рабочий «вынужден быть рабом других людей, завладевших материальными условиями труда» [11, с. 13]. Она проявляется в классовом разделении и контроле за условиями труда. Рабочие могут жить только с позволения капиталистов, так как первые работают на вторых какое-то время бесплатно.

3. Экономические отношения ограничивают и регулируют правовые [11, с. 16].

4. Переход к коммунистическому обществу состоит из множества этапов. К. Маркс выделил первый и последний этапы [11, с. 18, 20].

5. На первом этапе важными являются интересы всего общества – коллективизм. Он выражается в общем владении средствами производства. Индивидуальный труд – =непосредственная часть совокупного, он практически не проявляется как стоимость. Обмен эквивалентен, он производится по тому, сколько индивид вложил своего труда в общественный, а не по закону меновой стоимости при капитализме. Государство подчинено обществу [11, с. 26].

6. На высшей стадии коммунизма должны отсутствовать: разделение труда, деление на умственный и физический труд. Труд должен стать потребностью индивидов, а не быть средством выживания, как при капитализме. Индивиды будут высоко и всесторонне развиты. Средства производства также будут высокоразвитыми. Буржуазное право будет преодолено.

7. Для перехода от капиталистического общества в коммунистическое должна быть установлена диктатура пролетариата [11, с. 27].

8. Рабочий класс – единственно революционный класс, потому что он находится в таких условиях, которые заставляют его сокрушить капиталистический способ производства [11, с. 15]. Но он революционен по отношению к буржуазии, а не всегда [11, с. 21].

9. Для осуществления революции рабочий класс должен стать классом для себя, то есть организоваться [11, с. 22].

10. Классовая борьба является интернациональной по сущности, а не по форме [11, с. 23].

11. Коммунисты должны стремиться к революции, чтобы установить диктатуру пролетариата. Даже в демократической республике классовая борьба приведет к вооруженному столкновению [11, с. 28].

12. Социалистическое право должно быть неравным, чтобы установить равный уровень жизни [11, с. 19].

13. Социализм как движение строится на вопросе по изменению условий производства, а не распределения товаров [11, с. 20].

14. Классовое неравенство признается первичным. Его устранение приведет к устранению политического и социального неравенства [11, с. 25].

15. Образовательный процесс должен быть свободен от вмешательства государства и церкви [11, с. 28].

16. Коммунистическая партия должна быть атеистичной, чтобы «освободить совесть от религиозного дурмана» [11, с. 30].

Референтное ядро, реконструируемое по тексту К. Маркса, используется как стандарт сопоставления: оно задает перечень узловых моментов, по которым фиксируются унификации и дифференциации в анализируемых текстах. Поэтому в рамках данной процедуры оно не сводится к одному-трем положениям.

Для демонстрации метода выбрана статья В. И. Ленина «Лучше меньше, да лучше». Выбор обусловлен тремя соображениями.

Во-первых, это одна из последних работ В. И. Ленина, написанная 2 марта 1923 г. и опубликованная в «Правде» 4 марта 1923 г. Текст представляет идеи, сформированные опытом революции, гражданской войны и первых лет НЭПа.

Во-вторых, статья написана в условиях болезни. В. И. Ленин диктовал текст; третий удар случился в день завершения диктовки. Это обстоятельство придает тексту характер завещания: В. И. Ленин формулирует то, что считает наиболее важным.

В-третьих, текст содержит рефлексию о состоянии советского государства и перспективах социалистического строительства. Это позволяет сопоставить ленинский дискурс с марксовым ядром по узловым моментам.

Статья «Лучше меньше, да лучше» написана в специфических условиях, которые необходимо учитывать при интерпретации.

К началу 1923 г. НЭП действовал полтора года.

В. И. Ленин перенес два инсульта. Он не мог писать и диктовал текст. Ограниченность физических возможностей вынуждала к концентрации мысли.

Статья адресована руководству партии и опубликована в центральном органе печати. Пленум ЦК 21–24 февраля 1923 г. принял тезисы о реорганизации центральных партийных учреждений; XII съезд партии принял резолюции, основанные на предложениях В. И. Ленина.

В. И. Ленин занимал позицию руководителя партии и государства, однако его физическое состояние ограничивало возможности непосредственного участия в управлении. Текст представляет собой попытку влиять на политику через публичное высказывание в условиях, когда другие каналы влияния были ограничены.

Анализ статьи «Лучше меньше, да лучше» позволил выделить двадцать значимых элементов дискурса.

На глубинном уровне структуры выделено десять элементов. Шесть из них представляют собой мифы. Первый миф выражен в утверждении «нам бы для начала достаточно настоящей буржуазной культуры» [7, с. 389] и содержит представление о буржуазной культуре как более высокой по сравнению с добуржуазной. Признак стереотипа: искажение времени. Элемент соотносится с узловым моментом о многоэтапности перехода. Фиксируется дифференциация. Второй миф «мелкое и мельчайшее крестьянство, которое идет за пролетариатом из доверия» [7, с. 402] представляет союз рабочих и крестьян как основанный на доверии, а не на общности интересов. Признак стереотипа: разрыв причинности. Элемент соотносится с узловым моментом об организации рабочего класса. Фиксируется дифференциация. Третий миф «Россия, Индия, Китай составляют гигантское большинство населения» [7, с. 404] представляет мировую революцию как опирающуюся на численное большинство. Признак стереотипа: абсолютизация оценок. Элемент соотносится с узловым моментом об интернационализме. Фиксируется дифференциация. Четвертый миф «окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена» [7, с. 404] утверждает неизбежность победы. Признак стереотипа: абсолютизация оценок. Элемент соотносится с узловым моментом о неизбежности вооруженного столкновения. Фиксируется унификация. Пятый миф «мы разрушили капиталистическую промышленность, постарались разрушить дотла учреждения средневековые» [7, с. 401] представляет революцию как разрушение. Признак стереотипа: искажение времени. Элемент соотносится с узловым моментом о многоэтапности перехода. Фиксируется унификация. Шестой миф «Нам тоже не хватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму» [7, с. 404] утверждает неготовность России к социализму. Признак стереотипа: искажение времени. Элемент соотносится с узловым моментом о многоэтапности перехода. Фиксируется унификация.

Три элемента глубинного уровня представляют собой стереотипы. Первый стереотип «рабочие, увлеченные борьбой за социализм. Эти элементы недостаточно просвещены» [7, с. 391] конструирует представление о рабочих как революционных, но некультурных. Признак стереотипа: бинарная оппозиция. Элемент соотносится с узловым моментом о революционности рабочего класса. Фиксируется дифференциация. Второй стереотип «Западноевропейские капиталистические державы, частью сознательно, частью стихийно, сделали все возможное, чтобы отбросить нас назад» [7, с. 401] конструирует образ Запада как врага. Признак стереотипа: бинарная оппозиция. Элемент соотносится с узловым моментом об интернационализме. Фиксируется дифференциация. Третий стереотип «столкновения между контрреволюционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком» [7, с. 404] представляет бинарную картину мира. Признак стереотипа: бинарная оппозиция. Элемент соотносится с узловым моментом об интернационализме. Фиксируется дифференциация.

Один элемент глубинного уровня представляет собой образ. Высказывание «пересесть... с лошади крестьянской... на лошадь крупной машинной индустрии» [7, с. 405] содержит метафору двух лошадей, выражающую переход от аграрной экономики к индустриальной. Признак стереотипа: бинарная оппозиция. Элемент соотносится с узловым моментом о многоэтапности перехода. Фиксируется унификация.

На среднем уровне структуры выделено шесть элементов. Три из них представляют собой политические доктрины. Первая политическая доктрина «сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством» [7, с. 405] определяет диктатуру пролетариата как руководство крестьянством. Признаков стереотипа не обнаружено. Элемент соотносится с узловым моментом о диктатуре пролетариата. Фиксируется унификация. Вторая политическая доктрина «удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве» [7, с. 402] представляет выживание советской власти как зависящее от внешних условий. Признаков стереотипа не обнаружено. Элемент является новым. Третья политическая доктрина «бюрократия у нас бывает не только в советских учреждениях, но и в партийных» [7, с. 397] признает бюрократизацию партии. Признаков стереотипа не обнаружено. Элемент является новым.

Две политические формулы выделены на среднем уровне. Первая политическая формула «допустить своеобразного слияния контрольного партийного учреждения с контрольным советским» [7, с. 399] предписывает соединение партийного и государственного контроля. Признаков стереотипа не обнаружено. Элемент соотносится с узловым моментом о коллективизме. Фиксируется дифференциация. Вторая политическая формула «лишь посредством максимальной чистки нашего аппарата... мы в состоянии будем удержаться» [7, с. 405] устанавливает чистку аппарата как условие сохранения власти. Признак стереотипа: разрыв причинности. Элемент является новым.

Одно ключевое слово идентификации выделено на среднем уровне. Высказывание «передовые рабочие... и... элементы действительно просвещенные» [7, с. 391] определяет два элемента нового аппарата: рабочих и интеллигенцию. Признак стереотипа: бинарная оппозиция. Элемент соотносится с узловым моментом об организации рабочего класса. Фиксируется дифференциация.

На поверхностном уровне структуры выделено четыре элемента. Два из них представляют собой слоганы. Первый слоган «не гнаться за количеством и не торопиться» [7, с. 389] формулирует принцип качества над количеством. Признаков стереотипа не обнаружено. Элемент является новым. Второй слоган «во-первых учиться, во-вторых учиться и в-третьих учиться» [7, с. 391] формулирует императив обучения. Признак стереотипа: абсолютизация оценок. Элемент соотносится с узловым моментом об образовании. Фиксируется дифференциация.

Два ключевых слова выделены на поверхностном уровне. Ключевое слово требования «величайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств» [7, с. 405]

формулирует экономию как политический императив. Признаков стереотипа не обнаружено. Элемент соотносится с узловым моментом об изменении производства. Фиксируется дифференциация. Ключевое слово-ожидание: «крупной машинной индустрии, электрификации, гидроторфа, Волховстроя» [7, с. 405] определяет индустриализацию как цель. Признаков стереотипа не обнаружено. Элемент соотносится с узловым моментом о преодолении разделения труда. Фиксируется унификация.

Унификация с ядром К. Маркса прослеживается в шести элементах, затрагивающих положения о диктатуре пролетариата, многоэтапности перехода, неизбежности революционного преобразования и развитии производительных сил. В. И. Ленин воспроизводит марксово понимание диктатуры пролетариата, конкретизируя ее как руководство рабочего класса крестьянством. Метафора двух лошадей соответствует представлению о фазах коммунистического общества. Тезис об обеспеченности победы социализма воспроизводит положение о неизбежности революционного преобразования. Ориентация на индустриализацию и электрификацию соответствует представлению о развитии производительных сил как условии перехода к высшей фазе.

Дифференциация обнаруживается в десяти элементах. Тезис о культурной отсталости России вводит положение, отсутствующее у К. Маркса: необходимость освоения буржуазной культуры как предварительного этапа. Многоэтапность у К. Маркса относится к переходу от капитализма к коммунизму, тогда как у В. И. Ленина она расширяется до перехода от добуржуазных форм через буржуазную культуру к социализму. Характеристика рабочего класса как недостаточно просвещенного вводит ограничение марксова тезиса о революционности пролетариата. Представление о крестьянстве как союзнике, идущем за пролетариатом из доверия, замещает марксово положение о рабочем классе как единственно революционном субъекте. Интернационализм трансформируется из солидарности рабочих разных стран в оппозицию Запада и Востока. Предложение о слиянии партийного и государственного контроля расходится с марксовым требованием подчинения государства обществу.

Четыре новых элемента отсутствуют в референтном ядре и составляют специфику ленинского дискурса данного периода. К ним относятся приоритет качества над количеством, категория выживания власти, признание бюрократизации партии и тезис о чистке аппарата как условии сохранения власти.

Преобладание дифференциации над унификацией объясняется условиями производства текста. Статья написана в ситуации, когда материальные предпосылки для реализации программы К. Маркса отсутствовали. Дискурс выполняет функцию легитимации отступления от программы. Тезис о культурной отсталости обосновывает НЭП и союз с крестьянством не как отступление, а как необходимый этап. Стереотип внешней угрозы легитимирует концентрацию власти. Признание бюрократизации партии подготавливает обоснование для чисток аппарата.

Лингвистический анализ данного текста показал бы, каким образом автор конструирует убеждение посредством риторических фигур. Материалистический анализ позволяет установить, почему именно такая конфигурация дискурсивных элементов производится агентом, занимающим определенную позицию в условиях конкретного соотношения социальных сил.

Заключение

В статье был представлен метод материалистического дискурс-анализа на основе советской философии и американских инструментов анализа пропаганды. Работа В. И. Ленина «Лучше меньше, да лучше» была проанализирована этим методом на текстуальном уровне. Метод показал свою работоспособность.

Текст В. И. Ленина является дифференцирующим и унифицирующим в коммунистическом дискурсе. Унификация с ядром К. Маркса зафиксирована в 6 элементах: диктатура пролетариата, многоэтапность перехода, неизбежность революционного преобразования, развитие производительных сил. Дифференциация обнаружена в десяти элементах, среди которых необходимость освоения буржуазной культуры, ограничение революционности пролетариата его культурной отсталостью, трансформация интернационализма в оппозицию Запада и Востока. Четыре элемента отсутствуют в референтном ядре и составляют специфику ленинского дискурса: приоритет качества над количеством, категория выживания власти, признание бюрократизации партии, чистка аппарата. Если раньше эти идеи кочевали из книги в книгу без соблюдения методологической строгости, теперь есть возможность постепенно прийти к каноническому прочтению важных для истории нашей страны текстов.

Проблема выявления властных отношений на материалистической основе начинает решаться с помощью методологии материалистического дискурс-анализа. ПДА отказался от материалистической основы. КДА стремился ее сохранить, но остановился на лингвистическом уровне. В данной статье анализ также ограничен текстовым уровнем в связи с трудоемкостью метода, который требует анализа социальной реальности, выходящей за рамки текста. Однако шаг в эту сторону сделан.

Метод выявляет идеологический дискурс через анализ глубинных и поверхностных уровней структуры, а также позволяет конструировать ядра различных дискурсов для последующих сравнений. Построение явного ядра делает анализ проверяемым и открывает возможность триангуляции: разные исследователи могут независимо анализировать один и тот же дискурс и сопоставлять результаты. Дискурс в рамках МДА понимается как овеществленные социальные отношения, что позволяет связывать текстуальный анализ с анализом властных интересов.

Метод имеет ограничения. Качественный характер анализа требует значительных временных затрат, что ограничивает объем корпуса текстов, доступного одному исследователю. Субъективность интерпретации снимается триангуляцией: независимый анализ несколькими исследователями, погруженными в предметное поле, позволяет верифицировать выделение элементов и их соотнесение с ядром. Полноценная реализация программы МДА предполагает междисциплинарную работу. Анализ дискурсов прошлых эпох требует привлечения историков для реконструкции условий производства и потребления дискурса. Без исторической экспертизы исследователь рискует остаться в рамках современного дискурсивного поля и проецировать актуальные категории на контекст иной эпохи.

Метод применим за пределами академической среды. МДА позволяет анализировать сообщения конкурентов, комментарии аудитории, интервью и фокус-группы. Через анализ структуры дискурса можно выявить, какую доктрину выбора использует потребитель и по какой формуле он принимает решения. Это помогает создавать смыслы, которые убеждают аудиторию купить товар, услугу или идею.

В дальнейшем планируется реконструкция идеологических дискурсов и политических доктрин основных участников дискуссий 1920-х годов. Это позволит оценивать различные течения в современном коммунистическом движении. Саморефлексия движения указывает на наличие как минимум двух течений, связанных с именами Сталина и Троцкого[1]. Ограничение анализа идеологическим уровнем структуры дискурса делает задачу выполнимой и создает инструмент для анализа современных дискурсов коммунистического и других политических движений.

Библиографический список

1. Барт Р. Мифологии / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. 5-е изд. М.: Академ. проект, 2019. 351 с.

2. Бурдье П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка // Отечественные записки. 2005. № 2(23). С. 1–11. URL: https://strana-oz.ru/2005/2/o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogo-yazyka (дата обращения: 01.12.2025).

3. Бурдье П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с. EDN: QOGTMH.

4. Бурдье П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: ИЭС; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с. EDN: QOECDF.

[1] Троцкизм и сталинизм после Троцкого и Сталина. Есть ли в них смысл? Возможно ли примирение? // YouTube-канал «Вестник Бури». 2024. 25 июля. URL: https://www.youtube.com/watch?v=h7eZhR45Gl8&t=1608s (дата обращения: 01.12.2025). Пример разграничения в коммунистическом дискурсе. Материал (информация) произведен и (или) распространен иностранным агентом А. В. Рудым либо касается его деятельности.

5. Ильенков Э. В. Диалектическая логика // Собр. соч. Т. 4. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2023. 464 с. EDN: HTNZFD.

6. Лассвелл Г. Язык власти // Политическая лингвистика. 2006. № 20. С. 264–279. EDN: JVKKXV.

7. Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше // ПСС. 5-е изд. М.: Политиздат, 1970. Т. 45. С. 389–406.

8. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии // ПСС. 5-е изд. Т. 18. М.: Политиздат, 1968. С. 7–384.

9. Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Е. Абаевой. М.: АСТ, 2023. 448 с.

10. Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд / Пер. с англ. А. И. Кырлежева. М.: ГУ – ВШЭ, 2010. 240 с. EDN: QOLAAN.

11. Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 19. С. 9–32.

12. Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1 / Авторизов. пер. с англ. М. Д. Тименчика. М.: РОССПЭН, 1994. 396 с.

13. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 47–97.

14. Эллюль Ж. Феномен пропаганды / Пер. с фр. Г. Шариковой. СПб.: Алетейя, 2023. 410 с.

15. Beetz J., Herzog B., Maesse J. Studying Ideology and Discourse as Knowledge, Power and Material Practices // Journal of Multicultural Discourses. 2021. Vol. 16. No. 2. P. 103–106. DOI: 10.1080/17447143.2021.1895180.

16. Berelson B. Content Analysis in Communication Research. Glencoe, IL: The Free Press, 1952. 220 p.

17. Canagarajah S. Reconsidering Material Conditions in Language Politics: A Revised Agenda for Resistance // Nordic Journal of English Studies. 2020. Vol. 19. No. 3. P. 101–114. DOI: 10.35360/njes.580.

18. Eagleton T. The Illusions of Postmodernism. Oxford: Blackwell Publishers, 1996. 147 p.

19. Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. L.; N. Y.: Routledge, 2003. 270 p.

20. Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge: Polity Press, 1992. 259 p.

21. Fairclough N. Language and Power. 3rd ed. L.; N. Y.: Routledge, 2015. 263 p.

22. Geras N. Post-Marxism? // New Left Review. 1987. No. 163. P. 40–82.

23. Gross P. R., Levitt N. Higher Superstition: The Academic Left and Its Quarrels with Science. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1994. 314 p.

24. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. 2nd ed. L.; N. Y.: Verso, 2001. 197 p.

25. Material Discourse – Materialist Analysis: Approaches in Discourse Studies / Ed. by J. Beetz, V. Schwab. Lanham: Lexington Books, 2017. 167 p.

26. Musílek K., Jamie K., Learmonth M. 'Money Probably Has Something to Do with My Life': Discourse and Materiality in the Working Lives of Start-Up Entrepreneurs // Work, Employment and Society. 2024. Vol. 38. No. 5. P. 1285–1306. DOI: 10.1177/09500170231185033.

27. Sokal A., Bricmont J. Fashionable Nonsense: Postmodern Intellectuals' Abuse of Science. N. Y.: Picador USA, 1998. 300 p.

28. Van Dijk T. A. Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 267 p.

29. Wodak R., Nowak P. et al. »Wir sind alle unschuldige Täter!«: Diskurshistorische Studien zum Nachkriegsantisemitismus. Fr./M.: Suhrkamp, 1990. 367 S.

30. Wood E. M. Democracy Against Capitalism: Renewing Historical Materialism. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 300 p.

Получено редакцией: 17.12.2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Алабин Антон Юрьевич, аспирант, младший научный сотрудник Центра изучения регионов России

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.7

Materialistic Discourse Analysis as a Method for Studying Political Communication

Anton Yu. Alabin

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

alabin.fnisc@mail.ru

ORCID: 0009-0005-8250-1339

For citation: Alabin A. Yu. Materialistic discourse analysis as a method for studying political communication. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 4. P. 229–253. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.7; EDN: UCXXTM.

Abstract. The paper considers discourse analysis instruments for investigation of political communications. The research is based upon the example of communist movement discourse. Ideological conflicts within communist organizations appeal to the legacy of theorists of the past century. Participants in disputes identify themselves with certain trends and oppose their positions to those of their opponents. However, scientific analysis of these divisions is hampered by the lack of an adequate methodological apparatus. Postmodern versions of discourse analysis dissolve material relations into language games. Critical approaches fix grammatical structures but do not trace the connection between the text and the class positions of its producers. Historiographical narratives select quotations according to a pre-established scheme. These limitations give rise to the need for a different tool.

The article develops materialist discourse analysis as a method for identifying power interests in symbolic space. The theoretical basis consists of W. Lippmann's propositions on stereotypes, G. Lasswell's categories of political communication, and M. Foucault's procedures for discourse control. The analytical scheme divides discourse into two dimensions: vertical and horizontal. The vertical dimension is broken down into deep, middle, and surface levels. The horizontal dimension includes the center and the periphery. The center is determined by the referential core of discourse.

The scientific novelty of materialistic discourse analysis lies in considering discourse not as a language game, but as a socially conditioned objectified interest that reproduces relations of domination. The vertical dimension shows the transformation of interests into political formulas. The horizontal dimension shows the mechanism of competition for the meanings of words, the use of external, internal, and social control procedures. The referential core of discourse allows us to track this struggle for meaning.

The effectiveness of the method has been tested on V. I. Lenin's 1923 text "Better Less, But Better." The reference core of the discourse is the provisions of Karl Marx's Critique of the Gotha Program. The procedure made it possible to identify the points of convergence between the two discourses, their differences, and Lenin's specific innovations. The latter include an emphasis on the quality of personnel, the problem of retaining power in an agrarian country, and criticism of the growing bureaucracy.

The proposed method helps to analyze political texts and reconstruct ideological discourses and political formulas.

Keywords: materialist discourse analysis, ideology, stereotype, political doctrine, myth, unification, diversification, communist discourse, Lenin, Marx

References

1. Barthes R. Mythologies. Trans. from Fr., introd., comm. by S. Zenkin. 5th ed. Moscow, Akadem. proekt, 2019: 351 (in Russ.).

2. Bourdieu P. On the Production and Reproduction of Legitimate Language. *Otechestvennye zapiski*, 2005: 2(23): 1–11. Accessed 01.12.2025. URL: https://strana-oz.ru/2005/2/o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogo-yazyka (in Russ.).

3. Bourdieu P. Prakticheskii smysl [The Logic of Practice]. St. Petersburg, Aletheia, 2001: 562 (in Russ.). EDN: QOGTMH.

4. Bourdieu P. Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva [Sociology of Social Space]. Trans. from Fr. and ed. by N. A. Shmatko. Moscow, IES; St. Petersburg, Aletheia, 2007: 288 (in Russ.). EDN: QOECDF.

5. Ilyenkov E. V. Dialectical Logic. In Collected Works. Vol. 4. Moscow, Kanon+ROOI "Reabilitatsiya", 2023: 464 (in Russ.). EDN: HTNZFD.

6. Lasswell H. Yazyk vlasti [The Language of Power]. *Politicheskaya lingvistika*, 2006: 20: 264–279 (in Russ.). EDN: JVKKXV.

7. Lenin V. I. Luchshe menshe, da luchshe [Better Fewer, But Better]. In Polnoe sobranie sochinenii [Complete Collected Works]. 5th ed. Vol. 45. Moscow, Politizdat, 1970: 389–406 (in Russ.).

8. Lenin V. I. Materializm i empiriokritsizm. Kriticheskiye zametki ob odnoy reaktsionnoy filosofii [Materialism and Empirio-criticism. Critical Comments on a Reactionary Philosophy]. In Polnoe sobranie sochinenii [Complete Collected Works]. 5th ed. Vol. 18. Moscow, Politizdat, 1968: 7–384 (in Russ.).

9. Lippmann W. Public Opinion. Transl. from Eng. by E. Abaeva. Moscow, AST, 2023: 448 (in Russ.).

10. Lukes S. Vlast': Radikal'nyy vzglyad [Power: A Radical View]. Trans. from Eng. by A. I. Kyrlezhev. Moscow, GU – VSHE, 2010: 240 (in Russ.). EDN: QOLAAN.

11. Marx K. Kritika Gotskoy programmy [Critique of the Gotha Programme]. In Marx K., Engels F. Sochineniia [Works]. 2nd ed. Vol. 19. Moscow, Gospolitizdat, 1961: 9–32 (in Russ.).

12. Pipes R. Russkaya revolyutsiya. Ch. 1 [The Russian Revolution. Part 1]. Authorized trans. from Eng. by M. D. Timenchik. Moscow, ROSSPEN, 1994: 396 (in Russ.).

13. Foucault M. Poryadok diskursa [The Order of Discourse]. In Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality]. Coll. works. Moscow, Kastal, 1996: 47–97 (in Russ.).

14. Ellul J. Propaganda: The Formation of Men's Attitudes. Trans. from Fr. by G. Sharikova. St. Petersburg, Aletheia, 2023: 410 (in Russ.).

15. Beetz J., Herzog B., Maesse J. Studying Ideology and Discourse as Knowledge, Power and Material Practices. *Journal of Multicultural Discourses,* 2021: 16: 2: 103–106. DOI: 10.1080/17447143.2021.1895180.

16. Berelson B. Content Analysis in Communication Research. Glencoe, IL, The Free Press, 1952: 220.

17. Canagarajah S. Reconsidering Material Conditions in Language Politics: A Revised Agenda for Resistance. *Nordic Journal of English Studies,* 2020: 19: 3: 101–114. DOI: 10.35360/njes.580.

18. Eagleton T. The Illusions of Postmodernism. Oxford, Blackwell Publishers, 1996: 147.

19. Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London, New York, Routledge, 2003: 270.

20. Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge, Polity Press, 1992: 259.

21. Fairclough N. Language and Power. 3rd ed. London, New York, Routledge, 2015: 263.

22. Geras N. Post-Marxism? *New Left Review,* 1987: 163: 40–82.

23. Gross P. R., Levitt N. Higher Superstition: The Academic Left and Its Quarrels with Science. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1994: 314.

24. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. 2nd ed. London, New York, Verso, 2001: 197.

25. Material Discourse – Materialist Analysis: Approaches in Discourse Studies. Ed. by J. Beetz, V. Schwab. Lanham, Lexington Books, 2017: 167.

26. Musílek K., Jamie K., Learmonth M. 'Money Probably Has Something to Do with My Life': Discourse and Materiality in the Working Lives of Start-Up Entrepreneurs. *Work, Employment and Society,* 2024: 38: 5: 1285–1306. DOI: 10.1177/09500170231185033.

27. Sokal A., Bricmont J. Fashionable Nonsense: Postmodern Intellectuals' Abuse of Science. New York, Picador USA, 1998: 300.

28. Van Dijk T. A. Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. Cambridge, Cambridge University Press, 2008: 267.

29. Wodak R., Nowak P. et al. »Wir sind alle unschuldige Täter!«: Diskurshistorische Studien zum Nachkriegsantisemitismus. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1990: 367.

30. Wood E. M. Democracy Against Capitalism: Renewing Historical Materialism. Cambridge, Cambridge University Press, 1995: 300.

The article was submitted on: 17.12.2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anton Yu. Alabin, Postgraduate student, Junior researcher at the Center for the Study of Russian Regions

СОЦИОЛОГИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.12
EDN: IPXIGL

Роль погранвойск СССР в Великой Отечественной войне (акторско-управленческий подход)

Ссылка для цитирования: *Бийжанова Э.* К. Роль погранвойск СССР в Великой Отечественной войне (акторско-управленческий подход) // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 4. С. 254–268. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.12; EDN: IPXIGL.
For citation: Biyzhanova E. K. The role of the USSR border troops in the Great Patriotic War (actor-management approach). *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 4. P. 254–268. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.12; EDN: IPXIGL.

SPIN-код: 3211-7921

Бийжанова Элиза Камчыбековна[1]

[1]Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

biyzhanova@isras.ru

Аннотация. В данной статье на основе открытых исторических данных сделана попытка проанализировать участие советских погранвойск в Великой Отечественной войне. На основе акторского и управленческого подходов выявляется специфика боевой подготовки пограничников, позволившая им стать одними из элитарных родов войск Вооруженных сил СССР. Ограниченность информации затрудняет социологический анализ этой профессиональной группы, поскольку многие данные о деятельности пограничников в тот период до сих пор не представлены в открытом доступе. В своем анализе мы опирались на изыскания представителей исторических и военных наук, а также воспоминания видных военных, публикации историков-любителей и специализированные сайты в интернете, посвященных тематике Великой Отечественной в целом, вкладу пограничных войск в частности. Возможно, именно эти факторы повлияли на ограниченность освещения в научной литературе подробностей деятельности пограничников в годы Великой войны, их героизма, самоотверженности и профессионализма, который оттачивался и в мирное время. Проведенный анализ позволил выявить факторы, подтверждающие, что советские пограничники были не только представителями власти, но и активно участвовали в формировании социокультурного пространства на местах несения службы. При этом, линейный способ охраны границы, существовавший в советские годы и первое десятилетие постсоветских лет, предусматривал унифицированную структуру погранокругов и подразделений, входящих в них. Однако региональное многообразие нашей страны (социально-экономическое, культурное, этническое и географическое) обуславливало необходимость разнообразить подходы, применяемые пограничниками, как при выполнении своих профессиональных

обязанностей, так и при взаимодействии с местным населением, которое при должной работе с ним активно привлекалось к сотрудничеству в мирное время, а в годы Великой Отечественной войны участвовало совместно с пограничниками в партизанских и диверсионно-разведывательных операциях.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, погранвойска СССР, акторы приграничья, героизм, защита рубежей отечества

«Ни одна застава не сдалась и не отступила без приказа»

Введение

Граница – понятие всеобщее. Она существует в животном мире (границы ареалов обитания) и в человеческом обществе. Границы всегда охранялись тщательно, поскольку их охрана, защита и укрепление необходимы для выживания. Граница была, есть и в обозримом будущем сохранится. Ее всегда нужно защищать от врагов и непрошенных гостей, чтобы сохранить целостность своей земли, чтобы обеспечивать безопасность живущих на ней людей. Данная статья представляет собой попытку проанализировать деятельность профессионалов, посвятивших себя защите наших границ в один из самых травматичных и драматичных периодов жизни общества, в годы Великой Отечественной войны –пограничникам.

В разные годы погранвойска подчинялись различным ведомствам. Мы не будем углубляться в историю становления пограничной охраны в Российской Империи и Советском Союзе, а ограничимся краткой справкой предвоенных лет.

Примерно с 1920-х гг. СССР начало активно восстанавливать охрану и укрепление границ нашей страны. Эта непростая задача была возложена сначала на Всероссийскую чрезвычайную комиссию и ее Особый отдел, этот этап был завершен примерно к 1926 г. и вплоть до 1937 г. подчинялось данной структуре. С 1937 г. охрана государственной границы была возложена Погранвойска НКВД СССР, которые в свою очередь с 1946 были реформированы в МВД, с 1949 МГБ, с 1953 снова МВД, с 1957 КГБ при Совете Министров, с 1978 КГБ. Сейчас охраной границы занимается Пограничная служба Федеральной службы безопасности РФ (ПС ФСБ России) [10].

Годы Второй мировой войны стали сложным испытанием практически для всего евразийского континента. Натиск, с которым фашистская Германия, начала свой путь гегемона, был настолько ошеломительным, что большинство стран сдавались в относительно краткие сроки и практически без боев враг продвинулся к границам СССР. Однако наша страна показала, что мы без боя не сдадимся. И если для исследователей всего мира период с 1939 по 1945 гг. это Вторая мировая войны, то в России и постсоветских республиках помнят о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Великая

Отечественная война по сей день является одним из самых тяжелых испытаний для нашей страны. О героизме наших солдат, служивших на передовой, медицинских работниках и простых людях, вносивших свой вклад в дело общей Победы, в том числе в тылу за 80 лет написано немало научных работ и художественных произведений.

В социологии этой теме посвящено достаточно много исследований, в основном исторической памяти о Великой Отечественной войне [9; 11], особенно среди молодежи [15]. Ведь именно мы понесли наибольшие потери и восстанавливали страну из послевоенных руин, показано, что до 1959 г. дожило 82% зарегистрированных переписью 1939 г. женщин из этих поколений и всего 53% мужчин [5].

Наглая уверенность армии Гитлера пошатнулась еще на границе Советского Союза, где наши доблестные пограничники при неравных силах сумели не только на время задержать их, но и нанести урон, заставивший врагов пересмотреть свои планы быстрого захвата нашей родины.

В данной статье предпринята попытка проанализировать действия пограничников прежде всего в годы Великой Отечественной войны, а также некоторые аспекты участия «зеленых фуражек» в различных боях, имевших резонанс в обществе и литературе последних 80 лет. Есть некоторая несправедливость в очевидно недостаточном научном освещении участия советских пограничников в Великой Отечественной войне.

Актуальность статьи обусловлена необходимостью переосмысления исторической роли пограничников в контексте военных конфликтов, а также их влияния на стратегические решения командования. Пограничники не только защищали рубежи в мирное время, но и активно участвовали в боях, что подчеркивает их значимость в общем контексте войны. Результативность действий пограничников против, на порядок превосходивших их сил вермахта, традиционно связывают с их героизмом и стойкостью, но данного объяснения очевидно недостаточно. Поэтому главным является вопрос, в чем заключалась специфика советской системы охраны границы, которая позволила в итоге сорвать блицкриг?

Теоретико-методологические подходы

Исследование участия Пограничных войск Народного комиссариата внутренних дел СССР в военных действиях необходимо начать с выбора инструмента анализа. Для пограничников более чем для других видов войск характерно сочетание жестких военных рамок «приказ-исполнение», с другой – принятие самостоятельных решений и автономия действий при необходимости с минимизацией потерь. По этой причине в данном случае оптимальной представляется предложенная О.В. Аксеновой концепция диалектики социального действия, согласно которой последнее представляет собой противоречивое единство алгоритмизированного и свободного действия [1]. Снятие данного противоречия в условиях советского индустриального общества привело к формирование акторской системы управ-

ления. В ней системная жесткость управления сочетается с пространством свободы, внутри которого актор самостоятелен в принятии решений и их реализации. Релевантна также субъект-субъектная парадигма, предложенная А.В. Тихоновым, когда объект управления одновременно является и субъектом управления [17].

Наконец, на основе синтеза данных подходов автор разработал «акторно-управленческую» методологию исследования, в которой парадигмальная субъектность актора рассматривается в рамках субъект-субъектных отношений управления конкретной отраслью. Она позволяет понять, как действия пограничников, основанные на их профессиональных навыках и умении принимать самостоятельные решения, в т.ч. управленческие, способствовали успешному отражению первых атак противника и как в целом действия служащих пограничных войск, их взаимодействие с другими военными частями, а также местным населением обеспечивали безопасность страны.

В статье используются мемуары, статьи историков и интернет-источники, анализируется как индивидуальные и командные решения влияли на исход военных действий.

Охрана границы перед Великой Отечественной войной

Линейный способ охраны границы СССР, существовавший вплоть до 2005 г., представлял собой, с одной стороны, унифицированную форму охраны рубежей, где существовала своя иерархия, подчинение формальным требованиям, общая система укреплений и т.п. С другой – разнообразие географических, социокультурных и этнокультурных особенностей охраняемого периметра требовало от пограничников умения видеть последствия своих действий на том или ином участке границы при взаимодействии с представителями сопредельных стран и местного населения, для которых они олицетворяли центральную власть на местах [3]. Служащие, исполняя единую функцию по обеспечению непроницаемости границ должны были уметь действовать самостоятельно, учитывая всю специфику вверенного им периметра границы, включающую взаимодействие с людьми, множество факторов, в связи с которыми каждый периметр границы СССР был уникальным. Пограничники были вынуждены приобретать уникальные навыки и знания, ***т. е.*** служащие каждой погранзаставы являлись и акторами и агентами одновременно [1].

При этом необходимо помнить, что они всегда находились в прямом подчинении центра, т. е. они не подчинялись региональным властям и, по сути, представляли собой центральную власть на местах. Представители местной власти должны были оказывать им поддержку как постоянную (участие в строительстве и ремонте пограничной инфраструктуры, организация желающих вступить в добровольные народные дружины (ДНД), предоставление помещений, предназначенных для собраний ДНД и т.п.). Иным словами, они исполняли в том числе управленческие функции.

Имеющиеся данные показывают, что при организации и строительстве пограничных округов в анализируемый период проявилось, с одной стороны, действие устойчивых процессов, связанных с общими рамками социально-политических и организационных принципов военного строительства. С другой – учитывалась более узкая и специфическая область данной военной деятельности [12], где проявлялась зависимость погранокругов от охраняемого участка государственной границы, физико-географических условий, военно-политической, численности населения, национального состава до наличия в зоне ответственности погранокруга предприятий всесоюзного значения, в т.ч. военно-промышленного комплекса (ВПК), многие из которых являлись градообразующими, от состояния экономики, культуры, средств связи и т.п.

Совместная работа партийных органов и командования пограничных подразделений усиленно велась в т. ч. в сфере политико-идеологической в деревнях и селах. Такого рода работа была направлена на включение сельских жителей в активную работу по охране границы и давала пограничникам возможность участвовать в социокультурной жизни на селе. Тем самым демонстрировалась забота советской власти о безопасности своих граждан даже в самых отдаленных частях страны, укрепляла идеолого-патриотическое ценности населения и повышала авторитет пограничников в их глазах. Такая работа зачастую приводила к тому, что к примеру, в 1940-х гг. на выборах в местные органы управления в Хабаровском крае люди избрали 150 пограничников депутатами различных советов от краевого до сельских [12; 19].

Несмотря на успехи профессиональной и общественно-организационной работы, существовали и проблемы, которые явственно проявлялись при организации новых округов и подразделений. Одной из таких являлась – нехватка личного командного и политического состава в целом и недостаточный уровень их образования и подготовки на этих направлениях. Так, укомплектованность новых частей ряда подразделений в начале 1939 г. составляла около 30% [18].

Объявленная в 1937 г. мобилизация специалистов, окончивших специализированные учреждения, в корне ситуацию не изменила и в 1939 г. из запаса были призваны свыше 1300 чел. Организованные краткосрочные курсы подготовки командных кадров не давали прошедшему их начсоставу достаточной военной подготовки, поэтому многое пограничникам приходилось осваивать уже непосредственно на месте.

К примеру, на 1.05.1941 г. в составе командных кадров пограничных войск имели среднее военное образование среди командного состава 49,9% служащих, политического – 30,4%, закончили краткосрочные курсы (от трех до девяти месяцев) – 18,2 и 29,9% соответственно, не получивших военную подготовку 33,3 и 39,1% [18].

Это послужило толчком для командования упразднить курсы переподготовки начальствующего состава и увеличить количество специализированных образовательных учреждений по подготовке командных

и политических кадров для погранвойск. Так, к примеру, в 1940 г. НКВД издал приказ[1] о создании Ленинградского военно-морского пограничного училища [18].

Чтобы в полной мере понимать специфику работу по обеспечению безопасности рубежей страны, покажем некоторые ее особенности довоенного периода.

В предвоенные годы управления пограничных округов создавались в силу оперативной необходимости и целенаправленно [16]. Так в 1931–1938 гг. основные усилия в охране границы были сосредоточены на Дальнем Востоке у границы с Китаем и морской границей с Японией и США, поскольку именно там случались наиболее частные нарушения наших рубежей [8]. В этот период создано 21 пограничное формирование, обеспечивающих непроницаемость наших границ. Партийные и советские органы совместно с командованием пограничных подразделений усиливают идеолого-просветительскую работу на местах, направленную на расширение социальной базы поддержки пограничников. При этом сами пограничники принимали активное участие в поддержке колхозов и местных органов власти в приграничных районах, организовывали культурно-просветительную работу среди населения, в том числе активное участвовали в воспитательной работе со школьниками и молодежью [12].

Однако с 1939 г. и по 1941 г. фокус внимания переместился на западные границы с европейскими странами, и за относительно небольшой временной промежуток были созданы четыре пограничных округа, 26 пограничных отрядов, 6 отрядов пограничных судов [см. подроб.: 16].

Накануне Великой Отечественной войны Пограничные округа охраняли границу в сложных военно-политических условиях начавшейся Второй мировой войны, это послужило фактором ухудшения оперативной обстановки на всех участках государственной границы СССР и в особенности на западной, где уже развертывалась активная подготовка к нападению на нашу страну.

Однако, Советский Союз не в полной мере был готов к большой войне, поэтому политические действия и решения были скорее направлены если не избежать ее, то хотя бы отсрочить и некоторые руководители страны верили, что такая возможность существует [12].

Период с 1939 по 1945 гг. был временем, когда напряжение на наших и без того неспокойных границах, обострилось. В этот период для охраны наших рубежей существовало 18 пограничных округов, которые выполняли задачи по борьбе с провокациями, участвовали в боевых действиях. Обширные территории нашей страны и недостаточно развитая инфраструктура, к сожалению, сыграли против нас же. Переброска войск к западным границам, являвшимися основным целями прорыва фашисткой армии и их союзников была затруднена различными факторам, в т.ч. природно-географическими, а также необходимостью сдерживать японцев на восточных границах и турков на южной. Агентуры обеих стран вели активную разведывательную работу на советском пограничье [14].

[1] Приказ НКВД СССР № 255 от 23 июня 1940 г.

Большая часть властной элиты сопредельных СССР стран (Японии, Турции и в некоторой степени степени Ирана Афганистана), являвшихся союзниками гитлеровской Германии чуть ли не с первого дня содействовали гитлеровцам. На границе с СССР они стремились как можно быстрее завершить мероприятия, которые позволили бы им напасть на Советский Союз в нужный момент [12].

Главным источником опасности на южных рубежах выступала Турция, объявившая сразу после начала Великой Отечественной войны частичную мобилизацию и перебросившая к границе с СССР 18 дивизий, которые вели провокационную деятельность против наших [там же].

Проблема на границе с Афганистаном заключалась том, что, с одной стороны, между ним и СССР существовали дружественные отношения, а с другой – внутри самой страны действовали различные организации, которые вели антисоветскую работу, склоняя страну вступить в союз с Гитлером. Немало успешному развитию этих тенденций способствовало недоверие Афганистана к Великобритании, силы которой действовали вблизи от него, а также возможность получить значительные территории советского государства. Так, к примеру в этот период афганцы попытались захватить ряд островов на пограничных реках Пяндж и Амударья, также активизировались налеты различных бандитских группировок, которые из периодических стали систематическими [там же].

Участились провокации и конфликты на границе с Западным Китаем, охраняемой Киргизским и Казахским пограничными округами, который также планировал в удобный для него момент захватить обширный участок советской земли, и при этом китайскими властями велась активная антисоветская кампания. Это затрудняло эффективность защиты наших рубежей на данном участке границы, поскольку из-за политической обстановки значительно увеличилось количество реэмигрантов (в течение года таких было задержано 295 чел.) из Синьцзяня, искавших убежища от преследования китайских властей [там же].

Несколько иной была обстановка на Дальнем Востоке во время войны с Японией. Там погранвойска Забайкальского, Хабаровского и Приморского округов приняли активное участие не только в подготовке, но и проведении наступательных операций Красной Армии, поскольку начинались они непосредственно на государственной границе и именно участие пограничников во многом способствовало их успешному осуществлению. Знание пограничниками местности, где они несли службу, также оказалась весьма полезным для советского командования, когда возникала необходимость скрытного сосредоточения фронтов и армий для обеспечения внезапности атак [12].

Пограничные войска, хоть и не предназначенные для отражения масштабного вторжения, но закаленные в постоянных конфликтах, то и дело возникавшими на границах, проявили героизм и стойкость в первые дни войны [12]. На западной границе 83 тыс. советских пограничников попытались сдержать почти пятимиллионную армию фашистов [6]. Как

отмечал впоследствии Маршал СССР И. Х. Багамян «Всю мощь первых ударов гитлеровских войск, по существу, приняли на себя немногочисленные подразделения пограничников и гарнизонов укрепленных районов» [2].

В июне 1941 г. Погранвойска находились под общим командованием Л.П. Берии. Они состояли из 18 пограничных округов (Мурманский; Карело-Финский; Ленинградский; Прибалтийский; Белорусский; Украинский; Молдавский; Черноморский; Грузинский; Армянский; Азербайджанский; Туркменский; Среднеазиатский; Казахский; Западно-Сибирский; Забайкальский; Хабаровский; Приморский) с общей численностью служащих около 170 тыс. чел., которые включали в себя 94 пограничных отряда, 8 отдельных отрядов пограничных кораблей, 23 отдельных пограничных комендатуры, 10 отдельных авиационных эскадрилий и 2 кавалерийских полка, морские части погранвойск имели в наличие 11 сторожевых кораблей, 223 сторожевых катера и 180 рейдовых и вспомогательных катеров (всего 414 боевых единиц), авиация имела на своем составе 129 самолетов [13].

Самостоятельные действия

Как уже было отмечено, советские погранвойска были приведены в полную боевую готовность 21 июня. Постоянные конфликты и провокации на границах Советского Союза и различные специфические факторы, которые были свойственны тому или иному участку границы, способствовали тому, что пограничники фактически являлись элитной частью Вооруженных сил СССР [6].

Пограничные войска СССР накануне войны находились в высокой боевой готовности. Только на белорусском участке государственной границы во втором полугодии 1940 г. произошло 187 конфликтов. В июне 1941 г. на западной границе общей протяженностью почти 2000 км. (от Финского залива и до Черного моря) располагалось в общей сложности 666 пограничных застав, в которых проходили службу 83 тыс. пограничника, на одну заставу, в зависимости от территориальных и иных особенностей, приходилось в среднем от 40 до 65 служащих на 6–8 км охраняемого периметра [6].

Основной целью немцев в первые дни войны было уничтожение линий связи, они полагали, что, оказавшись отрезанными от приказов центра, наши пограничники не смогут сориентироваться и удержаться на своих позициях. Однако из 600 с лишним застав 485 приняли бой в первый день войны, остальные вступили 29 июня. 257 застав защищали свои участки границы до суток, до 2-х суток – 36 застав. Неделю и больше продержались более 100 застав, а 45 застав удерживали рубежи до 2-х месяцев. Некоторые границы фашистам и вовсе не удалось прорвать, как, к примеру в Мурманской области, где 12 погранзастав удерживали немцев почти до конца войны, и до сентября 1944 г. этот участок границы был на замке [там же]. При этом нужно отметить, что наши пограничники вели

бои с противниками, намного превосходящих их не только численностью, но и вооружением. Так, например, передовые (разведывательные) отряды, пехотные и танковые подразделения превосходили силы пограничников от 6 до 20 раз, вооружением разной степени тяжести около 5–10 раз [там же].

Несмотря на это профессионализм и боеготовность, укрепленные в постоянных стычках на границе, способствовало тому, что в советской время они были одними из самых подготовленных боевых единиц армии. Пограничникам позволили принимать самостоятельные решения, в зависимости от ситуаций, которые складывались на том или ином участке границы. Так, начальник войск Ленинградского пограничного округа Г. А. Степанов 21 июня 1941 г. по своей инициативе отдал приказ заставам занять оборонительные сооружения в опорных пунктах. Такой же приказ был отдан и Л. А. Головкиным, начальником 106-го Таурагского пограничного отряда. Другой пример, 13-я погранзастава 90-го Владимир-Волынского отряда, которая смогла отразить штурм фашистов под командованием лейтенанта А. В. Лопатина, заняв заранее подготовленные блок-гуазы и окопы, удерживала рубеж [12]. При этом там же с ними находились семьи командиров, которые укрылись в подвалах казарм, и откуда позднее отстреливались и сами пограничники, не давая противнику прорваться 11 дней. По самым оптимистичным прогнозам руководителей штабов Советской Армии им давали всего двое суток, немцы же планировали прорваться за несколько часов. Именно такие инициативы позволили, если не избежать, то хотя бы уменьшить потери в личном составе наших погранвойск в первые дни войны и сдерживать врага на границе [12].

Именно за способность к самостоятельности и действиям в отсутствие приказов сверху о пограничниках впоследствии выскажутся Маршалы СССР С. С. Бирюзов: «Славные пограничные войска приняв на себя удар гитлеровских полчищ, проявили изумительную стойкость, несгибаемое мужество и массовый героизм и внесли достойный вклад в дело разгрома фашистских захватчиков. Подвиги пограничников бессмертны» [4] и И. Х. Баграмян: «Первый удар фашистских дивизий обрушился на пограничные заставы и на небольшие гарнизоны укрепленных районов. Бойцы и командиры этих подразделений героически выполнили свой долг: никто из них не покинул своих позиций под натиском неизмеримо превосходящих сил врага. Заставы и долговременные точки укрепрайонов сразу же превратились в маленькие островки, со всех сторон захлестываемые враждебной стихией. Полностью окруженные, они вели неравный бой» [2]. Эта иллюстрация того, как связь высокого профессионализма связана с умением действовать согласно ситуации и принимать решения, которые не подкреплены приказом, но более того могли порой и входить в противоречие с формальными установками. Т. е. служащие погранзастав и округов, боевые навыки которых оттачивались постоянно и в мирное время в связи с их профессиональной деятельностью, в полной мере показывают, что актор, если он обладает соответствующими профессиональными знаниями и навыками, может принимать и реализовывать самостоятельные решения, которые впоследствии оказываются наиболее эффективными.

Вооруженные в основном только стрелковым оружием, пограничники результативно действовали согласно обстановке, хотя как силы, так и вооружение были существенно не равными. Примером такого героизма могут служить действия Августовского, Ломжанского, Брестского, Владимир-Волынского, Перемышльского, Рава-Русского, Кагульского и многих других отрядов[1].

При этом легендарная оборона Брестской крепости примечательна в контексте данной статьи тем, что участие в ее обороне принимали 500 пограничников из 3500 солдат, которые затем продолжали служить, охраняя различные участки государственной границы. 5 застава 25 Кагульского погранотряда в течение двух дней отбивала атаки превосходящих сил противника, прикрывая дорогу на г. Кагул (Молдова), не позволив врагу закрепиться на советском берегу. 17 застава 91-го Рава-Русского отряда 10 часов дралась с целым батальоном. Весь личный состав погиб после привлечения в эту борьбу вражеских танков. Также в полном составе погибли 4, 6, 12 и 14 пограничные заставы 90 Владимир-Волынского погранотряда, 7 и 9 пограничные заставы 92-го Перемышльского отряда. 6 застава 80 пограничного отряда отбила свыше 60 атак белофиннов, при этом они находились во вражеском окружении, и лишь на двадцать первый день безостановочной борьбы наши пограничники смогли прорвать окружение и отойти в тыл. 4 комендатура 95 пограничного отряда двое суток сдерживала переход фашистов через Днестр и тем самым обеспечила отход 12 армии. До 24 июня Черновицкий пограничный отряд под руководством полковника М. Т. Крыловского удерживал границу своими силами[2].

Эти примеры наглядно показывают, что действия советских пограничников во многом носили самостоятельные характер, они следовали своему собственному решению не дать врагу прорвать наши границы. Ни одна застава не отступала самостоятельно, лишь по приказу вышестоящего командования.

Так, один из пленных немецких солдат при допросе сказал: «... Пограничники сопротивлялись до последнего. Нигде, никогда мы не встречали такой стойкости, такого воинского упорства. Они предпочитали смерть возможности отхода. Советского пограничника можно было захватить только при двух условиях: когда он был уже мертв, либо находился в тяжелом, бессознательном состоянии» [7; 12].

После стабилизации линии фронта и постепенного перехода инициативы к Красной Армии борьба в тылу врага стала усиливаться действиями специальных диверсионных формирований, состоящих главным образом из пограничников. Другие пограничники, оказавшиеся оторванными от основных сил армии или во вражеском окружении, совместно с местным населением самостоятельно создавали партизанские отряды [7]. Согласно

---

[1] В чем заключалась роль пограничников в первые дни войны 1941–45 годов // Аргументы и факты. Волгоград. 2022. 27 июня. URL: https://vlg.aif.ru/dontknows/society/v_chyom_zaklyuchalas_rol_pogranichnikov_v_pervye_dni_voyny_1941-45_godov?ysclid=mjl63qx2c3962738094c (дата обращения: 20.12.2025).

[2] Там же.

некоторым данным, пограничники сформировали и повели 50 партизанских отрядов для участия в обороне Киева, Одессы, Москвы и других советских городов[1].

Диверсионно-разведывательная деятельность, как и партизанская, предполагает работу связанную с действиями в тылу врага, а значит требующая скрытности и секретности. В условиях войны, когда любые связи со штабом могли быть перехвачены врагом, пограничники зачастую действовали автономно, многие решения принимались по собственной инициативе и под свою ответственность.

При этом не прекращалась работа по охране границы на других участках, меры по усилению пограничного режима были предприняты с активным привлечением местного населения, включая женщин и молодежь допризывного возраста. Так, совместными усилиями в одном только Приморском крае, во-первых, удалось повысить численность ДНД и бригад содействия почти в полтора раза с 4973 чел. в 1941 г. до 6 052 в 1944 г., во-вторых, вместе с этим повысилась и эффективность пограничной охраны. Результативность работы гражданских выросла с 4,1% в 1941 до 22,1% в 1944 [19].

То есть исходя из этого можно сделать вывод, что акторы на границе формировались на разных уровня, начиная от пограничников и заканчивая местным населением, вступавшем в ДНД, независимо от профессиональной деятельности, поскольку границу нужно было охранять всегда.

Заключение

Накануне и во время войны акторская деятельность погранвойск показала себя в полной мере, в условиях, когда ситуация менялась стремительно, времени ждать распоряжений сверху практически не оставалось, да и связи не было, пограничники вынуждены были действовать не только исполняя свои прямые функции охраны границы, но организовывать защиту и безопасность местного населения, что включало в себя информационную и оперативную работу с ним.

Эта работа впоследствии позволила пограничникам, наряду с солдатами других воинских подразделений, создать разветвленные агентурно-партизанские сети, проводивших успешные диверсионно-разведывательные операции, в. ч. во вражеском тылу.

Анализ применения служебно-боевого опыта погранвойск в годы Великой Отечественной войны позволяет сделать вывод о том, что базовое профессиональное образование, подкрепленное постоянной практикой, которая у пограничников не прекращается независимо от войн и конфликтов, формировало уникальный род войск, способный и в военное, и в мирное время самостоятельно решать широкий спектр специальных задач.

[1] Сокирко В. До последнего патрона // Мир пограничника. ФСБ: за и против. 2020. 09 мая. URL: https://www.osfsb.ru/materialy/mir-pogranichnika/do-poslednego-patrona/ (дата обращения: 12.12.2025).

Героизм пограничников был глубоко осознанным, поскольку они сражались зачастую в положении безысходности перед подавляющей силой врага. А время, которое они выигрывали для нашей армии, свидетельствует не только об их самоотверженности, но и о высоком профессионализме, без которого невозможно было бы держать на замке границы огромной и разной страны.

Такого рода опыт, накопленный за десятилетия, как нам видится, актуализируется. В современной России охрана и контроль границ осуществляется прежде всего контрольно-пропускными пунктами (КПП) и при помощи технических средств (беспилотники, датчики и камеры), информация с которых поступает дежурным и от них передается резервным подразделениям, которые выезжают к месту нарушения границы[1].

Несомненно, изменяющийся мир и общества, а также развитие технологий, которые позволяют сделать жизнь человека проще, диктуют свои условия, трансформации подвергаются многие сферы социальной и профессиональной деятельности людей. Охрана границы также не избежала этого процесса. Однако в полной мере увидеть, насколько эффективна новая форма защиты рубежей нашей страны и жителей приграничья, стоило ли полностью отказываться от старой формы в ситуации боевого конфликта, мы вероятнее всего сможем понять после окончания СВО.

Библиографический список

1. Аксенова О. В. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. М.: ИС РАН, 2016. 304 с. EDN: VYBENB.

2. Баграмян И.Х. Так начиналась война. Изд. 2-е. М.: Военное изд-во, 1977. 510 с.

3. Бийжанова Э. К. Российское приграничье: социологическая ретроспектива взаимодействия пограничников и местного населения (1960–2025) // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 23 / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН, 2025. С. 96–123. DOI: 10.19181/ezheg.2025.4; EDN: BVQEFU.

4. Бирюзов С.С. Суровые годы. М.: Наука, 1966. 558 с.

5. Вишневский А. Г. Демографические последствия Великой Отечественной войны // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 2. С. 6–42. EDN: WZZPQL.

6. Иванов В. Г. Первые на пути врага. Как советские пограничники встретили 22 июня 1941 года? // История.РФ. URL: https://history.ru/read/articles/pervye-na-puti-vraga-kak-sovetskie-pogranichniki-vstretili-22-iyunya-1941-goda (дата обращения: 10.12.2025).

7. Лепешкин С. Н. Участие пограничников в партизанском движении на северо-западе России в годы немецко-фашисткой оккупации // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2019. № 3(16). С. 42–56. DOI: 10.25797/NHP.2019.16.3.005; EDN: SZHZIV.

[1] Козлов А. Пора возрождать пограничные войска // ВЗГЛЯД.РУ. Деловая газета. 2023. 2 июля. URL: https://vz.ru/opinions/2023/7/2/1217949.html?ysclid=miyhy1xy3j992677718 (дата обращения: 22.12.2025).

8. Маковский А. В. Деятельность советских органов пограничного контроля на Дальнем Востоке (вторая половина 1930-х – начало 1940-х гг.) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 5. С. 84–88. EDN: TOEWSR.

9. Малинкин А. Н. Историческая память о Великой Отечественной войне: эпистемологические и генеалогические аспекты // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 23–34. DOI: 10.31857/S0132162500094092; EDN: AXDDKP.

10. Надарин Э. С. Формирование и реформы пограничных органов Федеральной службы безопасности (историко-правовые аспекты) // Законность и порядок в современном обществе. 2013. № 14. С. 107–127. EDN: RLNCBF.

11. Немирова Н. В. Историческая память о Великой Отечественной войне: опыт качественного социологического исследования // Ученые записки ЗабГУ. 2015. № 4(63). С. 157–165. EDN: UADVCN.

12. На страже границ отечества: История пограничной службы. Краткий очерк. М.: Граница, 1998. 606 с.

13. Самсонов А. Пограничные войска НКВД Советского Союза в начале Великой войны // Военное обозрение. 2013. 22 июня. URL: https://topwar.ru/5206-nkvd-sovetskogo-soyuza-v-nachale-velikoy-voyny.html?ysclid=miwvfa6hq6298519824 (дата обращения: 20.12.2025).

14. Сечкин Г.П. Граница и война. Пограничные войска в Великой Отечественной войне советского народа 1941–1945. М.: Граница, 1993. 464 с.

15. Спасибо прадеду за Победу... / Под. Общ. Ред. Ю. Р. Вишневского. Екатеринбург: УрФУ, 2020. 352 с. EDN: FIIIZE.

16. Терещенко В. В. Пограничные округа накануне Великой Отечественной войны (1939 – июнь 1941 г.) // Вестник Тамбовского ун-та. Гуманитарные науки. 2013. Вып. 6(122). С. 181–187. EDN: QLJNWN.

17. Тихонов А. В. Субъект-субъектные отношения // Социология управления: теоретико-прикладной толковый словарь /Отв. ред. А.В. Тихонов. М.: Красанд, 2015. С. 363–364. EDN: UJTTVV.

18. Тихонов Д. Н. Анализ боеготовности морских частей пограничных войск НКВД СССР к лету 1941 г. // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 2. С. 73–80. EDN: SGEWJZ.

19. Шулепов Д. Ю. Население приграничных территорий и пограничные войска на охране дальневосточной государственной границы в предвоенные годы (1939 г. – начало 1941 г.) // Манускрипт. 2017. № 3-1(77). С. 205–208. EDN: XXWDMV.

Получено редакцией: 25.12.2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Бийжанова Элиза Камчыбековна, научный сотрудник Центра изучения регионов России

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.12

The Role and Participation of the USSR Border Troops During the Great Patriotic War (Actor-Management Paradigm)

Eliza K. Biyzhanova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia
biyzhanova@isras.ru
ORCID: 0000-0002-0401-8633

For citation: Biyzhanova E. K. The role and participation of the USSR border troops during the Great Patriotic War (actor-management approach). *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 4. P. 254–268. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.12; EDN: IPXIGL.

Abstract. This article, using open historical data, attempts to analyze the participation of Soviet border troops in the Great Patriotic War. Using actor-based and managerial approaches, we identify the specifics of border guard combat training, which allowed them to become one of the elite branches of the USSR Armed Forces. Limited information complicates a sociological analysis of this professional group, as much data on the activities of border guards during this period remains unavailable. Our analysis draws on research by historians and military scholars, as well as memoirs by prominent military personnel, publications by amateur historians, and specialized websites devoted to the Great Patriotic War in general and the contribution of border troops in particular. These factors may have contributed to the limited coverage in the academic literature of border guards' activities during the Great War, their heroism, dedication, and professionalism, which was honed even in peacetime. The analysis revealed factors confirming that Soviet border guards were not only representatives of the government but also actively participated in shaping the sociocultural environment in their areas of service. Moreover, the linear border protection system that existed during the Soviet era and the first decade of the post-Soviet era entailed a unified structure of border districts and their subdivisions. However, the regional diversity of our country (socioeconomic, cultural, ethnic, and geographic) necessitated diversifying the approaches used by border guards, both in the performance of their professional duties and in their interactions with the local population. With proper outreach, the local population was actively engaged in cooperation during peacetime, and during the Great Patriotic War, they participated alongside border guards in partisan and sabotage and reconnaissance operations.

Keywords: Great Patriotic War, USSR border troops, border actors, heroism, defense of the fatherland's borders

References

1. Aksenova O. V. The Paradigm of Social Action: Professionals in Russian Modernization. Moscow, IS RAN, 2016: 304 (in Russ.). EDN: VYBENB.

2. Bagramyan I. Kh. Tak nachinalas' voyna [This is How the War Began]. 2nd ed. Moscow, Voennoe izd-vo, 1977: 510 (in Russ.).

3. Biyzhanova E. K. Russian Borderlands: A Sociological Retrospective of the Interaction between Border Guards and the Local Population (1960–2025). In Russia under Reform: Yearbook. Iss. 23. Ed. M. K. Gorshkov. Moscow, FNISC RAN, 2025: 96–123 (in Russ.). DOI: 10.19181/ezheg.2025.4; EDN: BVQEFU.

4. Biryuzov S. S. Surovyye gody [Severe Years]. Moscow, Nauka, 1966: 558 (in Russ.).

5. Vishnevsky A. G. Demographic Consequences of the Great Patriotic War. *Demograficheskoye obozreniye,* 2016: 3: 2: 6–42 (in Russ.). EDN: WZZPQL.

6. Ivanov V. G. First on the Enemy's Path. How Did Soviet Border Guards Greet June 22, 1941? *Istoriya.RF*. Accessed 10.12.2025. URL: https://history.ru/read/articles/pervye-na-puti-vraga-kak-sovetskie-pogranichniki-vstretili-22-iyunya-1941-goda (in Russ.).

7. Lepeshkin S. N. Participation of Border Guards in the Partisan Movement in Northwest Russia During the Nazi Occupation. *Novyye istoricheskiye perspektivy: ot Baltiki do Tikhogo okeana,* 2019: 3(16): 42–56 (in Russ.). DOI: 10.25797/NHP.2019.16.3.005; EDN: SZHZIV.

8. Makovsky A. V. Activities of Soviet Border Control Agencies in the Far East (Second Half of the 1930s – Early 1940s). *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya,* 2015: 5: 84–88 (in Russ.). EDN: TOEWSR.

9. Malinkin A. N. Historical Memory of the Great Patriotic War: Epistemological and Genealogical Aspects. *Sotsiologicheskiye issledovaniya,* 2020: 5: 23–34 (in Russ.). DOI: 10.31857/S0132162500094092; EDN: AXDDKP.

10. Nadarin E. S. Formirovaniye i reformy pogranichnykh organov Federal'noy sluzhby bezopasnosti (istoriko-pravovyye aspekty) [Formation and reforms of the border agencies of the Federal Security Service (historical and legal aspects)]. *Zakonnost' i poryadok v sovremennom obshchestve,* 2013: 14: 107–127 (in Russ.). EDN: RLNCBF.

11. Nemirova N. V. Historical memory of the Great Patriotic War: An experience of qualitative sociological research. *Uchenyye zapiski ZabGU,* 2015: 4(63): 157–165 (in Russ.). EDN: UADVCN.

12. Na strazhe granits otechestva: Istoriya pogranichnoy sluzhby. Kratkiy ocherk [Guarding the borders of the fatherland: History of the border service. Brief essay]. Moscow, Granitsa, 1998: 606 (in Russ.).

13. Samsonov A. Pogranichnyye voyska NKVD Sovetskogo Soyuza v nachale Velikoy voyny [Border Troops of the NKVD of the Soviet Union at the Beginning of the Great War]. // *Voyennoye obozreniye,* 2013: June 22. Accessed 20.12.2025. URL: https://topwar.ru/5206-nkvd-sovetskogo-soyuza-v-nachale-velikoy-voyny.html?ysclid=miwvfa6hq6298519824 (in Russ.).

14. Sechkin G. P. Granitsa i voyna. Pogranichnyye voyska v Velikoy Otechestvennoy voyne sovetskogo naroda 1941–1945 [Border and War. Border Troops in the Great Patriotic War of the Soviet People 1941–1945]. Moscow, Granitsa, 1993: 464 (in Russ.).

15. Thank my great-grandfather for the Victory... General ed. by Yu. R. Vishnevsky. Yekaterinburg, UrFU, 2020: 352 (in Russ.). EDN: FIIIZE/

16. Tereshchenko V. V. Pogranichnyye okruga nakanune Velikoy Otechestvennoy voyny (1939 – iyun' 1941 g.) [Border Districts on the Eve of the Great Patriotic War (1939 – June 1941)]. *Vestnik Tambovskogo un-ta. Gumanitarnyye nauki,* 2013: 6(122): 181–187 (in Russ.). EDN: QLJNWN.

17. Tikhonov A. V. Subject-subject relations. In Sociology of management: theoretical and applied explanatory dictionary. Ed. by A. V. Tikhonov. Moscow, Krasand, 2015: 363–364 (in Russ.). EDN: UJTTVV.

18. Tikhonov D. N. Analiz boyegotovnosti morskikh chastey pogranichnykh voysk NKVD SSSR k letu 1941 g. [Analysis of the combat readiness of the naval units of the border troops of the NKVD of the USSR by the summer of 1941]. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina,* 2014: 4: 2: 73–80 (in Russ.). EDN: SGEWJZ.

19. Shulepov D. Yu. Population of border territories and border troops guarding the Far Eastern state border in the pre-war years (1939 – early 1941). *Manuskript,* 2017: 3-1(77): 205–208 (in Russ.). EDN: XXWDMV.

The article was submitted on: December 25, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Eliza K. Biyzhanova, Research Fellow of the Center for the Study of Russian Regions

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.13
EDN: HUAJXC

Российские миллиардеры в условиях санкционного кризиса: пути адаптации и стратегии поведения[1]

Ссылка для цитирования: *Швецова Е. А.* Российские миллиардеры в условиях санкционного кризиса: пути адаптации и стратегии поведения // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 4. С. 269–294. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.13; EDN: HUAJXC.
For citation: Shvetsova E. A. Russian Billionaires in the Context of the Sanctions Crisis: Adaptation Paths and Behavioural Strategies. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 4. P. 269–294. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.13; EDN: HUAJXC.

SPIN-код: 9142-6876

Швецова Елена Антоновна[1]

[1]НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

eashvetsova@hse.ru

Аннотация. В статье рассматриваются адаптационные стратегии верхней подгруппы российской бизнес-элиты (миллиардеров) в условиях текущего геополитического кризиса и зарубежных рестрикций. На основании специально собранной эмпирической базы проведен анализ их состава и осуществленных ими действий с располагаемыми активами в период с февраля 2022 по январь 2025 г. Полученные результаты демонстрируют как санкционное давление, инициированное различными странами (США, ЕС, Великобританией, Японией, Австралией и др.), влияет на структуру группы и поведенческие стратегии российской бизнес-элиты. Результаты исследования позволяют говорить о высокой устойчивости и адаптивности российской бизнес-элиты («ультраверхушки» в модели социальной структуры по богатству) к внешним институциональным шокам. Установлено, что воспроизводимость изучаемой группы в ежегодных рейтингах варьировалась от 70% в наиболее волатильный период с 2022 по 2023 гг. до 91% по мере адаптации к новым институциональным условиям в 2023–2024 гг. Вопреки введенным США и рядом других государств сдерживающим экономическим мерам, численность группы миллиардеров в России не только не сократилась, но и достигла рекордных показателей: в 2025 г российский рейтинг Forbes включал 146 долларовых миллиардеров, а совокупное значение их капитала превысило докризисное. Выявлена высокая вариативность и дифференцированность поведенческих стратегий российских миллиардеров, включая инвестирование в отечественные активы, усложнение структуры владения, приобретение/продажу активов за рубежом, репатриацию имущества, отказ от российского гражданства

[1] Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 году.

и т. д., в т. ч. в зависимости от характера рестрикций и располагаемого объема капитала. Представители топ-20 рейтинга Forbes продемонстрировали наибольшую активность относительно других миллиардеров, в том числе в иностранных юрисдикциях, в то время как остальные участники российского списка, зачастую менее обремененные зарубежными рестрикциями, сосредоточились на укреплении внутристрановых позиций. Данная работа вносит вклад в понимание устойчивости российских экономических элит в условиях институциональных пертурбаций и предлагает эмпирически обоснованную классификацию адаптационных стратегий для малоизученной, но принципиально важной для экономической стратификации группы миллиардеров.

Ключевые слова: сверхбогатые россияне, российские миллиардеры, поведенческие стратегии, адаптация, санкции, санкционный кризис

Введение

Россия замыкает «пятерку» стран по количеству миллиардеров, уступая лишь США, Китаю, Индии и Германии[1]. Несмотря на важную роль группы сверхбогатых россиян в общем экономическом ландшафте страны и в конфигурации модели экономической стратификации[2], в академической литературе ей посвящено не так много работ, что связано с ее закрытостью и труднодоступностью для исследователя. При этом большинство научных публикаций, посвященных этой социальной страте, сосредоточено на вопросах состава и рекрутации экономической элиты [1; 3; 6], в то время как пути адаптации представителей бизнес-элиты в процессе социально-экономических пертурбаций остаются недостаточно изучены – в отличии от массовых слоев населения, которые часто становятся объектом рассмотрения сквозь эту призму, особенно в периоды изменений [8; 9; 10].

Беспрецедентное экономико-политическое давление было призвано серьезным образом повлиять на устойчивость как российской экономики в целом, так и непосредственно российской бизнес-элиты, что позволяет рассматривать введенные рестрикции как серьезную институциональную угрозу для представителей этой группы. Смогла ли «санкционная бомбардировка» экономически ослабить российских миллиардеров и изменить конфигурацию российской бизнес-элиты, повлияв, тем самым, на экономическую стратификацию общества в целом? Как изменилось положение ее представителей и какие стратегии были использованы ими для его сохранения? В рамках данного исследования мы попробуем ответить на эти вопросы, оценив динамику изменения структуры группы и поведенческие стратегии российских миллиардеров в условиях глобальных рестрик-

[1] The Countries With The Most Billionaires 2025 // Forbes. 2025. 1 апреля. URL: https://www.forbes.com/sites/sylvanlebrun/2025/04/01/the-countries-with-the-most-billionaires-2025/ (дата обращения: 02.04.2025).

[2] Россия отличается высокими уровнями концентрации доходов и богатства; экстремальная дифференциация положения наблюдается в растянутом шпиле или «ультраверхушке» – среди 0,001% богатейших россиян [16].

ций, в т. ч. факторы их дифференциации. Исследование позволит ответить на вопрос, как группа сверхбогатых россиян, чье совокупное состояние составляет около трети ВВП страны[1], и, тем самым, оказывает существенное влияние на социально-экономический ландшафт страны, адаптируется к новым институциональным условиям.

Объектом исследования выступают долларовые миллиардеры – лица, обладающих чистым капиталом **свыше миллиарда долларов**[2].

Миллиардеры появились в бывших социалистических странах после их перехода на рыночную модель экономики в конце 1980-х. Россия не является исключением: в 1995 г. в стране не было ни одного миллиардера, но за 12 последующих лет, на рубеже мирового финансового кризиса в 2007 г., количество российских миллиардеров превысило 100, а размер их совокупного капитала составлял более 40% национального дохода (по рыночному обменному курсу). Капитал российских миллиардеров в 2007–2016 годах составлял более четверти национального дохода, в то время как в Китае, Франции, Германии и США он не превышал 15% [19].

Динамика положения российских миллиардеров изучалась ранее, в том числе соизмеримость темпов роста их капитала относительно размера ВВП и экономического потенциала страны [22]. Период с 2004 по 2014 гг. был сопряжен с активным ростом количества российских миллиардеров, а также их состояний. Более того, темп роста их капитала был экспоненциальным и опережал мировые темпы роста (крайне высокая волатильность значений частного капитала отмечалась в период с 2004 по 2009 гг.). Согласно оценкам Forbes, в 2013 г. Россия возглавила рейтинг постсоциалистических стран по интенсивности / «плотности» миллиардеров (количество миллиардеров на 1 трлн долл. США ВВП по ППС). В данном рейтинге за Россией следовали Грузия, Украина, Чехия и Казахстан. В иных постсоветских государствах в 2013 г. миллиардеров не было зафиксировано, хотя их ВВП по ППС был выше, чем в Грузии [21].

Темпы роста количества российских миллиардеров в период после 2014 г. оказались значительно ниже мировых и в целом в течение периода до 2023 г. даже отрицательными [11], однако степень концентрации капиталов российских миллиардеров можно характеризовать как одну из наиболее высоких в мире [16]. Редукция количества российских миллиардеров на 20% в кризисные периоды минувшего десятилетия (экономические кризисы 2014–2015 гг. и 2022–2023 гг., связанные с изменением внешнеполитического курса России) выглядит незначительной по сравнению с практически трехкратным сокращением представителей списка в условиях глобального экономического кризиса 2008–2009 гг., что демонстрирует возросшую устойчивость группы к внешним пертурбациям в последнее десятилетие по сравнению с предыдущими периодами, которая уже постулировалась в ряде исследований [6; 11].

---

[1] Аналитик Morgan Stanley оценил состояние миллиардеров России в треть ВВП // РБК. 2021. 15 мая. URL: https://www.rbc.ru/economics/15/05/2021/609ed42c9a7947120d6155fd (дата обращения: 21.11.2025).

[2] Далее в тексте, где речь идет о сверхбогатых россиянах или представителях бизнес-элиты, мы подразумеваем группу долларовых миллиардеров, а также принадлежащий им частный капитал.

В 2024 г. количество российских миллиардеров превзошло количество докризисного 2021 г., а их совокупный капитал практически достиг докризисных значений. В 2025 г. российскими миллиардерами был побит новый количественный рекорд – число участников отечественного рейтинга Forbes достигло 146 человек, а значение их совокупного капитала достигло 625,5 млрд, превысив значение 2021 г.[1], несмотря на санкционное давление.

Если обратиться к его истории, то в 2014 г. представители российской бизнес-элиты впервые подверглись санкционному давлению со стороны западных стран за поддержку воссоединения Крыма и Севастополя с РФ. В 2018 г. санкционные списки были расширены, некоторые санкции оказались ужесточены [14]. Процесс введения антироссийских санкций был во многом «вдохновлен» иранским сценарием: интенсивные санкционные меры были предприняты в крайне ограниченные сроки, они подразумевали многоаспектный характер, являлись секторальными и узконаправленными, воздействующими на очевидные «болевые точки» – парализующие работу банковского сектора, а также нефтяной и газовой отраслей. Перечисленные обстоятельства лишили российский бизнес «пространства для маневра», усложняя поиск альтернативных решений [2].

Начало СВО 24 февраля 2022 г. было крайне негативно встречено странами Запада, что стало причиной введения беспрецедентных сдерживающих экономических мер. Согласно предположительным оценкам, до 2022 г.а 50–66% активов российских бизнесменов (около $800 млрд) находилось за пределами России. Уязвимость зарубежных активов способствовала незамедлительной разработке адаптационных стратегий к новым институциональным условиям [20]. 7 марта 2022 г. Россия стала мировым лидером по количеству наложенных рестрикций, обойдя Иран [4].

Анализ стратегий, примененных российскими миллиардерами для адаптации к новым институциональным условиям, был реализован на основе сконструированной автором базы данных. Она обобщает информацию из открытых источников (бизнес-СМИ, в том числе отраслевых) о совершенных экономических операциях в условиях санкционного кризиса 125 российскими миллиардерами, входящими в рейтинг Forbes 2024 г., в период с февраля 2022 г. по январь 2025 г. Осуществленные действия были систематизированы и классифицированы в поведенческие стратегии. С высокой долей вероятности, список адаптационных стратегий, представленных далее в эмпирической части работы, является исчерпывающим. Следует отметить, что в работе анализировались исключительно персональные рестрикции со стороны США, ЕС, Великобритании, Японии, Австралии, Новой Зеландии[2]. Ограничения были также проранжированы

[1] Богатейшие российские бизнесмены 2025 // Forbes. 2025. 1 апреля. URL: https://www.forbes.ru/milliardery/533646-20-bogatejsih-rossijskih-biznesmenov-v-global-nom-rejtinge-forbes-2025 (дата обращения: 02.04.2025).

[2] EU sanctions against Russia explained: sanctions on individuals consist of travel bans and asset freezes // European council. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions-against-russia-explained/#individual (дата обращения: 22.04.2025).

по степени их воздействия, что позволило выявить соответствующую дифференциацию поведенческих стратегий в зависимости от силы санкционного давления.

Пути и способы адаптации российских миллиардеров к новым институциональным условиям: научная разработанность темы

Поведенческие стратегии российских миллиардеров могут быть рассмотрены в рамках институциональной экономики или же посредством анализа их как представителей отдельной социальной группы. Междисциплинарность исследования подразумевает взаимодополняемость существующих подходов, позволяющую рассуждать о вопросах институциональной устойчивости группы. Мы рассмотрим также работы, анализирующие влияние рестрикций на представителей российской бизнес-элиты, что позволит сконструировать общую институциональную рамку анализа, в контексте которой будут рассматриваться стратегии российских миллиардеров как социальной группы.

Российские миллиардеры оказались подвержены беспрецедентному санкционному давлению за аффилированность с российским политическим истеблишментом или за отсутствие очевидного сопротивления новому внешнеполитическому курсу. Однако тесная интеграция крупного бизнеса и государственных структур свойственна множеству развитых и развивающихся государств. Согласно С. Левину и коллегам [5], в развитых странах политические связи бизнес-структур реализуются через лоббирование, которое может быть проактивным (продвижение выгодных законов) или реактивным (борьба с негативными для бизнеса законами), что способствует сохранению относительной автономности экономики и политики, а связи носят более институциональный характер. В развивающихся странах политические связи носят персонализированный характер, формируя привилегированные режимы и обеспечивая монопольные преимущества предпринимателям. В силу тесного переплетения экономики и политики создаются предпосылки для формирования «кумовского капитализма» и неформального перераспределения ресурсов. Российскую политико-экономическую институциональную среду данные авторы характеризуют как гибридную, где политические связи крупных предпринимателей формируются на каркасе исторического наследия советской хозяйственной системы. С. Левин отмечает второстепенную роль крупного бизнеса в России в силу серьезной зависимости от политической протекции, что не является уникальным явлением в общемировой практике [5].

В работе «Архитектура рынков» Н. Флигстин анализирует, как именно участники рыночных процессов взаимодействуют между собой с целью создания, поддержания и воспроизводства стабильности на рынке. Его подход применим к изучению стратегий и путей адаптации российской бизнес-элиты в период санкционного кризиса посредством изучения роли

индивидуальных поведенческих стратегий, направленных на институциональную стабильность. Состояние стабильности на рынках не является чем-то перманентным или априорным, это есть результат взаимодействия и комбинаций стратегий различных участников. Н. Флигстин подчеркивает важность социальных связей и доверия между участниками рынка: через создание взаимных обязательств и сетевых отношений, они могут стабилизировать взаимодействия и уменьшить вероятность кризисных ситуаций в рамках институциональной структуры. Участники рынка могут сотрудничать и координировать свои действия, даже если они действуют с конкурентной целью. Таким образом, стабильность на рынке создается через взаимодействие участников, которые могут ориентироваться на применяемые друг другом стратегии для защиты своих интересов, минимизации рисков и обеспечения предсказуемости рыночных процессов. При этом невозможность полной координации действий участников рыночной структуры и возникающие конфликты интересов являются серьезными дестабилизирующими факторами, такими же как изменчивость и непредсказуемость внешней среды. Более того, институциональные слабости и недостатки в регулировании могут способствовать отклонению от ранее обозначенных стратегий участников рынка, что является следствием нарушения институциональных правил и приводит к несанкционированным действиям, ухудшению рыночных условий и снижению внутригруппового доверия. Посредством выбора тех или иных поведенческих стратегий участники рынка стремятся к достижению стабильного состояния институциональной среды в период возросшей внешней неопределенности [10].

Исследование А. Гора и коллег [18] посвящено изучению эффективности международных санкций в изменении экономической динамики российских фирм. В рамках институциональной теории авторами проанализировано, как фирмы балансируют между давлением со стороны внутренней (домашней) среды и внешних санкционных режимов, применяемых США и ЕС. Авторы анализировали данные за период с 2011 по 2020 г., что позволяет проследить как краткосрочные шоки, так и долгосрочную адаптацию, однако вопросы воздействия санкций в условиях более поздних событий (в частности, после февраля 2022 г.) остаются открытыми. В работе постулируется, что бизнес и его прямые бенефициары, действующие в условиях двух конкурирующих институциональных сдерживающих факторов (отечественное законодательство и санкционные режимы зарубежных стран), могут вырабатывать уникальные стратегии адаптации. Результаты демонстрируют, что целевые рестрикции, хоть и создают символическое и финансовое давление, могут оказаться менее эффективными, чем предполагалось, поскольку субъекты адаптируются посредством реструктуризации активов и стратегических компромиссов.

В статье Е. Кларка [13] произведен анализ влияния экономических санкций в отношении российской бизнес-элиты, введенных против России в контексте изменения ее внешнеполитического курса. В рамках санкционного давления многие российские миллиардеры столкнулись с замораживанием активов, запретом на участие в международной финансовой

деятельности и ограничением на ведение бизнеса в западных юрисдикциях. В то же время миллиардеры начали адаптироваться к новым институциональным условиям следующими способами: были предприняты попытки передислокации капитала в страны с меньшим риском санкционного давления (например, в Китай или Турцию); произошло серьезное изменение и усложнение структур собственности; также была выявлена тенденция к диверсификации активов и бизнеса, включая более тесное сотрудничество с государственными структурами России и углубление связей с дружественными странами. В условиях санкционного давления произошло перераспределение финансовых потоков: представители российской бизнес-элиты стали активнее инвестировать в стратегические сектора экономики, такие как энергетика и ВПК, которые находятся под контролем государства. В целом, автор пришел к выводу, что российские миллиардеры, невзирая на ущерб от рестрикций, продемонстрировали значительную гибкость и высокую степень адаптивности к новым социально-экономическим реалиям.

Отмечается, что рестрикции не только оказали воздействие на экономическое положение российской бизнес-элиты, но и повлияли на уровень их общественного влияния. Некоторые из них в качестве стратегии адаптации к новым институциональным условиям прибегли к снижению уровня публичной активности и дистанцированию от государственных структур с целью нивелировать подозрения в аффилированности. В то же время другие миллиардеры, напротив, укрепили связи с политическим истеблишментом России, усилив собственную зависимость от властей.

Результаты исследования Кларка также показали, что рестрикции, направленные против российских миллиардеров, оказали влияние не только на Россию, но и на мировую экономику в целом, особенно в контексте глобальных энергетических рынков и финансовых потоков. Рестрикции также стимулировали развитие теневой экономики и «обходных путей» для финансовых операций, что усложняет международный контроль за потоками капитала и торговлей. Рестрикции не стали разрушительными для экономического положения российских миллиардеров в краткосрочной перспективе, поскольку они смогли адаптироваться к новым институциональным условиям. В долгосрочной перспективе рестрикции могут продолжить оказывать давление на российскую экономику, но также способны влиять на процесс ее перестройки в сторону большего государственного контроля и укрепления связей с союзниками, не участвующими в санкционной политике. Однако исследование Кларка не предполагает количественных оценок поведенческих стратегий российских миллиардеров, дескриптивно описывая наиболее заметные и распространенные адаптационные сюжеты на качественных данных. В отличие от представленного подхода, в данном эмпирическом исследовании мы ориентируемся на количественные оценки распространенности тех или иных стратегий, в том числе в отношении воздействия тех или иных рестрикций на сверхбогатых россиян.

Введенные персональные рестрикции могут иметь «вторичный» экономический эффект, затрагивая корпоративную стоимость компаний, которыми управляют подвергнутые ограничениям лица. Это подчеркивает,

что санкционные меры могут стать дополнительным инструментом давления, расширяя свое воздействие за счет негативного влияния на деловую среду и инвестиционную привлекательность компаний, связанных с политически чувствительными фигурами. При этом отсутствие гармонизации и сопряженности санкционных списков ЕС и США способствует развитию институциональной неопределенности, что потенциально нивелирует санкционный эффект за счет предоставления «пространства для маневров», позволяющих обходить санкционные рестрикции [15].

Приведенный обзор позволяет оценивать и интерпретировать санкционное давление как одно из институциональных условий, детерминирующих вектор адаптационного маршрута российских миллиардеров. Мы не можем утверждать, что санкционное воздействие является единственным фактором, отразившемся на необходимости осуществления тех или иных действий экономического характера, но, с высокой долей вероятности, его значимость очень высока. В представленных работах до сих пор отсутствовали количественные оценки различных адаптационных стратегий, складывающихся под влиянием этих условий, к чему мы и обратимся в рамках собственного эмпирического исследования.

Методика и эмпирический базис исследования

Результаты данного исследования основаны на анализе специально собранной автором из открытых источников базе данных, включающей в себя данные о 125 миллиардерах, входивших в 2024 г. в российский рейтинг Forbes богатейших бизнесменов. В базе были собраны данные по следующим показателям: размер капитала; сфера деятельности, сопряженная с основным активом; наличие рестрикций в отношении субъекта; информация об осуществленных действиях в отношении располагаемых активов за период с февраля 2022 г. по февраль 2025 г. включительно.

Результаты исследования поведенческих стратегий базируются на рейтинге 2024 г., который являлся наиболее актуальным на момент проведения исследования. Однако рейтинг 2025 г., опубликованный позднее, позволил дополнить анализ наиболее актуальной количественной оценкой капитала и численного состава группы.

Следует отметить важное ограничение, которое связано с использованием данных Forbes: они представляют собой экспертную оценку, производимую в условиях недостаточности информации. Тем не менее, данные являются достаточными для получения информации о наиболее заметных, видимых в обществе сверхбогатых и реализуемых ими стратегиях [21], что представляет научный и практический интерес.

Оценка состояния богатейших бизнесменов по методике Forbes включает стоимость контролируемых ими активов (акции компаний, земельные участки, объекты недвижимости, а также личное имущество и другие ценности). Рыночная капитализация служит основой для оценки публичных компаний. Оценка частных компаний проводится с учетом данных

о продажах, прибыли и собственном капитале, а также путем сравнения с аналогичными организациями, торгующимися на бирже или недавно проданными. Forbes придерживается консервативного подхода, оценивая собственность предпринимателей по принципу «не ниже минимальной стоимости». В рейтинге 2024 г. стоимость акций и валютные курсы зафиксированы на 8 марта 2024 г., а возраст участников указан по состоянию на 15 апреля 2024 г.

Поскольку после начала СВО бизнесмены часто регистрировали акции своих компаний на ближайших родственников, Forbes учел этот фактор и стал относить все активы, находящиеся в управлении семьи, к собственности главы семейства. В 2022–2023 гг., опасаясь санкций, многие миллиардеры передали активы родственникам, друзьям, партнерам, менеджерам, бывшим коллегам, а также в трасты и благотворительные фонды. В подобных случаях Forbes использовал данные о структуре собственности на 23 февраля 2022 г.[1]

Классификация поведенческих стратегий российских миллиардеров

Проведенный детальный анализ кейсов позволил предложить классификацию поведенческих стратегий представителей этой группы. На основании обобщения самостоятельно собранных эмпирических данных по действиям российских миллиардеров под влиянием новых условий из доступных открытых источников были выделены следующие экономические стратегии:

- приобретение активов в России/инвестирование в российские активы;
- передача управления активом аффилированному лицу/члену семьи; усложнение структуры собственности; сокращение доли во владении активом;
- оформление прямого владения основным активом;
- продажа активов в России;
- приобретение активов компаний, покинувших российский рынок/выкуп долей бизнеса иностранных акционеров;
- покупка активов за рубежом/инвестирование в зарубежные проекты; продажа активов за рубежом;
- репатриация активов в российскую юрисдикцию/консолидация активов в российских офшорных зонах;
- отказ от российского гражданства.

[1] Методологию сбора данных о личном богатстве Forbes см.: 125 миллиардеров России. О рейтинге // Forbes. URL: https://www.forbes.ru/milliardery/510650-125-milliarderov-rossii-rejting-forbes-2024 (дата обращения: 07.03.2025).

Следует отметить, что в фокусе анализа находились преимущественно экономические действия (за исключением отказа от российского гражданства), предпринятые российскими миллиардерами. Несмотря на возможные ограничения в доступности информации, объективный характер таких данных позволил корректно собрать соответствующую информацию на основе материалов деловых СМИ и/или СПАРК-Интерфакс (СПАРК часто не раскрывает размер совершенных сделок, однако освещает факт их проведения).

За обозреваемый период времени капитал российских миллиардеров был подвержен серьезной волатильности. В 2022 г. рейтинг был составлен в период сильной турбулентности на рынках, детерминированной началом специальной военной операции. Котировки российских акций стремительно падали, после чего рейтинг стал включать лишь 88 миллиардеров-россиян из 140 участников предварительного списка, составленного на начало февраля. К 11 марта 2022 г., когда были зафиксированы котировки и курсы для расчета состояний миллиардеров по всему миру, торги акциями российских компаний оставались замороженными уже больше двух недель. В результате оценки состояния сверхбогатых бизнесменов существенно снизились. Однако в 2023 и 2024 гг. показатели капитала стабилизировались, в ряде случаев достигли докризисных значений или же превзошли показатели 2021 г. В 2025 г. свой капитал увеличили 58 российских миллиардеров: в совокупности они преумножили капитал на 46,3 млрд $ –до 351,2 млрд $ (данная оценка не учитывает «новичков», оценка состояния которых впервые превысила 1 млрд $)[1].

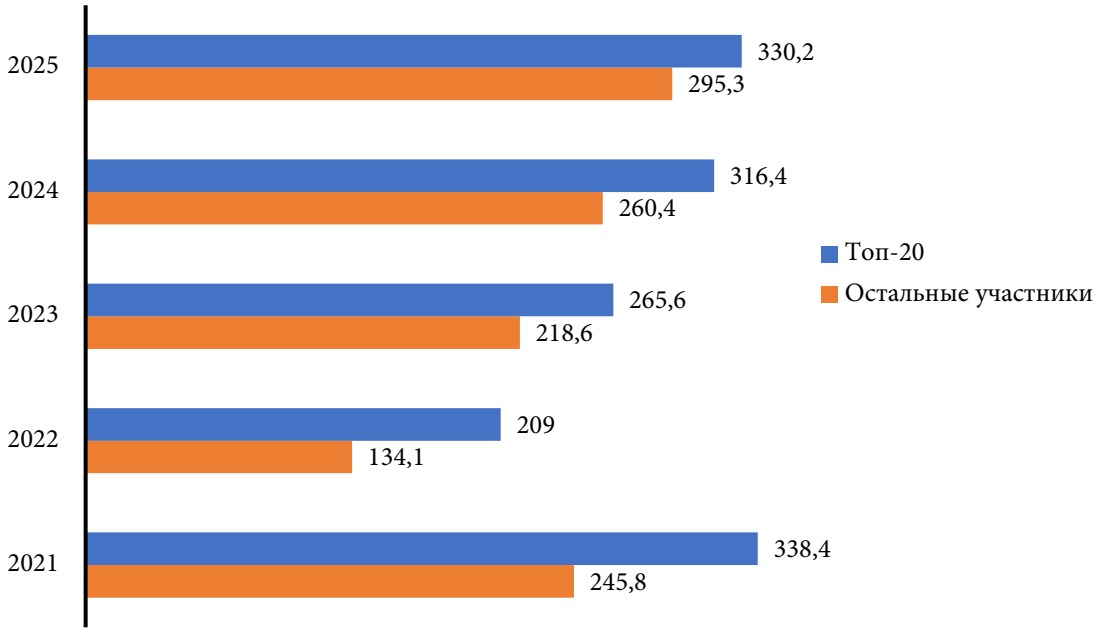

Рис. 1. Динамика капитала российских миллиардеров в 2021–2024 гг., млрд $ (топ-20 списка и все остальные участники)

Figure 1. Dynamics of Russian billionaires' capital in 2021–2024, $ billion (top 20 list and all other participants)

Источник: данные Forbes, расчеты автора.

[1] Back in the USA: Олег Дерипаска и еще 9 самых разбогатевших за год миллиардеров // Forbes. 2025. 2 апреля. URL: https://www.forbes.ru/milliardery/533806-back-in-the-usa-oleg-deripaska-i-ese-9-samyh-razbogatevsih-za-god-milliarderov (дата обращения: 02.04.2025).

Очевиден существенный разрыв в значениях капитала между представителями «первой двадцатки» и остальных участников рейтинга Forbes. При этом 65% миллиардеров из состава топ-20 российского Forbes сопряжены с деятельностью в реальном секторе, ориентированной на экспорт, в то время как среди остальных миллиардеров лишь 30% связаны с энергетикой, металлургией, добычей природных ископаемых. Различия в генезисе российской бизнес-элиты и, как следствие, разнонаправленность приоритетов и экономических стратегий отмечались ранее О. И. Шкаратаном [12].

Наименьший разрыв в показателях капитала топ-20 российских миллиардеров и остальными можно отметить в посткризисном 2023 г., в то время как в предкризисном 2021 г. внутригрупповая диверсификация капиталов была максимальной.

Действия российской бизнес-элиты позволили ее представителям не только сохранить ранее занимаемые позиции и значения капитала, но и расширить численный состав группы миллиардеров, как уже отмечалось выше: в 2025 г. количество миллиардеров стало рекордным и составило 146 человек, при этом 15 миллиардеров впервые обрели данный статус. В рейтинге предыдущего, 2024 г., появилось 19 новых миллиардеров, а 4 миллиардера сумели вернуть ранее занимаемые позиции, что может свидетельствовать об успешном преодолении турбулентности. Большинство новоиспеченных миллиардеров связаны с деятельностью в сфере розничной торговли, благоприятные условия для которой были созданы стремительным уходом зарубежных гигантов ритейла. Также девелоперская деятельность и агробизнес позволили бывшим миллионерам переступить рубеж в 1 млрд долл. Более того, в наиболее актуальный рейтинг Forbes 2025 г. вошли представители второго поколения российской бизнес-элиты – наследники участников списка более раннего периода. Можно ожидать и дальнейшего продолжения этой тенденции.

Российские миллиардеры как представители верхней подгруппы российской-бизнес элиты продолжают демонстрировать достаточно высокие показатели свойственной им устойчивости и в последние годы: состав докризисного 2021 г. воспроизводится в 2024 г. на 76%. Разумеется, в рамках более коротких временных периодов устойчивость оказывается выше, не учитывая период наивысшей волатильности. Участники, входившие в список в наиболее волатильный 2022 г., сохраняют позиции в списках Forbes 2023 г. на 89% и на 81% в 2024 г.; 91% миллиардеров, присутствующих в рейтинге 2023, фигурируют в нем и в 2024, что позволяет сделать вывод о слабом влиянии западных рестрикций на состав страты.

Влияние санкционного давление на группу российских миллиардеров

Кратная разница в наличии какого-либо санкционного давления фиксируется в зависимости от занимаемой позиции в рейтинге Forbes, а следовательно – и меры экономического влияния: в топ-20 российского

рейтинга 75% участников попали под рестрикции Запада, в то время как среди остальной части списка только 42% представителей оказались под персональными ограничениями. Число представителей топ-20 рейтинга, фигурирующих в санкционных списках, не претерпело изменений с 2023 г., однако введение 13-го, 14-го, 15-го пакетов санкций подразумевало расширение санкционных списков, что, согласно нашим расчетам, увеличило соответствующую долю затронутых ими среди остальных участников с 37 до 42% за минувший год[1]. Более того, лидеры российского Forbes были подвергнуты массовой и буквально одномоментной санкционной «бомбардировке», в то время как остальные участники рейтинга постепенно «пополняли» санкционные списки.

Потенциально российский список Forbes мог бы включать большее количество миллиардеров, однако 10 миллиардеров отказались от российского гражданства за период с 2022 по 2024 гг.[2] Дистанцирование от российской стороны является достаточно специфическим вариантом поведенческой стратегии, во многом детерминированным стремлением избежать санкционного преследования или нивелировать уже имеющееся[3]. Тенденция на изменение политического позиционирования и «сжигание мостов» распространена среди «цифровых предпринимателей»: 7 из 10 предпринимателей, отказавшихся от российского паспорта, являлись представителями сфер IT, финансов и венчурных инвестиций. «Легкость» активов, т. е. отсутствие существенных материальных активов на территории России (заводов, труб, лицензий на недра), а также интеграция в глобальные связи, менее устойчивые отношения с государством, профессиональный индивидуализм позволили предпринимателям остаться «космополитами» в новых институциональных реалиях.

К дополнительным обстоятельствам, влияющим на поведенческие стратегии, можно отнести риск внутренней реструктуризации активов представителей российского рейтинга Forbes. Согласно открытым источникам, 4 российских миллиардера были подвержены влиянию такого внутристра-

---

[1] Евросоюз ввел 13-й пакет санкций против России // РБК. 2024. 23 февраля. URL: https://www.rbc.ru/politics/23/02/2024/65d867029a794734c6dfc082 (дата обращения: 22.02.25); ЕС принял 14-й пакет санкций против России // РБК. 2024. 24 июня. URL: https://www.rbc.ru/politics/24/06/2024/66791af69a79479d110212cc (дата обращения: 22.02.25); ЕС принял 15-й пакет санкций против России // РБК. 2024. 16 декабря. URL: https://www.rbc.ru/politics/16/12/2024/675ff9329a7947df599eefb5 (дата обращения: 22.02.25).

[2] Российские бизнесмены, отказавшиеся от российского гражданства // РБК. 2024. 29 февраля. URL: https://www.rbc.ru/politics/29/02/2024/65e01f0e9a7947139ef02062 (дата обращения: 22.02.25); 20 новых миллиардеров из России в мировом рейтинге Forbes // Forbes. 2024. 3 апреля. URL: https://www.forbes.ru/milliardery/509346-20-novyh-milliarderov-iz-rossii-v-mirovom-rejtinge-forbes (дата обращения: 22.02.2025).

[3] В силу наличия двух и более гражданств некоторые российские миллиардеры аффилированы с иными государствами в глобальном рейтинге Forbes 2025, хотя не производили отказа от российского гражданства (24 российских миллиардера перестали упоминаться в списке Forbes как россияне // Ведомости. 2025. 1 апреля. URL: https://www.vedomosti.ru/business/news/2025/04/01/1101753-perestali-upominatcya (дата обращения: 02.04.2025)).

нового фактора[1], как зачисление в иноагенты. Новые институциональные условия буквально породили новый институциональный феномен: миллиардеров-иностранных агентов и экстремистов[2].

Приведенный выше перечень осуществляемых действий классифицирует основные поведенческие стратегии российских миллиардеров. Перейдем к более детальному их рассмотрению.

Согласно полученным результатам, представленным на рисунке 2, каждый второй миллиардер укрепил свой имущественный пул в российской юрисдикции, открыто инвестировав в отечественные активы. Каждый третий прибегнул к усложнению структуры собственности активов, передав управление аффилированным лицам/фондам, или превентивно/опосредовано, сократив собственную долю в структуре собственности актива (что зачастую обосновано риском попадания в SDN-list (Specially Designated Nationals)[3]. Каждый четвертый миллиардер принял решение о прекращении владения тем или иным активом. Важно отметить, что во многом подобного рода решения не подкреплены радикальными в рамках данной классификации мотивами (такими как намерение отказаться от российского гражданства). Поведенческие стратегии российских миллиардеров были отягощены подобными мотивами в исключительных случаях, численность которых не превышает 3% от общего количества выявленных практик. В остальных случаях они обоснованы экономической целесообразностью. Также каждый шестой миллиардер перевел в российскую юрисдикцию свое имущество. И более того, каждый шестой российский миллиардер предпринял действия по продаже активов за рубежом. Показательно, что каждый седьмой миллиардер приобрел бизнес зарубежных компаний, покинувших российский рынок. При этом действия, направленные на увеличение бизнес-активности в российской юрисдикции, можно трактовать как позитивно вли-

---

[1] Мельниченко избавился от СГК – компанию выкупили «российские структуры» // Сибкрай. 2024. 30 июня. URL: https://sibkray.ru/news/1/984188/ (дата обращения: 20.02.2025).

[2] Бизнесмен Юрий Шефлер внесен в реестр террористов и экстремистов // Ведомости. 2024. 10 декабря. URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2024/12/10/1080548-biznesmen-yurii-shefler-vnesen-v-reestr (дата обращения: 20.02.2025); Олег Тиньков признан иноагентом // Интерфакс. 2024. 16 февраля. URL: https://www.interfax.ru/russia/946549 (дата обращения: 20.02.2025); ФНС нанесла удар семье челябинского олигарха Струкова на сотни миллионов // Правда УРФО. 2024. 20 августа. URL: https://pravdaurfo.ru/polnotekst/470896-fns-nanesla-udar-seme-chelyabinskogo-oligarha-strukova-na-sotni-millionov-podderzhkoj-yuzhuralzolota-interesuyutsya-v-speczsluzhbe/ (дата обращения: 20.02.2025); Основателя «Русагро» Вадима Мошковича отправили под арест // Forbes. 2025. 27 марта. URL: https://www.forbes.ru/society/533665-osnovatela-rusagro-vadima-moskovica-otpravili-pod-arest (дата обращения: 28.03.2025).

[3] США действуют через Министерство финансов (OFAC), формируя список SDN (санкционный «черный список» США. Его цель –заблокировать влияние и ресурсы лиц, чьи действия противоречат интересам Америки и ее союзников). «Правило 50%» введено OFAC и подразумевает, что если физические или юридические лица, внесенные в санкционный список Specially Designated Nationals (SDN-list; черный список организаций, физлиц, которым запрещено заниматься бизнесом на территории США), совокупно владеют 50% или более в некоторой компании, то последняя автоматически подпадает под те же санкции, даже если не значится ни в каких санкционных списках. ЕС утверждает санкции единогласно всеми странами-членами. Великобритания, Канада, Австралия, Япония и другие имеют собственные механизмы («Ренова» Виктора Вексельберга снизила долю в ГК «Цифра» // Ведомости. 2022. 14 июля. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2022/07/14/931440-renova-vekselberga-snizila?from (дата обращения: 18.01.2025)).

яющие на сохранение устойчивости группы (в логике Н. Флигстина, описанной выше). Подобные индивидуальные стратегии в совокупности способствуют поддержанию устойчивости институциональной среды.

В ходе эмпирического анализа способов адаптации российских миллиардеров к новым институциональным условиям была выявлена значительная диверсификация поведенческих стратегий и разнонаправленность осуществляемых действий в зависимости от объема капитала. Представители топ-20 рейтинга предпринимали более активные действия, пытаясь диверсифицировать риски и сохранить капитал (см. рис. 2), что, вероятно, иллюстрирует больший авантюризм в отношении зарубежных инвестиций (введение рестрикций было направлено на изоляцию российских миллиардеров и консервацию сопряженных с ними бизнес-структур, однако на практике наблюдается диаметрально противоположная реакция). Также лидеры рейтинга Forbes оказались более заинтересованы в приобретении активов компаний, покинувших российский рынок, в то время как остальные миллиардеры выступили гарантом внутристрановой стабильности, инвестируя в отечественные активы.

Рис. 2. Адаптационные стратегии российских миллиардеров в 2022–2025 гг., % представителей группы

Figure 2. Adaptation strategies of Russian billionaires in 2022–2025, % of group representatives

Для оценки силы санкционного влияния как еще одного возможного фактора дифференциации деловых и личных стратегий, санкционное давление было проранжировано по характеру предполагаемых ограничительных мер. Для целей исследования предложена следующая градация введенных рестрикций:

– рестрикции, инициированные Соединенными Штатами Америки, определяются как наиболее строгие, поскольку предполагают наиболее широкий спектр запретов, таких как блокировка всех активов, находящихся на территории США, а также заморозка всех долларовых счетов (международные банки также часто блокируют счета, даже если они открыты вне США –чтобы не потерять доступ к долларовым расчетам), запрет деловых отношений с гражданами США. Более того, остерегаясь вторичных санкций, представители других юрисдикций вынуждены вступать в экономические отношения с подсанкционными лицами с большей осторожностью;

– санкционные меры, предписанные Европейским Союзом, подразумевают меньший перечень ограничений;

– рестрикции со стороны Великобритании, Японии, Новой Зеландии, Австралии ограничивают бизнес-активность их адресата в данных юрисдикциях, но не наносят значительного ущерба [17].

Если миллиардер или его имущество находятся в стране, которая подвергла его ограничениям – активы в данной юрисдикции блокируются, бизнес замораживается; в ином случае формально он может продолжать вести бизнес, если не нарушает другие ограничения (SDN).

Для начала отметим, что 65 российских миллиардеров (т. е. 52% представителей наиболее актуального рейтинга Forbes) не упоминались ни в одном санкционном списке. Наиболее высокое число «подсанкционных» российских миллиардеров – 52, входящих в рейтинг Forbes 2024 г. – находятся под санкциями «третьего порядка». Под наиболее суровыми рестрикциями США находится 37 российских миллиардеров; при этом 31 из них также находятся под давлением других юрисдикций за исключением ЕС; 23 миллиардера оказались подвержены санкциям со стороны США и ЕС; 21 российский миллиардер претерпел «санкционную бомбардировку» со стороны США, ЕС и иных ранее перечисленных государств. В санкционных списках ЕС фигурируют 30 российских миллиардеров, 27 из которых также оказались под давлением Великобритании, Японии, Новой Зеландии, Австралии, что продемонстрировано в таблице 1. Превалирующее число участников фигурирует в двух и более санкционных списках одновременно, поэтому имеет смысл оценивать возникшие санкционные комбинации и действия, осуществляемые под их совокупным обременением.

Таблица 1 (Table 1)

Подверженность санкциям российских миллиардеров в 2025 году, % от количества участников российского списка Forbes 2025

Exposure to sanctions of Russian billionaires in 2025, as a percentage of the number of participants in the Russian Forbes 2025 list

Вид санкций	Доля
Один вид санкций	**16,8**
США	3,2
ЕС	0,8
Остальные	12,8
Два вида санкций	**14,4**
США + остальные	8,0
ЕС + остальные	4,8
ЕС + США	1,6
Три вида санкций	**16,8**
Не подвержены санкциям	**52,0**
Итого	100

Поведенческие стратегии российских миллиардеров в условиях санкционного кризиса 2022–2025 гг.

Начнем анализ с рассмотрения поведенческих стратегий миллиардеров, которые не подвержены санкционному преследованию (напомним, что они составили чуть более половины группы), сравнив их с полярной группой – тех, кто подвержен всем санкциям одновременно.

В рамках обозначенной группы широко представлено инвестирование в отечественные проекты (57%), что способствовало укреплению их экономического влияния на внутристрановом рынке. При этом российские миллиардеры, подверженные наиболее массированному преследованию, гораздо реже финансировали российские бизнес-проекты (37%). Более того, под воздействием всех перечисленных санкций представители бизнес-элиты стремились нивелировать «российский след», потенциально надеясь на смягчение санкционных мер, форсируя продажу отечественных активов. Действия, направленные на инвестирование в российские проекты, отличаются определенной согласованностью и направленностью на поддержание внутренней стабильности в период турбулентности среди «свободных от санкционного гнета» миллиардеров: недопуск иностранных инвесторов в кризисный период может препятствовать внутренней дестабилизации институтов, позволив сфокусироваться на преодолении экзогенных потрясений. Более того, крупнейшие собственники капитала являются владельцами системообразующих предприятий, зачастую расположенных в моногородах, поэтому для внутреннего клиента важно

нивелировать риски, сопряженные с ростом внешней неопределенности. Однако в поведенческих стратегиях обеих подгрупп российских миллиардеров прослеживается и некоторая настороженность относительно рисков попадания в санкционные списки недружественных государств: 18% и 19% соответственно занялись репатриацией имущества в Россию, при этом лишь 14% приобрели бизнес компаний, покинувших российский рынок, вероятно, стремясь избежать избыточного внимания.

Среди «вольных» (т. е. не попавших под рестрикции) миллиардеров доля торговых операций по покупке активов за рубежом тождественна доле операций по продаже иностранных активов, что показывает их равномерную бизнес-активность в этом отношении. Ими не выделялись в качестве приоритетной стратегии ни инвестирование в российские проекты, ни покупка/продажа активов за рубежом (17%), в то время как четверть подсанкционных миллиардеров прибегли к ускоренной продаже зарубежного имущества.

Прослеживается достаточно сильная разница в поведенческих стратегиях миллиардеров, свободных от санкционного давления, связанных с передачей прав собственности: лишь 15% из них оказались заинтересованы в передачи прав собственности на основные активы аффилированным лицам, в то время как среди миллиардеров, оказавшихся под всеми санкциями, данная поведенческая стратегия являлась одной из наиболее распространенных и часто используемых (62%) (см. табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Стратегии адаптации российских миллиардеров, не фигурирующих в санкционных списках и находящихся под всеми санкциями в 2022–2025 гг., %

Adaptation strategies of Russian billionaires not on sanctions lists and subject to all sanctions in 2022–2025, %

Стратегия	Не подверженные санкциям	Подверженные всем санкциям
Приобретение активов в России/ инвестирование в российские активы	57	38
Репатриация активов в российскую юрисдикции/ консолидация активов в российских офшорных зонах	18	19
Продажа активов в России	17	57
Покупка активов за рубежом/ инвестирование в зарубежные проекты	17	19
Продажа активов за рубежом	17	24
Передача управления активом аффилированному лицу/члену семьи/усложнение структуры собственности/сокращение доли во владении активом	15	62
Покупка активов компаний, покинувших российский рынок/выкуп долей бизнеса иностранных акционеров	14	14
Оформление прямого владения основным активом	3	0

Стоит отметить, что к оформлению прямого владения основным активом оказались причастны российские миллиардеры, не входящие в санкционные списки или же находящиеся под санкциями «третьего порядка».

Хотя мы не можем однозначно говорить о том, что все виды стратегий явились результатом санкционного давления (некоторые экономические решения могли быть приняты и из иных соображений), выявленное различия между этими двумя группами позволяют предположить, что влияние рестрикций все же носило значительный характер в формировании поведенческих стратегий миллиардеров.

Стратегии, представленные в Таблице 3, учитывают присутствие миллиардера в конкретном списке, независимо от его фигурирования в остальных. В первую очередь, будут рассматриваться группы согласно вектору имплементированных санкционных мер, далее будут рассмотрены все существующие санкционные комбинации.

Рестрикции США, подразумевали наибольший спектр ограничений как для располагаемого актива, так и для его обладателей, бенефициаров. Поэтому неудивительно, что попадание в санкционные списки США, особенно в комбинации с ограничительными мерами Европейского Союза, в большинстве случаев приводит к изменению или же усложнению структуры владения основным активом посредством передачи прав собственности аффилированным лицам/трастам: 2/3 российских миллиардеров прибегли к данной стратегии адаптации. Также в рамках подобной санкционной комбинации типичным является значительное сокращение доли во владении основным активом в превентивных целях.

Миллиардеры, фигурирующие в санкционных списках США, продемонстрировали большую заинтересованность в приобретении активов/долей в бизнесе компаний, покинувших российский рынок: четверть из них диверсифицировали структуру активов. Можно предположить, что неопределенность на мировой арене российских миллиардеров добавила решительности при совершении достаточно выгодных сделок: согласно требованиям Министерства Финансов РФ, до второй половины 2024 г. дисконт при продаже российских активов иностранных компаний составлял минимально 50%, в четвертом квартале 2024 г. размер минимально допустимого дисконта увеличился до 60%[1].

Следует отметить, что часть российских бизнесменов оказалась внесена в санкционные списки США в 2014 или 2018 гг. за поддержку референдума в Крыму и присоединения территорий полуострова к России [14]. По этой причине ряд представленных поведенческих стратегий, таких как изменение и усложнение структуры собственности активов, продажа активов за рубежом и репатриация имущества в российскую юрисдикцию, был реализован ими еще до санкционного кризиса 2022 г.

Несмотря на меньшую строгость рестрикций со стороны Европейского Союза, 67% российских миллиардеров, подверженных их давлению, предприняли более активные попытки по изменению структуры вла-

[1] РБК: В РФ усложнили сделки по продаже иностранцами активов // ТАСС. 2024. 10 октября. URL: https://tass.ru/ekonomika/22095825 (дата обращения: 15.02.2024).

дения активами по сравнению с теми, кого коснулись санкции США. Треть российских миллиардеров осуществили продажу активов за рубежом, остерегаясь усиления санкционного давления. Каждый пятый российский миллиардер инвестировал в зарубежные проекты (преимущественно в дружественных странах) на фоне рестрикций со стороны ЕС.

Российские бизнесмены, фигурирующие в санкционных списках Европейского союза, совершили больше превентивных действий, позволяющих создать безопасную среду для располагаемых активов. Эти действия выражаются, с одной стороны, в умеренной бизнес-активности на территории России, с другой стороны, в продаже активов за рубежом, пока они не оказались заморожены или заблокированы, и заблаговременном усложнении структуры собственности.

Нахождение исключительно под рестрикциями «третьего порядка» не препятствовало оформлению прямого владения активом (вероятно, его владелец расценивал вероятность попадания под блокирующие рестрикции как крайне низкую).

Поведенческие стратегии миллиардеров, находящихся под рестрикциями «третьего порядка», во многом схожи со стратегиями адаптации миллиардеров, подверженных давлению со стороны США, в силу существенных пересечений между обозначенными группами по составу.

Таблица 3 (Table 3)

Стратегии адаптации российских миллиардеров при нахождении в конкретном санкционном списке в 2022–2025гг., % участников от санкционного списка

Adaptation strategies of Russian billionaires when included in a specific sanctions list in 2022–2025, % of participants on the sanctions list

Стратегии	Санкции США	Санкции ЕС	Санкции других стран1
Передача управления активом аффилированному лицу/ члену семьи/усложнение структуры собственности/ сокращение доли во владении активом	62	**67**	63
Приобретение активов в России/ инвестирование в российские активы	**49**	40	46
Продажа активов в России	**46**	**46**	42
Репатриация активов в российскую юрисдикцию/ консолидация активов в российских офшорных зонах	**24**	17	17
Покупка активов компаний, покинувших российский рынок/выкуп долей бизнеса иностранных акционеров	**22**	13	17
Продажа активов за рубежом	16	**30**	17
Покупка активов за рубежом/ инвестирование в зарубежные проекты	14	20	19
Оформление прямого владения активом	-	-	2

[1] Великобритания, Канада, Новая Зеландия, Австралия, Япония.

Как мы уже отмечали выше, различные виды рестрикций могут одновременно затрагивать одних и тех же представителей списка. Согласно данным, представленным в таблице 2, 14,4% российских миллиардеров находится под двумя видами санкций, в то время как 16,8% представителей российской бизнес-элиты являются «фигурантами» всех разновидностей санкционных списков, что требует рассмотрения поведенческих стратегий в зависимости от «многомерности» давления.

Очевидно, что передача управления активом или усложнение структуры собственности является одной из наиболее распространенных стратегий для миллиардеров, находящихся под несколькими видами рестрикций. Рестрикции ЕС усилили необходимость диверсификации структуры собственности: при наличии рестрикций ЕС миллиардеры чаще реализовывали данную стратегию (62, 65, 67% (вероятные комбинации с рестрикциями ЕС) против 58% (рестрикции США+ рестрикции «третьего порядка»)). Более того, 57% миллиардеров, находящихся под давлением ЕС и США или же всеми видами рестрикций одновременно, предприняли меры по сокращению бизнес-активности на территории России (вероятно, стремясь нивелировать «российский след» для опротестования рестрикций).

Иные поведенческие стратегии при наличии рестрикционного давления со стороны США и ЕС предполагают большую степень вариативности в зависимости от «многомерности» преследования. Например, к приобретению активов в российской юрисдикции или инвестированию в отечественные бизнес-инициативы оказались более расположены миллиардеры, находящиеся под давлением со стороны США в сочетании с рестрикциями таких стран как Великобритания, Япония, Новая Зеландия, Австралия (52%). Миллиардеры, фигурирующие одновременно в санкционных списках ЕС и США, продемонстрировали большую осторожность в инвестировании в российские бизнес-инициативы: лишь 39% осуществили подобные операции. Также миллиардеры, упоминаемые в санкционных списках ЕС, наиболее активно продавали активы в недружественных юрисдикциях. Для четверти российских миллиардеров рестрикции США стали весомым поводом для репатриации активов в «домашнюю гавань»: отечественные офшорные зоны оказались крайне привлекательны для подобного вида решений, что показано в Таблице 4.

Таблица 4 (Table 4)

Поведенческие стратегии миллиардеров, находящихся под несколькими видами санкций в 2022–2025 гг., % от участников санкционного списка

Behavioral strategies of billionaires under multiple types of sanctions in 2022–2025, % of sanctions list participants

Стратегия	Санкции			
	ЕС+США	ЕС+США+ остальные страны	ЕС+ остальные страны	США+ остальные страны
Передача управления активом аффилированному лицу/члену семьи/ усложнение структуры собственности/ сокращение доли во владении активом	65	62	**67**	58
Продажа активов в России	**57**	**57**	48	48
Приобретение активов в России/ инвестирование в российские активы	39	38	41	52
Продажа активов за рубежом	26	24	**30**	16
Репатриация активов в российскую юрисдикцию/консолидация активов в российских офшорных зонах	22	19	15	**26**
Покупка активов компаний, покинувших российский рынок/выкуп долей бизнеса иностранных акционеров	17	14	11	**23**
Покупка активов за рубежом/ инвестирование в зарубежные проекты	17	19	22	16

Выводы

Проведенный нами анализ показал, что российские миллиардеры продемонстрировали высокую степень гибкости и устойчивости, успешно адаптируясь на протяжении 2022–2025 гг. к беспрецедентным рестрикциям. Несмотря на серьезное давление, эта страта не претерпела количественного сокращения состава. Более того, численность ее возросла на 15% по сравнению с докризисным периодом, достигнув рекордного значения в 2025 г. Топ-20 российских миллиардеров практически одномоментно оказались в эпицентре «санкционной бомбардировки» (остальные пополняли эти списки постепенно), однако это не повлияло в значительной степени на их позиции в российском списке Forbes. Более того, в 2024 г. в глобальный рейтинг Forbes вошли 19 российских миллиардеров, а в 2025 г. – 15, ранее не фигурировавшие в нем. Превалирующее большинство из них занимаются замещающей деятельностью после ухода западных игроков с российского рынка. Также в рейтинг 2025 г. вошли двое наследников одного из лидеров российского Forbes, и можно предполагать дальнейшее разворачивание процесса наследования

по мере старения группы. Совокупный капитал российских миллиардеров, вопреки высочайшей волатильности в 2022 г., буквально вернулся к докризисным значениям в 2024 г. и достиг максимального значения к 2025 г. Это ставит под сомнение экономическую эффективность введенных западными странами рестрикций. Таким образом, структура группы сверхбогатых не претерпела редукционных изменений, а члены ее продемонстрировали высокую степень устойчивости к экзогенным шокам. Более того, за обозреваемый период внутри группы усилилась степень диверсификации за счет вхождения в нее «ответственных за импортозамещение»[1].

На адаптационные стратегии российских миллиардеров оказали существенное влияние структурные особенности располагаемых активов и размер их капитализации. Так, миллиардеры, лидирующие в рейтинге Forbes, проявили сравнительно более высокую бизнес-активность на зарубежных рынках по сравнению с остальными представителями списков. Кроме того, проведенный нами анализ демонстрирует, что поведенческие стратегии представителей отечественной бизнес-элиты существенно различаются в зависимости от типа и степени санкционного воздействия. Ключевые предпринятые миллиардерами действия включают укрепление позиций на внутреннем рынке, усложнение структуры владения (через передачу активов аффилированным лицам или трастам), изменение аллокации активов за рубежом и их репатриацию в российскую юрисдикцию. Санкционные ограничения способствовали ряду превентивных мер, направленных на защиту активов от блокировки. Изменение и усложнение структуры собственности становится одной из наиболее распространенных стратегий, особенно среди тех, кто находится под наиболее жестким давлением со стороны США и ЕС. Представители бизнес-элиты, не попавшие в санкционные списки или оказавшиеся под менее суровым экзогенным давлением, сохраняют высокую активность на внутреннем рынке. Отсутствие санкционного давления в какой-либо форме позволило российским миллиардерам нарастить темп предпринимательской деятельности в домашней юрисдикции. Это свидетельствует о том, что инвестирование в отечественные проекты остается важным элементом стратегии по сохранению экономической устойчивости в условиях внешних потрясений в терминах «архитектуры рынков». Сама же группа продолжает определять специфическую конфигурацию экономической стратификации в России с очень высокой концентрацией богатства в растянутой «ультраверхушке», не потеряв свои позиции.

[1] Основатели сетей электроники DNS Юрий Карпцов и Дмитрий Алексеев, братья Фартушняк (Спортмастер), Сергей Шнайдер-владелец сети дискаунтеров «Светофор», Владимир Мельников – основатель фэшн-ритейлера «Глория Джинс», «Петрович», «Лента», братья Линник (Мираторг), основатель ГК «Астра» Денис Фролов (импортозамещение ПО). Также Иван Таврин – совершил одну из самых крупных сделок с иностранными активами:холдинг «Кисмет Капитал Групп», контролируемый им, купил у нидерландской Prosus крупнейший в Рунете сайт частных объявлений Avito за 151 млрд рублей. Викрам Пуния – фармацевтическая компания АО «Фармасинтез» (производство дженериков), совладелец группы компаний Highland Gold (золотодобыча, доля компании была выкуплена у покинувшей российский рынок Kinross), Владислав Свиблов (в 2024 году вошел в рейтинг российских миллиардеров Forbes с состоянием в $1,1 млрд рублей, в 2025 году выбыл из него).

Библиографический список

1. Агафонов Ю. Г., Лепеле В. Р. «Золотые двери» в российскую бизнес-элиту: рекрутирование и изменение структуры крупного предпринимательства в постсоветской России // Мир России. Социология. Этнология. 2016. № 3. С. 97–125. EDN: WCCPHV.

2. Комшукова О. В. Санкции в отношении Ирана: цели и последствия // Экономические и социальные проблемы России. 2016. № 2. С. 24–41. EDN: XIIXON.

3. Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.

4. Лебедева О. В. Санкционный «Дикий Запад»: конфискация замороженных российских активов как возможный новый инструмент санкционной политики США // Перспективы. 2022. № 4(31). С. 80–87. DOI: 10.32726/2411–3417-2022-4-80-87; EDN: CRTRJY.

5. Левин С. Н., Саблин К. С., Нестеров А. Ю. Политические связи крупных предпринимателей: мировой опыт и специфика России // Terra Economicus. 2022. Т. 20. № 4. С. 6–22. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-4-6-22; EDN: JAWTKY.

6. Мареева С. В., Слободенюк Е. Д. Сверхбогатые в России: состав и динамика группы // Мир России. Социология. Этнология. 2024. Т. 33. № 1. С. 29–55. DOI: 10.17323/1811-038X-2024.33-1-29-55; EDN: IFMIPG.

7. Радаев В. В., Ибрагимова Д. Х. и др. Как россияне справляются с новым кризисом: Социально-экономические практики населения/ Под ред. В. В. Радаева. М.: ВШЭ, 2023. 122 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2756-6; EDN: WKNRCY.

8. Рощина Я. М. Как россияне оценивали изменения своей жизни в 2022 г. // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Вып. 14. / Отв. ред. П. М. Козырева. М.: НИУ ВШЭ, 2024. С. 98–109. DOI: 10.19181/rlms-hse.2024.2; EDN: HRGPSK.

9. Тихонова Н. Е. Особенности финансового поведения россиян в условиях внешних шоков последних лет // Экономическая социология. 2025. Т. 26. № 1. С. 11–38. DOI: 10.17323/1726-3247-2025-1-11-38; EDN: VOQRVA.

10. Флинстин Н., Даг М. Теория полей // Экономическая социология. 2022. Т. 23. № 1. С. 60–100. DOI: 10.17323/978-5-7598-2667-5; EDN: PDMZVM.

11. Швецова Е. А. Российские миллиардеры на международном фоне: особенности и динамика положения // Социологические исследования. 2024. № 10. С. 40–54. DOI: 10.31857/S0132162524100046; EDN: JROLCJ.

12. Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. 526 с.

13. Adogbeji E. O., Clark E. V., Ejogba O. A. Russia and Ukraine War: the impact of economic sanctions on Russia oligarchs // BW Academic Journal. 2024. Vol. 12. No. 2. P. 1–12. DOI: 10.2139/ssrn.4065000.

14. Aslund A. Western economic sanctions on Russia over Ukraine, 2014–2019 // CESifo Forum. 2019. Vol. 20. No. 4. P. 14–18.

15. Bremus F., Hüttl P. Sanctions against Russian oligarchs also affect their companies // DIW Weekly Report. 2022. Vol. 12. No. 21. P. 142–147. DOI: 10.18723/diw_dwr:2022-21-1.

16. Chauvel L. The Extreme Wealth-Income Ratio (EWIR): the Joker Smile Curve (JSC) and the New Age of Extremes. LIS Cross-National Data Center in Luxembourg, 2022. No. 39. URL: https://www.lisdatacenter.org/wps/lwswps/39.pdf (дата обращения: 15.02.2024).

17. Drezner D. W. Global economic sanctions // Annual Review of Political Science. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 9–24. DOI: 10.1146/ 041322-032240.

18. Gaur A., Settles A., Väätänen J. Do Economic Sanctions Work? Evidence from the Russia-Ukraine Conflict // Journal of Management Studies. 2023. Vol. 60, No. 6. P. 1391–1414. DOI: 10.1111/joms.12933.

19. Jacobs D. Extreme wealth is not merited // Oxfam Discussion Papers. 2015. URL: https://www-cdn.oxfam.org/s3fs-public/file_attachments/dp-extreme-wealth-is-not-merited-241115-en.pdf (дата обращения: 15.02.2024).

20. Kaca E. EU Sanctions against Russian Oligarchs and Entrepreneurs: Implementation and Challenges // PISM. 2022. No. 55(1972). https://pism.pl/webroot/upload/files/PISM%20Bulletin%20no%2055%20(1972)%206%20April%202022.pdf (дата обращения: 15.02.2024).

21. Popov V. Why Some Countries Have More Billionaires Than Others? (Explaining Variations in Billionaire Intensity of GDP) // MPRA. 2018. No. 87119. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/87119/1/MPRA_paper_87119.pdf (дата обращения: 15.02.2024).

22. Treisman D. Russia's billionaires // American Economic Review. 2016. Vol. 106. No. 5. P. 236–241. DOI: 10.1257/aer.p20161068.

Получено редакцией: 27.04.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Швецова Елена Антоновна, аспирант Аспирантской школы по социологическим наукам

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.13

Russian Billionaires in the Context of the Sanctions Crisis: Adaptation Paths and Behavioural Strategies

Elena A. Shvetsova

HSE University, Moscow, Russia

eashvetsova@hse.ru

ORCID: 0009-0005-9318-1828

For citation: Shvetsova E. A. Russian Billionaires in the Context of the Sanctions Crisis: Adaptation Paths and Behavioural Strategies. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 4. P. 269–294. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.13; EDN: HUAJXC.

Abstract. The article examines the adaptation strategies of the upper subgroup of the Russian business elite (billionaires) in the context of the current geopolitical crisis and foreign restrictions. Using a specially collected empirical database, we analysed their composition and the actions they took with their available assets from February 2022 to January 2025. The results demonstrate how sanctions pressure initiated by various countries (the US, EU, UK, Japan, Australia, etc.) influences the group structure and behavioural strategies of the Russian business elite. The study's results suggest a high degree of resilience and adaptability of the Russian business elite (the "ultra-top" in the wealth model of social structure) to external institutional shocks. It was found that the reproducibility of the studied group in annual rankings ranged from 70% in the most volatile period from 2022 to 2023 up to 91% as they adapt to new institutional conditions in 2023–2024. Despite the restrictive economic measures introduced by the United States and a number of other countries, the number of billionaires in Russia not only has not decreased, but has actually reached record levels: in 2025, the Russian Forbes rating included 146 dollar billionaires, and their combined capital exceeded pre-crisis levels. High variability and differentiation in the behavioural strategies of Russian billionaires has been revealed, including investing in domestic assets, complicating the ownership structure, acquiring/selling assets abroad, repatriating property, renouncing Russian citizenship, etc., depending, inter alia, on the nature of restrictions and the amount of available capital. Representatives of the top 20 on the Forbes list demonstrated the greatest activity relative to other billionaires, including in foreign jurisdictions, while the remaining participants on the Russian list, often less burdened by foreign restrictions, focused on strengthening their domestic positions. This study contributes to our understanding of the resilience of Russian economic elites in the face of institutional upheaval and offers an empirically substantiated classification of adaptation strategies for a little-studied but fundamentally important for economic stratification group of billionaires.

Keywords: super-rich Russians, Russian billionaires, behavioral strategies, adaptation, sanctions, sanctions crisis

References

1. Agafonov YU. G., Lepele V. R. The "Golden Doors" to Russian Business Elite: The Recruitment Process and the Structural Transformation of Large-scale Business in Post-Soviet Russia. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 2016: 3: 97–125 (in Russ.). EDN: WCCPHV.

2. Komshukova O. V. Sanctions against Iran: goals and consequences. *Ekonomicheskie i socialnye problemy Rossii*, 2016: 2: 24–41 (in Russ.). EDN: XIIXON.

3. Kryshtanovskaya O. V. Anatomiya rossiiskoi elity [Anatomy of the Russian elite]. Moscow, Zakharov, 2005: 384 (in Russ.).

4. Lebedeva O. V. The Wild West of Sanctions: Confiscation of frozen Russian assets as a possible new tool of US sanctions policy. *Perspektivy*, 2022: 4(31): 80–87 (in Russ.). DOI: 10.32726/2411–3417-2022-4-80-87; EDN: CRTRJY.

5. Levin S. N., Sablin K. S., Nesterov A. YU. Political connections of large entrepreneurs: global experience and the specifics of Russia. *Terra Economicus*, 2022: 20: 4: 6–22 (in Russ.). DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-4-6-22; EDN: JAWTKY.

6. Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D. Super-Rich in Russia: Dynamics and Demographics. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 2024: 33(1): 29–55 (in Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-1-29-55; EDN: IFMIPG.

7. Radaev V. V., Ibragimova D. KH. et al. How Russians cope with the new crisis: socio-economic practices of the population. Ed. by V. V. Radaev. Moscow, VSHE, 2023: 122 (in Russ.). DOI: 10.17323/978-5-7598-2756-6; EDN: WKNRCY.

8. Roshchina YA. M. How Russians assessed changes in their lives in 2022. In Bulletin of the Russian Long-Term Monitoring Survey (RLMS-HSE). Vol. 14. Ed. by P. M. Kozyreva. Moscow, NIU «VSHE», 2022: 98–109 (in Russ.). DOI: 10.19181/rlms-hse.2024.2; EDN: HRGPSK.

9. Tikhonova N. E. Specifics of the Financial Behavior of Russians under the Influence of External Shocksin Recent Years. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, 2025: 26: 1: 11–38 (in Russ.). DOI: 10.17323/1726-3247-2025-1-11-38; EDN: VOQRVA.

10. Fligstein N., McAdam D. A theory of fields. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 2022: 23: 1: 60–100 (in Russ.). DOI: 10.17323/978-5-7598-2667-5; EDN: PDMZVM.

11. Shvetsova E. A Russian Billionaires on an International Background: Features and Dynamics of the Position, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2024: 10: 40–54 (in Russ.). DOI: 10.31857/S0132162524100046; EDN: JROLCJ.

12. Shkaratan O. I. Sotsiologiya neravenstva. Teoriya i realnost' [Sociology of Inequality. Theory and Reality]. Moscow, Izd. dom VSHE, 2012: 526 (in Russ.).

13. Adogbeji E. O., Clark E. V., Ejogba O. A. Russia and Ukraine: the impact of economic sanctions on Russian oligarchs. *BW Academic Journal*, 2024: 12: 2: 1–12. DOI: 10.2139/ssrn.4065000.

14. Åslund A. Western economic sanctions on Russia over Ukraine, 2014–2019. *CESifo Forum*, 2019: 20: 4: 14–18.

15. Bremus F., Hüttl P. Sanctions against Russian oligarchs also affect their companies. *DIW Weekly Report*, 2022: 12: 21: 142–147. DOI: 10.18723/diw_dwr:2022-21-1.

16. Chauvel L. The extreme wealth-income ratio (EWIR): the Joker Smile Curve (JSC) and the new age of extremes. LIS Cross-National Data Center in Luxembourg, 2022: 39. Accessed 15.02.2024. URL: https://www.lisdatacenter.org/wps/lwswps/39.pdf

17. Drezner D. W. Global economic sanctions. *Annual Review of Political Science*, 2024: 27: 9–24. DOI: 10.1146/ 041322-032240.

18. Gaur A., Settles A., Väätänen J. Do economic sanctions work? Evidence from the Russia-Ukraine conflict. *Journal of Management Studies*, 2023: 60: 6: 1391–1414. DOI: 10.1111/joms.12933.

19. Jacobs D. Extreme wealth is not merited. Oxfam Discussion Papers, 2015. Accessed 15.02.2024. URL: https://www-cdn.oxfam.org/s3fs-public/file_attachments/dp-extreme-wealth-is-not-merited-241115-en.pdf

20. Kaca E. EU sanctions against Russian oligarchs and entrepreneurs: implementation and challenges. *PISM,* 2022: 55(1972). Accessed 15.02.2024. https://pism.pl/webroot/upload/files/PISM%20Bulletin%20no%2055%20(1972)%206%20April%202022.pdf

21. Popov V. Why some countries have more billionaires than others? (Explaining variations in billionaire intensity of GDP). *MPRA*, 2018: 87119. Accessed 15.02.2024. URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/87119/1/MPRA_paper_87119.pdf

22. Treisman D. Russia's billionaires, *American Economic Review*, 2016: 106: 5: 236–241. DOI: 10.1257/aer.p20161068.

The article was submitted on: April 27, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Shvetsova, Postgraduate student of the Graduate School of Sociological Sciences

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.14
EDN: BQGSLT.

Об изменениях профессиональных практик сотрудников региональных музеев в условиях унифицирующей культурной политики

Ссылка для цитирования: *Феоктистова О. А.* Об изменениях профессиональных практик сотрудников региональных музеев в условиях унифицирующей культурной политики // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 4. С. 295–311. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.14; EDN: BQGSLT.
For citation: Feoktistova O. A. On Changes in the Professional Practices of Regional Museum Staff in the Context of a Unifying Cultural Policy. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 4. P. 295–311. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.14; EDN: BQGSLT.

Феоктистова Ольга Андреевна[1]

[1]Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

feoktistova.olgaa@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема трансформации профессиональных практик сотрудников региональных музеев, поддерживающих локальную культуру, в условиях реализации типовых задач государственных программ развития. В основе работы лежат данные, полученные в ходе авторского исследования, проведенного в 2024–2025 гг. качественными методами. Респондентами выступили сотрудники музеев из шести городов разных российских регионов, находящиеся на разных ступенях профессиональной иерархии– от рядовых специалистов до руководителей. Это позволило получить многомерное представление о характере изменений их профессиональных практик. Автор анализирует, каким образом стандартизация и ее механизмы изменяют повседневные профессиональные практики музейных работников. Особое внимание уделяется тому, как новые федеральные стандарты и регламенты трансформируют взаимодействие как внутри коллектива музея, так и с посетителями, локальными сообществами и административными структурами. Выявлено, что стандартизация усиливает бюрократизацию, переводя многие процессы в форматы измеримых и отчужденных процедур, что порождает напряжение между целями управления и сущностными функциями музеев. Выявлены не только адаптивные стратегии сотрудников музеев, но и возникающие противоречия между бюрократическими целями и культурными задачами музеев. Установлено, что работники музеев оказываются активными посредниками, которые интерпретируют внешние нормы, соотносят их с особенностями местного культурного ландшафта и ищут баланс между административными ожиданиями и реальными потребностями территориальных сообществ. Именно посредническая роль музейных сотрудников обеспечивает устойчивость локального социокультурного пространства. Несмотря на административное давле-

ние, они сохраняют возможность поддерживать региональную специфику, формировать уникальные практики взаимодействия с населением и способствовать воспроизводству культурной самобытности локальных сообществ. Рассмотрев существующие изменения, произошедшие в музейной практике за последние 5 лет, автор приходит к выводу, что сегодня сотрудники музеев выполняют роль связующего звена между унифицированными требованиями и культурным содержанием, способствуя сохранению устойчивости местного социокультурного пространства и поддержанию особенностей региональной культуры. Музеи продолжают выполнять функцию пространств, где государственные управленческие стандарты встречаются с живыми традициями и множественными локальными смыслами.

Ключевые слова: социология, культура, стандартизация, цифровизация, культурная политика, социокультурное пространство, региональная специфика, музеи, профессиональные практики

Введение

Реализация национальных и региональных программ развития культуры в локальностях предполагает институциональное, инфраструктурное и цифровое обновление учреждений культуры. Однако эти процессы не сводятся к техническому или управленческому обновлению: они затрагивают повседневные практики, профессиональные установки и локальные смыслы, составляющие основу социокультурного пространства.

Наиболее наглядно данные изменения проявляются в деятельности музеев – учреждений, которые одновременно реализуют задачи государственной культурной политики и способствуют сохранению локальной идентичности, чем поддерживают культурное многообразие страны. Музеи сегодня становятся участниками процессов стандартизации, подчиняются формализованным требованиям, осваивают цифровые платформы, участвуют в государственных и муниципальных проектах, что включает их в общестрановой процесс формализации и унификации. Вместе с тем, они продолжают работать с исторической памятью и идентичностью локальных сообществ – и в этом нам видится некоторое противоречие между государственной политикой в области развития культуры и реальной практикой на местах.

Исследование социокультурных изменений в их проявлениях в работе учреждений культуры, и, в частности, музеев, позволяет зафиксировать сложные трансформации в региональной культурной политике, показать, как стандарты интерпретируются, адаптируются или переосмысляются на локальном уровне. Это делает обращение к данной теме не только научно значимым, но и практически важным для разработки более обоснованных подходов к развитию культуры на местах.

Одним из центральных механизмов, через который реализуются эти социокультурные изменения, выступает стандартизация. Именно стандартизация позволяет управлять разнообразием культурных практик в рамках крупных федеральных и региональных программ, обеспечивать сопоставимость результатов, формализовать требования к учреждениям и их

сотрудникам. Однако, наряду с этим, она может вступать в противоречие с локальной спецификой, автономией профессионального действия и уникальностью культурных кодов.

В современной социологической и культурологической мысли процессы стандартизации объясняются с различных позиций: через институциональный изоморфизм (П. ДиМаджио, У. Пауэлл [9]), макдональдизацию культуры (Дж. Ритцер [14]), цифровизацию (М. Кастельс [11]), глобальные культурные потоки (А. Аппадурай [16]), а также через понятие бюропатологий (А. Осипов [13]). Эти и другие подходы позволяют рассматривать стандартизацию не как единичное управленческое решение, а как сложное, многослойное явление, формирующееся как под внешним институциональным, так и под внутренним профессиональным давлением.

Таким образом, проблема видится нам в сложности поиска баланса между выполнением унифицированных требований государственных программ развития культуры и учетом локальных особенностей социокультурной среды, в которой функционируют музеи. Изменения, вносимые государственными инициативами, нередко приводят к усложнению рабочих процессов и смещению акцентов в работе сотрудников –от непосредственного выполнения профессиональных обязанностей к выполнению формальных требований отчетности и программных показателей.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы определить, каким образом государственные программы развития культуры соотносятся с локальными условиями функционирования музеев и как в этой системе обеспечивается баланс между общими нормативными требованиями и местными профессиональными практиками.

Теоретические основания исследования

Для понимания процессов стандартизации, цифровизации и трансформации культурных практик необходима теоретическая база, дающая возможности проследить взаимосвязь между институциональными структурами и поведением акторов.

В данной статье используются подходы, которые в совокупности позволяют комплексно подойти к рассмотрению механизмов и последствий стандартизации. Одной из таких теорий является теория П. Бурдье [8], в которой центральное место занимают понятия «поле» и «габитус». Бурдье рассматривает социальное пространство как сеть отношений между акторами, обладающими различными видами капитала. В контексте изучения региональных городов России данный подход позволяет выявить как ресурсы того или иного учреждения культуры и профессиональные позиции акторов (их сотрудников) трансформируются при навязывании норм господствующими субъектами.

Концепции Ч. Лэндри [19], Г. Зиммеля [10], Ф. Тенниса [15] и особенно пространственная триада А. Лефевра – позволили описать противоречия между формальной стандартизацией, инициируемой извне, и локальной укорененностью социокультурных практик. Пространственная теория Лефевра

оказалась особенно полезной для выявления конфликта между представленным, воспринимаемым и воображаемым пространством в условиях воздействия государственных программ. Для А. Лефевра пространство является социальным продуктом, результатом взаимодействия власти, культуры и повседневных практик [12]. Эти идеи являются значимыми для рассмотрения стандартизации социокультурного пространства регионов в условиях реализации задач, поставленных государством в рамках программ развития.

Если исходить из концепции Лефевра, то «музейное пространство» можно представить трехуровневым. Первый уровень – представленное пространство, которое является пространством власти, планирования и идеологии. Второй – воспринимаемое пространство, представляющее собой реальное повседневное использование пространства людьми. И третий – воображаемое пространство, которое отображает символы и эмоциональное восприятие, выражаемое в мифах, воспоминаниях, фольклоре и идентичности.

Согласно концепции креативного города Ч. Лэндри, город развивается благодаря творчеству, почему и сам становится произведением искусства [19]. Если творчество в городе начинает затухать, то и он сам приходит в упадок. А укреплять творческое пространство города следует через решение следующих задач: укрепление городской идентичности, актуализацию существующего природно-культурного наследия с целью его сохранения и устойчивого развития, осознания механизма интеграции предпринимательства в городскую среду с целью улучшения ее качества. Здесь важную роль должны играть учреждения культуры, например, музеи, которые являются хранителями городской идентичности. Через обновление экспозиций и другие культурно-просветительские мероприятий музеи могут возобновить интерес к творчеству в рамках городской культуры.

В стандартизации как механизме социокультурных изменений сочетаются спонтанные и управленческие формы трансформации культурных норм, институтов смыслов и повседневных практик. Первая относится к естественным изменениям, например через адаптацию музейной практики к привычкам посетителей. Последняя форма позволяет сознательно формировать управляемость, обеспечивать сопоставимость, вводить единые форматы и цифровые инструменты в повседневную практику. Однако стандартизация затрагивает не только техническую и управленческую стороны культурной жизни, но и ценностно-смысловую. Поскольку все процессы социокультурных изменений невозможно рассмотреть в одной работе, здесь мы сосредоточим свое внимание на стандартизации, как части изменений практик в сферы культуры и именно на примере региональных музеев.

В социологической перспективе стандартизация представляет собой форму социального контроля, направленного на создание базы, воспроизводимой в масштабах организации, отрасли или общества в целом.

Становление стандартизации как социального явления связано с формированием бюрократической системы, развитием формальной рациональности, о которой пишет М. Вебер [20]. И с переходом от индустриального к постиндустриальному обществу, по мере усложнения государства, социальных институтов, возросла потребность в приведении к единому образцу управленческих процедур для сопоставимости результатов, а также

упрощения управления. Единый стандарт обеспечивает сопоставимость результатов работы разных музеев, поскольку задает общие критерии и показатели оценки. Когда музеи по всей стране используют одинаковые параметры учета, планирования и отчетности, их деятельность становится измеримой в сопоставимых единицах, что позволяет объективно сравнивать достижения, выявлять различия и отслеживать динамику изменений.

Государственные проекты по развитию культурного пространства

В рамках текущих процессов модернизации и цифровизации культура и социокультурные институты (музеи, дома культуры, библиотеки, театры) все чаще становятся объектами регламентации и формализации. Стандартизация принимает здесь не только управленческую, но и символическую форму, затрагивая внутреннюю организацию деятельности, репертуар культурных практик, взаимодействие с аудиторией и способы репрезентации локальной идентичности.

В РФ с 2019 по 2024 год реализовывался национальный проект «Культура», в рамках которого были выполнены федеральные проекты «Культурная среда», «Творческие люди», «Цифровая культура». В центре данного проекта – расширение доступности культурных благ и возможностей участия в создании культурных ценностей для жителей разных населенных пунктов России[1].

«Культурная среда» – проект, который предусматривал реконструкцию и капитальный ремонт 989 детских школ искусств и переоснащение не менее 1070 муниципальных библиотек по заданным стандартам, а также реконструкции детских театров и театров юного зрителя[2].

«Творческие люди» – проект, который был направлен на поддержку тех, кто хочет реализовывать творческие инициативы. Было создано добровольческое движение «Волонтеры культуры», к которому присоединились более 250 тыс. человек. В рамках данного проекта осуществлялась поддержка творческих НКО, были проведены фестивали любительских коллективов, организованы культурно-образовательные программы для школьников, музейные выставки и военно-исторические лагеря[3].

Проект «Цифровая культура» предусматривал создание виртуальных концертных залов, оснащенных мультимедийным оборудованием и быстрым интернетом в домах культуры, библиотеках и музеях. Формат залов стал позволять в онлайн режиме обеспечивать жителям посещение федеральных и региональных культурных мероприятий[4].

---

[1] Национальные проекты. Культура. URL: https://национальныепроекты.рф/projects/kultura/ (дата обращения: 26.05.2025).

[2] Национальные проекты. Культурная среда. URL: https://национальныепроекты.рф/projects/kultura/kulturnyy_dosug/ (дата обращения: 26.05.2025).

[3] Национальные проекты. Творческие люди. URL: https://национальныепроекты.рф/projects/kultura/tvorcheskie_lyudi/ (дата обращения: 26.05.2025).

[4] Национальные проекты. Цифровая культура. URL: https://национальныепроекты.рф/projects/kultura/tsifrovaya_kultura/ (дата обращения 26.05.2025).

Национальные и региональные музеи получили возможность оснастить цифровыми гидами свои экспозиции. За время реализации проекта были проведены онлайн-трансляции концертов и театральных постановок, экскурсии по крупнейшим выставкам, что улучшило условия доступа к услугам культуры. Также были оцифрованы и книжные памятники, что способствует сохранению и доступности для граждан уникального литературного наследия.

Еще одним проектом в сфере культуры является «Пушкинская карта» – программа, которая позволяет молодым людям в возрасте от 14 до 22 лет бесплатно посещать музеи, театры и другие учреждения культуры за счет федерального бюджета. Программа стартовала в 2021 г. У каждого учреждения культуры есть возможность увеличить доходы в рамках данной программы. Для участия в программе учреждения культуры должны соответствовать техническим требованиям: иметь личный кабинет на платформе PRO.Культура.РФ и возможность продажи билетов онлайн и в кассах учреждений с единым учетом данных о продажах[1].

С 2025 г. развитие культуры перенесено в нацпроект «Семья», поскольку музеи, театры, библиотеки и Дома культуры стали рассматриваться как пространство для проведения семейного досуга[2].

Таким образом, национальные и федеральные проекты[3], реализованные в рамках государственной культурной политики России, представляют собой не только инструменты модернизации инфраструктуры, цифровизации и расширения культурного участия, но и каналы стандартизации культурной сферы. Через формулирование единых целей, показателей, технологических требований и регламентов они образуют новую нормативную среду, в которой учреждениям культуры приходится функционировать.

Основания анализа стандартизации, как процесса унификации социокультурного пространства регионов России

В современных теоретических подходах к объяснению механизмов внешнего давления среды одно из ключевых мест занимает теория институционального изоморфизма, разработанная П. ДиМаджио и У. Пауэллом [9], а также более ранние идеи А. Хоули [17], М. Хэннена и Дж. Фримена [18]. П. ДиМаджио и У. Пауэлл [9] выделяют три механизма институциональных изоморфных изменений: принудительный изоморфизм, подражательный изоморфизм и нормативный изоморфизм. Институциональный изоморфизм – процесс, в ходе которого организации

[1] Проект «Пушкинская карта» входит в программу «Цифровая культура».

[2] Национальные проекты. Семья. URL: https://национальныепроекты.рф/new-projects/semya/ (дата обращения: 26.05.2025).

[3] Национальные и федеральные проекты не являются взаимозаменяемыми понятиями. Национальный проект является комплексной программой, направленной на улучшение в ключевых сферах жизни общества, в то время как федеральный проект – это программа, реализующаяся в рамках национального проекта, решающая задачи в одной конкретной области.

одного организационного поля начинают приобретать схожие структуры, практики, нормы поведения, даже если это не делает их эффективнее. Принудительный изоморфизм возникает под влиянием законодательства, регламентов и требований со стороны государства или вышестоящих структур. Подражательный изоморфизм связан с копированием моделей, практик и решений, которые считаются успешными или «престижными» в профессиональной среде. Нормативный изоморфизм обусловлен профессиональной социализацией – то есть подготовкой, переподготовкой и объединением специалистов в профессиональные сообщества. Через участие в методических объединениях, конференциях, курсах повышения квалификации сотрудники музеев усваивают определенные нормы, ценности, стандарты – формируя тем самым внутреннюю логику профессиональной корректности, которая также способствует унификации практик.

Стандартизация социокультурного пространства неразрывно связана с глобальными трансформациями – укреплением сетевого общества, развитием цифровых технологий, ростом институционального контроля. Эти процессы формируют нормативную среду, в которой культурные институты вынуждены определять совместимость, измеримость и управляемость своих практик. Концепция сетевого общества М. Кастельса [11] здесь актуальна, так как в ней показаны трансформации информационной экономики и институциональных структур, которые приводят к унификации управленческих, технологических и культурных практик.

В условиях информационного капитализма ключевым понятием становится логика потоков (информации, капитала, людей, символов). Эти потоки формируют институциональную среду, которая должна быть согласована, совместима и сопоставима между различными акторами.

А. Аппадурай в своей работе предлагает концептуализацию современной глобализации как процесса, не сводимого к простой вестернизации или экономической экспансии [16]. Он подчеркивает, что эти глобальные культурные потоки способствуют деэтнизации культурных форм, вытеснению локальных смыслов и унификации культурного производства. Под влиянием международных культурных стандартов, глобальных эстетик и технологических платформ происходит гомогенизация культурных практик: они теряют связь с конкретным местом и сообществом, становясь частью транснационального культурного поля.

В теории макдональдизации Дж. Ритцера [14] стандартизация рассматривается как инструмент повседневной управляемости, реализуемый через конкретные организационные механизмы. По Ритцеру, современное общество стремится к рационализации по четырем параметрам: эффективность, вычислимость, предсказуемость и контроль. Стандартизация становится не только внешней формой давления, но и внутренней логикой функционирования – основанной на эффективности, контроле, повторяемости и управляемости.

В концепции бюропатологий А. М. Осипов [13] описал негативное воздействие бюрократии на образование, которое можно применить и к сфере культуры. Он выделяет 6 инструментов бюрократов для мани-

пуляций общественной системой: контроль ресурсов, имитация работы, активности, уход от научных основ и опора на личный опыт и закон, уход от ответственности, информационная закрытость, одностороннее властное давление на разных уровнях подчинения.

И возвращаясь к теории П. Бурдье [8], позволяющей рассматривать стандартизацию не только как продукт внешнего институционального давления, но как внутренне закрепленную норму, которую акторы поля воспроизводят – часто не осознавая ее конструктивный характер. Это делает музейное пространство одновременно устойчивым и замкнутым: изменения происходят только в случае структурных сдвигов – например, смены акторов, внешней конкуренции, пересмотра символических критериев легитимности.

Важна также роль субъекта, который участвует в процессе закрепления норм и их адаптации. Речь идет о сотрудниках культурных учреждений, которые в рамках нормативности и жесткости находят поле для собственных действий, самореализации и творчества. Мы будем опираться на подход О. В. Аксеновой [1–7]. В рамках ее социологического подхода, акторы – субъекты, действующие в условиях неопределенности, нормативного давления и институциональной гибкости. Их действия формируются на стыке личных установок, профессиональных требований и контекста конкретного учреждения. Т. е. это субъект, который принимает решения в ситуации многовариантности, не обязательно опираясь на установленный регламент. В условиях реализации задач государственных программ и проектов модернизации культурной сферы акторы культуры могут воспроизводить данные стандарты, либо адаптировать их под отдельный контекст, а в отдельных случаях – инициировать альтернативные практики, выходящие за рамки нормативной логики. Особое значение в этом процессе приобретает фигура профессионала, который обладает рефлексией по отношению к своей деятельности и способен осознанно соотносить институциональные ожидания с локальными условиями.

В подходе О. В. Аксеновой читается двойственность между институциональной логикой и локальным контекстом. Поэтому, с одной стороны, акторы включены в реализацию централизованных программ («Пушкинская карта», нацпроект «Культура»), а с другой – остаются лицом и голосом определенного города, региона. В нашей интерпретации акторной теории О. В. Аксеновой стандарты считаются внешними нормами, которые воспроизводятся и адаптируются акторами в конкретных локальностях.

Эмпирический базис исследования

Данные были получены в ходе авторского полевого исследования, в ходе которого были проведены 20 глубинных интервью с сотрудниками учреждений культуры региональных городов России (Калуга, Рязань, Тула, Ростов Великий, Обнинск, Электросталь). Респондентами выступили

работники музеев, различающиеся по уровню ответственности: смотрители залов, экскурсоводы, научные сотрудники, методисты, заведующие отделами.

Основной целью исследования было выявление того, как сотрудники муниципальных и государственных музеев воспринимают и интерпретируют процессы унификации и стандартизации, с какими трудностями и требованиями сталкиваются в своей работе, какие стратегии адаптации или сопротивления они вырабатывают в ответ на регламентацию, цифровизацию и институциональное давление. Гайд интервью включал в себя 7 тематических блоков: биографический бэкграунд респондента, информация о профессиональных особенностях работы, информация о работе музея в рамках государственных программ и проектов, внутренняя система работы музея, использование новых технологий и цифровых инструментов в работе, произошедшие изменения, возможность проявления субъектности в профессиональной деятельности. Использован метод тематического анализа транскриптов интервью.

Особенности действий работников региональных музеев при реализации государственных программ

Анализ глубинных интервью позволил нам выявить специфику работы в музеях с введением новых государственных программ и проектов, а также субъективное отношение сотрудников к произошедшим изменениям в их должностном функционале. Респонденты говорили об изменениях в количестве отчетности и других бюрократических процедурах, которые негативно сказываются на работе не только сотрудника, но и учреждения в целом, поскольку содержательная работа начинает отходить на второй план. Участие в государственных программах создает сложности в планировании мероприятий и подготовке экспозиций, поскольку появились множественные количественные показатели эффективности, которых следует достичь. Музеи оказываются в положении, когда им приходится подстраиваться под внешние условия программного характера. Требования спускаются в виде планов, законов и оформлены в рамках государственных и национальных проектов, нормативно-правовых актов, ведомственных инструкций, планов и т. п. Примером является участие в «Пушкинской карте» или государственных грантах.

«Да, естественно, больше требований, но они больше связаны с тем, что из-за законодательства изменяется, становится более тяжелым на выполнение» (юрист, 25, Ярославская область).

«Пишем отчеты, у нас есть квартальный отчет, ежегодный отчет в конце года» (заведующая отделом, 38, Рязанская область).

Респонденты отмечали, что такие форматы требуют строгого соответствия, что порой становится препятствием в реализации профессиональных задач. Для некоторых музеев участие в грантах является вынужденной мерой, связанной с необходимостью дополнительного финансирования,

однако выполнение условий конкурса отнимает значительное время и ресурсы. Респонденты подчеркивали, что усложнение бюрократических процедур связано прежде всего с изменениями законодательства, которые последовательно увеличивают объем обязательной документации.

Работники музеев отмечают, что много времени уходит на подготовку документов, ведение журналов, заполнение отчетов, дублирование функций. В некоторых случаях управленческое давление исходит не столько извне, сколько от внутриорганизационной логики (например, требование вести соцсети, создавать отчеты по шаблонам, координировать внутренние мероприятия в рамках формализованных планов). Для многих сотрудников на первый план выходит проблема нехватки времени для основной профессиональной деятельности: научной работы, разработки экспозиций и подготовки выставочных проектов.

«Не нравится то, что времени остается мало, может быть, для каких-то научных исследований. Действительно, нагрузка очень-очень большая, и мало остается времени» (специалист экспозиционного выставочного отдела, 28, Калужская область).

«Ну, она [бюрократическая нагрузка] с каждым годом увеличивается, а в геометрической прогрессии просто вот» (научный сотрудник, 58, Рязанская область).

Сотрудники музеев отмечали также, что увеличение отчетности влияет на условия работы. Выполнение административной работы начало занимать дольше времени и замещать основную функцию работников, выходные начали смещаться и вместо двух выходных сотрудники начинают брать работу на дом и проводить дополнительные часы на работе, что мешает, например, молодым сотрудникам строить карьеру и вести личную жизнь.

«...ты занимаешься своей любимой работой, и тут появляется куча того, что скинули на тебя сверху, и ты понимаешь, что это нужны дополнительные ресурсы и время...» (специалист экспозиционного выставочного отдела, 28, Калужская область).

«А если у работника нет времени, значит его обязанности возьмет другой работник, который с ним в кабинете сидит. Его обязанности разделят просто на других.» (сотрудник отдела фондов, 31, Калужская область).

Сотрудники данные изменения воспринимают неоднозначно, но согласны с тем, что увеличение законов, программ и участие в государственных проектах может негативно сказываться на работе, коллективе культурного учреждения.

«...это воспринимается как вторжение в какую-то часть работы, которую ты делаешь...» (заведующая отделом, 52, Московская область).

«Когда ты составляешь закупку и просто говорят, что надо купить именно это, потому что это сохраняет исторический облик, например, краску определенного цвета тяжело закупить. Надо обосновать именно этот цвет. То есть законодательство усложняется. Требования к закупке усложняются, а тебе надо скупить из-за музея именно то. И действительно бывают случаи, когда привозят совершенно не то.» (юрист, 25, Ярославская область).

В то же время несмотря на активное следование планам, заданных руководством и ведомственными структурами, сотрудники находят пространство для адаптации культурных мероприятий под региональную специфику, а также могут реализовывать собственный потенциал.

*«То есть мы предоставляем свою концепцию и делаем нашу выставку интересную. Ну опять же, приурочиваем ее к определенному мероприятию. Если сейчас это День защитника Отечества, значит определенная какая-то военная тематика уже будет.» (*сотрудник отдела фондов, 31, Калужская область).

*«Многие филиалы имеют непосредственно отношение к Великой Отечественной войне. То есть, есть и специальные экспозиции, есть возможность что-то показать, имея в виду помещение, размеры помещения, состав экспозиции.» (*специалист экспозиционного выставочного отдела, 28, Калужская область).

Помимо расширения круга обязанностей сотрудники также выполняют обязанности, которые могут быть не связаны с их должностью, например, заниматься проблемами пожарной безопасности или вести экскурсии, поскольку есть проблема нехватки кадров вследствие скромной оплаты труда, малого финансирования культурного учреждения. Такая вынужденная практика «взаимозаменяемости» делает из сотрудника универсального работника, так как различия между должностями размываются.

«Я бы хотела, чтобы у нас увеличился штат сотрудников. У нас сейчас не хватает людей, не хватает специалистов.» (заведующая отделом, 43, Тульская область).

«По сути, чистый выходной у меня свелся только к одному дню недели, это понедельник.» (сотрудник отдела фондов, 31, Калужская область).

«И помимо этого, помимо руководства отделом, у меня была в нагрузке антитеррор, пожарная безопасность, это вот этой истории.» (специалист экспозиционного выставочного отдела, 28, Калужская область).

В каких-то проектах принимать участие, которые могли бы нам быть интересны, мы не всегда можем, потому что есть какие-то еще задачи, которые ставятся с других позиций (заведующая отделом, 43, Тульская область).

Помимо традиционной отчетности появляется и отчетность в новых форматах, например, отчетность о деятельности музея в социальных сетях, на сайте, единых программах, например, единой системе продажи билетов, где учитывается количество посетителей и другие значимые показатели. Такие формы отечности, которые дублируются онлайн и на бумаге, отнимают рабочее и личное время сотрудников, которое они могли бы потратить на выполнение своих прямых обязанностей.

«... активно стали выкладывать наши посты, действовать через соцсети.» (сотрудник отдела фондов, 31, Калужская область).

«...Отчет идет в соцсетях...» (сотрудник отдела фондов, 49, Московская область).

«…госкаталоги просто иногда, погрязла в общем, остальное время уже не хватает, но хватало, но тяжело…» (специалист экспозиционного выставочного отдела, 28, Калужская область).

«У нас есть специальная программа, где мы можем сами все это от смотреть, посмотреть.» (экскурсовод, 53, Рязанская область.).

Конечно, сотрудники музеев находят способы сократить время на выполнение бюрократических задач, выйти из ситуации, когда нужно вмещаться в поставленный бюджет и ограниченное время. Так, респонденты признавались, что им проще заплатить из своего кармана лектору, который прийдет вести лекцию в музей, чем обходить 6 кабинетов для сбора подписей. Также сотрудники могут выделить средство из своих средств на расходные материалы для мероприятий, например, детских мастер-классов на праздники, на чаепития во время Масленицы и не только. Поскольку считается, что данный вид мероприятий не входит в функционал музея, а с другой стороны, привлекать разные группы населения – поставленная задача.

«Нужно обойти 6 кабинетов, при этом и отдел безопасности, каждому обосновать важность этой лекции или что от нас же и требуют…» (научный сотрудник, 58, Рязанская область).

«Мы сохранили фломастеры, бумагу, клей, допустим, и так далее, так далее. Что-то покупаем мы просто на свои деньги. Вот будет мастер-класс» (заведующая отелом, 52, Московская область).

Что касается внедрения цифровых технологий в музейную практику, то на этот счет существуют разные мнения. Одни респонденты говорили о том, что медиа-технологии отвлекают внимание посетителей от музейного предмета и превращает музей в кинотеатр, из-за чего теряется восприятие истории и культуры, поскольку это другой посетительский опыт. Вторые утверждали, что технологии и музейный предмет должны находиться в определенном балансе, с которым должны работать профессионалы и специалисты, которые и конструируют музейное пространство. Кто-то считал, что технологии и медиа являются дополнением к музею, могут показать те фрагменты, которые недоступны для посетителя. Например, оцифрованный вариант музейного экспоната или его объемная модель, которую можно рассмотреть с разных сторон, благодаря технологиям. По мнению этой группы респондентов, такой опыт позволит людям детальнее увидеть исторические события, быт, культурные символы, традиции и т. д.

«Баланс, конечно, нужен. Я считаю, сейчас цифровизация, она что-то очень колоссально обедняет в плане коммуникации, в плане передачи каких-то и визуальных каких-то вещей. То есть, мы все равно, например, придем в музей посмотреть оригинал картин, а не будем высвечивать это все на экране компьютера» (сотрудник отдела фондов, 49, Московская область).

«Все равно главное – экспонат. Все остальное является, так скажем, поддержкой» (экскурсовод, 36, Тульская область).

«Переборщить-то, конечно, всегда можно. Но, в принципе, когда они есть, когда все в неком балансе находится, конечно, они друг друга дополняют» (экскурсовод, 28, Тульская область).

«Это уже скучно, если в экспозиции нет мультимедиа, то это уже как бы очень старая экспозиция считается» (заведующая отделом, 38, Рязанская область).

Также в ходе исследования была выявлена преемственность поколений в музеях, когда сотрудники, имеющие опыт работы, помогают в работе неопытным коллегам. Иногда это может влиять на организацию работы. Опытные сотрудники могут давать задачи молодым сотрудникам, которые не входят в их компетенции, что создает неравномерную нагрузку в коллективе. Однако бывают ситуации, когда молодежь отказывается от дополнительной работы и задач, вне рабочих часов, что может вызывать негодование у старшего поколения. Возрастные респонденты отмечали, что молодые сотрудники, работающие в новых отделах, отвечающие за работу со СМИ и другими медиа, чаще отказываются от дополнительной нагрузки, чем в других отделах. Респонденты, которые относятся к старшей группе молодежи (25 лет и старше) отмечали, что они начали иначе относиться к своей работе, когда увидели, что можно отказаться от выполнения дополнительных требований и сверхурочной работы. В то время как зрелые и возрастные сотрудники относятся к данному явлению с негативом, считая, что молодые люди не хотят работать.

*«…поскольку я была молодым сотрудником, может, я чего-то еще тогда не понимала. Ну, старожилы как бы это: «Нет, это не так делаешь, это неправильно.» (*сотрудник отдела фондов, 31, Калужская область*).*

*«…когда-нибудь пытаются что-то делегировать, когда пытаются попросить помочь, подежурить выйти в выставочный зал, … они сразу на отказ, «нет-нет-нет, я этим заниматься не буду, нет, все, у меня вот есть там должностная инструкция, я все прекрасно знаю, я вот работаю по должностной инструкции» и все, я думаю, елки-палки, так можно было? …» (*специалист экспозиционного выставочного отдела, 28, Калужская область*).*

«Потом приходят девочки, которые учатся в академии, прочее, говоря: «А что я буду рассказывать?». Я говорю: «Знаете, вы пришли поработать, а не учиться.» Конечно же, мы помогаем, подсказываем, но…» (заведующая отделом, 52, Московская область).

С одной стороны, преемственность от старших сотрудников к молодым остается важным механизмом поддержания профессиональной компетентности и передачи негласных правил музейной работы. С другой стороны, изменения институциональной среды и новые стандарты труда делают эту преемственность неоднородной, потому что молодые специалисты не всегда готовы перенимать практики, сформированные в иной нормативной логике.

Заключение

Проведенное исследование показало, что процессы стандартизации оказывают все более заметное влияние на профессиональные практики культурных учреждений, в частности, музеев. В основе

работы лежат данные, полученные в ходе исследования, проведенного в 2024–2025 гг. в форме глубинных интервью. Респондентами выступили 20 сотрудников региональных музеев, находящиеся на разных должностях от рядовых специалистов до руководителей, что позволило получить многомерное представление о характере изменений в современной музейной практике. Полученные данные подтверждают, что региональные и локальные музеи действуют сегодня в ситуации сложного балансирования между внешним административным давлением и необходимостью сохранять локальную идентичность.

Стандартизация усиливает бюрократизацию музейной деятельности, переводя многие процессы в форматы измеримых и отчужденных процедур, что порождает напряжение между целями управления и задачами музейных специалистов. Несмотря на существующие противоречия, сотрудники музеев сегодня не являются пассивными исполнителями административных предписаний. Именно посредническая роль музейных работников обеспечивает устойчивость локального социокультурного пространства. Во многих случаях они демонстрируют высокую степень субъектности: адаптируют внешние требования под локальную специфику, инициируют проекты, выстраивают связи с местным сообществом и творчески реагируют на возникающие ограничения. Это позволяет рассматривать музеи не только как объекты стандартизации, но и как активных участников воспроизводства и трансформации локального социокультурного пространства.

Сотрудники музеев, как нам удалось выявить, выступают своего рода посредниками между формальными стандартами и живым культурным содержанием, адаптируя шаблонные форматы под потребности локального сообщества. Они организуют выставки на актуальные местные темы, взаимодействуют с жителями, работают с локальной памятью. Таким образом, музеи остаются не только исполнителями культурной политики властей, но и активными акторами воспроизводства специфичности социокультурного пространства каждого региона (субъекта РФ) и даже локальности. Именно благодаря таким практикам музейные сотрудники способны противостоять процессами унификации, сохраняя возможность проявления уникальных форм культурной работы.

Библиографический список

1. Аксенова О. В. Особенности социально-культурного развития удаленных российских локальностей // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 8 / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: ИС РАН, 2009. С. 225–240.

2. Аксенова О. В. Культурная среда приграничья: структуры и акторы // Вестник Института социологии. 2014. Т. 5. № 4. С. 47–58. EDN: TDOCUV.

3. Аксенова О. В. Акторская парадигма управления в эпоху перемен: адаптация или противодействие // Россия реформирующаяся: Ежегодник. Вып. 14 / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2016. С. 336–357. EDN: WBLZNR.

4. Аксенова О. В. Субъект социального действия в современном развитии России: агент, актор, никто // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 2. С. 37–53. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.640; EDN: RNECVF.

5. Аксенова О. В. Динамика научного дискурса в изучении локальности // Власть. 2014. Т. 22. № 5. С. 94–98. EDN: SEMQVN.

6. Аксенова О. В. Традиции модернизации: социокультурные паттерны жизнедеятельности российских локальностей // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 13 / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2015. С. 51–70. EDN: TOCABD.

7. Аксенова О. В. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации: [монография]. М.: ИС РАН, 2016. 304 с. EDN: VYBENB.

8. Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.

9. Димаджио П. Дж., Пауэлл У. В. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 1. С. 35–56.

10. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь / Пер. с нем. К. Левинсон; ред. А. Курилкин. М.: Stelka Press, 2018. 109 с.

11. Кастельс М. Власть коммуникации / Пер. с англ. Н. М. Тылевич; под науч. ред. А. И. Черных. М.: ВШЭ, 2016. 564 с.

12. Лефевр А. Производство пространства / Пер. с фр. И. Стаф; ред. М. Великанова, А. Журбина. М.: Strelka Press, 2015. 431 с.

13. Осипов А. М. Приоритеты изучения образования в свете проблемы бюропатологий // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 2. С. 15–33. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.2; EDN: UOVTMS.

14. Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5 / Пер. с англ. А. В. Лазарева; общ. ред. Т. А. Дмитриева. М.: Праксис, 2011. 592 с.

15. Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д. В. Скляднева. СПб: Владимир Даль, 2002. 447 с.

16. Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Vol. 1. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. 229 p.

17. Hawley A. Human Ecology: a theoretical essay. Chicago: University of Chicago Press, 1986. 168 p.

18. Hannan M. T., Freeman J. H. The Population Ecology of Organizations // American Journal of Sociology. 1977. Vol. 82. No. 5. P. 929–964.

19. Landry C. The Creative City. A Toolkit for Urban Innovators. London: Routledge, 2008. 352 p.

20. Weber M. Economy and society. Berkeley: University of California Press, 1978. 1469 p.

Получено редакцией: 28.07.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Феоктистова Ольга Андреевна, старший лаборант

DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.14

On Changes in the Professional Practices of Regional Museum Staff in the Context of a Unifying Cultural Policy

Olga A. Feoktistova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

feoktistova.olgaa@mail.ru

ORCID: 0009-0004-8844-2790

For citation: Feoktistova O. A. On Changes in the Professional Practices of Regional Museum Staff in the Context of a Unifying Cultural Policy. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 4. P. 295–311. DOI: 10.19181/vis.2025.16.4.14; EDN: BQGSLT.

Abstract. The article examines the transformation of professional practices among staff at regional museums supporting local culture in the context of implementing standard objectives of state development programs. This work is based on data obtained during the author's qualitative research conducted in 2024–2025. Respondents included museum staff from six cities across Russia, at various levels of the professional hierarchy—from rank-and-file specialists to managers. This allowed for a multidimensional understanding of the nature of changes in their professional practices. The author analyses how standardisation and its mechanisms are changing the everyday professional practices of museum workers. Particular attention is paid to how new federal standards and regulations are transforming interactions both within the museum staff and with visitors, local communities, and administrative structures. It was found that standardisation intensifies bureaucratisation, transforming many processes into measurable and detached procedures, that creates tension between management goals and the essential functions of museums. Not only were the adaptive strategies of museum staff identified, but also the emerging contradictions between bureaucratic goals and the cultural objectives of museums. It was established that museum staff act as active intermediaries who interpret external norms, relate them to the specifics of the local cultural landscape, and seek a balance between administrative expectations and the real needs of territorial communities. It is precisely the intermediary role of museum staff that ensures the stability of the local sociocultural space. Despite administrative pressure, they retain the ability to support regional specificities, develop unique practices of interaction with the population, and facilitate the reproduction of the cultural identity of local communities. Having examined the changes that have occurred in museum practice over the past five years, the author concludes that museum staff today serve as a bridge between standardised requirements and cultural content, helping to maintain the stability of local sociocultural spaces and support regional cultural distinctiveness. Museums continue to serve as spaces where state management standards meet living traditions and multiple local meanings.

Keywords: sociology, culture standardization, digitalization, cultural policy, sociocultural space, regional specificity, museums, professional practices

References

1. Aksenova O. V. Osobennosti sotsial'no-kul'turnogo razvitiya udalennykh rossiiskikh lokal'nostei [Features of sociocultural development of remote Russian localities]. In Rossiya reformiruyushchayasya. Ezhegodnik. Vyp. 8 [Russia is reforming. Yearbook. Iss. 8]. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, IS RAN, 2009: 225–240 (in Russ.).

2. Aksenova O. V. Cultural milieu of the border lands: structure and actors. *Vestnik instituta sotziologii*, 2014: 5: 4: 47–58 (in Russ.). EDN: TDOCUV.

3. Aksenova O. V. Activist paradigm of management at the transitional epoch: adaptation or resistance. In Rossiya reformiruyushchayasya. Ezhegodnik. Vyp. 14 [Russia is reforming. Yearbook. Iss. 14]. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, Novyi khronograf, 2016: 336–357 (in Russ.). EDN: WBLZNR.

4. Aksenova O. V. The subject of social action in Russia's contemporary development: agent, actor, nobody. *Vestnik instituta sotziologii*, 2020: 11: 2: 37–53 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.640; EDN: RNECVF.

5. Aksenova O. V. Dynamics of the scientific discourse in the study of locality. *Vlast'*, 2014: 22: 5: 94–98 (in Russ.). EDN: SEMQVN.

6. Aksenova O. V. Traditions of modernization: Sociocultural patterns of life in Russian localities. In Russia is reforming. Yearbook. Iss. 13. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, Novyi khronograf, 2015: 51–70 (in Russ.). EDN: TOCABD.

7. Aksenova O. V. Paradigm of social action: Professionals in Russian modernization [monograph]. Moscow, IS RAN, 2016: 304 (in Russ.). EDN: VYBENB.

8. Bourdieu P. Formy kapitala [Forms of capital]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 2002: 3: 5: 60–74 (in Russ.).

9. DiMaggio P., Powell W. The iron cage revisited: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 2010: 11: 1 (in Russ.).

10. Zimmel G. The Metropolis and Mental Life. Transl. from Germ. by K. Levinson. Ed. by A. Kurilkin. Moscow, Strelka Press, 2018: 109 (in Russ.).

11. Castells M. Communication Power. Transl. from Eng. by N. M. Tylevich. Ed. by A. I. Chernykh. Moscow, VSHE, 2016: 564 (in Russ.)

12. Lefebvre H. Proizvodstvo prostranstva [Production of space]. Transl. from Fr. by I. Staf. Ed. by M. Velikanova, A. Zhurbina. Moscow, Strelka Press, 2015: 431 (in Russ.)

13. Osipov A. M. Priorities of education studies in the context of the problem of bureaupathologies. *Vestnik instituta sotziologii*, 2023: 14: 2: 15–33 (in Russ.).

14. Ritzer G. McDonaldization of Society 5. Transl. from Eng. by A. V. Lazarev. Ed. by T. A. Dmitrieva. Moscow, Praksis, 2011: 592 (in Russ.).

15. Tönnies F. Obshchnost' i obshchestvo [Community and Society. Basic concepts of pure sociology]. Transl. from Germ. by D. V. Sklyadnev. St. Petersburg, Vladimir Dal', 2002: 447 (in Russ.).

16. Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Vol. 1. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996: 229.

17. Hawley A. Human Ecology: a theoretical essay. Chicago, University of Chicago Press, 1986: 168.

18. Hannan M. T., Freeman J. H. The Population Ecology of Organizations. *American Journal of Sociology*, 1977: 82: 5: 929–964.

19. Landry C. The Creative City. A Toolkit for Urban Innovators. London, Routledge, 2008: 352.

20. Weber M. Economy and society. Berkeley, University of California Press, 1978: 1469.

The article was submitted on: July 28, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Feoktistova, Senior laboratory assistant

ВЕСТНИК Института Социологии

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 73108 от 9 июня 2018 г.

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Главный редактор:
Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:
Полина Михайловна Козырева,
Ольга Владимировна Аксенова

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Заведующая редакцией: Анастасия Владимировна Роговая

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС ФНИСЦ РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная верстка: Ильдар Мансурович Ситдиков

Журнал «Вестник Института социологии» включен
в базу РИНЦ, перечень ВАК – категория К1, индексируется RSCI

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения
редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал
«Вестник Института социологии» обязательна.

2025. Том 16. № 4. Дата выхода в свет 30.12.2025.
Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
Тел.: 8 499 125-00-79. E-mail: vestnik@isras.ru
Размещение журнала: https://www.vestnik-isras.ru